

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2 0 1 7

№ 1
(59)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Симоненко А.В., доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильяшенко А.Н., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аврутин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский университет МВД России;

Антоян Ю.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный областной университет;

Баев О.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Борчашвили И.Ш., доктор юридических наук, профессор, Республика Казахстан;

Волков Ю.Г., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет;

Гилинский Я.И., доктор юридических наук, профессор, Академия Генеральной прокуратуры РФ;

Голик Ю.В., доктор юридических наук, профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина;

Головненков П.В., доктор права, Потсдамский университет (Германия);

Зайцев О.А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московская академия экономики и права;

Ищенко Е.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Кибальник А.Г., доктор юридических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет;

Клейберг Ю.А., доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, Московский государственный областной университет;

Курдюк П.М., доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края;

Ларичев В.Д., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;

CHIEF EDITOR

Simonenko A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA

DEPUTY CHIEF EDITOR

Ilyashenko A.N., Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA

EDITORIAL COUNCIL:

Avrutin Yu.E., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the St. Petersburg University of the Russian MIA;

Antonyan Yu.M., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Regional University;

Baev O.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

Borchashvily I.Sh., Doctor of Law, Professor, the Republic of Kazakhstan;

Volkov Yu.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Southern Federal University;

Gilinsky Ya.I., Doctor of Law, Professor, the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation;

Golik Yu.V., Doctor of Law, Professor, the Bunin Yelets State University;

Golovnenkov P.V., Doctor of Law, the Potsdam University (Germany);

Zaitsev O.A., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow Academy of Economics and Law;

Ishchenko E.P., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;

Kamyshansky V.P., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Kibalnik A.G., Doctor of Law, Professor, the North Caucasus Federal University;

Klayberg Yu.A., Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, the Moscow State Regional University;

Kurdyuk P.M., Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of Legislative Assembly of the Krasnodar Region;

Larichev V.D., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the National Research Institute of the Russian MIA;

Лебедев С.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Краснодарский университет МВД России;

Лукашов А.И., кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь;

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Миндагулов А.Х., доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби;

Наумов А.В., доктор юридических наук, профессор, Всероссийский государственный университет юстиции;

Понятовская Т.Г., доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Пудовочкин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия;

Рарог А.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Рассказов Л.П., доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Сапрунов А.Г., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Стариллов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Тупанчески Н., доктор юридических наук, профессор, Университет «Святого Кирилла и Мефодия» (Македония);

Хелльманн У., доктор права, профессор, Потсдамский университет (Германия);

Шалин В.В., доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина.

Lebedev S.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Krasnodar University of the Russian MIA;

Lukashov A.I., Master of Law, Assistant Professor, the Academy of the MIA of the Republic of Belarus;

Matskevich I.M., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;

Meretukov G.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Mindagulov A.Kh., Doctor of Law, Professor, the Kazakh National University of Al-Faraby;

Naumov A.V., Doctor of Law, Professor, the All-Russian State University of Justice;

Ponyatovskaya T.G., Doctor of Law, Professor, the Kutafin Moscow State Law University;

Pudovochkin Yu.E., Doctor of Law, Professor, the Russian State University of Justice;

Rarog A.I., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;

Rasskazov L.P., Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Saprunov A.G., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Starilov Yu.N., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

Tupanchesky N., Doctor of Law, Professor, the University of «St. Cyril and Methodius» (Macedonia);

Hellmann U., Doctor of Law, Professor, the Potsdam University (Germany);

Shalin V.V., Doctor of Philosophy, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Кузнецов А.П. Принципы уголовной политики

Иногамова-Хегай Л.В. Служебные преступления как единичные деяния и как множественность преступлений

Тюнин В.И. Некоторые проблемы уголовной ответственности за преступление, предусмотренное частью 1 статьи 238 Уголовного кодекса Российской Федерации

Кибальник А.Г. Современное понимание свободы воли в российской уголовно-правовой доктрине

Пудовочкин Ю.Е. Судебная практика установления вины в преступлении, предусмотренном статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

Сидоренко Э.Л. К вопросу о целесообразности криминализации обещания и предложения взятки

Кашкаров А.А. Авторитет органа публичной власти как системообразующий признак должностной преступности

Папеева К.О. Уголовная ответственность за посягательства на государственную тайну в Беларуси, Молдове, Украине и России: сравнительное исследование

Пронина М.П. Средства юридической техники в уголовном законодательстве

Москвичев А.А. Содержание притонов и систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов как формы содействия преступной деятельности

Мотин А.В. Проблемы квалификации покушения на преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности

Усачева А.П. Генезис и развитие уголовного законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью при наличии привилегирующих признаков

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Брылев В.И., Исупова И.В. Нормативно-правовое обеспечение межведомственного взаимодействия по профилактике наркомании среди молодежи

Савенко И.А. Виктимологическая профилактика коррупционной преступности в органах государственной власти и местного самоуправления

7 CONGRATULATIONS WITH ANNIVERSARY!

13 CRIMINAL POLICY: THEORY AND PRACTICE

13 **Kuznetsov A.P.** The principles of criminal policy

18 **Inogamova-Khegai L.V.** Service crimes as one action and as multiplicity of crimes

24 **Tyunin V.I.** Some problems of criminal responsibility for an offense under part 1 of article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation

31 **Kibalnik A.G.** Contemporary understanding of free will in Russian criminal-law doctrine

35 **Pudovochkin Yu.E.** Judicial practice of establishing guilt in crime, provided in article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

40 **Sidorenko E.L.** On the question of the advisability of criminalization promises and offers a bribe

46 **Kashkarov A.A.** The authority of a public power as a system sign of official criminality

50 **Papeeva K.O.** Criminal responsibility for encroachments on state secrets in Belarus, Moldova, Ukraine and Russia: comparative research

58 **Pronina M.P.** Means of legal technique in the criminal law

64 **Moskvichev A.A.** The maintenance of shebang and systematic provision of premises for the consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues as a form of furthering the criminal activity

68 **Motin A.V.** Problems of qualification of attempted crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the person

74 **Usacheva A.P.** Genesis and development of criminal legislation on responsibility for harm to health with mitigating circumstances

78 PREVENTION OF CRIMINALITY

78 **Brylev V.I., Isupova I.V.** Standard legal support of interdepartmental interaction on prevention of drug addiction among youth

83 **Savenko I.A.** Victimological prevention of corruption-related crimes in the state authorities and local self-government

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Ильяшенко А.Н., Лозовский Д.Н. Актуальные вопросы производства эксгумации в уголовном судопроизводстве

Берзинь О.А., Узгорская И.А. К вопросу об определении и законодательном закреплении неотложных следственных действий

Дмитриева А.А. Предпосылки модернизации процесса безопасного участия личности в современном российском уголовном процессе

Титова К.А., Топчиева Т.В. Тактические особенности, связанные с проведением отдельных следственных действий по делам о хищениях в сфере жилищно-коммунального хозяйства

РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введенская О.Ю. Раскрытие и расследование преступлений, совершаемых в российском сегменте сети Интернет организованными преступными группами и сообществами

Дрога А.А. Актуальные проблемы производства судебно-бухгалтерских экспертиз на современном этапе расследования преступлений экономической направленности

Горбунов А.Н., Жуланов А.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Ищенко С.А., Скребец Е.С. Административно-правовые методы предупреждения экстремизма, применяемые полицией

Чабан Е.А. Современные проблемы дискреционности в процессе государственного управления

Булгаков А.Н. Возбуждение дела об административном правонарушении в области безопасности дорожного движения

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Карнаушенко Л.В. Государство как социальный институт: проблемы теоретического и эмпирического анализа

Мордовцев А.Ю. К вопросу об организационно-правовых основах деятельности института государственной службы в Российской империи

Грибанов Е.В., Яблонский И.В. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: историко-правовые основания и характеристика

Гучетль А.А., Самохина Г.В. Принципы института государственной службы в дореволюционной России

87 CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

87 *Ilyashenko A.N., Lozovsky D.N.* Topical issues of production of exhumation in criminal proceedings

92 *Berzin O.A., Uzgorskaya I.A.* To the question of the definition and institutionalization of urgent investigative actions

96 *Dmitrieva A.A.* Prerequisites of modernization of process of safe participation of the personality in modern Russian criminal procedure

101 *Titova K.A., Topchieva T.V.* Tactical peculiarities related to the specific investigative actions on cases of theft in the sphere of housing and communal services

105 DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

105 *Vvedenskaya O.Yu.* Disclosure and investigation of crimes committed in the Russian segment of the Internet by organized criminal groups and communities

108 *Droga A.A.* The present day actual problems of judicial-account expertise at the present stage of investigation of economic crimes

113 *Gorbunov A.N., Zhulanov A.V.* Using the results of operative-search activity in investigation of crimes

116 ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

116 *Ischenko S.A., Skrebets E.S.* Administrative-legal methods to prevent extremism, applied by the police

121 *Chaban E.A.* Modern problems of discretion in the process of public administration

128 *Bulgakov A.N.* The initiation of administrative proceedings of an offence in the field of road safety

137 THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

137 *Karnaushenko L.V.* The state as a social institution: the problems of theoretical and empirical analysis

141 *Mordovtsev A.Yu.* To the issue of organizational and legal bases of the activity of the institute of state service in the Russian Empire

144 *Gribanov E.V., Yablonsky I.V.* Criminal liability for rehabilitation of Nazism: historical and legal basis and characteristics

150 *Guchetl A.A., Samohina G.V.* The principles of institute of public service in pre-revolutionary Russia

<i>Микитюк Ю.В.</i> Организационно-правовые основы деятельности участковых инспекторов милиции в первой половине 1970-х годов	153	<i>Mikityuk Yu.V.</i> Organizational and legal bases of militia inspectors' activity in the first half of the 1970s
КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	158	CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW
<i>Мамитова Н.В.</i> Особенности правового регулирования института государственной службы в зарубежных странах	158	<i>Mamitova N.V.</i> Features of legal regulation of institute of public service in foreign countries
<i>Тамазова А.Д., Нехаи А.Ю.</i> К вопросу о стабильности Конституции России	163	<i>Tamazova A.D., Nehai A.U.</i> The question of the stability of the Russian Constitution
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ	166	QUESTIONS OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE
<i>Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В.</i> Идеология государства и общества: варианты взаимодействия	166	<i>Tambiyants Yu.G., Shalin V.V.</i> Ideology of state and society: variants of interaction
<i>Анистратенко Т.Г.</i> Самоопределение личности в повседневных жизненных практиках: трансдисциплинарный подход	177	<i>Anistratenko T.G.</i> Determination of personality in everyday practices: the transdisciplinary approach
<i>Дементьев С.А.</i> Гуманитарная сущность информационной безопасности личности	182	<i>Dementiev S.A.</i> The humanitarian nature of the information security of the person
<i>Петракова А.С.</i> Проблема идентификации и самоидентификации личности в гносеологических концепциях Нового времени	186	<i>Petrakova A.S.</i> The problem of personality identification and self-identification in epistemological concepts of New Time
<i>Данилина И.В.</i> Муниципальные программы и их роль в формировании социокультурного пространства города	192	<i>Danilina I.V.</i> Municipal programmes and their role in sociocultural sphere formation in the city
<i>Краснокутский Д.Н.</i> Молодежь и социальные сети Интернета: теоретико-прикладной анализ	196	<i>Krasnokutskiy D.N.</i> Youth and social networks of the Internet: theoretical and applied analysis
<i>Тимофеева Н.И.</i> Особенности интерпретации понятия «жизненная стратегия» в натурализме	200	<i>Timofeeva N.I.</i> Features of interpretation of the concept «life strategy» in naturalism
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ	207	TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
<i>Славко А.Л., Витютнев Е.Е.</i> Проблемы воспитания волевых качеств в экстремальных ситуациях, возникающих при ведении рукопашного поединка сотрудниками органов внутренних дел	207	<i>Slavko A.L., Vityutnev E.E.</i> Problems of education volitional qualities in extreme situations arising in the conduct of unarmed combat by Internal Affairs Bodies employees
<i>Сашенков С.А.</i> Роль социальных сетей в формировании суицидального поведения у несовершеннолетних	210	<i>Sashenkov S.A.</i> The role of social networks in the formation of suicidal behaviour among minors
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	213	MODERN PROBLEMS OF HIGHER EDUCATION
<i>Гришай Е.В., Звягинцева Н.Ю.</i> Модернизационные тенденции российского высшего образования в условиях постиндустриального общества	213	<i>Grishay E.V., Zvyagintseva N.Yu.</i> Modernization trends of Russian higher education within post-industrial society
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ	217	PHILOLOGY QUESTIONS
<i>Кунина М.Н.</i> Соотношение языка права и общепотребительного языка	217	<i>Kunina M.N.</i> Relation of language of the law and common language
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	221	INTO CONSIDERATION OF AUTHORS

Поздравляем Алексея Ивановича Рарога с 80-летием!

21 января 2017 г. исполнилось 80 лет Алексею Ивановичу Рарогу – доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации.

А.И. Рарог родился в г. Сочи. В 1959 г. окончил юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. С 1964 по 1967 г. обучался в очной аспирантуре Всесоюзного юридического заочного института. В 1967 г. под руководством профессора П.И. Гришаева защитил кандидатскую диссертацию на тему «Принципы уголовного права ФРГ: критический анализ», в 1988 г. – диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Теория вины в советском уголовном праве (общие и специальные вопросы)». В 1991 г. А.И. Рарогу присвоено звание профессора.

Более 50 лет жизнь ученого неразрывно связана с кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина. Придя на кафе-

дру молодым аспирантом в 1964 г., А.И. Рарог продолжил дело М.М. Исаева, Б.С. Утевского, Т.Л. Сергеевой, П.И. Гришаева по развитию науки уголовного права. Под руководством А.И. Рарога кафедра не только выстояла в сложные для всей науки и системы высшего образования годы распада Советского Союза, но и пополнилась целой плеядой молодых ученых, стала ведущим российским центром уголовно-правовых исследований.

А.И. Рарог входит в число выдающихся российских ученых в области отечественного уголовного права. Он внес значительный вклад в российскую юридическую науку, посвятил свои труды исследованию приоритетных направлений уголовного права.

Алексей Иванович – автор более 20 учебников, 200 научно-методических трудов, посвященных различным аспектам уголовного права. Изданные под редакцией А.И. Рарога учебники, подготовленные крупнейшими

учеными современности, переиздаются не одно десятилетие, остаются приоритетными при преподавании курсов уголовного права и квалификации преступлений, высоко ценятся и используются учеными, юристами-практиками, студентами юридических вузов и факультетов.

Разработанная А.И. Рарогом теория субъективной стороны состава преступления была и остается основополагающей в отечественной доктрине уголовного права. Фундаментальные исследования проблем субъективного вменения, квалификации преступлений по субъективной стороне, осуществленные А.И. Рарогом, послужили основой для кандидатских и докторских диссертаций не одного поколения ученых. Современные труды, посвященные эволюции уголовного законодательства и законодательной технике, проблемам уголовно-правового противодействия организованной преступности и терроризму, являются вектором дальнейшего развития научной мысли.

Всю свою жизнь Алексей Иванович посвятил благородному делу служения науке. Для юристов разных поколений А.И. Рарог – учитель и пример безграничной преданности своему призванию и долгу.

Научная жизнь А.И. Рарога неразрывно связана с его гражданской позицией. Принципиальность и порядочность – важнейшие черты характера Алексея Ивановича. Будучи великим ученым, современным классиком и мэтром уголовного права, А.И. Рарог

очень открытый, позитивный и отзывчивый человек.

Большого уважения заслуживает работа А.И. Рарога по восстановлению лучших духовных традиций российской юридической мысли и воспитанию нового поколения молодых ученых. Каждое выступление Алексея Ивановича на форумах, конференциях, круглых столах, каждая публикация являются весомым вкладом в решение непростых проблем, стоящих перед нашей страной. Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке», которая проводится под руководством А.И. Рарога уже 14 лет, стала одной из главных трибун для обсуждения и поиска решения важных теоретических и практических проблем современной уголовной политики России.

Неоценим вклад ученого и в подготовку зарубежных кадров. А.И. Рарог дважды командировался Министерством высшего и среднего специального образования СССР для преподавательской работы в Народно-Демократическую Республику Йемен (1976–1977 гг., 1982–1985 гг.). Труды, посвященные уголовному праву и процессу Республики Йемен, были высоко оценены мировым научным сообществом.

Редакционный совет журнала от всей души поздравляет Алексея Ивановича с юбилеем, желает долгого здоровья на долгие годы, удачи и успехов, новых научных и творческих свершений!

**Редакционный совет журнала
«Общество и право»**

Поздравляем Станислава Андреевича Ищенко с 75-летием!

4 февраля 2017 г. исполнилось 75 лет Станиславу Андреевичу Ищенко – доктору юридических и педагогических наук, профессору, почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации, действительному члену Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации и действительному члену Евразийской академии административных наук.

Станислав Андреевич родился в г. Красноводске Туркменской ССР. Работал на различных государственных и общественных постах.

В 1976–1993 гг. С.А. Ищенко работал в должности преподавателя, старшего преподавателя, доцента Ташкентского политехнического института.

Станислав Андреевич окончил юридический факультет Ташкентского государственного университета имени В.И. Ленина и педаго-

гический факультет Узбекского государственного института физической культуры.

После обучения в университете С.А. Ищенко поступил в аспирантуру на кафедру административного и финансового права, в 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Управление физической культурой и спортом в союзной республике (по материалам Узбекской ССР)», в 1985 г. ему присвоено звание доцента.

В 1998 г. Станислав Андреевич защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора педагогических наук в Ленинградской государственной академии физической культуры имени П.Ф. Лесгафта на тему «Организация и управление международным спортивным движением на современном этапе (теория и практика)», а в 2002 г. – вторую докторскую диссертацию по юридическим наукам

в Московской государственной академии имени О.Е. Кутафина на тему «Организационно-правовые проблемы управления общественными объединениями в российском и международном спортивном движении».

Научные интересы Станислава Андреевича составляют исследования по административно-правовой тематике, проблемам совершенствования спортивного законодательства и управления физической культурой и спортом, которым он посвятил всю свою жизнь.

Станислав Андреевич возглавлял кафедру права, педагогики и психологии в Ульяновской сельскохозяйственной академии с 1993 по 2002 г., а в 2002–2011 гг. работал в Волжском университете имени В.Н. Татищева (г. Тольятти) сначала в должности профессора кафедры теории и истории государства и права, затем – заведующего кафедрой конституционного и административного права.

Профессором С.А. Ищенко опубликовано свыше 100 научных и учебно-методических работ, 5 учебных пособий, 6 монографий.

Значительный вклад ученый внес и в развитие отечественного спорта. Работая над проблемами совершенствования управления спортивным движением, Станислав Андреевич прошел трудовой путь от инструктора физкультуры, тренера, до председателя спортивного обще-

ства и заместителя председателя Ташкентского городского спортивного комитета. С.А. Ищенко присвоено звание мастера спорта СССР, он является международным спортивным арбитром по настольному теннису, подготовил девять мастеров спорта СССР. Станислав Андреевич принимал активное участие в подготовке проекта первого Закона о спорте в СССР.

Станислав Андреевич обладает большим творческим и научным потенциалом, разносторонней эрудицией, прочными теоретическими знаниями современной методике образования и воспитания, профессионально владеет педагогическим мастерством.

С.А. Ищенко является членом нескольких диссертационных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций, ведет руководство научными исследованиями аспирантов и адъюнктов, выступает в качестве оппонента при защите диссертаций. В настоящее время он работает в Краснодарском университете МВД России в должности профессора кафедры административной деятельности органов внутренних дел.

Редакционный совет журнала поздравляет Станислава Андреевича с юбилеем, желает крепкого здоровья, успехов в научной, педагогической и общественной деятельности, удачи и благополучия!

**Редакционный совет журнала
«Общество и право»**

Поздравляем Юрия Владимировича Голика с 65-летием!

23 февраля 2016 г., в День защитника Отечества, отметил свой 65-летний юбилей ученый, общественный деятель и юрист, доктор юридических наук, профессор Юрий Владимирович Голик.

Юрий Владимирович родился в г. Кемерово. С 1969 по 1984 г. учился и работал в Томском государственном университете имени В.В. Куйбышева, затем продолжил трудовую деятельность на юридическом факультете Кемеровского государственного университета. В 1981 г. Юрий Владимирович защитил кандидатскую диссертацию, посвященную исследованию феномена случайного преступника, а в 1994 г. – докторскую диссертацию на тему «Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы)».

В марте 1989 г. Ю.В. Голик был избран народным депутатом СССР, на I Съезде народных депутатов СССР – в состав Верховного Совета СССР,

вошел в Комитет по законодательству, впоследствии возглавил Комитет по вопросам правопорядка и борьбы с преступностью, затем занял пост Председателя Комитета при Президенте СССР по координации деятельности правоохранительных органов.

С 1996 по 2001 г. Ю.В. Голик возглавлял ряд государственных и правительственных комиссий, был советником Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

Юрий Владимирович активно занимается научной и преподавательской деятельностью. Сфера его научных интересов необычайно широка и включает науки криминального, государственного и общественного правового направления. Основная часть трудов посвящена исследованию проблем уголовного права и криминологии. Научной общественности широко известны такие работы ученого, как «Случайный преступник», «Уголовно-

правовая политика: тенденции и перспективы», «Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы», «Коррупция как механизм социальной деградации», «Коррупция на современном этапе государственно-политического развития России» и многие другие. При непосредственном участии Ю.В. Голика подготовлен ряд российских учебников по уголовному праву и криминологии. Всего Юрием Владимировичем издано более 150 научных работ. В настоящее время ученый занимается исследованием вопросов международно-правовой борьбы с преступностью в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и других криминологических проблем.

Ю.В. Голик активно совмещает общественную и преподаватель-

скую деятельность: возглавляет Центр по изучению организованной преступности в экономике и торговле Российского государственного торгово-экономического университета и Центр специальных правовых программ Независимого института стратегических исследований, является профессором Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина, вице-президентом фонда «Антимафия», академиком Академии педагогических и социальных наук, членом-корреспондентом Академии российской словесности.

Редакционный совет журнала поздравляет Юрия Владимировича с 65-летием, желает доброго здоровья, удачи и успехов в служении Отечеству!

**Редакционный совет журнала
«Общество и право»**

Кузнецов Александр Павлович

доктор юридических наук, профессор,

заслуженный юрист РФ,

заслуженный деятель науки РФ,

Приволжский институт повышения квалификации

Федеральной налоговой службы России

(тел.: +78314374228)

Принципы уголовной политики

В статье рассматриваются принципы уголовной политики. Обращается особое внимание на важность их законодательного закрепления в Уголовном кодексе РФ, раскрываются сущностные характеристики, содержательные элементы, значение для теории и практики.

Ключевые слова: уголовно-правовые принципы, законность, равенство, справедливость, гуманизм, экономия репрессии, неотвратимость ответственности, целесообразность, личная ответственность, дифференциация и индивидуализация ответственности.

A.P. Kuznetsov, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Russian Federal Tax Service Privolzhsky Institute of Advanced Training; tel.: +78314374228.

The principles of criminal policy

The article reviews the principles of criminal policy. The author pays great attention to the significance of its legislative recognition in the Criminal Code of the Russian Federation and describes essential characteristics, conceptual elements and importance for theory and practice.

Key words: criminal principles, legitimacy, equality, justice, humanism, economy of repression, unavoidability of liability, reasonability, personal responsibility, differentiation and individualization of liability.

В уголовно-правовой науке при определении стратегических и тактических направлений уголовной политики ученые выделяют принципы, являющиеся основой противодействия преступности [1, с. 59]. В частности, принципы уголовной политики определяют: направления противодействия преступности [2, с. 91]; направления и перспективы охраны общественных отношений от преступных посягательств (противодействие преступности), базирующиеся на познании объективных закономерностей развития общества в исторически определенный период времени [3, с. 4]. К значимым положениям, отражающим суть уголовной политики, следует отнести вопросы криминализации-декриминализации, пенализации-депенализации общественно опасных деяний, т.е. разработку основных направлений, перспектив развития уголовного законодательства, оснований, характера, объемов и пределов применения мер уголовно-правового воздействия [3].

Таким образом, принципы уголовной политики – это обязательные для законодательных и правоохранительных органов основные положения, исходные руководящие начала, обусловленные потребностями и закономерностями общественного развития, определяющие генеральные стратегические и тактические

направления деятельности по реализации уголовного законодательства.

В уголовно-правовой науке выделяют общеправовые принципы уголовной политики и принципы уголовной политики, выводимые из совокупности правовых норм.

В качестве общеправовых принципов уголовной политики следует рассмотреть принципы: законности, равноправия, справедливости, гуманизма, в которых заложена основа деятельности органов, реализующих уголовную политику в указанной сфере.

Принцип законности можно определить как руководство идеями, идеалами, рассмотрение их в качестве критериев поступков в сфере отношений, урегулированных правом. Принцип законности и юридической гарантированности прав и свобод личности, зафиксированных в законе, связанности нормами закона деятельности всех должностных лиц и государственных органов рассматривается в юридической литературе как всеобъемлющий.

Принцип равноправия. В ч. 2 ст. 19 Конституции РФ говорится: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлеж-

ности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности». Данное конституционное положение нашло свое отражение в ст. 4 УК РФ. Применительно к уголовной политике особенность реализации принципа равноправия заключается в том, что закрепленные в законе основные требования должны исключить всякую возможность уклониться от уголовной ответственности или существенно смягчить ее лицам, занимающим высокое положение. В связи с этим весьма положительным фактором, превращающим данный принцип в реальный, было бы законодательное решение об отмене всех привилегий должностным лицам разных уровней. Известно, что в настоящее время для привлечения их к ответственности требуется согласие соответствующего вышестоящего органа власти, получение которого сопряжено с определенными трудностями.

Принцип справедливости. В соответствии со ст. 6 УК РФ «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». В данном случае справедливость как принцип российской уголовной политики необходимо понимать: 1) как справедливую криминализацию деяния; 2) определение справедливого наказания в законе; 3) назначение справедливого наказания конкретному лицу за преступление [4, с. 10]. С позиции справедливости принципиально значимо следующее положение ст. 6 УК РФ: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление». Приведенное положение воспроизводит норму Конституции РФ, содержащуюся в ст. 50: «Никто не может быть, – говорится здесь, – повторно осужден за одно и то же преступление». Это свидетельствует о конституционном содержании рассматриваемого принципа [5, с. 52].

Принцип гуманизма получил закрепление в ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». В сфере уголовной политики этот принцип преломляется в ст. 7 УК РФ. Весьма важно, что законодательное закрепление в уголовном законе регламентации по обеспечению безопасности человека является одним из элементов принципа гуманизма. При формулировании принципа гуманизма в процессе реализации уголовной политики законодатель исходит из двух самостоятель-

ных положений. Во-первых, гуманизм уголовного законодательства должен проявляться в обеспечении уголовно-правовыми средствами неприкосновенности личности, человека, собственности, прав и свобод гражданина от преступных посягательств. Во-вторых, гуманизм распространяется и на лиц, признанных виновными в совершении преступления.

Принципы уголовной политики, выводимые из совокупности правовых норм. В научной юридической литературе не достигнуто единогласия по данной проблеме. В частности, Н.А. Лопашенко считает, что система принципов уголовной политики включает в себя: принципы социальной и научной обоснованности; законности и согласованности с разделяемым Россией международно-правовым регулированием; справедливости; демократизма; гуманизма; экономии репрессии; неотвратимости ответственности [6, с. 48].

В свою очередь А.И. Коробеев отмечает, что принципы уголовной правовой политики, наряду с политическими установками, идеями, основными началами в сфере уголовно-правовой борьбы с преступностью, должны отражать характерные элементы, особенности, присущие именно уголовному праву, и предлагает к принципам уголовной политики относить: экономии репрессии, целесообразность, неотвратимость ответственности, дифференциацию и индивидуализацию ответственности и наказания, справедливость [7, с. 81].

С.С. Бесхолов, исследуя проблему принципов уголовной политики, предлагал ограничить их число, так как обилие руководящих идей ослабляет их значение. С учетом новых реалий, имеющих методологическое значение, к принципам уголовной политики он относит: законность, равенство граждан перед законом, демократизм, справедливость, гуманизм, неотвратимость ответственности, научность [8, с. 23–25].

В свою очередь И.А. Исмаилов выделял следующие принципы уголовной политики: социалистический демократизм, гуманизм, нравственность, законность, научность [9, с. 142].

И.Э. Звечаровский, изучая уголовное законодательство, практику его применения, теоретические положения по данной проблеме, называет в качестве принципов российской уголовной политики: законность, юридическое равенство, личную и виновную ответственность, справедливость и гуманизм [10, с. 40]. По его мнению, последовательность в изложении названных принципов представляет собой не просто перечень, а определенную систему хотя и самостоятельных, но внутренне согласованных и взаимосвязанных положений, которые в кон-

цептуальном плане, исходных началах призваны подчинить весь нормативный материал уголовного закона и практику его применения.

Предлагая указанный перечень принципов уголовной политики, он считает необоснованным расширять его путем включения дополнительных принципов, в частности экономии уголовной репрессии, индивидуализации ответственности и наказания, предупреждения преступлений и перевоспитания осужденных, неотвратимости ответственности и т.д.

Исследуя предложенные другими авторами уголовно-правовые принципы, И.Э. Звечаровский полагает, что принципы экономии уголовной репрессии и индивидуализации ответственности и наказания представляют лишь отдельные аспекты реализации принципов гуманизма и справедливости. Принцип предупреждения преступления и перевоспитания осужденных нельзя относить к принципам, так как это задача целого комплекса отраслей российского права, в том числе и некриминального профиля. Принцип неотвратимости ответственности также относится к задачам органов правоохраны, применяющих закон, не отражает не только реалии правоприменительной практики, но и имеющийся нормативно-правовой материал [10, с. 39–40].

Не вдаваясь в дискуссию об отнесении того или иного принципа к системе принципов уголовной политики, отметим, что главным, значимым следует считать не поиск и выделение принципов, свойственных только уголовному праву и не повторяющихся в других отраслях права, а определение круга принципов, которые отражают подлинную природу уголовного права, его задачи и функции, раскрывают их содержание и значение с учетом предмета и метода уголовно-правового регулирования [11, с. 62–63].

Очевидно, что проблема принципов в научной и учебной литературе решается неоднозначно. Различаются подходы во взглядах на установление общего перечня принципов, определение значения, сущностных характеристик, содержания. Рассмотрим некоторые принципы уголовной политики, а именно: экономии репрессии, неотвратимости ответственности, целесообразности, дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания, личной ответственности.

Принцип экономии репрессии имеет основополагающее значение и находит свое выражение на всех стадиях реализации уголовной политики: в законотворчестве, правоприменении, толковании и в полном объеме воплощен в криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации.

На стадии законотворчества принцип экономии репрессии отражается в отнесении того или иного деяния к числу преступных и наказуемых. Правильное определение критериев криминализации и пенализации, обоснование уголовно-правовых запретов, востребованных и социально обусловленных, позволит снизить репрессивный механизм воздействия. Реализация принципа экономии репрессии заключается в выборе объема уголовно-правовых предписаний, связанных с наименьшими затратами, но приводящих к наибольшему эффекту, т.е. затратность минимальная, а сила правового воздействия значительная. В концентрированном виде экономия репрессии может выражаться: во-первых, в освобождении лица от уголовной ответственности и наказания при наличии законных оснований, во-вторых, в назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, в-третьих, в назначении наказания при наличии смягчающих обстоятельств, в-четвертых, в назначении наказания с учетом смягчающих обстоятельств, не предусмотренных законом.

Реализация принципа экономии репрессии проявляется в герменевтике, т.е. в правильном всестороннем и глубоком разъяснении положений уголовного закона в процессе его применения. Применяемый подход позволит уяснить его смысл и содержание в соответствии с волей заложенных законодателем предписаний, избежать ошибки в выборе уголовно-правовой нормы.

Принцип неотвратимости ответственности включает в себя: установление всех лиц, совершивших преступление, и привлечение виновных в совершении преступления к уголовной ответственности; назначение наказания лицу, совершившему преступление, исходя из характера и степени общественной опасности деяния; возмещение ущерба, причиненного преступлением. Таким образом, принцип неотвратимости ответственности призван вселить уверенность у законопослушных граждан в силу уголовного закона и подорвать веру у социально неустойчивых элементов или лиц, совершивших преступление, в безнаказанность своего антиобщественного поведения.

Принцип целесообразности. Реализация принципа целесообразности должна осуществляться в соответствии с целями, закрепленными в уголовно-правовых предписаниях, соотноситься с социальными потребностями общества, сформулированными в основных направлениях уголовной политики. Данный принцип осуществляется как на стадии законотворческой, так и на стадии правоприменительной деятельности. Отнесение деяний к разряду

преступлений будет целесообразным при наличии следующих обстоятельств: во-первых, достаточной общественной опасности; во-вторых, относительной распространенности; в-третьих, социальной необходимости и востребованности обществом; в-четвертых, возможности оказания позитивного влияния на общественно опасное поведение; в-пятых, доказуемости.

Принцип дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания выполняет распределительную функцию и служит для персонифицирования ответственности лиц, совершивших преступление. В правоприменительной деятельности реализация указанного принципа происходит путем оценки характера и степени общественно опасного совершенного деяния, личности, причин и условий, им способствующих, смягчающих и отягчающих обстоятельств. В действующем уголовном законе данный принцип не нашел законодательного закрепления, несмотря на высказанные рядом ученых предложения о включении его в уголовный закон [см.: 12, с. 72; 13, с. 42–43; 14, с. 33; 15, с. 30; 16, с. 44; 17, с. 12; 18, с. 44; 19, с. 36].

Принцип личной ответственности сводится к персональной ответственности физического лица и означает, что лицо, совершившее противоправное деяние, подлежит уголовной ответственности лишь только за то действие или бездействие, которое было совершено им лично. Данный принцип включает в себя три сущностные составляющие: во-первых, преступлением признается только такой акт противоправного поведения, закрепленный в уголовном законе, который совершен конкретным физическим лицом. Во-вторых, уголовная ответственность физического лица наступает только за конкретные деяния, которые оно действительно совершило лично. Ответственность не может быть переложена на других лиц, несмотря на их согласие претерпеть неблагоприятные правовые последствия противоправного деяния. В-третьих, уголовная ответственность и наказание за преступление носят сугубо личный, персонифицированный характер, т.е.

распространяются только на лиц, совершивших закрепленные в уголовном законе противоправные деяния [11, с. 62–63; 10, с. 54–55]. Подтверждением указанного принципа служат закрепленные в уголовном законе положения, согласно которым уголовной ответственности подлежит только «вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». Таким образом, уголовное законодательство не делает никаких исключений и устанавливает ответственность только для физических лиц. Однако при реализации исследуемого принципа на практике происходит обратное. Так, законодатель Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ внес изменения в ч. 2 ст. 88 УК РФ «Виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним» и указал в ней, в частности, следующее: «Штраф, назначаемый несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия». Таким образом, наказание в виде штрафа, назначенное несовершеннолетнему, фактически применяется к его родителям или иным законным представителям с их согласия. Указанное законодательное решение ставит под сомнение реализацию цели наказания, т.е. дезавуирует ее и в конечном счете противоречит принципам уголовной политики. Одновременно с этим нарушаются правила социальной обусловленности ответственности, таким образом, социальная функция права и ее предупредительное воздействие остаются нереализованными. Подобный подход в использовании наказания будет малоэффективным и неспособным обеспечить достижение поставленной цели.

Таким образом, на основании изложенного под принципами уголовной политики следует понимать обязательные для законодательных и правоохранительных органов руководящие положения, основные исходные начала, обусловленные социальными потребностями и закономерностями общественного развития, направленные на реализацию задач уголовного законодательства.

1. Панченко П.Н. Советская уголовная политика. Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью: ее становление и предмет. Томск, 1998.

2. Шляпочников А.С. Ленин В.И. О принципах советской уголовной политики // О законности и правосудии. Вопросы борьбы с преступностью. М., 1970. Вып. 2.

3. Гаухман Л.Д., Ляпунов Ю.И. Понятие советской уголовной политики и ее основные направления. М., 1980.

1. Panchenko P.N. Soviet criminal policy. Basic conception of crime prevention: its establishment and subject. Tomsk, 1998.

2. Shlyapochnicov A.S. Lenin V.I. About the principles of the Soviet criminal policy // About legitimacy and justice. Items of crime prevention. Moscow, 1970. Iss. 2.

3. Gaukhman L.D., Lyapunov Ju.I. Conception of the Soviet criminal policy and its basic prospects. Moscow, 1980.

4. Кудрявцев В.Н., Келина С.Г. О принципах советского уголовного права // Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1985.
5. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996.
6. Лопашенко Н.А. Глава 3: Уголовная политика // Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учеб.: в 3 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. 2-е изд., испр. и перераб. Т. 1: Общая часть. М., 2014.
7. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1: Преступление и наказание. СПб., 2008.
8. Бесхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 1999.
9. Исмаилов И.А. Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы борьбы с преступностью). Баку, 1990.
10. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001.
11. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1998.
12. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002.
13. Васильев Н.В. Принципы советского уголовного права. М., 1983.
14. Ляпунов Ю.И. Принципы уголовного законодательства // Социалистическая законность. 1989. № 2.
15. Молодцов А.С. Уголовно-правовые принципы и вопросы освобождения от уголовной ответственности // Реализация принципа справедливости и правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции. Ярославль, 1992.
16. Муздубаев М.Х. Принципы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания: единство и различие // Актуальные проблемы советского уголовного права и криминологии: к 70-летию Октября. М., 1980.
17. Похмелкин В.В. Достижение справедливости при назначении наказания по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985.
18. Сундуров Ф.Р., Бакулина Л.В. Более последовательно учитывать положительный опыт российского законодательства // Проблемы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте УК РФ). Ярославль, 1994.
19. Чугаев А.П. О проекте УК РФ // Законность. 1995. № 4.
4. Kudryavtsev V.N., Kelina S.G. About the principles of Soviet criminal law // Problems of the Soviet criminal policy. Vladivostok, 1985.
5. Naumov A.V. Russian criminal law. General part: course of lectures. Moscow, 1996.
6. Lopashenko N.A. Chapter 3: Criminal policy // Russian criminal law. General and Special parts: textbook: in 3 vol. / ed. by N.A. Lopashenko. 2nd ed., corr. and rev. Vol. 1: General part. Moscow, 2014.
7. Full course of criminal law: in 5 vol. / ed. by A.I. Korobeev. Vol. 1: Crime and punishment. St. Petersburg, 2008.
8. Beskholov S.S. Principles of criminal policy: constitutional, criminological, criminal and informative aspects. Moscow, 1999.
9. Ismailov I.A. Criminality and criminal policy (updated approach of crime prevention). Baku, 1990.
10. Zvecharovsky I.A. Modern Russian criminal law: concept, principles, policy. St. Petersburg, 2001.
11. Kelina S.G., Kudryavtsev V.N. Principles of Soviet criminal law. Moscow, 1998.
12. Kruglikov L.L., Vasilevsky A.V. Differentiation of liability in criminal law. St. Petersburg, 2002.
13. Vasilyev N.V. Principles of Soviet criminal law. Moscow, 1983.
14. Lyapunov Ju.I. Principles of criminal legislation // Socialistic legitimacy. 1989. № 2.
15. Molodtsov A.S. Criminal principles and issues of liberation from criminal liability // The implementation of the principle of justice and law enforcement activity of agencies of the criminal justice. Yaroslavl, 1992.
16. Muzdubaev M.H. The principles of differentiation and individualization of responsibility and punishment: unity and distinction // Actual problems of Soviet criminal law and criminology: to 70th anniversary of the October Revolution. Moscow, 1980.
17. Pokhmelkin V.V. Attainment of justice in the process of sentencing according to Soviet Criminal Law: auth. abstr. ... Candidate of Law. Moscow, 1985.
18. Sundurov F.R., Bakulina L.V. Take into account positive experience of Russian legislation more gradually // Problems of criminal liability and its differentiation (in draft of the Criminal Code of the Russian Federation). Yaroslavl, 1994.
19. Chugayev A.P. About the draft of the Criminal Code of the Russian Federation // Legitimacy. 1995. № 4.

Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна

доктор юридических наук, профессор,
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина
(e-mail: inogamova-hegay@yandex.ru)

Служебные преступления как единичные деяния и как множественность преступлений

Статья посвящена квалификации служебных преступлений. Исследуются понятия злоупотребления и использования лицом служебного положения. Обосновывается отсутствие самостоятельной ответственности управленца за превышение служебных полномочий. Аргументируется квалификация совершения преступления с превышением служебных полномочий управленцем как единого сложного преступления с квалифицирующим признаком использования служебного положения.

Ключевые слова: служебные преступления, должностное лицо, лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческих и иных организациях, служащий, злоупотребление служебным положением, использование служебного положения, превышение служебных полномочий, злоупотребление должностными полномочиями.

L.V. Inogamova-Khegai, Doctor of Law, Professor, Kutafin Moscow State Law University; e-mail: inogamova-hegay@yandex.ru

Service crimes as one action and as multiplicity of crimes

Service crimes are analyzed in the article. The words are researched on abuse and use by a person service position. There is no criminal responsibility for exceeding service functions by a person fulfilling management functions in commercial or other organization. Qualification of crime with exceeding service functions by a manager as one compound crime with qualifying sing on use service position is argued in the article.

Key words: service crime, the official, person performing administrative functions in commercial and other organizations, the employee, abuse of functions by public officials, use of functions by public officials, abuse of power, abuse of office.

Уголовно-правовое противодействие служебным преступлениям осуществляется как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях. Научные исследования способствуют этому противодействию посредством разработки предложений, формулирования понятий, толкования норм о служебных, коррупционных преступлениях и др.

Определение коррупции отсутствует в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Этим Законом коррупция раскрывается посредством перечня коррупционных деяний:

1) коррупция:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде

денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение вышеуказанных деяний от имени или в интересах юридического лица (ст. 1) [1].

В актах по международному уголовному праву относительно понятия «коррупция» существует похожее решение. В ст. 15–25 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. предусмотрены признаки коррупционных преступлений и перечень коррупционных деяний, но само определение коррупции отсутствует [2]. Аналогичная ситуация наблюдается также и в других международных правовых актах [3, ст. 8; 4, ст. 6; 5; 6, ст. 2].

Из-за отсутствия нормативного определения коррупции как коррупционное правонарушение понимают обычное служебное и должностное преступление, совершаемое в одиночку, например злоупотребление должностными пол-

номочиями. Вместе с тем, чтобы это должностное деяние стало коррупционным, требуется наличие сговора, соглашения должностного лица с третьим индивидом по использованию служебных полномочий для получения выгоды. Недостаточно для признания деяния коррупционным одного использования служебных полномочий с целью извлечения выгоды. Опасность коррупционного преступления состоит в «продажности» специального субъекта, уже сговорившегося или осознающего будущее заключение сделки с желанием извлечения любой выгоды, не только имущественной. Иные деяния, помимо взяточничества, подкупа, могут стать коррупционными именно в связи с наличием указанного соглашения.

Под должностным преступлением здесь имеется в виду преступление, совершить которое могут только должностные лица, понимаемые в узком уголовно-правовом значении. Служебное посягательство означает по содержанию более широкое общее понятие, включающее как должностное, так и деяние управленца, а также правонарушение служащего. Иначе говоря, служебное преступление – это любое уголовно-правовое деяние, осуществляемое специальным субъектом с использованием служебного положения. Коррупционное преступление является лишь специальным видом служебного, а значит, и должностного преступления.

Использование законодателем разной терминологии затрудняет понимание и способствует разной квалификации служебных деяний.

Предусмотренные при описании служебных преступлений термины «злоупотребление служебным положением», «должностное положение» (Федеральный закон 2008 г.), «использование должностного положения» (ст. 141 УК), «злоупотребление должностными полномочиями» (ст. 285 УК), «должностное лицо» (ст. 169 УК), «должностные обязанности» (ст. 203 УК) и др. могут иметь разное содержание.

Действующее уголовное законодательство термины «должностное лицо», «должностное положение» вынуждает понимать шире, не ограничиваясь уголовно-правовыми нормами о должностных преступлениях. С одной стороны, в примеч. 1 к ст. 285 УК дано определение должностного лица с указанием, что им признаются лица применительно к статьям гл. 30 УК. Но, с другой стороны, о должностных лицах, должностном положении в значении, определенном примеч. 1 к ст. 285 УК, в Кодексе говорится во многих его статьях за пределами гл. 30 (см., например, ст. 141, 149 (гл. 19 УК);

ст. 169 УК (гл. 22 УК) и др.). В этих и подобных им случаях указание на должностное лицо, должностное положение означает использование лицом при совершении преступлений функций государственной или муниципальной власти.

С расширением понятия «должностное лицо» (к нему отнесены руководители государственных компаний, государственных и муниципальных унитарных предприятий, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям [7]) неизменным остается осуществление этими лицами функций государственной или муниципальной власти. Указанная властная функция подчеркивается принадлежностью контрольного пакета акций в таких обществах государству, либо субъекту Федерации, либо муниципальному образованию. В судебной практике и научном мире применяется статичное расширительное толкование, поскольку понятие «должностное лицо» распространяют на преступления, установленные статьями за пределами гл. 30 УК.

В иных же случаях термин «должностной», закрепленный в статьях за рамками гл. 30 УК, наоборот, имеет другой смысл, отличный от проанализированного понятия «должностной». Данный термин указывает на круг обязанностей сотрудника по службе, работе, например «должностные обязанности» (ст. 203 УК «Превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей»). В подобных статьях использование термина «должностной» не имеет отношения к особому уголовно-правовому признаку «должностное лицо», «должностное положение», а означает «служебный», «служебные обязанности».

«Злоупотребление служебным положением» – выражение, употребляемое в Федеральном законе 2008 г. «О противодействии коррупции». В УК это понятие отсутствует. Формулировка «с использованием должностного или служебного положения» употребляется один раз: в ч. 3 ст. 141 УК – вмешательство... с использованием должностного или служебного положения. В других же статьях УК закреплено выражение «использование своего служебного положения».

По нашим подсчетам, в 59 статьях УК приведена формулировка «лицом с использованием своего служебного положения». В перечень,

включающий 59 статей УК с формулировкой «лицом с использованием своего служебного положения», входят следующие статьи: ч. 2 ст. 127.1, 127.2, 128; ч. 3 ст. 128.1; ст. 136; ч. 2 ст. 137, 138; ч. 3 ст. 139; ч. 2 и 3 ст. 141; ч. 2 ст. 144; ч. 3 ст. 146; ч. 4 ст. 148; ст. 149; ч. 3 ст. 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6, 160; ч. 1 ст. 169; ст. 170; ч. 3 ст. 171.2; ч. 2 ст. 173.1; ч. 3 ст. 174, 174.1, 175; ч. 2 ст. 178; ч. 3 ст. 191.1, 194; ч. 2 ст. 200.2; ч. 2 ст. 205.1; ч. 3 ст. 209, 210; ч. 2 ст. 215.2, 221; ч. 3 ст. 226; ч. 2 ст. 226.1; ч. 4 ст. 228.1; ч. 2 ст. 228.4, 229, 229.1, 241; ч. 3 ст. 243.2; ч. 2 ст. 243.3; ч. 3 ст. 256; ч. 2 ст. 258, 258.1, 260; ч. 3 ст. 272; ч. 2 ст. 273, 282; ч. 3 ст. 282.1, 282.2; ч. 2 ст. 282.3, 291.1; ч. 3 ст. 294; ч. 2 ст. 354.1; ч. 2 ст. 359. При этом понятие «использование своего служебного положения» в Кодексе не раскрывается. Отсутствует трактовка этого понятия и в уже упоминаемом антикоррупционном законе 2008 г. В последнем законе, как отмечалось, применяется формулировка «злоупотребление служебным положением», а не «использование своего служебного положения».

Сравнительное исследование понятий «злоупотребление служебным положением» и «использование своего служебного положения» дает основание говорить об их сходстве применительно к уголовно-правовым нормам. Логико-сопоставительный анализ норм Федерального закона 2008 г. «О противодействии коррупции», которым к коррупционным преступлениям отнесены «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения» [1], с очевидностью свидетельствует, что злоупотребление служебным положением является видом незаконного использования служебного положения. Таким образом, злоупотребление следует понимать как использование, сравниваемые термины являются синонимами.

Понятие «должностной», как отмечалось, может означать обязанности лица по работе, службе. В приведенном Законе 2008 г. «должностной» нужно понимать как «служебный». Такое понимание термина объясняется тем, что в перечне преступлений, совершаемых лицами с использованием своего положения, названы деяния, осуществляемые как должностными лицами, так и лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой и иной организации. В указанном положении Федерального закона злоупотребление слу-

жебным положением представлено как разновидность незаконного использования лицом своего должностного (служебного) положения вопреки законным интересам общества и государства.

Понятие «использование лицом своего служебного положения» нужно рассматривать по совокупности двух оснований:

- круга субъектов;
- характера использования положения.

Круг субъектов.

Использовать свое служебное положение может: а) должностное лицо (примеч. 1 к ст. 285 УК); б) лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой и иной организации (примеч. 1 к ст. 201 УК); в) служащий (примеч. 4 к ст. 285 УК).

К должностным лицам в составах о взяточничестве в соответствии со ст. 290–290.1 УК относятся еще иностранное должностное лицо и должностное лицо публичной международной организации (примеч. 2 к ст. 290 УК). Должностными лицами, согласно примеч. 1 к ст. 285 УК, является и руководство коммерческих организаций, включая государственные и муниципальные унитарные предприятия [8], а также акционерные общества, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям [9].

После расширения круга должностных лиц сохранение отдельной регламентации преступлений против интересов службы, совершенных управленцами акционерных обществ, как публичных, так и не являющихся публичными (в которых государство, субъект Федерации или муниципальное образование не имеет контрольного пакета акций или не является его участником), представляется не соответствующим принципам международного уголовного права, Конституции РФ и российского уголовного права. Уголовное преследование управленцев всех коммерческих организаций так же, как и некоммерческих (общественных, профессиональных, религиозных, спортивных и др.), предпочтительнее осуществлять на одних основаниях с преследованием должностных лиц, а именно по нормам, закрепленным в гл. 30 УК [10, с. 15].

Разное уголовно-правовое регулирование ответственности лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях в зависимости от организационно-правовой формы (государственное и муниципальное унитарное предприятие, акционерное общество, производственный кооператив и др.), от

наличия в акционерных обществах контрольного пакета акций, принадлежащего Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, нарушает принцип равной ответственности за одинаковое преступное поведение.

Помимо государственных и муниципальных служащих, к служащим относятся и лица, выполняющие служебные функции в коммерческих и некоммерческих организациях и не являющиеся лицами, выполняющими управленческие функции в этих организациях.

Характер использования положения.

Как отмечалось, в 59 статьях Кодекса предусмотрено «использование служебного положения». По характеру содержание использования служебного положения охватывает:

- 1) использование своих служебных полномочий;
- 2) использование возможностей авторитета, статуса (без использования полномочий);
- 3) превышение должностных полномочий.

Терминология в ст. 201 и 285 УК различается. Статья 201 УК называется «злоупотребление полномочиями», а в диспозиции ч. 1 статьи говорится об использовании своих полномочий. Аналогично рассмотренному ст. 285 УК называется «злоупотребление должностными полномочиями», а в ч. 1 статьи предусмотрено использование должностным лицом своих служебных полномочий. Исследование названий и диспозиций статей приводит к выводу о синонимичности понятий «злоупотребление» и «использование».

Использование своих служебных полномочий означает реализацию лицом предусмотренных законами, иными нормативными правовыми актами, должностными инструкциями прав и обязанностей по работе. Таким лицом является: должностное лицо (примеч. 1 к ст. 285 УК); лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой и иной организации (примеч. 1 к ст. 201 УК); служащий.

Использование возможностей авторитета, статуса раскрывается как реализация лицом связей, определяемых его статусом, авторитетом, с другими лицами, наделенными определенными полномочиями по конкретному вопросу. Этим лицом является: должностное лицо (примеч. 1 к ст. 285 УК); лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой и иной организации (примеч. 1 к ст. 201 УК).

Превышение должностных полномочий включает действия должностного лица, выходящие за пределы его служебной компетенции. Понятие превышения должностных полномо-

чий раскрывается наукой уголовного права и судебной практикой [11, п. 19].

Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о том, охватывает ли использование лицом служебного положения, предусмотренное УК в качестве признака основного или квалифицированного состава преступления, преступные действия в виде превышения управленцем служебных полномочий. В УК есть состав превышения должностных полномочий (ст. 286 УК), субъектом которого является должностное лицо. В ст. 201 УК преступными признаны деяния о злоупотреблении полномочиями, совершаемые лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой и иной организации. Самостоятельного состава преступления о превышении служебных полномочий лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой и иной организации, действующий УК не предусматривает [10, с. 15–17]. При этом следует иметь в виду, что не управленцами, а должностными лицами признаются руководители коммерческих организаций в виде государственных и муниципальных унитарных предприятий, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям. За превышение полномочий эти руководители несут уголовную ответственность согласно ст. 286 УК.

В УК имеются нормы о злоупотреблении должностными (ст. 285 УК), служебными (ст. 201 УК) полномочиями и о превышении должностных полномочий (ст. 286 УК). Закон разделяет понятия злоупотребления и превышения полномочий, которые должны раскрываться на одинаковых основаниях как для должностных лиц, так и для управленцев. Необходимость единого понятийного аппарата при раскрытии уголовно-правовых терминов, если только сам уголовный закон не определяет понятия по-разному, ни у кого не вызывает сомнений. Например, понятие «неоднократность» в ст. 151.1 и 180 УК имеют разное содержание [12, п. 15].

Уже отмечалось, что превышение управленцами служебных полномочий в УК как самостоятельное преступление отсутствует. Законодательного же определения использования лицом служебного положения в УК не имеется. Наука уголовного права и судебная практика не могут называть преступным деяние в виде превышения служебных полномочий лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой и иной организации, поскольку

такое установление – исключительная функция законодателя [10; 13, с. 594–595]. Однако существует мнение, что толкование позволяет признать разновидностью злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК) и превышение этих полномочий управленцами [14, с. 10; 15, с. 258–260]. Но, во-первых, толкование, сделанное не законодателем, не может назвать деяние преступным, если закон не признал такое деяние преступлением. Во-вторых, ст. 49 Конституции устанавливает, что все неустрашимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу этого лица. На основании указанного превышение служебных полномочий управленцами не может рассматриваться как частный случай злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК) [16, с. 11]. В противном случае допускается аналогия закона, что недопустимо согласно прямому запрету, установленному ч. 2 ст. 3 УК.

Использование лицом служебного положения предусмотрено в 55 статьях УК как квалифицирующий и в 4 статьях УК (ст. 136, 149, 170, ч. 1 ст. 169) в качестве конститутивного признака. На вопрос о том, охватывает ли использование лицом служебного положения, преду-

смотренное УК в качестве признака основного или квалифицированного состава преступления, преступные действия в виде превышения управленцем служебных полномочий, следует ответить утвердительно. В отличие от превышения управленцем служебных полномочий в виде самостоятельного общественно опасного, но не преступного деяния, в этих 59 статьях УК имеется качественно иное посягательство. Превышение здесь дополняет другие признаки состава преступления. Как самоубийство лица не признается в УК преступлением, но может быть квалифицирующим признаком другого состава преступления, например самоубийство осужденного при вынесении заведомо неправоудного приговора (ч. 2 ст. 305 УК). Анализируемое превышение управленцем служебных полномочий, не образуя самостоятельного преступления, является криминообразующим признаком 4 преступлений и квалифицирующим признаком 55 преступлений.

При квалифицирующем признаке «с использование лицом служебного положения» совокупность преступлений, как правило, отсутствует. Имеется единичное составное преступление, множественности преступлений нет.

1. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс. Законодательство».

2. Конвенция ООН против коррупции 2003 г. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс. Международные акты».

3. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс. Международные акты».

4. Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией 1996 г. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс. Международные акты».

5. Конвенция о борьбе с коррупцией, затрагивающей должностных лиц Европейских сообществ или должностных лиц государств – членов Европейского Союза 1997 г. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс. Международные акты».

6. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию Совета Европы 1999 г. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс. Международные акты».

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ //

1. On combat corruption: fed. law d.d. Dec. 25, 2008 № 273-FL. Access from informational system «ConsultantPlus. Legislation».

2. United Nations Convention against Corruption d.d. 2003. Access from informational system «ConsultantPlus. International acts».

3. United Nations Convention against Transnational Organized Crime d.d. 2000. Access from informational system «ConsultantPlus. International acts».

4. Inter-American Convention against Corruption d.d. 1996. Access from informational system «ConsultantPlus. International acts».

5. Convention on the Fight against Corruption involving Officials of the European Communities or Officials of Member States of the European Union d.d. 1997. Access from informational system «ConsultantPlus. International acts».

6. Criminal Law Convention on Corruption, adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe d.d. 1999. Access from informational system «ConsultantPlus. International acts».

7. About incorporation modifications into some legislative acts of Russian Federation: fed. law d.d. July 13, 2015 № 265-FL // Official online of law information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, July 13, 2015.

Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 13 июля 2015 г.

8. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 161-ФЗ. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс. Законодательство».

9. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс. Законодательство».

10. Иногамова-Хегай Л., Черобедов С. Квалификация преступлений, совершенных с использованием служебного положения // Уголовное право. 2008. № 4.

11. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 окт. 2009 г. № 19. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс. Судебная практика».

12. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апр. 2007 г. № 14. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс. Судебная практика».

13. Изосимов С.В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления, совершаемые в коммерческих и иных организациях. СПб., 2013.

14. Максимов С.В. Уголовная ответственность за злоупотребления полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях, и коммерческий подкуп // Уголовное право. 1999. № 1.

15. Волженкин Б.В. Служебные преступления. СПб., 2005.

16. Кононов Д.А. Злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп: уголовно-правовая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

8. On state and municipal unitary enterprises: fed. law d.d. Nov. 14, 2002 № 161-FL. Access from informational system «ConsultantPlus. Legislation».

9. On making changes into chapter 4 of part the first of Civil Code of Russian Federation and on recognized some norms of legislative acts of Russian Federation lost power: fed. law d.d. May 5, 2014 № 99-FL. Access from informational system «ConsultantPlus. Legislation».

10. Inogamova-Khegai L., Cherebedov S. Qualification of crimes committed by using service position // Criminal law. 2008. № 4.

11. On judicial practice on cases on abuse service functions and on exceeding service functions: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Oct. 16, 2009 № 19. Access from informational system «ConsultantPlus. Judicial practice».

12. On practice of consideration by courts of the Russian Federation of criminal cases on violation of authors, neighboring, invention and patent rights, and on illegal use trademark: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Apr. 26, 2007 № 14. Access from informational system «ConsultantPlus. Judicial practice».

13. Izosimov S.V. Criminal legislation on responsibility for service crimes, committed in commercial and other organizations. St. Petersburg, 2013.

14. Maksimov S.V. Criminal responsibility for abuse functions by persons, fulfilling management functions in commercial and other organizations, and commercial bribing // Criminal law. 1999. № 1.

15. Volzenkin B.V. Service crimes. St. Petersburg, 2005.

16. Kononov D.A. Abuse functions and commercial bribing: criminal law characteristic: auth. abstr. ... Candidate of Law. Moscow, 2016.

Тюнин Владимир Ильич

доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский университет МВД России
(e-mail: v-tunin@rambler.ru)

Некоторые проблемы уголовной ответственности за преступление, предусмотренное частью 1 статьи 238 Уголовного кодекса Российской Федерации

В статье рассматриваются особенности конструкции состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ. Анализируются специфика правоприменительной практики и предложения по изменению уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: производство, хранение, сбыт, товары, продукция, требования безопасности, потребители, жизнь, здоровье.

V.I. Tyunin, Doctor of Law, Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: v-tunin@rambler.ru

Some problems of criminal responsibility for an offense under part 1 of article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation

The article is devoted to the features of corpus delicti of a crime under pt. 1 of art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. Peculiarities of law enforcement practices and proposals to amend the criminal law are analyzed.

Key words: production, storage, sale, goods, products, safety requirements, consumers, life, health.

Несмотря на относительно длительный период существования состава преступления, закрепленного в ст. 238 УК РФ, она по-прежнему вызывает интерес у ученых и практиков, применяющих ее в своей деятельности.

В рамках настоящей работы внимание будет обращено на некоторые обстоятельства применения уголовно-правовой нормы, особенности конструкции состава преступления, соотношение преступления с нормами КоАП РФ, являющимися родственными с указанной статьей УК РФ.

Криминализация деяний, причиняющих вред здоровью населения, не вызывает сомнений и давно стала практикой законодателя цивилизованных государств. Аналоги преступления можно обнаружить в уголовном законодательстве государств как дальнего, так и ближнего зарубежья.

Исторически сложилось так, что подобные нормы существовали в русском уголовном праве задолго до принятия и вступления в силу действующего УК РФ. Например, в Уголовном кодексе РСФСР существовало несколько статей, которые с определенной долей условности могут быть представлены как предшественни-

ки рассматриваемого состава преступления. К их числу отнесем преступления, закрепленные в ст. 157 и 158 УК. В ст. 157 УК была закреплена ответственность за выпуск или продажу товаров, оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Часть 1 ст. 157 УК гласит: «Выпуск или продажа товаров, оказание услуг, заведомо не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья потребителей, клиентов, повлекшие причинение вреда здоровью людей либо создание угрозы причинения такого вреда». Статья 158 УК РСФСР криминализовала ответственность за изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки.

Наиболее близок к современному тексту ст. 238 УК РФ, несомненно, текст ст. 157 УК РСФСР. До внесения изменений в текст ст. 238 УК РФ Федеральным законом от 9 июля 1999 г. № 157-ФЗ сходство между преступлениями было еще большим. Заметим, однако, что в прежней редакции ст. 238 УК имела материальный состав преступления и требовала причинения вреда здоровью человека. Различие между старым и преобразованным текстом заключается в следующем: 1) увеличилось число действий, составляющих оборот

товаров, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья, за счет включения понятий «хранение» и «перевозка»; 2) понятие «выпуск» было заменено более определенным понятием «производство»; 3) криминализовано выполнение работ, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья; 4) состав преступления сформулирован как формальный; 5) криминализованы неправомерные выдача или использование официального документа, удостоверяющего соответствие товаров, работ, услуг требованиям безопасности; 6) помимо понятия «товар» законодатель ввел оборот понятие «продукция».

Отмеченные нами изменения были осуществлены, по-видимому, в связи с расширением рынка товаров и услуг для населения и регламентацией оборота товаров, работ и услуг. Что касается отказа законодателя от конструкции состава преступления по образцу материального, то он, скорее всего, связан с участвовавшими случаями причинения вреда здоровью в результате отравлений [1].

В тексте новой редакции ст. 238 УК РФ обращают на себя внимание не столь очевидные условия, в которых совершается преступление. Это относится к месту совершения преступлений, субъектам, их совершающим, характеристике лиц, являющихся потерпевшими. Терминология, используемая в УК РСФСР, давала основания полагать, что речь в ст. 157 идет о товарах, выпускаемых на предприятиях промышленным путем либо в процессе индивидуальной предпринимательской деятельности, в условиях, контролируемых государством, о чем, в частности, свидетельствовало указание на потерпевших, которыми были «потребители» и «клиенты».

Одним из сложных вопросов является вопрос о субъекте преступления. Обратимся к решениям судов и обзорам судебной практики по применению ст. 238 УК РФ. Изученные нами судебные акты и обзоры позволяют отметить, что судебно-следственная практика по делам данной категории далека от совершенства в связи с неоднозначным пониманием понятий, с помощью которых законодатель описал состав преступления. Остановимся на особенностях конструкции основного состава преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 238 УК РФ.

В обзоре судебной практики по ст. 238 УК РФ Магаданского городского суда Магаданской области, опубликованном на сайте суда 26 марта 2010 г., указывалось, что существует две точки зрения на этот вопрос. Согласно

первой субъект преступления обладает признаками специального субъекта, например лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой организации, которая отвечает за производство, хранение, перевозку, сбыт товаров и продукции и удостоверяет их соответствие требованиям безопасности, индивидуальный предприниматель, занимающийся подобной деятельностью; изготовитель (продавец, исполнитель) – должностное лицо организации или гражданин – предприниматель и т.д. В соответствии со второй точкой зрения субъектом преступления может быть и общий субъект – лицо, достигшее 16 лет.

Как отмечается в обзоре, перелом в судебно-следственной практике произошел в связи с расширением рынка фальсифицированной алкогольной продукции, спиртосодержащих жидкостей, опасных для здоровья [2].

Сложилась практика признания субъектом преступления общего субъекта. В подавляющем большинстве изученных нами приговоров таковым является лицо, изготавливающее, хранящее ради сбыта и сбывающее спиртосодержащую продукцию либо пищевую продукцию. Обоснованность применения в таких случаях ст. 238 УК РФ вызывает вопросы. Дело в следующем. При конструировании состава преступления законодатель использовал термины из регулятивного законодательства. На это обстоятельство обращается внимание в обзорах судебной практики, судебных решениях и доктрине уголовного права.

Почему при анализе состава преступления и в правоприменительной практике ссылаются на Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»? Дело в том, что при конструкции состава преступления законодатель указал, что предметы преступления не отвечают «требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей». Буквальное толкование понятия «потребитель» требует обращения к тексту названного закона. Напомним, что в уголовно-правовой литературе в начале 2000-х гг. проходила дискуссия, поводом для которой послужила правоприменительная практика по делам об «экономических преступлениях». Одним из вопросов дискуссии был вопрос, необходимо ли использовать термины, заимствованные при конструировании составов преступлений из регулятивного законодательства, в том значении, которое придавал им законодатель в этом законодательстве, либо наполнять иным содержанием, исходя из потребностей уголовного права. На наш взгляд,

подавляющее большинство ученых, участвовавших в дискуссии и следивших за ней, согласились с тем, что «бланкетность» как метод построения уголовно-правовой нормы требует соблюдения при применении нормы УК смыслового значения соответствующего понятия, используемого в регулятивном законодательстве [3, с. 303].

В соответствии с Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных (бытовых) нужд, не связанных с извлечением прибыли [4].

Названный закон предназначен для регулирования отношений, возникающих между потребителями и юридическими либо физическими лицами, на законной основе производящими и реализующими товары, выполняющими работы и оказывающими услуги, и обеспечивает защиту прав потребителей. Как уже было указано, сложившаяся судебная и следственная практика преодолела представление о потребителе как лице, для которого работы, услуги, реализация товаров осуществляются на законной основе.

Это не единственное препятствие, с которым сталкиваются суды и органы предварительного расследования. В диспозиции ст. 238 УК перечислены предметы преступления: товары, продукция, работы, услуги. Эти понятия прочно вошли в гражданский оборот и используются в законодательстве, например в Гражданском кодексе РФ, Законе РФ «О защите прав потребителей», многочисленных подзаконных актах. Однако нормативного определения указанных понятий нет. В контексте указанных законов и области регулируемых ими отношений, тем не менее, можно утверждать, что речь идет о «предметах», находящихся в легальном обороте и соответствующих нормативным требованиям, как необходимом условии их оборота [5].

Сложности возникают при установлении признаков объективной стороны состава преступления. Обратимся к статье А.Н. Савченко «Понимание квалифицирующего признака “производство” в составе ст. 238 УК РФ в судебной практике с точки зрения правовой категории справедливости» [6, с. 29–32]. Анализируя материалы уголовных дел, автор приходит к выводу о несправедливости вынесения приговоров по ст. 238 УК РФ во многих случаях.

Обратимся к анализу понятий, использованных законодателем при конструкции состава преступления в ч. 1 ст. 238 УК РФ. Нормативного определения понятия «производство» применительно к ст. 238 УК РФ нигде не дается, что, безусловно, затрудняет определение его содержания. В Обзоре судебной практики [7], утвержденном Президиумом Верховного Суда Республики Мордовия от 9 апреля 2015 г. предлагается при раскрытии этого термина использовать постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (в редакции от 30 июня 2015 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [8].

Полагаем, что норма ст. 238 УК РФ в действующей редакции пережила свое время, она содержит терминологию, ориентированную на промышленное производство либо иное легальное производство и последующий оборот товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг. Руководствуясь потребностями правоприменительной практики, суды и органы предварительного расследования наполнили ее новым содержанием. В специальной литературе такая практика получила название правоприменительной криминализации [9, с. 10].

Правоприменительная практика свидетельствует о проблемах применения ст. 238 УК РФ, что, на наш взгляд, требует ее обновления. Если и далее применять ст. 238 УК РФ в случаях незаконного оборота товаров и иной продукции, созданной лицами, не имеющими отношения к легальному производству, в тексте диспозиции следует вместо термина «производство» либо наряду с ним использовать и другие понятия, например «изготовление». В примечании к ст. 238 УК РФ можно определить, что «потребители» – это лица, заказывающие, приобретающие, использующие товары или иную продукцию (пользующиеся результатами работ или услуг), независимо от того, кто является изготовителем товаров (продукции), оказывает услуги, выполняет работы, независимо от того, на законной основе либо нет осуществляется их деятельность.

Обратимся к вопросу правовой оценки предметов преступления, которые не отвечают требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. В тексте ст. 238 УК указано, что предметы преступления не отвечают «требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей». Следовательно, товары, продукция, работы и услуги должны отвечать определен-

ным требованиям. Действительно, мы находим многочисленные случаи установления нормативных требований к безопасности тех или иных изделий, работ, услуг. Выражены эти требования по-разному, в зависимости от характера предмета. Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ (в редакции от 13 июля 2015 г.) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [10] в ст. 3 «Оборотоспособность пищевых продуктов, материалов и изделий» устанавливает запрет на оборот пищевых продуктов, материалов и изделий, которые: не соответствуют требованиям нормативных документов; имеют явные признаки недоброкачественности, не вызывающие сомнений у представителей органов, осуществляющих государственный надзор в области обеспечения качества и безопасности пищевых продуктов, при проверке таких продуктов, материалов и изделий; не соответствуют представленной информации, и в отношении которых имеются обоснованные подозрения об их фальсификации; не имеют установленных сроков годности (для пищевых продуктов, материалов и изделий, в отношении которых установление сроков годности является обязательным) или сроки годности которых истекли и т.д.

Указанные общие требования дифференцируются применительно к различным видам товаров и продукции. Например, ст. 5 решения Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 882 (в редакции от 15 декабря 2015 г.) «О принятии технического регламента Таможенного союза «Технический регламент на соковую продукцию из фруктов и овощей»» (вместе с «ТР ТС 023/2011. Технический регламент Таможенного союза. Технический регламент на соковую продукцию из фруктов и овощей») указывает, что соковая продукция «не должна причинять вред жизни или здоровью человека и должна соответствовать требованиям безопасности соковой продукции из фруктов и (или) овощей, установленным в приложении 1» [11].

Таким образом, для установления опасности продукции необходимо установить несоответствие гигиенических и микробиологических показателей определенным величинам. Примером сказанного являются уголовные дела, связанные с изготовлением и сбытом фальсифицированной алкогольной продукции, товаров с истекшим сроком годности. Показательным в этом смысле является уголовное дело, рассмотренное в порядке кассации на приговор Советского районного суда Нижнего Нов-

города. Приговором суда установлено, что С., работая продавцом в магазине, в нарушение пп. 11, 23, 33 «Правил продажи отдельных видов товара», утвержденных постановлением Правительства РФ от 19 января 1998 г., умышленно хранила с целью последующего сбыта продукты питания, не отвечающие требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, а именно вакуумную упаковку «Сосиски столичные» весом 460 граммов по цене 52 руб. с истекшим сроком годности на 10 декабря 2005 г., которую умышленно продала покупателю.

Действия С. судом квалифицированы по ч. 1 ст. 238 УК РФ – как хранение в целях сбыта и сбыт товаров и продукции, не отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей.

Президиум Нижегородского областного суда в своем постановлении от 2 декабря 2015 г. указал, что «сам по себе факт несоответствия товара требованиям качества не всегда создает реальную опасность для жизни и здоровья потребителя и не является достаточным условием для привлечения лица к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 238 УК РФ, поскольку в том случае, если опасность сбываемой продукции для жизни и здоровья потребителей не подтверждена, возможно применение административной, а не уголовной ответственности» [12].

Краснослободский районный суд, рассматривая материалы уголовного дела в отношении К., вынес оправдательный приговор. Судебная коллегия Верховного Суда Республики Мордовия [7], оценивая законность принятого решения по делу, в апелляционном постановлении от 12 декабря 2014 г. указала, что органами предварительного расследования выводы об опасности для жизни и здоровья человека самогона, произведенного К., основаны только на том, что содержание сивушных масел в нем превышает допустимые пределы, установленные ГОСТом Р 51355-99 «Водки и водки особые», и сивушные масла могут вызвать отравление тяжелой степени или привести к смерти.

В экспертном заключении указывается, что жидкость, представленная на экспертизу, представляет собой крепкий спиртной напиток домашней выработки – самогон и, следовательно, водкой не является. Как установил суд, из ГОСТа Р 55315-2012 «Виски Российский» следует, что норма массовой концентрации сивушного масла в 1 дм куб. безводного спирта составляет 500–6000 мг/дм куб., т.е. значительно превышает концентрацию сивушных масел в жидкости, произведенной К. Превышение

концентрации сивушного масла в исследуемом образце напитка еще не свидетельствует о его опасности для жизни или здоровья.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении приговоров показал, что в основу доказательств опасности жизни или здоровья спирто-содержащей продукции ложатся заключения экспертов, в которых зачастую нет четких критериев, указывающих на такую опасность.

В приговоре по делу Хаётова указано, что «исследованный образец, представленный на экспертизу, в бутылках с названием водка “Зимняя дорога” не соответствует требованиям ГОСТ Р 51355-99 “Водки и водки особые. Общие технические условия” по исследованным органолептическим (запах неприятный, с наличием посторонней ароматики) и исследованным физико-химическим показателям: крепость 42,5% (при норме 40%). Исследованный образец представляет опасность для здоровья потребителей, т.е. совершено преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 238 УК РФ» [13]. Из текста неясно, почему предмет с названием «Зимняя дорога» представляет опасность для здоровья потребителей. Показатель крепости (42,2 градуса) еще не определяет опасность, поскольку в легальном обороте находятся алкогольные напитки крепостью выше 40 градусов (например, джин), к тому же исследованный предмет водкой не является.

Полагаем, что вывод об опасности «продукта» можно сделать лишь в случае, если установлено, что в его содержание входят вещества, характеристика и количественное содержание которых нормативно определены как опасные для жизни или здоровья человека. В некоторых случаях вывод об опасности продукции для жизни или здоровья был сделан при отсутствии экспертного заключения, на основании протокола испытаний образца продукции [14]. Полагаем, что изъятие продуктов питания из оборота по причине их некачественности еще не дает основания для привлечения виновного к уголовной ответственности и требует проведения экспертизы в рамках уголовного дела. В случае «конкуренции» состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, и состава административного правонарушения, закрепленного в ч. 1 ст. 14.4 КоАП РФ, выбор в пользу уголовной либо административной ответственности может быть сделан по результатам экспертизы.

Рассмотрим вопрос о возможности уголовной ответственности за повторное совершение правонарушения, влекущего за собой ад-

министративную ответственность. Для этого обратимся к судебной практике привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 238 УК РФ за совершение повторно правонарушения, наказываемого по ст. 12.5 КоАП РФ. Часть 1 ст. 12.5 КоАП РФ установила ответственность за «управление транспортным средством при наличии неисправностей или условий, при которых в соответствии с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанностями должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения эксплуатация транспортного средства запрещена, за исключением неисправностей и условий, указанных в частях 2–7 настоящей статьи».

В Санкт-Петербурге сложилась практика привлечения к уголовной ответственности и осуждения по ч. 1 ст. 238 УК РФ водителей маршрутных такси, оказывающих услуги по перевозке пассажиров при наличии неисправностей, указанных в «Перечне неисправностей и условий, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств» [15]. Так, приговором суда по ч. 1 ст. 238 УК РФ осужден Бурдин за то, что вновь оказывал «услуги по перевозке пассажиров, не отвечающие требованиям безопасной жизни или здоровья потребителей, поскольку технические неисправности в виде неработающего ремня безопасности водителя ... неработающей кнопки аварийного открывания дверей, отсутствия аптечки и огнетушителя, негорящего стоп-сигнала с левой стороны, создающих угрозу жизни и здоровья пассажиров, не были устранены вплоть до задержания транспортного средства...» [16]. Привлечение к уголовной ответственности происходит после повторного задержания транспортного средства и фиксации тех же самых неисправностей, при наличии которых ранее осуществлялось управление транспортным средством. На наш взгляд, оснований для привлечения к уголовной ответственности недостаточно. Ни одно из нарушений, перечисленных в Перечне [15], не определено как не отвечающее требованиям безопасности жизни или здоровья. Вывод о том, что оказание услуг транспортной перевозки не отвечает требованиям безопасности жизни или здоровья, не вытекает из характера неисправностей и является предположением. В указанных случаях при повторном нарушении должна применяться административная ответственность.

Рассмотрение особенностей конструкции и правоприменительной практики ч. 1 ст. 238 УК

РФ приводит нас к мысли о том, что при конструкции уголовно-правовой нормы не в полной мере учтены принципы определенности и единства терминологии и полноты состава.

Рассматриваемая уголовно-правовая норма стала универсальным средством привлечения к уголовной ответственности за оборот товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, в самых различных сферах экономики и

областях хозяйственной деятельности. Несовершенство конструкции состава преступления ведет к допущению ошибок в правоприменительной практике и нарушению принципа законности. Полагаем, что законодателю следует вновь обратиться к конструкции состава преступления и рассмотреть вопрос о возможности включения в качестве признака объективной стороны ч. 1 ст. 238 УК РФ последствия в виде причинения вреда здоровью.

1. Немцов А.В. Алкоголь и смертность в России: 1980-е – 1990-е годы. URL: <http://www.nastavlenie.ru/alcohol/statistika.aspx> (дата обращения: 25.12.2016).

2. Обобщение судебной практики по ст. 238 УК РФ. Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. URL: http://magadansky.mag.sudrf.ru/modules.php?id=57&name=docum_sud (дата обращения: 26.12.2016).

3. Шишко И.В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004.

4. О защите прав потребителей: закон РФ от 7 февр. 1992 г. № 2300-1 // Рос. газ. 1996. 16 янв.

5. Нечаева А.В. Особенности объекта преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров, продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2011. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obekta-prestupleniya-predusmotrennogo-st-238-uk-rf-proizvodstvo-hranenie-perevozka-libo-sbyt-tovarov-produktsii-vypolnenie>

6. Савченко А.Н. Понимание квалифицирующего признака «производство» // Рос. судья. 2014. № 9. С. 29–32.

7. Обзор судебной практики: утв. Президиумом Верховного Суда Республики Мордовия от 9 апр. 2015 г. URL: <http://pandia.ru/text/80/126/31095.php> (дата обращения: 03.01.2017).

8. Рос. газ. 2006. 28 июня.

9. Радошнова Н.В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015.

10. О качестве и безопасности пищевых продуктов: федер. закон от 2 янв. 2000 г.

1. Nemtsov A.V. Alcohol and death rate in Russia: the 1980th – the 1990th years. URL: <http://www.nastavlenie.ru/alcohol/statistika.aspx> (date of access: 25.12.2016).

2. Generalization of court practice according to art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. Production, storage, transportation or sale of goods and products, performance of works or rendering the services which aren't meeting safety requirements. URL: http://magadansky.mag.sudrf.ru/modules.php?id=57&name=docum_sud (date of access: 26.12.2016).

3. Shishko I.V. Economic offenses: Questions of legal evaluation and responsibility. St. Petersburg, 2004.

4. About consumer protection: law of the Russian Federation d.d. Febr. 7, 1992 № 2300-1 // Rus. newsp. 1996. Jan. 16.

5. Nechayeva A.V. Features of an object of the crime provided by art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation «Production, storage, transportation or sale of goods, products, performance of works or rendering the services which aren't meeting safety requirements» // Bull. of Voronezh institute of Russian MIA. 2011. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obekta-prestupleniya-predusmotrennogo-st-238-uk-rf-proizvodstvo-hranenie-perevozka-libo-sbyt-tovarov-produktsii-vypolnenie>

6. Savchenko A.N. Understanding of the qualifying sign «production» // Russian judge. 2014. № 9. P. 29–32.

7. Overview of court practice: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Mordovia d.d. Apr. 9, 2015. URL: <http://pandia.ru/text/80/126/31095.php> (date of access: 03.01.2017).

8. Rus. newsp. 2006. June 28.

9. Radoshnova N.V. Criminalization (decriminalization) in the criminal law of Russia: auth. abstr. ... Candidate of Law. Saratov, 2015.

10. About quality and safety of foodstuff: fed. law d.d. Jan. 2, 2000 № 29-FL (as amended on July 13, 2015) // Rus. newsp. 2000. Jan. 10.

№ 29-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) // *Рос. газ.* 2000. 10 янв.

11. Официальный сайт Комиссии Таможенного союза. URL: <http://www.tsouz.ru/>, 15.12.2011 (дата обращения: 06.01.2017).

12. Постановление Президиума Нижегородского областного суда от 2 дек. 2015 г. № 44У-124/2015, 4У-1065/2015. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 03.05.2016).

13. Приговор Никулинского районного суда г. Москвы от 8 июня 2011 г. по делу Хаётова. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 21.12.2016).

14. Приговор Ленинского районного суда г. Краснодара. Уголовное дело в отношении Шульги И.Г. г. Краснодар, 12 янв. 2012 г. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 12.09.2016).

15. О Правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23 окт. 1993 г. № 1090 (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (в ред. от 8 июня 2016 г.) // *Рос. вести.* 1993. 23 нояб.

16. Приговор Выборгского районного суда Санкт-Петербурга от 16 апр. 2015 г. Дело № 1-527/15. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 08.10.2016).

11. Official site of the Commission of the Customs Union. URL: <http://www.tsouz.ru/>, 15.12.2011 (date of access: 06.01.2017).

12. Resolution of the Presidium of the Nizhny Novgorod regional court d.d. Dec. 2, 2015 № 44U-124/2015, 4U-1065/2015. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 03.05.2016).

13. Sentence of Nikulinsky district court of Moscow d.d. June 8, 2011 in the case of Hayotov. URL: <https://rospravosudie.com/> (date of access: 21.12.2016).

14. Sentence of Leninsky district court of Krasnodar. Criminal case concerning Shulga I.G. Krasnodar, Jan. 12, 2012. URL: <https://rospravosudie.com> (date of access: 12.09.2016).

15. About Traffic regulations: order of the Government of the Russian Federation d.d. Oct. 23, 1993 № 1090 (together with «Basic provisions on the admission of vehicles to operation and an obligation of officials on traffic safety») (as amended on June 8, 2016) // *Russian news.* 1993. Nov. 23.

16. Sentence of the Vyborg district court of St. Petersburg d.d. Apr 16, 2015. Case № 1-527/15. URL: <https://rospravosudie.com> (date of access: 08.10.2016).

Кибальник Алексей Григорьевич
 доктор юридических наук, профессор,
 Северо-Кавказский федеральный университет
 (тел.: +78652330141)

Современное понимание свободы воли в российской уголовно-правовой доктрине

Статья содержит обзор российских исследований, посвященных проблемам понимания свободы воли в уголовном праве. Автор делает вывод о важности подобного рода работ, а также об их перспективности в связи с изменениями уголовного законодательства, введением в него «принуждения» как обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовно-правовая доктрина, свобода воли, детерминизм, принуждение.

A.G. Kibalnik, Doctor of Law, Professor, North Caucasus Federal University; tel.: +78652330141.

Contemporary understanding of free will in Russian criminal-law doctrine

The article contains a review of Russian studies on problems of understanding of free will in criminal law. The author makes a conclusion about the importance of this kind of work, as well as their prospects in relation to changes of criminal legislation, the introduction of its «compulsion» as one of criminal defenses.

Key words: criminal liability, criminal-law doctrine, free will, determinism, compulsion.

Не секрет, что исследования такого «краеугольного» камня доктрины уголовного права, как «свобода воли», пережившие расцвет в 60–70 гг. XX в. [1, с. 140–144; 2, с. 90–98; 3, с. 40–48; 4; 5; 6, с. 63–72], в настоящее время остаются как бы «на задворках» отечественной науки. Конечно, этой проблемы касались российские мэтры, но на уровне соответствующих глав (в лучшем случае) в учебниках либо курсах лекций. Уже более двадцати лет действию УК РФ, но во многом «воз и ныне там». Как известно, отечественный УК впервые на законодательном уровне ввел определение «антагониста» свободы воли – принуждения как полноценного обстоятельства, исключающего преступность деяния. Несмотря на появившиеся в последние 10–15 лет работы, в науке до сих пор не разработана доминирующая точка зрения (если она возможна) на природу, соотношение и значение свободы воли и принуждения для уголовного права (как отрасли, так и науки).

На этом фоне приятным исключением стало появление серьезного монографического труда С.В. Шевелевой [7]. Автор обоснованно отмечает, что в складывающихся социально-экономических и политических условиях остро стоят вопросы, связанные с соотношением свободы воли и принуждения в уголовном праве России. Также справедливы слова о том, что «эволюция правовой мысли не раз наглядно подтверждала, что всякие попытки обойти эту проблему, объявить ее надуманной, попытки формировать отдельные институты вне доктрины уголовного права терпели неудачу». В свою очередь, дихотомия свободы воли и при-

нуждения «не придумана философами, а порождена жизнью, опытом, практикой».

Совершенно согласны с мыслью о том, что исследование места и соотношения свободы воли и принуждения в уголовном праве приобретает принципиальное значение. И это верно, так как указанная проблема «самым непосредственным образом затрагивает ключевые вопросы уголовного права и по существу выполняет методологическую функцию в познании уголовно-правовых явлений в целом».

Позволим себе остановиться на «ключевых» моментах работы С.В. Шевелевой.

Изначальное внимание автором уделено соотношению философских «начал» и уголовно-правового понимания свободы воли и принуждения.

Прежде всего, автор ставит закономерный вопрос: что такое свобода воли и принуждение с точки зрения философии и теории уголовного права. С этой позиции (да и с позиции «научного интереса») удачно рассмотрены развитие идей свободы воли и принуждения в философско-правовых учениях. Следует выделить весьма интересные рассуждения автора о значении (в ракурсе проблемы) учений Отцов Церкви (в частности, Августина Блаженного) и Св. Фомы Аквинского, заложивших эту проблематику «на века» в европейский философский дискурс. Логично рассмотрен вопрос о свободе воли и принуждении в истории отечественного уголовного законодательства.

С.В. Шевелева, обобщая рассмотрение истории вопроса о свободе воли в философии и доктрине уголовного права, говорит о существовании двух основных направлений мысли:

детерминизма и индетерминизма (правда, к ним она прибавляет появившийся в XX в. «волевой агностицизм»). В борьбе «этих направлений развивались философия и уголовное право на протяжении всей их истории, и во многом борьба эта не окончена и сегодня».

В результате автор приходит к несколько неожиданным (будем откровенны – и необычному для отечественной доктрины) выводу о том, что философские представления о содержании категорий «свобода» и «необходимость» не могут быть «экстраполированы на почву уголовного права». Надо отметить, что аргументация данного положения «размыта» в тексте самой работы. Тем не менее, в итоге автор формулирует два «ключевых» определения: свободы воли – как «автономно принятого решения человека выбрать из доступных ему ... один вариант действия и реализацию такого варианта» и собственно самого принуждения – как «внешнего воздействия на человека – непреодолимой силы, третьих лиц или государства, подавляющего его свободу воли и вынуждающего его (или обуславливающего его выбор) действовать (бездействовать) в определенном направлении».

Обратим внимание на то, что С.В. Шевелева обоснованно говорит о том, что «поведение человека, имеющее уголовно-правовое значение, предполагается свободно-волевым до тех пор, пока не будет установлено обратное», т.е. свобода воли лица (от себя добавим – обладающего соответствующим возрастным признаком) обладает качествами опровержимой презумпции. И в этом смысле она является «предпосылкой» возникновения основания самой уголовной ответственности.

Также можно обратить внимание на успешное определение «места» свободы воли в объективных и субъективных признаках состава преступления. Так, автор правильно говорит об «объективном компоненте» свободы воли в деянии как доктринальном требовании характеристики деяния как обязательного признака объективной стороны. Соответственно, обстоятельствами, отрицающими свободу воли в «объективном компоненте», являются непреодолимая сила и неконтролируемые волей телодвижения.

Заслуживает внимания авторское рассмотрение «субъективного компонента» свободы воли. По мнению С.В. Шевелевой, свобода воли в наибольшей степени отражается в понятиях «субъективного» невиновного причинения вреда (ч. 2 ст. 28 УК РФ), вменяемости, ограниченной вменяемости и правиле об уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. Особенно следует выделить суждение о том, что теория свободы воли позволяет разрешить проблему

о критериях «ограниченной вменяемости». По справедливому словам, если лицо, совершающее преступление, страдает психическим расстройством, не исключающим вменяемости, то (несмотря на данное расстройство) в его действиях «присутствуют объективный и субъективный компоненты свободы воли». Из этого следует, что речь может идти только об «индивидуализации ответственности».

Определенный интерес представляет рассмотрение юридического значения свободы воли потерпевшего лица, в первую очередь при наличии согласия потерпевшего на причинение ему вреда.

Нельзя не отметить суждение С.В. Шевелевой о том, что свобода воли в контексте стадий совершения преступления предполагает, что недоведение преступления до окончания по не зависящим от лица обстоятельствам означает «сохранение у лица только субъективного компонента свободы воли, в то время как необходимый объективный компонент отсутствует».

При рассмотрении проблем свободы воли в соучастии внимание автора сконцентрировано на понимании подстрекательства и исполнительства, на спорных моментах совершения преступления организованной группой либо преступной организацией (преступным сообществом), а также на эксцессе исполнителя.

Анализируя вопрос о свободе воли и наказании, С.В. Шевелева резонно утверждает, что назначаемое наказание должно быть потенциально исполнимым (чего, по мнению автора, нельзя сказать в отношении «кратных» штрафов). Кроме того, не исполняемое по уважительным причинам наказание «не может влечь для лица негативные уголовно-правовые следствия, в том числе замену более тяжким наказанием».

«Изюминкой» работы С.В. Шевелевой является рассмотрение проблемы свободы воли при освобождении от уголовной ответственности и наказания.

Понятно, что основное внимание было «приковано» к таким основаниям освобождения от уголовной ответственности, как примирение с потерпевшим и деятельное раскаяние. Однако, на наш взгляд, особую ценность представляют рассуждения о свободе воли при освобождении от ответственности по нормам-примечаниям к статьям Особенной части УК РФ (автор, следуя спорной традиции, продолжает их именовать «специальным освобождением от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием»). Вот здесь имеется определенное противоречие. Вначале автор безапелляционно говорит о том, что условием такого освобождения является «наличие у лица реальной возможности продолжать совершение преступления». Но через несколько страниц «поправляет» себя в том, что содержание

«объективного компонента» свободы воли при освобождении по нормам Особенной части УК РФ в отдельных случаях «ограничивается» самим законодателем, – действительно, для этого можно посмотреть хотя бы на примечание к ст. 206 УК РФ.

Однозначно следует поддержать позицию С.В. Шевелевой в том, что принуждение как обстоятельство, исключаящее преступность деяния и предусмотренное ст. 40 УК РФ, характеризуется четырьмя условиями правомерности, относящимися к «источнику вызываемого поведения»: 1) объективная опасность принуждения; 2) наличие принуждения; 3) действительность (реальность) принуждения; 4) отсутствие «предшествующей» вины принуждаемого в создании ситуации принуждения. Рассуждения об отличии принуждения от иных обстоятельств, исключаящих преступность деяния (в первую очередь, от крайней необходимости), в целом строятся в соответствии с доминирующей в доктрине позицией.

Интересны рассуждения относительно того, что принуждение (с точки зрения отдельных составов преступлений) в Особенной части УК РФ может образовывать только способ совершения преступления, но не само общественно опасное деяние.

В общем и целом, положительно оценивая работу С.В. Шевелевой, считаем необходимым обратить внимание на некоторые спорные моменты.

Прежде всего, отметим категоричность утверждения о том, что «в уголовно-правовых категориях» (как и «в уголовно-правовом регулировании в целом») «диалектическое единство и борьба противоположностей свободы и необходимости не имеют функционального значения».

Да, сейчас модно отказываться от диалектики как философской концепции в целом и диалектического метода в частности. Существуют работы последнего времени, в которых совершенно серьезно «единственным достойным путем» развития правового знания объявлена ... метафизика [8, с. 69–70]. Однако не стоит «рубить с плеча»: диалектика прошла испытание временем и доказала свою состоятельность. Автор сама ведь говорит о противоположности свободы воли и принуждения в объективном и субъективном «компонентах», о взаимодействии этих компонентов (особенно ярко – при рассмотрении невинного причинения вреда и положений ст. 40 УК РФ).

А разве в той же ст. 40 УК РФ свобода воли и принуждение не находятся «законодательно» в диалектическом взаимодействии (включая «единство и борьбу противоположностей») при формулировании оснований и пределов возможной уголовной ответственности принуж-

даемого лица? Думаем, что находятся, тем более, что сама автор совершенно справедливо считает, что «дихотомия свободы воли и принуждения не придумана философами, а порождена жизнью, опытом, практикой».

В «продолжение» этого замечания отметим, что С.В. Шевелева, исследуя развитие концепции свободы воли и принуждения в доктрине, заключает, что «в современных условиях» к названной концепции наиболее применима «конструкция агностицизма».

В философской литературе утверждается, что агностицизм – это терминология, существующая в философии, теории познания, теологии, полагающая принципиально невозможным познание объективной действительности через субъективный опыт. Также в агностицизме отрицается возможность доказательства или опровержения идей и утверждений, основанных на субъективных посылах. Иногда агностицизм определяется как философское учение, утверждающее принципиальную непознаваемость мира – так, по словам И. Канта, «человек никогда не сможет узнать, каков мир сам по себе» [9].

Непонятно, в каком ракурсе автор использовала термин «агностицизм» применительно к проблематике исследования, но, если следовать «классическому» пониманию агностицизма, потеряют значение все суждения, корреспондирующие к примерам из судебной практики (коих использовано более чем достаточно). Все же К. Маркс был более прав в том, что «сравнение нашего представления о мире с самим миром осуществляется в практической деятельности» и «успех нашей практики как раз и свидетельствует о том, что мы, в общем, имеем правильное представление о предметах и явлениях окружающего мира» [10, с. 116].

Рассуждая о свободе воли при добровольном отказе, С.В. Шевелева вполне справедливо говорит, что решение вопроса о признании отказа добровольным зависит от установления содержания субъективного и объективного компонентов свободы воли (по формуле: субъективный компонент – «не хочу», объективный компонент – «могу»). Поэтому (с позиции свободы воли) добровольный отказ можно выразить в формуле «не хочу совершить действие». Как следствие, становится невозможным признание возможности добровольного отказа в оконченном покушении.

Действительно, в таком покушении деяние уже совершено, но ведь в условиях неопределенного результата (учитывая временную корреляцию между деянием и возможным последствием) деятель может произвольно совершить «контрдействие», направленное на предотвращение последствий. И в этом плане более права судебная практика, признающая возмож-

ность добровольного отказа и при окончательном покушении. Правда, в ограниченных названной корреляцией случаях (имеется в виду широко известный случай из судебной практики, когда муж тайно (вместе с едой) дал яд жене, а спустя некоторое время – противоядие, в результате чего супруга отделалась «испугом»). Суд первой инстанции признал его виновным в покушении на убийство, а вышестоящий суд применил норму о добровольном отказе).

Наконец, С.В. Шевелева, рассуждая о принуждении как обстоятельстве, исключающем преступность деяния, по существу соглашается с тем, что «непреодолимым» может быть физическое принуждение, «устраняющее наличие преступности деяния как признака объективной стороны состава преступления». Что касается возможности «непреодолимого» психического принуждения (например, при гипнозе), то автор считает, что «согласие подвергнуться гипнозу» следует рассматривать в рамках «проекции свободы воли» как «предшествующую вину» принуждаемого. А если впоследствии загипнотизированное лицо попросту обманули? А если гипноз в принципе не был добровольным (например, человека ввели в транс обманом)? Мнение автора однозначное: положения ст. 40 УК РФ в данном случае неприменимы. Только вот так и осталось неясным – почему?

Понятно, что гипноз не делает лицо невменяемым (отсутствует медицинский критерий, установление которого обязательно в силу ст. 21 УК РФ), но практически все психологи уверены, что гипнотическое воздействие может полностью подчинить виновному волю загипнотизированного человека.

Да и «классическое» психическое принуждение, например в виде угрозы причинения вреда близким, может совершенно парализовать волю причинителя вреда. Поэтому полагаем, что более правы те авторы, которые говорят о дефектности ч. 2 ст. 40 УК РФ и о возможности существования «непреодолимого» психического принуждения, полностью исключающего ответственность за причиненный вред (как это сделано в ч. 1 ст. 40 УК РФ). Тем более, что сама автор на странице 286 (правда, как-то неопределенно и косвенно) признает возможность непреодолимости принуждения, связанного с непосредственной угрозой угрожающего жизни насилия («по образцу» ч. 1 ст. 37 УК РФ).

Однако все приведенные замечания сформулированы в порядке научной дискуссии. Считаю, работа С.В. Шевелевой представляет собой важное и своевременное монографическое исследование, посвященное фундаментальной проблеме свободы воли в уголовном праве, способное внести самый серьезный вклад в поиски ее дальнейшего решения.

1. Эдельгауз Е.М. К вопросу о понятии свободы воли в уголовном праве // *Правоведение*. 1962. № 4.

2. Волженкин Б.В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // *Правоведение*. 1963. № 3.

3. Шаргородский М.Д. Детерминизм и ответственность // *Правоведение*. 1968. № 1.

4. Номоконов В.А. Проблема свободы воли в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1974.

5. Начкебия Г.И. Проблема свободы воли в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тбилиси, 1976.

6. Яковлев А.М. Детерминизм и «свобода воли»: перспективы изучения личности преступника // *Правоведение*. 1976. № 6.

7. Шевелева С.В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.

8. Бочкарев С.А. Состояние уголовного права: «пороги» и «пороки» научного осмысления // *Рос. журн. правовых исследований*. 2015. № 1.

9. *Философия: энцикл. словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004.*

10. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч. М., 1955. Т. 20.*

1. Edelgauz E.M. To a question about the concept of free will in criminal law // *Jurisprudence*. 1962. № 4.

2. Volzhenkin B.V. Public danger of the offender and the base of the criminal-liability companies // *Jurisprudence*. 1963. № 3.

3. Shargorodsky M.D. Determinism and responsibility // *Jurisprudence*. 1968. № 1.

4. Nomokonov V.A. The problem of free will in the Soviet criminal law: auth. abstr. ... Candidate of Law. Saratov, 1974.

5. Nachkebia G.I. The problem of free will in criminal law: auth. abstr. ... Candidate of Law. Tbilisi, 1976.

6. Yakovlev A.M. Determinism and «free will»: the prospects of studying person of offender // *Jurisprudence*. 1976. № 6.

7. Sheveleva S.V. Free will and coercion in criminal law: diss. ... Doctor of Law. Moscow, 2015.

8. Bochkarev S.A. Statement of criminal law: «limits» and «defects» of scientific understanding // *Russian journal of legal studies*. 2015. № 1.

9. *Philosophy: encyclopedia dictionary / ed. by A.A. Ivin. Moscow, 2004.*

10. Marx K., Engels F. *Works. Moscow, 1955. Vol. 20.*

Пудовочкин Юрий Евгеньевич

доктор юридических наук, профессор,
Российский государственный университет правосудия
(e-mail: 11081975@list.ru)

Судебная практика установления вины в преступлении, предусмотренном статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

В статье на основе анализа материалов судебной практики обсуждаются вопросы определения содержания и формы вины в преступлении, предусмотренном ст. 264.1 УК РФ; обосновывается умышленный характер деяния; раскрываются элементы психического отношения к деянию, включающие отношение к факту нарушения правил и к факту повторности нарушения.

Ключевые слова: нарушение специальных правил, преступление с административной преюдицией, вина, умысел.

Yu.E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Russian State University of Justice; e-mail: 11081975@list.ru

Judicial practice of establishing guilt in crime, provided in article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

In the article on the basis of the analysis of judicial practice questions of determination of content and a form of fault in the crime provided by art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are discussed; the deliberate nature of act is proved; the elements of the mental relation to act including the relation to the fact of violation of the rules and to the fact of frequency of violation reveal.

Key words: violation of special rules, crime with an administrative prejudice, fault, intention.

В ст. 264.1 УК РФ предусмотрена ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ либо ст. 264.1 УК РФ. Среди многих проблем, которые вызывают толкование и применение данной нормы на практике, особое место занимает проблема определения субъективной стороны этого преступления, содержания и формы вины.

Прежде всего, отметим, что при решении вопроса о том, с какой формой вины может быть совершено то или иное преступление, необходимо руководствоваться правилами ч. 2 ст. 24 УК РФ, согласно которой «деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Толкование этого законоположения приводит к выводу о том, что в случаях, когда в статье Особенной части УК РФ специально не предусмотрено указание на неосторожную форму вины, деяние будет считаться преступлением в случае его совершения «не только по неосторожности», а значит, как в случае его совершения по неосторожности, так и в случае его умышленного совершения. Такая позиция сегодня официально признана Пленумом Верховного Суда РФ, который в постановлении от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» прямо указал: «Исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления» [1].

Конкретизирующие условия, указанные Пленумом, представляются крайне важными, осо-

бенно в свете рассматриваемых в настоящей публикации проблем.

В ст. 264.1 УК РФ, строго говоря, форма вины законодателем непосредственно не установлена. Между тем, указание в диспозиции данных норм на неоднократный характер допущенных нарушений по определению исключает возможность совершения преступлений по неосторожности. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» в п. 10.7 подтвердило: «По смыслу уголовного закона, преступление, предусмотренное статьей 264.1 УК РФ, совершается умышленно» [2].

Такое признание влечет значимые уголовно-правовые последствия в части установления категории преступления, решения вопросов стадий, соучастия, рецидива, определения места отбывания наказания в виде лишения свободы и пр. В связи с этим для обеспечения реализации принципов законности и вины крайне важно решить вопрос о содержании и виде умысла в таких преступлениях.

Вначале о содержании. Преступления, предусмотренные ст. 264.1 УК РФ, относятся к группе деяний с административной преюдицией. Поэтому содержание умысла в них не может быть определено вне контекста понимания правовой природы таких деликтов. Не углубляясь в обсуждение этой темы, заметим, что на сегодняшний день можно вполне определенно утверждать о наличии двух основных типов понимания преступлений с преюдицией. Первый основан на признании основанием ответственности самого факта неоднократного нарушения определенных правил, и в этом случае конструкция деяния становится крайне близка сложным единичным продолжаемым или составным преступлениям. Второй подход видит основанием ответственности единичный (по счету – второй) факт совершения деяния специальным субъектом – лицом, ранее наказанным в административно-правовом порядке. Очевидно, что в зависимости от избранной теоретической позиции анализ вопроса о вине будет существенно различаться. В первом случае необходимо будет доказывать наличие у лица общего умысла на совершение нескольких правонарушений, во втором – нет.

Представляется, что целям надлежащего отправления правосудия в большей степени отвечает вторая из представленных выше кон-

цепций преступлений с административной преюдицией. Отсюда – отсутствие практической необходимости (и теоретической состоятельности) установления единства вины для первого и второго акта нарушения специальных правил. А.В. Иванчин прав, когда пишет, что «эти акты поведения не пронизаны единым умыслом и по уголовному закону не должны быть им пронизаны», «не только преступления с административной преюдицией, но и ряд иных преступлений, предполагающих повторность нарушений субъекта, за одно из которых требуется привлечение к неуголовной ответственности, могут совершаться при отсутствии сквозного умысла лица, что нисколько не противоречит теории уголовного права» [3, с. 104–105].

Умысел в рассматриваемых преступлениях – это умысел специального субъекта на повторное нарушение специальных правил выполнения определенной деятельности. Исходя из этой посылки, стоит исследовать вопрос о его содержании и форме.

Обращение к материалам судебной практики применения норм с административной преюдицией (в частности, ст. 264.1 УК РФ) показывает, что правоприменитель не придерживается единого подхода к описанию субъективной стороны содеянного. Встречаются, в частности, следующие решения.

1. Суд просто констатирует умышленный характер деяния.

В одном из приговоров суд, в частности, указал, что подсудимый, реализуя свой преступный умысел, в нарушение п. 2.7 Правил дорожного движения, находясь в состоянии алкогольного опьянения, будучи подвергнутым административному наказанию за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, осуществлял движение по определенному адресу, управляя мотоциклом определенной марки [4].

2. Суд раскрывает характеристику интеллектуально-волевых процессов виновного, вкладывая в них различное предметное содержание.

Так, суд в одном случае указал, что подсудимый, будучи подвергнутым административному наказанию, должных выводов для себя не сделал и в определенное время, находясь по определенному адресу, действуя умышленно, осознавая общественную опасность своих действий, в нарушение п. 2.7 Правил дорожного движения РФ, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения правил дорожного движения в части нарушения прав участников дорожного движения на безопасность движения по доро-

гам общего пользования и желая этого, сел в автомобиль, провернув ключ в замке зажигания, запустил его двигатель и совершил на нем поездку, тем самым став участником дорожного движения – водителем [5]. Здесь, как видим, суд указал на психическое отношение виновного и к самому деянию, и к его последствиям.

В другом случае суд указал, что подсудимый, считаясь лицом, подвергнутым административному наказанию, в состоянии алкогольного опьянения находился по определенному адресу, где у него возник преступный умысел, направленный на управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Реализуя свой преступный умысел, он, в нарушение п. 2.7 Правил дорожного движения, осознавая, что управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения запрещено, не имея права на управление транспортными средствами, прошел и сел на водительское место, в стоявший в гараже дома автомобиль, завел двигатель автомобиля и начал движение, после чего умышленно управлял автомобилем до момента его задержания сотрудниками полиции [6]. Здесь суд ограничился описанием психического отношения виновного лишь к факту выполненного деяния.

В некоторых случаях суды указывают на то, что подсудимый сознавал не только опасность, но и противоправность своих действий. Так, в одном из приговоров было указано, что подсудимый, реализуя свой преступный умысел, направленный на нарушение правил дорожного движения, находясь в состоянии алкогольного опьянения, осознавая общественно опасный и противоправный характер своих действий, в нарушение п. 2.7 Правил дорожного движения, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения безопасности дорожного движения, имея судимость по ст. 264.1 УК РФ, сел за управление автомобилем, выехал с территории усадьбы дома и стал передвигаться, подвергая опасности участников дорожного движения [7]. В другом случае суд констатировал, что подсудимый, являясь лицом, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством, управлял мотоциклом в состоянии опьянения, умышленно, осознавая преступный характер и общественную опасность своих действий и игнорируя данное обстоятельство, подвергая опасности других участников дорожного движения [8].

Представляется, что стремление судов раскрыть в процессуальных документах содержание вины лица, обвиняемого в совершении

преступления, необходимо приветствовать даже в том случае, когда приговор постановляется в особом («ускоренном», «сокращенном») порядке. И хотя постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» дает на этот счет ограничительные рекомендации (указывать лишь форму вины в приговорах, постановленных в общем порядке), складывающаяся практика, при которой суды не только указывают форму, но и раскрывают содержание вины, причем вне зависимости от того, в каком порядке рассматривается уголовное дело, на наш взгляд, заслуживает поддержки.

Вместе с тем, вопрос о том, что входит в предметное содержание вины исследуемых преступлений, требует специального внимания. Его решение напрямую связано с конструкцией состава преступления. В нашем случае речь идет о преступлениях с формальным составом. Вопрос о виде и содержании умысла в них остается в науке дискуссионным.

Прежде всего, заметим, что формальный состав преступления не включает в число обязательных признаков последствия. В связи с этим нецелесообразно при рассмотрении уголовных дел анализировать психическое отношение виновного к последствиям, которые потенциально могли бы наступить, но которые для законодателя безразличны и не влияют на содержание объективной стороны состава преступления. Содержание интеллектуального компонента умысла в формальном составе ограничено только психическим отношением виновного к выполненному деянию (в нашем случае – к факту неоднократного нарушения специальных правил) и не включает в себя интеллектуальное отношение к последствиям.

И еще. Доминирует мнение, что умысел в формальном составе преступления является всегда прямым. В связи с этим специалисты включают в его содержание волевое отношение субъекта к выполненному действию. А.И. Рарог по этому поводу пишет, что в формальных составах преступлений волевое содержание умысла исчерпывается волевым отношением к самим общественно опасным действиям (бездействию) [9, с. 86]. Формула умысла при этом определяется следующим образом: «лицо осознает общественную опасность своего действия (бездействия) и желает его совершить». Однако, по обоснованному замечанию П.С. Дагеля, Д.П. Котова, Б.С. Никифорова, такой «перенос» волевого момента с последствия на действие (бездействие) является неправомерным [10, с. 81; 11, с. 17].

Желание, конечно же, выражает отношение не только к последствию, но и к действию. Но это проявление желания не включено законодателем в характеристику интеллектуальных процессов, характеризующих вину. Никакие оттенки волевого отношения субъекта к самому действию или бездействию не влияют на форму его вины. Это желание не столько относится к содержанию вины, сколько отражает более широкий контекст проблем, связанных со свободой воли и отсутствием принуждения к действию. Если кто-либо совершает определенное действие, сознавая его общественно опасный характер, это значит, что он желает его совершить. Если кто-либо не желает, чтобы его действие имело известный признаваемый им характер, он не совершает этого действия. Таким образом, включать признак «желание действия (бездействия)» в конструкцию умысла в формальном составе преступления представляется необоснованным.

В итоге содержание умысла в исследуемой нами конструкции должно ограничиваться лишь осознанием субъектом общественной опасности неоднократного нарушения специальных правил. Поскольку эта опасность одновременно определяется: а) фактом нарушения специальных правил специальным же субъектом, б) фактом повторного нарушения этих правил лицом, к которому ранее применялись меры административной ответственности, то можно утверждать, что субъект в анализируемых составах является как бы дважды специальным: он ответственен за соблюдение правил и он же ранее привлекался к ответственности за их нарушение. Как следствие, в содержании умысла субъекта должно отразиться два обстоятельства: тот факт, что он является лицом, подвергнутым административному наказанию, и тот факт, что он нарушает Правила дорож-

ного движения или иные специальные правила выполнения определенных действий. В подобных обстоятельствах осознание общественной опасности деяния практически с необходимостью предполагает осознание его противоправности, что и фиксируется в ряде приговоров по уголовным делам.

В связи с этим представляется необходимым обратить внимание, что, констатируя факт осознанного (умышленного) нарушения субъектом специальных правил, суды далеко не всегда обращают внимание на то, что субъект в равной мере должен осознавать свой специальный статус лица, подвергнутого административному наказанию. В качестве достаточно редкой иллюстрации правильного решения этого вопроса приведем дело, в приговоре по которому суд констатировал: подсудимый, достоверно зная о том, что со дня окончания исполнения административного наказания, предусмотренного ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, не истек один год, т.е. он является лицом, подвергнутым административному наказанию, в нарушение п. 2.7 Правил дорожного движения, действуя умышленно, с целью управления транспортным средством сел в автомобиль и, будучи в состоянии алкогольного опьянения, последовал на нем по автодороге [12].

Таким образом, можем констатировать, что в преступлениях, связанных с неоднократным нарушением специальных правил лицом, подвергавшимся административному наказанию, вина выражается исключительно в форме умысла, содержание которого образуют: а) осознание лицом общественной опасности и противоправности нарушения специальных правил; б) осознание лицом того обстоятельства, что оно повторно нарушает эти правила, будучи ранее подвергнутым административному наказанию.

1. Бюл. Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

2. Бюл. Верховного Суда РФ. 2009. № 2.

3. Иванчин А.В. О целесообразности построения составов преступлений с административной преюдицией // Библиотека криминалиста. 2013. № 2.

4. Приговор мирового суда по делу 1-62/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-2-mirovogo-sudi-kantemirovskogo-rajona-voronezhskoj-oblasti-s/act-233730432/> (дата обращения: 29.12.2016).

5. Приговор мирового суда по делу 1-69/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-belogorskij-rajonnyj-sudebnyj-uchastok-s/act-233732435/> (дата обращения: 29.12.2016).

1. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 12.

2. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009. № 2.

3. Ivanchin A.V. About expediency of creation of crime components with an administrative prejudice // Library of the criminalist. 2013. № 2.

4. Sentence of magistrate's court in the case 1-62/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-2-mirovogo-sudi-kantemirovskogo-rajona-voronezhskoj-oblasti-s/act-233730432/> (date of access: 29.12.2016).

5. Sentence of magistrate's court in the case 1-69/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-belogorskij-rajonnyj-sudebnyj-uchastok-s/act-233732435/>

6. Приговор мирового суда по делу 1-88/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-mirovogo-sudi-2-novosibirskoj-oblasti-kupinskogo-rajona-s/act-233736954/> (дата обращения: 29.12.2016).

7. Приговор мирового суда по делу 1-107/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-zavyalovskogo-rajona-altajskogo-kрая-s/act-233673748/> (дата обращения: 29.12.2016).

8. Приговор мирового суда по делу 1-6/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-mirovoj-sudya-sudebnogo-uchastka-3-morshanskogo-rajona-s/act-233676181/> (дата обращения: 29.12.2016).

9. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003.

10. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.

11. Никифоров Б.С. Субъективная сторона в «формальных» преступлениях // Советское государство и право. 1971. № 3.

12. Приговор мирового суда по делу 1-98/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-mirovogo-sudi-2-beloyarskogo-rajona-s/act-233684064/> (дата обращения: 29.12.2016).

uchastok-s/act-233732435/ (date of access: 29.12.2016).

6. Sentence of magistrate's court in the case 1-88/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-mirovogo-sudi-2-novosibirskoj-oblasti-kupinskogo-rajona-s/act-233736954/> (date of access: 29.12.2016).

7. Sentence of magistrate's court in the case 1-88/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-mirovogo-sudi-2-novosibirskoj-oblasti-kupinskogo-rajona-s/act-233736954/> (date of access: 29.12.2016).

8. Sentence of magistrate's court in the case 1-6/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-mirovoj-sudya-sudebnogo-uchastka-3-morshanskogo-rajona-s/act-233676181/> (date of access: 29.12.2016).

9. Rarog A.I. Qualification of the crimes on subjective signs. St. Petersburg, 2003.

10. Dage P.S., Kotov D.P. Mental element in crime and its establishment. Voronezh, 1974.

11. Nikiforov B.S. Mental element in «formal» crimes // Soviet state and law. 1971. № 3.

12. Sentence of magistrate's court in the case 1-98/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-mirovogo-sudi-2-beloyarskogo-rajona-s/act-233684064/> (date of access: 29.12.2016).

Сидоренко Элина Леонидовна

доктор юридических наук, доцент,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел РФ
(e-mail: 12011979@list.ru)

К вопросу о целесообразности криминализации обещания и предложения взятки

В работе оценены перспективы криминализации обещания и предложения взятки с точки зрения полноты выражения в них целей антикоррупционной уголовной политики. Основное внимание уделено вопросам конструирования составов и проблемам квалификации деяний на стадии обещания и предложения взятки.

Ключевые слова: коррупция, обещание и предложение взятки, криминализация, уголовная политика, международные антикоррупционные стандарты.

E.L. Sidorenko, Doctor of Law, Assistant Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: 12011979@list.ru

On the question of the advisability of criminalization promises and offers a bribe

This paper evaluated the prospects for the criminalization promises and offers a bribe in terms of completeness of expression in their anti-corruption criminal policy objectives. Main attention is paid to designing of structures and problems of the qualification of acts on stage promises and offers of bribes.

Key words: corruption, promise and offer of a bribe, criminalization, criminal policy, international anti-corruption standards.

Проблема целесообразности отдельных правовых запретов в настоящее время стала настолько обсуждаемой, что за частными вопросами уголовной превенции нередко утрачивается понимание целесообразности как исходного начала криминализации.

На страницах научной литературы она все чаще рассматривается как синоним достаточности, полноты и ясности отдельных уголовно-правовых норм, а вектор оценок смещается с проблемы целевой ориентации запретов на их содержательные характеристики.

Не ставя под сомнение важность юридико-технического анализа уголовно-правовых норм, полагаем, что первичным критерием их оценки должно быть именно их соответствие поставленным целям. А для того чтобы установить это соответствие, важно определить, какие цели являлись для законодателя первичными.

Применительно к криминализации обещания и предложения взятки можно условно выделить стратегическую и тактическую цели.

Стратегическая цель криминализации заключается в ужесточении антикоррупционной уголовной политики и перенесении начального порога уголовно-правового воздействия на стадию первичной реализации умысла, когда только высказывается намерение дать или получить взятку.

Тактическая цель криминализации обещания и предложения взятки состоит в создании единого правового пространства для борьбы с национальной и транснациональной коррупцией.

Как известно, отличительной чертой международных организаций антикоррупционной направленности является «мягкое» закрепление жестких требований к странам – участницам антикоррупционных соглашений. Основной целью данных организаций является создание универсального правового пространства с унифицированными требованиями, максимально упрощающими процедуру привлечения к уголовной ответственности за подкуп должностных лиц [1].

В рассматриваемом контексте введение запрета на обещание и предложение взятки должно рассматриваться как важный компонент в построении единого антикоррупционного пространства.

Насколько возможно достижение в России стратегической и тактической целей криминализации обещания и предложения взятки?

Несмотря на то, что в оценках стратегической цели криминализации преобладают скептические мнения, мы склонны видеть в ней серьезный превентивный потенциал. И заключается он не столько в возможности выявления данных преступлений, сколько в формировании нового

механизма сдерживания коррупции за счет увеличения ее трансакционных издержек.

Согласно экономической теории преступности [2, с. 12] коррупция – это особая форма социальной активности, подчиненная законам рынка. В основу ее анализа закладывается экономическая выгода коррупции, а участники криминальных отношений рассматриваются сквозь призму отношений «производитель – потребитель», где государственный служащий предлагает соответствующую услугу, а взяточник ее приобретает.

Если рассматривать взяточничество в рамках предложенной модели, реализация стратегической цели криминализации не кажется прозрачной. С одной стороны, установление уголовной ответственности на стадии обещания и предложения взятки, т.е. на стадии оферты, не позволяет отношениям «производитель – потребитель» приобрести стабильный и устойчивый характер. С другой стороны, риск привлечения к уголовной ответственности на самом раннем этапе преступной деятельности автоматически сокращает выгоду от коррупционного поведения за счет увеличения финансовых, репутационных и организационных издержек на той ступени криминальной схемы, когда их невозможно покрыть за счет полученных доходов.

В пользу приоритетности стратегической цели говорит и необходимость соблюдения принципа неотвратимости наказания. Даже если исходить из того, что и обещание, и предложение образуют стадию приготовления к даче взятки, следует признать, что только незначительная часть деяний может быть фактически наказуема.

Согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому или особо тяжкому преступлению. Следовательно, уголовно наказуемым в России может быть обещание взятки должностному лицу, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации в строго определенных случаях: при обещании взятки за совершение заведомо незаконных действий (ч. 3 ст. 291 УК РФ); за обещание взятки в крупном (ч. 4 ст. 291 УК РФ) или особо крупном размере (ч. 5 ст. 291 УК РФ).

Введение в УК РФ окончательного состава обещания и предложения взятки позволит устранить и противоречия в нормативной оценке коррупционных преступлений. В то время как в УК РФ обещание и предложение взятки являются стадией преступного посягательства, в

ст. 19.28 КоАП РФ они образуют состав окончательного правонарушения, если совершены юридическим лицом. На бессистемность правовых норм указывает и тот факт, что в УК РФ установлен запрет на обещание и предложение посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), но не предусмотрена ответственность за обещание и предложение взятки.

С принципиально иных позиций следует оценивать тактическую задачу криминализации, а именно установление единого правового пространства для противодействия преступности.

Умышленно упуская политическую и геополитическую составляющие проблемы, важно соотносить перспективы имплементации международных стандартов с риском нарушения системности охранительного законодательства и умаления национальных правовых традиций. Не случайно на экспертных площадках все чаще звучит призыв к уважению суверенитета страны, ее национальных интересов и правовых традиций.

Однако опасность умаления национальных правовых традиций кажется несколько преувеличенной при ее сравнении с теми преимуществами, которые дает создание единого правового пространства.

В пользу установления уголовной ответственности за обещание или предложение взятки свидетельствует необходимость соблюдения Россией своих обязательств в рамках ратифицированных международных конвенций.

Важность криминализации умышленного предложения и обещания взятки иностранному должностному лицу как окончательного преступления подчеркивается в следующих ратифицированных Россией документах:

Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (Российская Федерация присоединилась к Конвенции 1 февраля 2012 г.);

Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (ратифицирована Российской Федерацией 8 июня 2006 г.);

Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (ратифицирована 25 июля 2006 г.);

Конвенции против транснациональной организованной преступности (ратифицирована 26 апреля 2004 г.).

Ратификация Россией перечисленных выше конвенций, следуя прямому указанию п. «д» ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», переводит предложения о криминализации предложения и обещания

взятки в разряд обязательных для России требований.

Она ставит государство перед необходимостью принятия всех необходимых мер к установлению того, что сознательное предложение, обещание или предоставление прямо или через посредников любых материальных, денежных или иных преимуществ со стороны любого юридического или физического лица в пользу должностных лиц иностранных государств образует состав преступления [3, с. 85; 4, с. 180].

На своевременность и важность установления единого правового пространства противодействия коррупции указывает и опыт зарубежных стран.

Соответствующий уголовно-правовой зачет содержится в параграфе 78dd «Практика в области внешней торговли, запрещенная для эмитентов» Закона США о борьбе с практикой коррупции за рубежом, направленного на борьбу с подкупом и касающегося бухгалтерских книг и отчетности (в редакции от 22 июля 2004 г.) [5, с. 12].

Интересен и Закон Великобритании о взяточничестве 2010 г. (The Bribery Act). Он предусматривает уголовную ответственность за дачу взятки государственному служащему иностранного государства с целью сохранения бизнеса или получения поддержки. Преступление считается оконченным тогда, когда лицо предлагает, обещает или предоставляет финансовые или иные выгоды иностранному публичному официальному лицу с намерением оказать влияние на выполнение данным должностным лицом его официальных функций.

Не менее интересен опыт стран постсоветского пространства. Например, в Уголовном кодексе Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV состав пассивного коммерческого взяточничества признается оконченным уже с момента «притязания на получение» имущества, услуги, выгоды в любой форме или предложения для заключения пари (ст. 333), а состав активного коммерческого взяточничества – с момента «обещания» и «предложения» таких предметов.

Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. № 2287 отнес «предложение» и «обещание» к способам дачи и получения коммерческого подкупа (ст. 221) и активного и пассивного подкупа избирателей (ст. 164.1).

Уголовный кодекс Эстонии от 6 июня 2001 г. (далее – УК Эстонии) в число способов пассивного подкупа, наряду с «требованием» и «принятием» взятки, включил «согласие» взято-

лучателя принять «обещание» имущества или иных преимуществ (ст. 402.3), а в состав активного подкупа – «обещание» таких предметов со стороны дающего (ст. 402.4).

Успешное применение норм об уголовной ответственности за обещание и предложение взятки указывает на отсутствие существенных препятствий для криминализации данных деяний в УК РФ. Но не стоит при этом форсировать события.

В числе возможных опасностей нововведений можно отметить риск «нежизнеспособности» нормы ввиду неопределенности понятий «предложение» и «обещание» взятки, высокой латентности взяточничества и неготовности правоохранительной системы к выявлению и расследованию коррупционных преступлений на начальном этапе их совершения.

Оценка целесообразности криминализации обещания и предложения взятки не может быть ограничена выявлением стратегической и тактической целей.

Не менее важным является прогнозирование проблем и рисков, с которыми можно столкнуться в процессе правоприменения.

1. В первую очередь, это касается определения понятий «обещание» и «предложение» взятки.

По мнению экспертов ОЭСР, к предложению взятки относятся случаи, когда должностное лицо не побуждает к даче взятки, а взятокодатель предлагает предоставить некоторое преимущество по своей инициативе. Обещание взятки, напротив, указывает на достижение соглашения между взятокодателем и взятополучателем [6, с. 18].

Предложенное понимание предложения и обещания взятки соответствует их грамматическому толкованию.

В своем семантическом значении обещание – это данное кому-нибудь добровольное обязательство что-нибудь выполнить [7, с. 164]. О нем можно говорить только тогда, когда между сторонами достигнута договоренность. То есть обещание взятки имеет место тогда, когда сторонами оговорены условия подкупа и взятокодатель, давая обещание, таким образом подтверждает свои намерения.

Под предложением понимается то, что предлагается вниманию, предложено для обсуждения, рассмотрения или исполнения [8, с. 809]. Предложение взятки можно определить как оферту или не подкрепленное согласием другой стороны намерение дать взятку в будущем. О состоявшемся факте предложения взятки можно говорить тогда, когда лицо устно, пись-

менно или конклюдентными действиями выразило желание подкупить должностное лицо. Предложение может предшествовать обещанию взятки, но не наоборот.

На основе изложенного механизм подкупа должностного лица можно рассматривать как цепь последовательно совершаемых действий: предложение взятки → согласие на получение подкупа → обещание взятки как акт подкрепления намерений → передача предмета взятки.

Говоря о содержании терминов «обещание» и «предложение» взятки, нельзя не упомянуть проект Федерального закона № 3633-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за коррупцию», предложенный депутатами А.Б. Выборным, А.В. Жарковым, В.В. Зубаревым, Д.С. Перминовым и А.А. Хохловым.

Недооценка важности задачи обеспечения единообразия уголовно-правовых запретов в рамках глобальной программы борьбы с коррупцией привела к существенной путанице в терминологии. В стремлении как можно полнее охватить возможные способы криминальной оферты депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ предложили установить ответственность за обещание или предложение принять взятку (коммерческий подкуп), а также обещание, предложение или просьбу передать предмет взятки (коммерческого подкупа).

Характерно то, что ни в тексте проекта закона, ни в пояснительной записке не дается определение термина «просьба» и не обосновывается необходимость ее выделения в качестве самостоятельной категории.

В своем семантическом значении просьба – это прошение, настояние, воззвание, искательство, упрашивание [9, с. 501]. Из данного понимания термина неясно, на основе какого содержательного критерия авторы законопроекта противопоставляют его предложению и обещанию взятки и почему ограничивают использование данной категории только случаями передачи предмета взятки (коммерческого подкупа).

Неясно, как в этом случае следует квалифицировать просьбу дать взятку – как вымогательство либо как предложение или обещание получить взятку. Не будет ли применение этих терминов при наличии категории «просьба» рассматриваться как расширительное толкование уголовного закона?

Существенным отступлением от тактической цели создания единого правового про-

странства является предложение о введении в УК РФ квалифицированного состава обещания, предложения или просьбы участия во взяточничестве (коммерческом подкупе), если предмет коммерческого подкупа составляет значительный размер.

В подавляющем большинстве зарубежных стран, криминализировавших обещание и предложение взятки, оценка общественной опасности деяния осуществляется безотносительно размера обещанного подкупа. И с этим подходом сложно не согласиться. С одной стороны, вменение в вину размера обещанной взятки на стадии первичной оферты не согласуется с принципами справедливости и вины. С другой – сложности в доказуемости обещания предмета взятки в значительном размере делают данную норму нежизнеспособной.

2. Говоря о сложностях криминализации нормы, нельзя не отметить и необходимость детальной проработки вопроса о юридико-технической конструкции нормы.

В зарубежной законодательной практике существует два основных подхода к конструированию состава обещания и предложения взятки: их криминализация наряду с оконченной передачей взятки и выделение в качестве самостоятельного усеченного состава.

В частности, по первому направлению пошел грузинский законодатель, криминализировавший обещание подкупа наравне с оконченным подкупом (ст. 339 УК Грузии). Данный подход трудно назвать юридически обоснованным, поскольку он не учитывает основное требование дифференциации ответственности – принцип существенного перепада в типовой общественной опасности деяния. Что же касается рассматриваемого вопроса, то здесь перепад в общественной опасности предложения взятки и ее фактического получения (дачи) нелицо.

К сожалению, принцип существенного перепада типовой общественной опасности не был надлежащим образом оценен законодателем при введении в УК РФ ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве». В ч. 1 данной статьи уголовно наказуемой признается непосредственная передача по поручению взяткодателя или взяткополучателя взятки в значительном размере, т.е. свыше 25 тысяч рублей. Но в случае обещания посредничества (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ) ответственность наступает безотносительно размера планируемого подкупа. Возникает абсурдная ситуация: обещание посредничества в передаче 10 тыс. рублей признается преступлением, а фактическая передача этой суммы – нет.

Более обоснованным выглядит конструирование состава обещания и предложения взятки как самостоятельного усеченного состава. Введение такого запрета в УК РФ придаст юридическим конструкциям определенный запас прочности и позволит привлекать виновных к уголовной ответственности независимо от размера взятки и действий взяточполучателя.

3. Затруднения на практике может вызвать и вопрос о том, чем обещание как оконченное преступление отличается от приготовления к взяточничеству.

Современные ученые и практики высказывают обоснованные сомнения в части их разграничения.

В ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» прямо отмечалось, что не может быть квалифицировано как покушение на дачу или получение взятки высказанное намерение лица дать (получить) деньги, ценные бумаги, иное имущество либо предоставить возможность незаконно пользоваться услугами материального характера в случаях, когда лицо для реализации высказанного намерения никаких конкретных действий не предпринимало (п. 11).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» отказалось от прежней формулировки. Согласно п. 14 постановления «обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами».

Данные Пленумом Верховного Суда РФ разъяснения нуждаются в комментировании и, полагаем, дополнении.

Во-первых, в постановлении используется многозначное словосочетание «умышленное

создание условий для совершения преступлений», которое на практике может быть истолковано и как стадия обнаружения умысла, и как приготовление к совершению коррупционного преступления. С одной стороны, умышленное создание условий для совершения преступления признается формой приготовительной деятельности (ч. 1 ст. 30 УК РФ). С другой – указание на возможность совершения преступлений в целом, а не конкретного преступления дает повод говорить о гипотетической возможности и психологической готовности лица прибегнуть к коррупционному поведению. В этом случае его действия не могут быть признаны приготовлением к конкретному преступлению, а являются стадией обнаружения умысла.

Во-вторых, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не дают однозначного ответа на вопрос, в чем состоят различия между обещанием и предложением взятки и есть ли смысл развивать их конкуренцию.

В российской юридической практике только обещание взятки обладает достаточной конкретикой для того, чтобы быть признанным этапом приготовительной деятельности. Как справедливо отмечает А. Магуза, обещание взятки, подкрепленное определенными деяниями, подтверждающими высокий риск доведения задуманного до цели преступления (обещание дарения, долговая расписка и др.), выступает в качестве приготовления к совершению дачи взятки, если обещанное не удастся реализовать по не зависящим от лица обстоятельствам [10, с. 91].

Что же касается предложения взятки, то оно оценивается судами как стадия обнаружения умысла. В частности, не является уголовно наказуемым устное или письменное предложение дать взятку в будущем, выраженная готовность передать деньги или материальные ценности лицу, готовому выступить посредником, высказанное намерение дать взятку и др.

Приведенные в работе аргументы не исчерпывают всего многообразия вопросов, сопровождающих проблему криминализации обещания и предложения взятки. Но, вместе с тем, они указывают на необходимость более последовательной и тщательной проработки обозначенной проблематики с позиции возможности достижения стратегической и тактической задач предупреждения коррупции.

1. OECD Anti-bribery Convention. Phase 3 Monitoring Information Resources. OECD, 2012.

2. Олейник А.Н. Институциональная экономика. М., 2000.

3. Сидоренко Э.Л. Антикоррупционные стандарты ОЭСР и их реализация в национальном уголовном праве (опыт прохождения странами третьей фазы оценки) // Журн. зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 1. С. 85–88.

4. Сидоренко Э.Л. Реформирование российского антикоррупционного законодательства: требование ОЭСР или правовая необходимость // Вестн. МГИМО Университета. 2014. № 3. С. 188–194.

5. Федоров А.В. Антикоррупционная составляющая присоединения Российской Федерации к организации экономического сотрудничества и развития // Учен. записки С.-Петербур. филиала РТА. 2011. № 3(40).

6. Глоссарий международных стандартов по борьбе с коррупцией с примерами из национальной юридической практики. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/51/59/37173981.pdf>

7. Большой толковый словарь современного русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1940. Т. 3.

8. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2000.

9. Словарь синонимов русского языка. М., 1996.

10. Магуза А. Особенности криминализации обещания и предложения взятки в свете международных антикоррупционных обязательств // Уголовное право. 2013. № 5. С. 91–93.

1. OECD Anti-bribery Convention. Phase 3 Monitoring Information Resources. OECD, 2012.

2. Oleynik A.N. Institutional economy. Moscow, 2000.

3. Sidorenko E.L. OECD anti-corruption standards and their implementation in national criminal law (the experience of the passage of the third evaluation phase) // Journal of foreign legislation and comparative law. 2014. № 1. P. 85–88.

4. Sidorenko E.L. Reform of the Russian anti-corruption legislation: OECD requirement or legal necessity // Bull. of the University of MGIMO. 2014. № 3. P. 188–194.

5. Fedorov A.V. Anticorruption component of accession of the Russian Federation to the organization for economic cooperation and development // Sci. notes of St. Petersburg branch of Russian customs academy. 2011. № 3(40).

6. Glossary of international standards on the fight against corruption with the examples of national legal practice. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/51/59/37173981.pdf>

7. Great dictionary of the modern Russian language: in 4 vol. / ed. by D.N. Ushakov. Moscow, 1940. Vol. 3.

8. The new glossary and word-formation dictionary of the Russian language / ed. by T.F. Efremova. Moscow, 2000.

9. Russian thesaurus. Moscow, 1996.

10. Maguza A. Features criminalizing the promise and offer bribes in the light of international anti-corruption commitments // Criminal law. 2013. № 5. P. 91–93.

Кашкаров Алексей Александрович

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: kashkarov79@ya.ru)

Авторитет органа публичной власти как системообразующий признак должностной преступности

В статье проведен анализ понятия «авторитет органа публичной власти». Обоснована необходимость дополнения содержания существующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ положением, в котором бы раскрывалось содержание понятия «авторитет органа публичной власти».

Ключевые слова: преступность, должностное лицо, авторитет, должностное преступление, вред, уголовное право.

A.A. Kashkarov, Candidate of Law, Senior Researcher, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kashkarov79@ya.ru

The authority of a public power as a system sign of official criminality

The article provides an analysis of the content «authority of public power». Reasoned conclusions on the need to supplement existing resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation with provision, which reveal the content of the concept «the authority of the public power».

Key words: crime, the official, authority, misconduct, harm, criminal law.

В теории и практике уголовного права понятие «авторитет органов публичной власти» используется для содержательного наполнения и характеристики объекта должностного преступления. Понятие представляет собой устоявшуюся словарную форму, позволяющую понять, чему причинен вред либо что поставлено под угрозу причинения такого вреда. Однако анализ правоприменительной практики (изучено более 300 процессуальных документов по уголовным делам, возбужденным в отношении должностных лиц) свидетельствует, что правоприменитель всего лишь указывает на то, что причинен вред «авторитету органа публичной власти». Так, например, по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 290 УК РФ, следователь указывает, что заведующий отделом государственного земельного надзора Службы по земельному и фитосанитарному надзору Республики Крым гражданин Д. вымогал и получил незаконное денежное вознаграждение в качестве взятки в сумме 200000 рублей от учредителя ООО «Ю.» К. за непринятие мер административного реагирования в отношении указанного общества, чем причинил ущерб авторитету органа государственной власти Республики Крым. Возникает вопрос, что же это за «авторитет органа публичной власти»? Тут уместно привести высказывание М.А. Кауфмана, который

отмечает, что «содержание некоторых норм о должностных преступлениях характеризуется известной долей неопределенности и нуждается в конкретизации. Эта конкретизация может быть проведена как на правотворческом, так и на правоприменительном уровне» [1, с. 146].

Законодательного либо иного нормативного определения понятия авторитета органа власти на данный момент в правовом поле России нет, хотя в ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» словосочетание «авторитет органа власти» использовалось для характеристики иного вреда, который может быть причинен в результате совершения должностного преступления. В постановлении указывалось, что «судам необходимо иметь в виду, что вред может выражаться в причинении не только материального, но и иного вреда: в нарушении конституционных прав и свобод граждан, подрыве авторитета органов власти, государственных и общественных организаций, создании помех и сбоев в их работе, нарушении общественного порядка, сокрытии крупных хищений, других тяжких преступлений и т.п.» [2].

Анализируя проблемы уголовно-правовой охраны авторитета власти, В.Н. Борков указы-

вает, что «большинство норм УК РФ, предусматривающих ответственность за должностные преступления, призваны противодействовать незаконному или чрезмерному государственному принуждению. А если быть более точным, они содержат запреты на злоупотребление государственными служащими своими полномочиями или на их превышение. В уголовном законе отсутствуют нормы, которые бы под страхом наказания обязывали чиновников употреблять власть там, где это жизненно необходимо» [3, с. 80]. Спорным выглядит предположение автора об отсутствии уголовной ответственности должностного лица за бездействие, ведь УК РФ содержит ст. 293 УК РФ (халатность). Вместе с тем, продолжая мысль В.Н. Боркова, отметим, что статьи УК РФ, устанавливающие ответственность за посягательства на авторитет органов публичной власти, направлены на самоочищение авторитета публичной власти, демонстрацию отрешенности публичной власти и ее органов от конкретного случая и конкретного чиновника, совершившего должностное преступление, нормы и положения УК РФ призваны поддерживать и укреплять авторитет публичной власти.

Государство, как известно, реализует функции контроля общественных отношений и управления ими посредством органов публичной власти. Формируя органы публичной власти, возлагая на них обязанности по охране конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и общества, национальной безопасности и интересов, государство наделяет органы публичной власти различными правами, полномочиями и компетенциями, которые реализуются либо посредством силы авторитета органа публичной власти (уважение к власти), либо посредством авторитета силы органа публичной власти (страха власти). Авторитет органам публичной власти необходим для организации и управления общественно значимыми процессами, которые возникают, формируются и прекращаются в государстве, а также общественными отношениями, находящимися под управлением государства. При причинении вреда авторитету органов публичной власти страдает государственное управление в определенной сфере (отдельной отрасли) и в целом.

Авторитет органов публичной власти формируется в правосознании конкретной личности и общества в целом. Подрыв авторитета органов публичной власти имеет существенное значение, приводит к росту недоверия среди населения по отношению к органам публичной вла-

сти, росту протестных настроений, укоренению в общественном сознании правового нигилизма. Утрата властью авторитета приводит к ее делегитимации, что мы могли наблюдать при развале Советского Союза [4, с. 130–134] либо в Украине в 2013–2014 гг. Как отмечает Е.А. Ларина, «вполне законная власть, утратив авторитет, теряет свою легитимность и становится бессильной. Если на политической арене есть конкурент, он эту законную, но бессильную власть устраняет без труда» [5, с. 17]. В другой своей публикации этот же автор указывает, что явление власти (а следовательно, и вопросы авторитета власти) сводятся только «к чисто психологическим основам» [6, с. 139]. Авторитет власти проявляется через призму признания и согласия на исполнение решений власти [7, с. 111]. Авторитетное влияние обусловлено не только достоинствами и превосходством носителя авторитета, но и способностью, желанием и внутренним самообязыванием объектов авторитетного влияния [8, с. 9].

Авторитет органов публичной власти является абстрактным понятием, которое не имеет материального выражения. Совершая какое-либо должностное преступление либо преступление с использованием служебного положения, должностное лицо органа публичной власти, посягая на конкретные общественные отношения – деятельность органов публичной власти, определенный порядок управления, наносит ущерб и абстрактным ценностям (ценности признаются нами составной частью общественных отношений) – авторитету этих органов, который сформирован в сознании населения (неограниченного круга лиц). Авторитет органов публичной власти выступает как составная и неотъемлемая часть объекта совершенного должностным лицом органа публичной власти преступления. Факт совершения должностного преступления либо преступления с использованием служебного положения должностным лицом органа публичной власти создает в сознании гражданина (потерпевшего, обывателя) образ, который дает основание отождествлять преступное поведение должностного лица органа публичной власти со всем аппаратом государственного управления, а также считать, что публичная власть в государстве не способна обеспечивать выполнение взятых на себя обязательств, которые нашли свое закрепление в Конституции РФ и других нормативных правовых актах.

Следует отметить, что авторитет органа публичной власти и авторитет, предоставляемый должностью в органе публичной власти долж-

ностному лицу, в сознании большинства граждан являются смежными понятиями. При характеристике авторитета по должности следует исходить из того, что многие физические лица отождествляют конкретное должностное лицо с органом публичной власти, соотносят властные полномочия органа публичной власти с конкретным должностным лицом. Проведенное нами социологическое исследование среди лиц, не имеющих юридического образования и не имеющих отношения к органам публичной власти (опрошено 1467 человек, опрос проводился среди работников потребительских и промтоварных рынков, частных автотранспортных предприятий, обслуживающих компаний), показало, что с теорией разделения властей на законодательную, судебную и исполнительную знакомы немногим более 37,0% (543 опрошенных), определить наиболее важные отличия между органами федеральной, региональной (субъектовой) и муниципальной (местной) власти смогли около 43,9% (644 респондента); вместе с тем, к должностным лицам, наделенным авторитетом публичной власти, были отнесены депутаты всех уровней, главы и сотрудники муниципальных образований, сотрудники правоохранительных органов, судьи и прокуроры, главы субъектов Российской Федерации, министры и иные чиновники субъектов Российской Федерации, федеральные министры и чиновники – 97,9% (1437 +/- 3 (4) респондента); на тот факт, что медики и педагоги обладают авторитетом публичной власти, указали менее 10% опрошенных, что подтверждает вывод о том, что граждане отождествляют авторитет, предоставляемый должностью в органе публичной власти должностному лицу, с авторитетом органа публичной власти.

Авторитет органа публичной власти либо авторитет, предоставляемый по должности, находит свое внешнее выражение и, соответственно, законодательное закрепление в формулировках «с использованием служебного положения» либо «должностных полномочиях», которые используются законодателем для конструирования большинства диспозиций гл. 30 УК РФ либо в виде квалифицирующих или особо квалифицирующих признаков во многих составах преступлений, предусмотренных Особой частью УК РФ. Схожую позицию занимает и В.С. Коростелев, который указывает, что авторитет следует рассматривать как способ совершения должностных преступлений, деликтов, который подразумевает использование служебного положения [9, с. 236].

Выявленное должностное преступление, факт задержания должностного лица органа публичной власти за совершенное любое должностное преступление либо преступление с использованием служебного положения всегда вызывает общественный резонанс, сопровождается публикациями в СМИ, новостными репортажами, освещением в социальных сетях, что и приводит к существенному подрыву авторитета органов публичной власти, так как именно СМИ, а в последнее время и социальные (телекоммуникационные) сети формируют общественное сознание и общественное представление о процессах, которые происходят в обществе. Поэтому полагаем, что тиражирование СМИ обстоятельств совершения должностного преступления, совершенного должностным лицом органа публичной власти, размещение информации о факте преступления, фигурантом которого выступает должностное лицо, процессуальном продвижении материалов уголовного дела, привлечении к ответственности на новостных порталах (ресурсах) приводит к причинению вреда авторитету органа публичной власти со стороны задержанного должностного лица, так как формирует общественное мнение о деятельности всего аппарата публичной власти, приводит к подрыву доверия и уважения к органам публичной власти в социуме, предоставляет почву для манипулирования общественным сознанием, роста протестных настроений среди населения, эскалации социальных конфликтов.

Именно по этой причине предлагаем закрепить в ныне действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» положение относительно подрыва авторитета органа публичной власти, как это было предусмотрено в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге». Также отметим, что в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК)» такое положение уже есть. В постановлении указывается, что при решении вопроса «о том, является ли вред, причиненный правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным ин-

тересам, существенным (ч. 2 ст. 424 УК, ч. 2 ст. 425 УК, ч. 1 ст. 426 УК), судам нужно учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного физического или морального вреда и т.п.

Существенный вред может выражаться в нарушении конституционных прав и свобод граждан, в подрыве авторитета органов власти, государ-

ственных, общественных и других организаций, в нарушении общественного порядка» [10].

Такого рода характеристика вреда должностных преступлений, совершаемых в органах публичной власти, закрепленная в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, позволит правоприменителю шире применять нормы и положения действующего УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность должностных лиц органов публичной власти.

1. Кауфман М.А. Проблемы конкретизации норм о должностных преступлениях // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 1(13) С. 139–146.

2. О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4 (в ред. от 10 февр. 2000 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11182/ (дата обращения: 20.12.2016).

3. Борков В.Н. Проблемы уголовно-правовой охраны авторитета власти // Рос. юрид. журн. 2008. № 3. С. 78–83.

4. Подобный В.В. Делегитимация политической власти как причина краха советского режима // Власть. 2012. № 6. С. 130–134.

5. Ларина Е.А. Проблемы обеспечения авторитета власти // Актуальные проблемы рос. права. 2011. № 1. С. 14–20.

6. Ларина Е.А. Проблема авторитета власти в истории правовой мысли // Евразийский союз ученых. 2015. № 9-2(18). С. 137–139.

7. Любимова Т.Б. Авторитет власти // Философские науки. 2012. № 10. С. 109–117.

8. Тепанян Г.Ф. Авторитет в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

9. Коростелев В.С. Категория «авторитет» в служебных преступлениях по уголовному праву России // Вопросы правоведения. 2014. № 5(27). С. 229–244.

10. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК): постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 дек. 2004 г. № 12. URL: http://www.court.by/jurisprudence/Post_plen/criminal/vsgov/b694b296f8f60b55.html (дата обращения: 20.12.2016).

1. Kaufman M.A. Problems of specifying rules on misconduct // Criminal law and criminology library. 2016. № 1(13). P. 139–146.

2. On judicial practice in cases of abuse of power or official position, abuse of power or official authority, negligence and official forgery: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. March 30, 1990 № 4 (as amended on Febr. 10, 2000). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11182/ (date of access: 20.12.2016).

3. Borkov V.N. Problems of criminal law protection authority of the government // Russian legal magazine. 2008. № 3. P. 78–83.

4. Podobny V.V. Delegitimization of political power as the cause of the collapse of the Soviet regime // Power. 2012. № 6. P. 130–134.

5. Larina E.A. Problems of authority of the government // Actual problems of Russian law. 2011. № 1. P. 14–20.

6. Larina E.A. The problem of authority of the government in the history of legal thought // Eurasian union of scientists. 2015. № 9-2(18). P. 137–139.

7. Lyubimova T.B. The authority of the government // Philosophy. 2012. № 10. P. 109–117.

8. Tepanyan G.F. The authority in the law: auth. abstr. ... Candidate of Law. Moscow, 2007.

9. Korostelev V.S. Category «authority» for official crimes on criminal law of Russia // Questions of law. 2014. № 5(27). P. 229–244.

10. On judicial practice in cases of crimes against the interests of the service (articles 424–428 of the Criminal Code): resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus d.d. Dec. 16, 2004 № 12. URL: http://www.court.by/jurisprudence/Post_plen/criminal/vsgov/b694b296f8f60b55.html (date of access: 20.12.2016).

Папеева Ксения Олеговна

кандидат юридических наук, доцент,
Чебоксарский кооперативный институт
(e-mail: snowfoxx@yandex.ru)

Уголовная ответственность за посягательства на государственную тайну в Беларуси, Молдове, Украине и России: сравнительное исследование

В статье рассматриваются юридико-технические дефекты конструирования норм, предусматривающих ответственность за посягательства на государственную тайну, в Российской Федерации и в республиках Беларусь, Молдова, Украина. Проводится сравнительное исследование, предлагаются варианты устранения выявленных недостатков путем изменения редакций изученных статей.

Ключевые слова: государственная измена, шпионаж, разглашение государственной тайны, незаконное получение государственной тайны.

K.O. Papееva, Candidate of Law, Assistant Professor, Cheboksary Cooperation Institute; e-mail: snowfoxx@yandex.ru

Criminal responsibility for encroachments on state secrets in Belarus, Moldova, Ukraine and Russia: comparative research

The article examines legal-technical defects of the rules providing responsibility for encroachment on state secrets in Criminal Codes of the Russian Federation and the Republics of Belarus, Moldova and Ukraine. Comparative research is provided and also corrective actions for editorial changes of studied articles are considered.

Key words: treason, espionage, divulgence of state secrets, illegally obtaining of state secrets.

1. Постановка проблемы.

Международная обстановка в настоящее время способствует усилению процессов межгосударственной региональной интеграции, в том числе касающихся унификации законодательства. Подобные процессы, обусловленные длительностью совместного исторического развития, происходят и на постсоветском пространстве. Однако, несмотря на общность правовых порядков в странах одной правовой семьи, более того, одного прекратившего существование государства, в регламентации общественных отношений проявляются различия, интересные для сравнительного правоведения. Компаративное изучение законодательства стран бывшего СССР призвано определить наиболее оптимальное законодательное решение сходных правовых проблем, способствовать приращению знания и прогрессивному развитию отечественного права [1, с. 322–325].

Одним из наиболее востребованных по степени значимости направлений законодательной регламентации выступает обеспечение безопасности государства, осуществляемое

посредством защиты информации, имеющей статус государственной тайны. Юридический, в первую очередь уголовно-правовой, механизм ее охраны в зарубежных странах заслуживает внимания российской правовой науки, в том числе в связи с необходимостью в ряде случаев предоставлять в рамках международного сотрудничества секретные сведения другому государству.

В подобных обстоятельствах видится актуальным и обоснованным исследование опыта отдельных стран бывшего СССР по уголовно-правовой охране государственной тайны в целях совершенствования российского законодательства, а также возможной унификации и гармонизации нормативных актов в рассматриваемой области.

2. Понятие государственной тайны.

В Беларуси, Молдове и Украине понятие государственной тайны раскрывается в специальных законах.

Белорусский законодатель оперирует термином «государственные секреты» – сведения, отнесенные в установленном порядке к государственным секретам, защищаемые государ-

ством в соответствии с национальным законодательством [2, ст. 1]. Под государственной тайной в Молдове понимаются защищаемые государством сведения в сфере национальной обороны, экономики, науки и техники, внешних сношений, государственной безопасности, обеспечения правопорядка и деятельности органов публичной власти, несанкционированное разглашение или утрата которых может затронуть интересы и/или безопасность Республики Молдова [3, ст. 1]. Подобное определение дается и в законе Украины [4, ст. 1], различие состоит лишь в конкретизированном указании на причинение ущерба национальной безопасности от разглашения или утраты информации, а также на обязательное законодательное придание сведениям статуса государственной тайны.

В Молдове и Украине формулировка дефиниции государственной тайны незначительно отличается от приведенной в Законе РФ от 27 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» [5, ст. 1] и базируется на принципе перечисления закрытого перечня областей деятельности государства, сведения о которых составляют государственную тайну. В свою очередь, в Беларуси использован принцип открытого перечня, таким образом, сведения в любой сфере при наличии заинтересованности государства относятся к государственной тайне. Оба подхода имеют право на существование, поскольку наиболее важные для защиты сферы деятельности определяются исключительно политикой государства. В Законах Беларуси и Украины закрепляется также положение о том, что сведения должны быть отнесены к государственной тайне в установленном государством порядке. Этот признак определяет официальный статус государственной тайны, в связи с чем его рекомендуется включить в российское законодательство, а также в Закон Молдовы.

В Молдове, в отличие от других рассматриваемых стран, понятие государственной тайны дается также в уголовном законе (ст. 121 УК Молдовы [6]). Определения в УК и Законе существенно отличаются друг от друга, что порождает юридическую неопределенность предмета правового запрета и, следовательно, проблему привлечения к уголовной ответственности. Подобный недочет требует устранения, но нельзя сказать, что молдавский законодатель полностью нарушает принципы системности и единства терминологии. Приведенная в ст. 121 УК Молдовы дефиниция в значительной степени корреспондирует понятию государ-

ственной тайны, закрепленному в утратившем силу Законе о государственной тайне 1994 г. [7, ст. 2]. Предположительно, после принятия нового Закона о государственной тайне соответствующие изменения в другие нормативные акты, в том числе в УК Молдовы, не вносились. Возникшую в связи с этим коллизию следует разрешить путем корректировки ст. 121 УК Молдовы.

3. Измена государству и шпионаж.

В рассматриваемых государствах ответственность за измену и шпионаж закреплена в главах и разделах о преступлениях против государства или безопасности государства [8, с. 10–11]. Подход к конструированию соответствующих норм приблизительно одинаковый, имеющий как сходства с УК РФ [9] и с МУК СНГ [10], так и заметные отличия. Государственная измена (название данной статьи приводится по аналогии с УК РФ, хотя в УК Беларуси используется термин «измена государству», а в УК Молдовы – «измена Родине») и шпионаж запрещены ст. 356 и 358 УК Беларуси [11], ст. 337 и 338 УК Молдовы и ст. 111 и 114 УК Украины [12].

В качестве объекта посягательства в ст. 337 УК Молдовы и ст. 111 УК Украины названы суверенитет, территориальная целостность, неприкосновенность, обороноспособность, государственная (а также экономическая и информационная в ст. 111 УК Украины) безопасность. УК Беларуси в качестве объекта посягательства в ст. 356 определяет национальную безопасность. Такой подход, как и подход российского законодателя, представляется более правильным, поскольку все перечисленные в названных статьях УК Молдовы и Украины интересы государства связаны с государственной и национальной безопасностью. Достаточно указать, что действия, образующие измену, совершаются в ущерб национальной безопасности или безопасности государства.

Предметом исследуемых преступлений в части, касающейся государственной тайны, по УК Молдовы и Украины выступают сведения, составляющие эту тайну. В ст. 356 УК Беларуси, помимо собственных государственных секретов, защищаются государственные секреты других государств, переданные Беларуси в соответствии с ее законодательством. С одной стороны, такая формулировка предмета преступления выступает гарантом международного сотрудничества как по охране тайны, так и по раскрытию и расследованию посягательства на нее. С другой стороны, возникает коллизия – закон какой страны должен при-

меняться в случае совершения преступления в отношении переданной тайны – Беларуси или государства-собственника. Конечно, в рассматриваемом случае надлежит руководствоваться территориальным принципом действия уголовного закона, однако вполне вероятно, что на практике могут возникнуть некоторые дипломатические трудности. В связи с этим имплементировать данную наработку УК Беларуси в ст. 275 УК России не рекомендуется.

В отличие от УК России, Беларуси и Молдовы, в ст. 114 УК Украины не предусмотрено наказание за шпионаж, если его предметом являются сведения, не составляющие государственную тайну. Гражданин Украины в случае собирания по заданию иностранной разведки несекретных сведений привлекается за государственную измену в форме оказания помощи, а иностранный гражданин или лицо без гражданства не подлежат уголовной ответственности. Подобное законодательное решение видится снижающим уровень защиты интересов государства, поэтому его заимствование вряд ли следует признать оправданным и целесообразным.

Адресатами получения информации при измене и шпионаже в ст. 356 и 358 УК Беларуси, ст. 337 УК Молдовы и ст. 111 и 114 УК Украины выступают только иностранное государство, иностранная организация или их представители. То есть под признаки состава преступления не подпадают посягательства на государственную тайну в пользу международной организации, что образует существенный пробел. Устранить эти недочеты возможно, например, как это сделал российский законодатель, включив международные организации в число адресатов получения информации или помощи.

Отличительной особенностью обладает ст. 338 УК Молдовы, где в качестве адресата шпионажа названы не представители иностранных государства или организации, а их агентура. Использованный термин предполагает наличие у субъекта определенного задания, поручения, полномочий, связанных со шпионской деятельностью, поступивших от имени конкретного государства или организации. В то же время, исходя из анализа ст. 358.1 УК Беларуси «Агентурная деятельность», под агентом можно понимать любого иностранного гражданина или апатрида, осуществляющих вербовку граждан Беларуси или совершающих иные действия в целях причинения ущерба национальной безопасности государства. Понятие «агентура», таким образом, ввиду отсутствия

легального определения, не менее расплывчато, нежели «представитель». Тем не менее, подход законодателей Молдовы заслуживает внимания в той мере, в какой ими сделана попытка внести терминологическую ясность. В самом деле, не вполне понятно, кого следует считать представителем – любого гражданина (подданного) или сотрудника государства или, соответственно, организации либо только лиц, наделенных полномочиями действовать от их имени или в их интересах. В связи с этим правильно дополнить ст. 275 УК РФ примечанием: «Под представителем иностранного государства, иностранной или международной организации следует понимать лицо, наделенное такими государством или организацией полномочиями действовать от их имени или в их интересах».

В рассматриваемых странах к числу форм государственной измены, помимо аналогичных ст. 275 УК РФ, относятся также: переход на сторону врага во время войны или вооруженного конфликта, агентурная деятельность. В УК Украины нет ответственности за выдачу государственной тайны. Однако, учитывая, что с объективной стороны выдача государственной тайны не отличается от ее передачи, а признак специального субъекта выдачи на ответственность не влияет, законодатель поступил вполне обоснованно.

Формы измены перечислены в УК Беларуси, как и в УК РФ, с использованием открытого перечня действий: «выдача... либо шпионаж, либо агентурная деятельность, либо переход на сторону врага... либо иное оказание помощи». Статья 275 УК РФ имеет ту же конструкцию, позволяющую отнести шпионаж, выдачу государственной тайны и все остальные действия к разновидностям оказания помощи иностранным адресатам, в связи с чем утрачивается обоснованность их специального закрепления в статье. С позиций юридической техники необходимо либо сохранить только одну форму измены – оказание помощи, либо исключить слово «иной» из текста ст. 356 УК Беларуси и ст. 275 УК РФ.

Юридически не вполне корректно в ст. 356 УК Беларуси и ст. 111 УК Украины используется термин «шпионаж». Конструктивным признаком шпионажа выступает субъект – иностранный гражданин или лицо без гражданства (ст. 358 УК Беларуси и ст. 114 УК Украины). Поскольку субъекты государственной измены и шпионажа взаимоисключают друг друга, считать шпионаж формой измены, исходя из текста статей, логически неверно.

Законодатели России и Молдовы избежали этой ошибки. В число составляющих понятия «шпионаж» по ст. 276 УК РФ и ст. 338 УК Молдовы входят только перечисленные в нормах действия, совершенные в определенных целях. Специальный субъект является признаком состава преступления «шпионаж», но не тождественного понятия. Это позволяет применить термин «шпионаж» к формам государственной измены.

С последними связана еще одна коллизия – выделение выдачи государственной тайны в качестве самостоятельного проявления измены. Выдать тайну может только лицо, которому она стала известна на законных основаниях, предусмотренных государством. Поскольку выдача – это форма измены, у субъекта, помимо признака гражданства, должен быть признак наличия законного доступа к государственной тайне. Согласно российскому законодательству, ст. 1 Закона Беларуси и ст. 3 Закона Украины о государственной тайне она может быть доверена и иностранному гражданину, и лицу без гражданства. Следовательно, эти субъекты, будучи допущенными к секретным сведениям, могут их только выдать. Однако выдача – это форма государственной измены, к ее субъектам иностранцы и апатриды не относятся. В число действий, образующих шпионаж, выдача тоже не включена. Возникает парадоксальная ситуация, когда иностранный гражданин-секретноноситель выдает государственную тайну, но его деяние не подпадает под признаки ни измены, ни шпионажа. Вменить шпионаж в подобной ситуации – значит применять уголовный закон по аналогии.

В УК Молдовы описанной выше проблемы не возникает. Как упоминалось ранее, в ст. 337 УК Молдовы выдача государственной тайны не указана в качестве формы измены, а действия любого секретноносителя подпадают под понятие передачи государственной тайны, что позволяет квалифицировать содеянное как шпионаж без каких-либо логических противоречий. Подобное решение целесообразно заимствовать отечественному законодательству.

УК Молдовы и Украины, как и УК РФ, предусматривают только простые составы государственной измены и шпионажа. В ст. 356 УК Беларуси в качестве квалифицирующего признака закреплена сопряженность измены с убийством. Поскольку в случае совершения убийства, обусловленного государственной изменой, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, в имплементации тождественных ч. 2 ст. 356 УК Беларуси положений нет необходимости.

Освобождение от уголовной ответственности за государственную измену, не сопряженную с убийством, и шпионаж предусмотрено в УК Беларуси и УК Украины. В Молдове допускается освобождение от уголовной ответственности только за измену.

Условия освобождения за измену по УК Беларуси в целом сходны с российскими – добровольность заявления в государственные органы, прекращение противоправной деятельности и содействие предотвращению ущерба безопасности. В УК Молдовы и Украины условия более строгие – несовершение никаких действий во исполнение преступного задания и добровольное сообщение в органы власти о связи с иностранным государством или организацией (ч. 2 ст. 111 УК Украины) или с иностранной разведкой (ч. 2 ст. 337 УК Молдовы). Фактически в УК Молдовы и Украины закреплена частная форма добровольного отказа от совершения преступления для всех форм измены. Исключение составляет переход на сторону врага во время вооруженного конфликта (в ст. 337 УК Молдовы отсутствует указание на время совершения перехода на сторону врага, однако представляется, что само понятие «враг» предполагает наличие вооруженного конфликта; в мирное время определение врага становится чрезвычайно размытым, поэтому предполагаем, что законодатель Молдовы подразумевал обстановку вооруженного конфликта в качестве обязательного признака перехода на сторону врага). В этой ситуации преступление является окончательным с момента фактического согласия служить противостоящей стороне, и совершение действий, описанных в ч. 2 ст. 111 УК Украины и ч. 2 ст. 337 УК Молдовы, будет проявлением деятельного раскаяния. В данном случае не вполне понятно, для чего законодатели Украины и Молдовы ввели специальное примечание при наличии общего института добровольного отказа (ст. 17 УК Украины, ст. 53 УК Молдовы). Примечания об освобождении от уголовной ответственности к подобным статьям обычно преследуют цель минимизации ущерба для государства. В связи с этим поощрительная норма должна представлять собой частный случай деятельного раскаяния при условии, что государство отдает приоритет предотвращению или ликвидации негативных последствий, а не привлечению к уголовной ответственности.

Условия освобождения от уголовной ответственности за шпионаж в УК Беларуси и Украины сходны с установленными в УК РФ. В отличие от ст. 111 УК Украины, в ст. 114 УК Украины

установлено освобождение от уголовной ответственности уже после совершения шпионских действий, т.е. в силу деятельного раскаяния. Лицо освобождается от ответственности по ст. 114 УК Украины, только если в результате его действий, а также предпринятых мер вред государству был предотвращен, тогда как в ст. 276 УК РФ и ст. 358 УК Беларуси достаточно содействовать предотвращению ущерба. С одной стороны, позиция украинского законодателя вполне справедлива, для освобождения от уголовной ответственности за особенно тяжкое преступление (ч. 5 ст. 12 УК Украины) должны быть веские основания, например реальное предотвращение последствий. С другой – освобождение от уголовной ответственности в этом случае ставится в зависимость от деятельности органов безопасности и правоохранительных органов, на которую виновный никак не может повлиять. Между тем рассматриваемое положение призвано поощрить постпреступное поведение субъекта, и, следовательно, условия освобождения могут касаться только его собственных действий. В связи с этим полагаем, что существующая редакция примечания к ст. 275 УК РФ не нуждается в корректировке.

Подходы к формулированию санкций за исследуемые преступления в Беларуси, Молдове и Украине сходны как между собой, так и с УК РФ и соответствуют характеру и степени общественной опасности преступлений. Наказание за государственную измену и за шпионаж одинаковое, только по УК Украины нижний предел лишения свободы по ст. 114 меньше на два года, чем по ст. 111. В Беларуси и Украине в качестве наказания назначается лишение свободы с конфискацией имущества или без таковой, в Молдове – только лишение свободы. Сроки лишения свободы колеблются от 7–12 лет до 15–20 лет. Кроме того, в Беларуси за измену, сопряженную с убийством, предусмотрено лишение свободы от 10 до 25 лет, либо пожизненное лишение свободы, либо смертная казнь.

4. Разглашение государственной тайны.

Ответственность за разглашение государственной тайны предусмотрена ст. 373, 374 УК Беларуси, ст. 328 УК Украины, ст. 344 УК Молдовы. В УК Молдовы, как и в УК России, эти нормы расположены в главе о преступлениях против публичной власти и безопасности государства. В УК Беларуси видовым объектом выступает не безопасность государства, а порядок управления, а в УК Украины преступления в сфере охраны государственной тайны расположены в специальном разделе, но видовым объектом,

по сути, выступает также порядок управления. Оба законодательных подхода имеют под собой логическое обоснование, а потому ни один из них не является ошибочным, в связи с чем необходимости вносить какие-либо изменения в отечественное законодательство нет.

Диспозиции рассматриваемых норм почти не отличаются друг от друга. Практически идентично сформулирована конструкция объективной стороны, причем, в отличие от ст. 283 УК РФ, не требуется, чтобы сведения стали достоянием других лиц. Подобный подход правильнее, поскольку разглашение само по себе предполагает наличие воспринимающего субъекта. Включение же российским законодателем в состав признака «стали достоянием других лиц» из-за неясности его содержания порождает проблемы в правоприменительной практике, вносит неясность в определение момента окончания преступления [13, с. 45].

Субъективная сторона разглашения государственной тайны характеризуется как умыслом, так и неосторожностью (УК Беларуси) либо только умыслом (УК Молдовы и Украины). Разглашение государственной тайны по неосторожности в УК Беларуси размещено не в ст. 373, а в ст. 374, предусматривающей ответственность за утрату документов и предметов, составляющих государственную тайну. Белорусский законодатель объединил эти составы из-за одинакового вида вины и фактического сходства данных деяний по внешним проявлениям. Подобное решение несколько затрудняет поиск правовой нормы, поскольку в названии ст. 374 УК Беларуси указание на включенный в нее состав утраты государственных секретов отсутствует.

Субъект состава преступления во всех статьях специальный – это лицо, которому государственная тайна была доверена или стала известна в связи со службой или работой (УК Молдовы) либо с исполнением служебных обязанностей (УК Украины). Наиболее удачно изложены признаки субъекта по УК Беларуси – это лицо, имеющее или имевшее доступ к государственным секретам. Такая конструкция оптимальна, поскольку включает в себя весь круг лиц, которые могут на законных основаниях ознакомиться с государственными секретами. Все три формулировки, в отличие от ст. 283 УК РФ, лишены необоснованной избыточности текста уголовного закона. В них отсутствует перечисление частных оснований получения государственной тайны при наличии общего признака – предусмотренности осведомления законодательством страны. В свя-

зи с чем оправданно скорректировать признаки субъекта в ст. 283 УК РФ следующим образом: «лицом, получившим к ней (государственной тайне – К.П.) доступ на основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации».

Во всех нормах, как и в ст. 283 УК РФ, квалифицирующим признаком разглашения выступают тяжкие последствия.

Санкции за умышленное разглашение государственной тайны различаются. Нижний предел лишения свободы при отсутствии отягчающих обстоятельств указан только в ст. 328 УК Украины, при наличии тяжких последствий – 3 и 5 лет соответственно в УК Молдовы и Украины. Верхний предел составляет 3–5 лет, при наличии тяжких последствий – 5–7 лет. В качестве дополнительного наказания назначается лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Альтернативой выступает штраф, а по УК Беларуси также исправительные работы, арест и ограничение свободы. Оценка российским законодателем степени общественной опасности разглашения государственной тайны ближе к УК Молдовы и Украины, но следует отметить, что посягательства на государственную тайну по УК Беларуси в принципе наказываются менее строго, чем в остальных изучаемых государствах.

5. Нарушение правил обращения с носителями сведений, составляющих государственную тайну.

Термин «носители сведений, составляющих государственную тайну» или его аналоги – материальные носители секретной информации [4, ст. 1], материальные носители сведений, составляющих государственную тайну [3, ст. 1], носитель государственных секретов [2, ст. 1] – не употребляются в ст. 345 УК Молдовы и ст. 374 УК Беларуси. Предмет преступления определяется в них как документы, содержащие государственную тайну, а также предметы, сведения о которых составляют государственную тайну, в УК Беларуси к предмету преступления отнесена также компьютерная информация, содержащая государственную тайну. С учетом того, что в законах о государственной тайне разработан специальный термин, обозначающий любые материальные объекты, в том числе физические поля, в которых сведения, составляющие государственную тайну, находят свое отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов, неясно, почему в Беларуси, Молдове и России не используют его в соответствую-

ющих статьях. Это позволило бы избежать как загромождающего текст перечисления всех предметов преступления, так и пробелов в законодательстве из-за невключения того или иного носителя в текст диспозиции. Например, компьютерная информация не является предметом или документом, следовательно, государственная тайна, отраженная в ней, не охраняется ст. 284 УК России или ст. 345 УК Молдовы.

В ст. 329 УК Украины принцип системности частично соблюден, поскольку предмет преступления определен как документы или иные материальные носители секретной информации, содержащие государственную тайну. Однако здесь допущены иные юридико-технические ошибки. Во-первых, неясно, зачем из всех носителей выделены документы. Во-вторых, указание на то, что материальные носители секретной информации содержат государственную тайну, тавтологично, исходя из легального определения таких носителей. Оба перечисленных уточнения не несут в себе дополнительной смысловой нагрузки, поэтому их включение в текст представляется нецелесообразным. Учитывая изложенное, предлагается определить предмет преступления в исследуемых статьях в соответствии с терминами, закрепленными в законах о государственной тайне.

Исследование законодательства стран бывшего СССР показывает, что существует два подхода к формулированию объективной стороны данного состава преступления: тяжкие последствия включаются либо в основной, либо в квалифицированный состав. УК Молдовы и России придерживаются первого подхода, УК Беларуси и Украины – второго. В обоих случаях наступление уголовной ответственности ставится в зависимость от нарушения правил обращения с носителем и факта его утраты. При этом законодатели не учитывают, что наступление тяжких последствий от нарушения правил обращения с носителем государственной тайны не всегда может быть связано с его утратой. Копирование посторонним информации с оставленного без присмотра носителя не означает его утраты, однако, например, при опубликовании скопированных сведений привлечь лицо по ст. 374 УК Беларуси, ст. 329 УК Украины, ст. 345 УК Молдовы и ст. 284 УК РФ нельзя, поскольку наступление тяжких последствий должно находиться в причинной связи именно с утратой носителя.

По нашему мнению, указание на утрату носителя государственной тайны препятствует

применению исследуемых норм, в связи с чем рекомендуется либо исключить данный признак из состава преступления, либо заменить термин «утрата носителей» (под носителями в данном случае понимаются все возможные предметы преступления, перечисленные в статьях) на «утрата сведений, составляющих государственную тайну», определив его как выход, в том числе временный, таких сведений из владения лица, их уничтожение, повреждение, а также несанкционированное их копирование либо ознакомление с ними лица, не допущенного к работе с этими сведениями.

Субъективные признаки составов утраты носителей государственной тайны в Беларуси, Молдове и Украине не отличаются от установленных в УК РФ.

Санкции за утрату носителей государственной тайны почти одинаковы по строгости по сравнению с УК РФ. Верхний предел лишения свободы при наступлении тяжких последствий составляет 3 года по УК Беларуси и Молдовы и 5 лет по УК Украины. Существует возможность назначения дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности или заниматься деятельностью. Кроме того, в УК Беларуси в основном составе альтернативой лишения свободы вы-

ступают штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, арест, исправительные работы или ограничения свободы.

6. Незаконное завладение сведениями, составляющими государственную тайну.

Состав преступления, аналогичного тому, который закреплен в ст. 283.1 УК РФ, в УК Беларуси, Украины и Молдовы отсутствует. Поскольку эта норма позволяет привлекать к уголовной ответственности лиц, собирающих государственную тайну в личных, возможно, корыстных целях, было бы правильно в интересах защиты государственной тайны включить в уголовные законы названных стран подобный состав.

Таким образом, проведенное сравнение уголовных законов Беларуси, Молдовы и Украины позволяет заключить, что в части, касающейся охраны государственной тайны, они обладают сходством как между собой, так и с УК РФ. В то же время в исследованных статьях выявлены определенные законотворческие находки, заслуживающие заимствования, на основании которых в настоящей статье предложены рекомендации по совершенствованию отечественного законодательства.

1. Кох Х., Магнус У., Винклер фон Мариенфельд П. *Международное частное право и сравнительное правоведение / пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М., 2003.*

2. *О государственных секретах: закон Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-3.* URL: <http://www.beltim.by/wiki/documents/zakon-respubliki-belarus-o-gosudarstvennykh-sekretakh/> (дата обращения: 24.08.2016).

3. *О государственной тайне: закон Республики Молдова от 27 нояб. 2008 г. № 245.* URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=26554 (дата обращения: 24.08.2016).

4. *О государственной тайне: закон Украины от 21 янв. 1994 г. № 3855-XII.* URL: http://kodeksy.com.ua/ka/o_gosudarstvennoj_tajne.htm (дата обращения: 24.08.2016).

5. *О государственной тайне: закон РФ от 27 июля 1993 г. № 5485-1.* Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апр. 2002 г. № 985-XV.* URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923; http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?Rgn=3835 (дата обращения: 24.08.2016).

7. *О государственной тайне: закон Республики Молдова от 17 мая 1994 г. № 106-XIII.*

1. Koch H., Magnus W., Winkler von Marienfeld P. *Private international law and comparative jurisprudence / transl. from German by Yu.M. Yumashev. Moscow, 2003.*

2. *About state secrets: law of the Republic of Belarus d.d. July 19, 2010 № 170-L.* URL: <http://www.beltim.by/wiki/documents/zakon-respubliki-belarus-o-gosudarstvennykh-sekretakh/> (date of access: 24.08.2016).

3. *About state secrets: law of the Republic of Moldova d.d. Nov. 27, 2008 № 245.* URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=26554 (date of access: 24.08.2016).

4. *About state secrets: law of Ukraine d.d. Jan. 21, 1994 № 3855-XII.* URL: http://kodeksy.com.ua/ka/o_gosudarstvennoj_tajne.htm (date of access: 24.08.2016).

5. *About state secrets: law of the Russian Federation d.d. July 27, 1993 № 5485-1.* Access from legal reference system «ConsultantPlus».

6. *Criminal Code of the Republic of Moldova d.d. Apr. 18, 2002 № 985-XV.* URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923; http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?Rgn=3835 (date of access: 24.08.2016).

7. *About state secrets: law of the Republic of Moldova d.d. May 17, 1994 № 106-XIII.*

URL: http://www.law-moldova.com/laws/rus/gosudarstvennoi_taine_ru.txt (дата обращения: 24.08.2016).

8. Кузнецов А.П., Папеева К.О., Паршин С.М. Государственная тайна в зарубежном уголовном законодательстве: учеб. пособие / под общ. ред. А.П. Кузнецова. Н. Новгород, 2005.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

10. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февр. 1996 г. // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997. № 10.

11. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 04.06.2016).

12. Уголовный кодекс Украины от 5 апр. 2001 г. № 2341-III. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 04.06.2016).

13. Папеева К.О. Модельное законодательство об уголовной ответственности за посягательство на государственную тайну: сравнительный анализ // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 42–46.

URL: http://www.law-moldova.com/laws/rus/gosudarstvennoi_taine_ru.txt (date of access: 24.08.2016).

8. Kuznetsov A.P., Papeeva K.O., Parshin S.M. State secret in the foreign criminal legislation: study aid / gen. ed. by A.P. Kuznetsov. Nizhny Novgorod, 2005.

9. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

10. Model Criminal Code for states – members of the CIS: adopted by resolution of the Interparliamentary Assembly of states – members of the CIS on Febr. 17, 1996 // Annex to Information bulletin of the Interparliamentary Assembly of states – members of the CIS. 1997. № 10.

11. Criminal Code of the Republic of Belarus d.d. July 9, 1999 № 275-L. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (date of access: 04.06.2016).

12. Criminal Code of Ukraine d.d. Apr. 5, 2001 № 2341-III. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109 (date of access: 04.06.2016).

13. Papeeva K.O. Model law about responsibility for criminal encroachment on state secrets: comparative analyses // Omissions in Russian legislation. 2016. № 3. P. 42–46.

Пронина Мария Петровна

кандидат юридических наук,
Нижегородская академия МВД России
(e-mail: mpronina2010@mail.ru)

Средства юридической техники в уголовном законодательстве

В статье исследуются средства юридической техники в уголовном законодательстве; выявляются концептуальные особенности, влияющие на юридико-техническое конструирование уголовно-правовых запретов; определяется их влияние на качество правотворчества. Содержание и значение рассмотренных средств свидетельствуют о триединстве юридической техники: законотворчество, правоприменение и толкование норм уголовного права.

Ключевые слова: юридическая техника, средства, приемы, законотворчество, правоприменение, толкование.

M.P. Pronina, Candidate of Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: mpronina2010@mail.ru

Means of legal technique in the criminal law

This article studies the means of legal technique in the criminal law; reveals conceptual features that affect the legal and technical construction of criminal prohibitions; defines their impact on the quality of lawmaking. The content and value of the considered means show the trinity of legal technique: lawmaking, enforcement and interpretation of the criminal law.

Key words: legal technique, means, methods, lawmaking, enforcement, interpretation.

Юридическая техника в настоящее время является объектом пристального внимания как со стороны ученых, так и представителей законодательных и правоприменительных органов. Поэтому не случайно остро встает вопрос о средствах юридической техники, влияющих как на законотворческий процесс, так и на правоприменительную и интерпретационную деятельность. Они включают в себя использование особых технических приемов и специальных технических средств [1, с. 268].

В филологических источниках термин «средство», исходя из буквального его толкования, трактуется как прием, способ, действие, орудие, предназначенное для осуществления какого-либо вида деятельности [2, с. 703].

Трансформируя указанные выше положения применительно к сфере юриспруденции, отметим, что основной проблемой в исследуемом вопросе является круг средств юридической техники. В отношении круга средств юридической техники специалисты в области права высказывают различные полярные мнения.

Одна группа ученых, представителем которой является В.К. Бабаев, предлагает выделять два основных структурных образования таких средств. Первое направлено на обеспечение качества правотворчества, т.е. норма права основывается на логическом и системном

построении и включает в себя три неразрывных ее составляющих: гипотезу, диспозицию и санкцию. На качество правотворчества влияет и отраслевая типизация, определяющая место закрепления соответствующей нормы, что в целом и позволяет рассматривать ее как одно из средств юридической техники [3, с. 83].

Ко второму структурному образованию ученые предлагают относить средства словесно-документального изложения, создаваемого регулятором общественных отношений. Они должны включать в себя не только обязательные реквизиты и четкую форму построения нормативного правового акта, но и признанную юридическую терминологию, а также языковые средства, используемые при создании документов [3, с. 83].

В целом разделяя мнение ученых о том, что юридическая техника не мыслима без средств, определяющих системность и логичность построения нормативных предписаний, а также особую их структурную составляющую, считаем, что они, конечно же, могут создавать базис. Однако, если ограничиться лишь вышеизложенными направлениями, остаются не раскрытыми концептуальные особенности современных средств юридической техники.

Схожую точку зрения поддерживает и М.К. Юков, относящий к средствам юридической техники отраслевую типизацию, юриди-

ческие конструкции и нормативное построение [4, с. 46–47].

Другая группа ученых, ограничивая содержание средств юридической техники, выделяет всего два направления.

По мнению одних, рассматриваемые средства должны непосредственно раскрываться волей законодателя. Они должны быть сосредоточены на тех нематериальных формах, с помощью которых и образуется право, к которым относятся: юридическую терминологию, особенности построения юридических конструкций и отраслевую типизацию.

По мнению вторых, средства сосредоточены на соблюдении документального выражения нормативного правового акта. Они включают в себя те приемы и методы, которые в целом направлены на грамотное и буквальное изложение воли законодателя. Указанные средства нацелены не только на формальное соблюдение внутреннего построения или реквизитов документа, но и на законодательную стилистику [5, с. 142].

В целом разделяя мнение ученых о том, что средства юридической техники должны быть сосредоточены на соблюдении форм нормотворчества и буквальном изложении воли законодателя, считаем, что предложенные приемы в большей степени приемлемы для законотворчества, как неотъемлемой части юридической техники. Учитывая же то обстоятельство, что исследуемый в статье феномен включает в себя также правоприменительную и интерпретационную деятельность, считаем, что предложенные выше подходы заужают как содержание, так и значение средств юридической техники. Все это свидетельствует о недооценке рассматриваемых средств при юридико-техническом построении уголовно-правовых запретов, а также при их применении и толковании [5, с. 7].

Принимая во внимание весь накопленный в доктрине опыт по выделению и обоснованию средств юридической техники, полагаем, что с учетом активно развивающейся правовой системы их перечень должен быть расширен. Взаимообусловленность и взаимодополняемость средств юридической техники, влияющих на качество как нормотворческой, правоприменительной, так и интерпретационной деятельности, диктует нам потребность в расширении таких средств. В этом непростом вопросе полностью разделяем мнение В.К. Бабаева в том, что к ним должны быть отнесены: аксиомы, юридические конструкции, правовые символы, презумпции и фикции [6, с. 100].

Продолжая данное направление и в целом относя средства юридической техники к нетипичным нормативным предписаниям, В.М. Горшенев классифицировал их на две группы. К первой он отнес те, которые направлены на нормативное обобщение (презумпции и фикции), ко второй – обеспечивающие реализацию нормативных предписаний (дефиниции и юридические конструкции). Заслуживает поддержки и то обстоятельство, что с учетом современных направлений уголовной политики ученый к ним относит и преюдиции [7, с. 113–117].

Акцентируя внимание на необходимости расширения средств юридической техники, Е.В. Ильюк предлагает относить к ним не только юридические конструкции, но и терминологию, используемую при создании уголовно-правовых запретов [8, с. 18]. Полагаем, что предлагаемое средство при юридико-техническом конструировании норм уголовного закона становится все более и более приоритетным. Об этом свидетельствует планомерное насыщение Уголовного кодекса не только новыми дефинициями, ранее не известными российскому уголовному законодательству, но и нормами-дефинициями, их раскрывающими.

В подтверждение этому приведем несколько примеров. Так, закрепляя в ст. 205.2 УК РФ дефиницию «публичное оправдание терроризма», законодатель в примечании к данной статье не только раскрывает ее содержание, но и в целом определяет содержание такого понятия, как «террористическая деятельность» [9]. В свою очередь в примечании к ст. 116 УК РФ «Побои» раскрывается перечень «близких лиц» [10] и т.д.

Продолжая развитие учения о средствах юридической техники, О.А. Красавчиков обоснованно допускает включение в их перечень и систематизацию нормативных предписаний [11, с. 124].

Поддерживает идею о расширении средств юридической техники и Л.Л. Кругликов, отмечая, что к средствам юридической техники должны быть отнесены лишь те, которые не только придают норме соответствующую форму, но и делают ее объективной в решении стоящих перед ней задач, в области охраны наиболее значимых общественных отношений [12, с. 18].

В целом соглашаясь с высказанными идеями о содержании средств юридической техники, можно констатировать их разноплановость, трудность отнесения к одной системе.

Изложенные выше положения позволяют предложить сквозную классификацию средств

юридической техники, основанную на приемах как формулирования нормативных актов, так и закрепления волеизъявления государства. В данном случае она должна включать четыре группы.

Первая основана на логических средствах. Их предназначением является определение структуры документа путем разделения его на логически взаимосвязанные блоки. К ним можно отнести: отраслевую типизацию, системность и нормативность построения.

Вторая основана на специально-юридических средствах, таких как правовые конструкции, презумпции, фикции.

Третья основана на использовании лингвистических приемов в законотворческой, правоприменительной и интерпретационной деятельности: использование терминологии, речевых клише и всего комплекса выразительных средств русского языка.

Четвертая основана на графических приемах, используемых при создании законов: это реквизиты, набор средств документального оформления законопроекта.

Понятно, что предложенная классификация носит условный характер, так как к средствам юридической техники могут быть отнесены лишь те, которые не просто предоставляют нам возможность осуществлять построение права, но и достигать правотворческих целей, преследовавших законодателя при их создании.

В своей же совокупности исследуемые нами средства юридической техники представляют собой ее инструментальную часть.

Учитывая существенную нагрузку на средства юридической техники как в области законотворчества, так и правоприменения, ну и, конечно же, толкования, считаем допустимым условное разделение этих средств на общесоциальные, специально-юридические и технические.

При этом особое внимание хотелось бы уделить общесоциальным средствам, играющим важнейшую роль в регулировании общественных отношений [6, с. 100]. В первую очередь к ним можно отнести юридические конструкции, презумпции и фикции.

Говоря о юридических конструкциях, подчеркнем, что их содержанием научное сообщество было озабочено на протяжении всех этапов развития права. Существующая школа конструктивной юриспруденции выделяет и обосновывает основное предназначение юридических конструкций. По мнению ее представителей, это устранение пробелов в праве (необходимо отметить, что некоторыми авто-

рами того времени юридическая конструкция рассматривалась не как средство, а как прием юридической техники – об этом см., например: [13, с. 88]). Конечно же, предложенную точку зрения сложно оспорить при отсутствии правового регулятора. Однако возникает вопрос, возможно ли однозначно говорить о восполнении пробела при уточнении или видоизменении уже существующей юридической конструкции? Полагаем, что нет. Примером может служить наличие в действующем Уголовном кодексе РФ значительного количества поощрительных норм, закрепленных как в Общей, так и в Особенной части.

Так, до введения в Уголовный кодекс ст. 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности» можно было говорить о пробеле в области противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности. Последующее изменение, внесенное в нее, коснувшееся размера кратности возмещения вреда или полученного дохода с пяти до двух, вряд ли можно рассматривать как восполнение пробела. Это целесообразнее связывать с гуманизацией современной уголовной политики.

Как видно, юридические конструкции выходят за рамки устранения пробелов. В данном вопросе мы полностью солидарны с мнением Л.Л. Кругликова, отметившего, что они предназначены не только для формулирования норм права, но и их систематизации [12, с. 20]. То есть это те типовые образцы и модели, дающие возможность не просто унифицировать уголовное законодательство, но и предопределить единство в применении уголовно-правовых норм.

В поддержку рассматриваемой точки зрения можно привести ряд примеров, касающихся последних изменений, внесенных законодателем в Уголовный кодекс РФ.

Продолжая размышление о развитии поощрительных норм в уголовном законодательстве, приведем примеры с ранее использовавшимся следующим юридико-техническим приемом. В частности, при конструировании правовых предписаний законодатель применил следующую формулировку: «Лицо, добровольно прекратившее...». В целом идея была понятна. Лицо, которое в процессе нарушения уголовно-правового запрета принимало решение о прекращении дальнейшего совершения преступления, освобождалось от уголовной ответственности в случае, если оно было окончательным и принималось лично, т.е. без вме-

шательства третьих лиц. Данный прием был закреплен в ст. 205.5 УК РФ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации»; ст. 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем»; ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества»; ст. 282.2 УК РФ «Организация экстремистской организации» и рассматривался как специальный вид освобождения от уголовной ответственности. Однако, буквально толкуя законодательную формулировку, можно обнаружить следующую коллизию. В частности, возникал вопрос, как поступать с лицом, совершившим не одно, а несколько таких деяний, по каждому из которых оно добровольно прекращало их дальнейшее совершение. При этом разрыв во времени между ними не превышал сроков давности привлечения к уголовной ответственности. В данном случае правоприменитель все равно был бы обязан освободить его от ответственности. Осознавая сложившуюся ситуацию, законодатель изменил условия освобождения от уголовной ответственности при совершении вышеуказанных деяний, дополнив их еще одним признаком: «впервые совершившее» (эти изменения были внесены в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [9]). То есть в отличие от ранее применяемого подхода в настоящее время от ответственности могут быть освобождены только две категории субъектов, совершивших преступление. Это лица, либо вообще ранее не привлекавшиеся к уголовной ответственности, либо у которых судимость снята или погашена в установленном законом порядке. Таким образом, виновный, ранее совершивший преступление и освобожденный от уголовной ответственности по примечанию, при его повторности понесет уголовную ответственность по всей строгости закона. Полагаем такой подход более рациональным. Во-первых, он уже был апробирован ранее. В частности, можно обнаружить его в примечаниях к ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» (данный прием был использован еще в 2003 г. при криминализации ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации») и ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия

сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста», ст. 198 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица», ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации», ст. 337 УК РФ «Самовольное оставление части или места службы», ст. 338 УК РФ «Дезертирство». Во-вторых, он придаст больший уровень ценности закрепленным в Уголовном кодексе поощрительным нормам и повысит уровень предупредительного воздействия.

Однако используемый прием реализован не во всех специальных поощрительных нормах, закрепленных в Особенной части Уголовного кодекса РФ. Например, он не нашел своего отражения в специальных основаниях освобождения от уголовной ответственности, закрепленных в примечаниях к следующим статьям Уголовного кодекса: ст. 122 УК РФ «Заражение ВИЧ-инфекцией», ст. 126 УК РФ «Похищение человека»; ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции», ст. 184 УК РФ «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса», ст. 200.1 УК РФ «Контрабанда наличных средств и (или) денежных инструментов», ст. 200.3 УК РФ «Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости», ст. 204 УК РФ «Коммерческий подкуп», ст. 204.1 УК РФ «Посредничество в коммерческом подкупе», ст. 204.2 УК РФ «Мелкий коммерческий подкуп», ст. 205 УК РФ «Террористический акт», ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности», ст. 205.3 УК РФ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности», ст. 205.4 УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем», ст. 206 УК РФ «Захват заложника», ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) и участие в нем (ней)», ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки», ст. 222 УК РФ «Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов», ст. 222.1 УК РФ «Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств», ст. 223 УК РФ «Незаконное изготовление оружия», ст. 228 УК РФ «Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а так-

же незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества», 228.3 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение или перевозка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные приобретение, хранение или перевозка растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ», ст. 275 УК РФ «Государственная измена», ст. 284.1 УК РФ «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности», ст. 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве», ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод», ст. 322.2 УК РФ «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации», ст. 322.3 УК РФ «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации».

Считаем это коллизией в юридических конструкциях, закрепленных в Кодексе и определяющих специальные основания освобождения от уголовной ответственности. В целях приведения их к единообразию и повышения качества превентивного и предупредительного воздействия на преступность полагаем целесообразным включить во все закрепленные в Уголовном кодексе специальные основания освобождения от уголовной ответственности следующий обязательный признак: «Лицо,

впервые совершившее...». Предлагаемый нами прием будет свидетельствовать как об унифицированности в области освобождения от уголовной ответственности, так и о единстве уголовной политики.

Особая роль юридических конструкций видна и при конструировании составов преступлений. Полагаем, что это вытекает из непосредственной концепции состава.

Обосновывается это тем, что он представляет собой мнение законодателя как об общественной опасности деяния, так и его противоправности [14, с. 192; 15, с. 34]. Он является законодательной моделью, включающей в себя признаки, в совокупности устанавливающие противоправный характер человеческого поведения [16, с. 18–19; 17, с. 59].

Говоря о правовых презумпциях как средствах юридической техники в уголовном законодательстве, отметим, что и они имеют большое значение в правовом регулировании уголовно-правовых отношений [18, с. 57–63]. Хотя в настоящее время доктрина неоднозначно относится к их наличию в уголовном праве [19, с. 172], с чем в целом сложно согласиться.

В юридической науке под презумпциями понимается предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, закрепленное в нормах права, основанное на подтвержденном предшествующем опыте [20, с. 14].

К признакам презумпции как средства юридической техники можно отнести, во-первых, связь ряда закономерных явлений, служащих основанием для выдвижения вероятных предположений, во-вторых, наличие юридически значимых последствий, закрепленных в законе.

Проведенное исследование показало, что в настоящее время комплекс применяемых в юридической технике средств представляет собой тот инструментарий, который позволяет достичь цели, стоящие перед законодательством, правоприменением и толкованием уголовно-правовых норм. Перечень этих средств, конечно же, носит условный характер, однако именно они дают возможность для создания эффективных уголовно-правовых регуляторов.

1. Алексеев С.С. *Общая теория права: курс лекций: в 2 т. М., 1982. Т. 2.*

2. Ожегов С.И. *Словарь русского языка. М., 1953.*

3. Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. *Теория государства в схемах и определениях: учеб. пособие. М., 1999.*

4. Юков М.К. *Место юридической техники в правотворчестве // Правоведение. 1979. № 5.*

1. Alekseev S.S. *The general theory of law: course of lectures: in 2 vol. Moscow, 1982. Vol. 2.*

2. Ozhegov S.I. *Dictionary of Russian language. Moscow, 1953.*

3. Babayev V.K., Baranov V.M., Tolstik V.A. *The theory of state in schemes and determinations: study aid. Moscow, 1999.*

4. Yukov M.K. *The place of the legal equipment in a law-making // Jurisprudence. 1979. № 5.*

5. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1973. Т. 2.
6. Бабаев В.К. Правовая система общества // Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
7. Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3.
8. Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989.
9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.
10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2016. № 27, ч. II. Ст. 4256.
11. Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права // Учен. тр. Свердловск. юрид. ин-та. Т. 6: Гражданское право. Свердловск, 1961.
12. Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы теории уголовного права: избр. ст. (1982–1999 гг.). Ярославль, 1999.
13. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. 16.
14. Советское уголовное право: Общая часть / под ред. Н.А. Беляева, М.И. Ковалева. М., 1977.
15. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1976.
16. Кригер Г. Состав преступления и квалификация содеянного // Советская юстиция. 1985. № 12.
17. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления. М., 2014.
18. Зувев Ю.Г. Уголовно-правовые презумпции как разновидность материальных презумпций // Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: сб. науч. ст. Ярославль, 1999.
19. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947.
20. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.
5. Alekseev S.S. Problems of the theory of law: course of lectures: in 2 vol. Sverdlovsk, 1973. Vol. 2.
6. Babayev V.K. The system of law of society // General theory of law: course of lectures / ed. by V.K. Babayev. Nizhny Novgorod, 1993.
7. Gorshenev V.M. Atypical standard instructions in the law // Soviet state and law. 1978. № 3.
8. Ilyuk E.V. Legislative technology of creation of a disposition of article of the criminal law: auth. abstr. ... Candidate of Law. Sverdlovsk, 1989.
9. About introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding establishment of additional measures of counteraction to terrorism and ensuring public safety: fed. law d.d. July 6, 2016 № 375-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2016. № 28. Art. 4559.
10. About introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation concerning enhancement of the bases and an order of release from criminal liability: fed. law d.d. July 3, 2016 № 323-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2016. № 27, pt. II. Art. 4256.
11. Krasavchikov O.A. Soviet science of the civil law // Sci. works of the Sverdlovsk law institute. Vol. 6: Civil law. Sverdlovsk, 1961.
12. Kruglikov L.L. About means of the legislative equipment in the criminal law // Problems of the theory of the criminal law: sel. papers (1982–1999). Yaroslavl, 1999.
13. Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary. St. Petersburg, 1895. T. 16.
14. Soviet criminal law: General part / ed. by N.A. Belyaev, M.I. Kovalyov. Moscow, 1977.
15. Kurinov B.A. Scientific bases of qualification of crimes. Moscow, 1976.
16. Krieger G. Corpus delicti and qualification of deeds // Soviet justice. 1985. № 12.
17. Ivanchin A.V. Formation of an corpus delicti. Moscow, 2014.
18. Zuev Yu.G. Criminal legal presumptions as a type of material presumptions // Legal equipment and problems of a differentiation of responsibility in the criminal law and process: coll. of sci. papers. Yaroslavl, 1999.
19. Strogovich M.S. The doctrine about the material truth in a criminal procedure. Moscow, 1947.
20. Babayev V.K. Presumptions in the Soviet law. Gorky, 1974.

Москвичев Алексей Александрович
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79649324815)

Содержание притонов и систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов как формы содействия преступной деятельности

В статье рассмотрены проблемные вопросы уголовной ответственности за содержание притонов и систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 232 УК РФ). На основе изучения материалов судебной практики выявлена проблема разграничения понятий «содержание притона» и «систематическое предоставление помещения». Сделан вывод о необходимости выделения объективной стороны «содержания притона» и «систематического предоставления помещения» в самостоятельные составы преступлений.

Ключевые слова: притон, организация притона, содержание притона, систематическое предоставление помещений, пособничество.

A.A. Moskvichev, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79649324815.

The maintenance of shebang and systematic provision of premises for the consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues as a form of furthering the criminal activity

The paper studies the issues of criminal responsibility for the maintenance of shebang and systematic provision of premises for the consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues (article 232 of the Criminal Code of the Russian Federation). Based on a study of the judicial practice, the author shows the problem of differentiation of the concepts of «keeping a shebang» and «systematic provision of premises». Conclusion about the need to highlight the objective side of «keeping a shebang» and «systematic use of premises» in a separate crime is made.

Key words: shebang, shebang organization, provide shebang, systematic provision of premises, aiding.

В XXI в. наркотизация общества стала глобальной угрозой для человечества, в связи с чем большинство государств создает соответствующие правовые и организационные механизмы противодействия указанному процессу.

В России борьба с наркоманией ведется сразу по нескольким направлениям – на уровне профильных правоохранительных ведомств, а также в рамках законотворческой работы. В п. 2 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года говорится, что «наркоситуация в Российской Федерации характеризуется расширением масштабов незаконного оборота и немедицинского потребления высококонцентрированных наркотиков, таких как героин, кокаин, стимуляторы амфетаминового ряда,

лекарственных препаратов, обладающих психотропным воздействием, а также их влиянием на распространение ВИЧ-инфекции, вирусных гепатитов, что представляет серьезную угрозу безопасности государства, экономике страны и здоровью ее населения» [1].

Наиболее остро стоит проблема выявления и документирования преступной деятельности, связанной с организацией либо содержанием притонов, а также систематическим предоставлением помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 232 УК РФ). Это обусловлено тем, что, во-первых, затруднительно определить количество лиц, употребляющих запрещенные препараты в притонах и помещениях, оборудованных для таких целей, во-вторых, для таких преступлений характерен высокий уровень

латентности, в-третьих, как показывает практика, о существовании притонов для потребления наркотических средств и психотропных веществ сотрудникам полиции в большинстве случаев становится известно в процессе расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (из показаний подозреваемых, обвиняемых, свидетелей или потерпевших).

При этом совершенно очевидно, что значительная часть наркотиков, поступающих в незаконный оборот, регулярно потребляется именно в притонах. Складывающаяся в таких местах криминогенная обстановка способствует росту преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, психотропных веществ и их аналогов или совершенных на почве наркомании.

Статистические данные свидетельствуют о том, что в период с 2010 по 2015 г. количество зарегистрированных преступлений по ст. 232 УК РФ (Организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов) уменьшилось в 3 раза (с 6554 до 2177). Вместе с тем, количество преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору, увеличилось с 25 до 1165 (почти в 47 раз). Сохраняется тенденция к росту числа таких преступлений, совершенных лицами, ранее судимыми за аналогичные преступления.

Если раньше криминальным спросом в основном пользовались героин и его суррогатные заменители, в том числе изготавливаемые при помощи кодеинсодержащих препаратов, например дезоморфин, то в настоящее время вместо дезоморфина в притонах стали чаще употреблять наркотические средства, изготавливаемые из смеси пищевого мака и маковой соломы (ацетилованный опий, экстракт маковой соломы), а также курительные смеси (спайсы), «дизайнерские наркотики» и «соли», используя для их приобретения (в целях конспирации) средства массовой информации и коммуникаций, в том числе сети Интернет [2].

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 381-ФЗ «О внесении изменений в статью 232 Уголовного кодекса Российской Федерации» была расширена объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ, в которую, помимо существовавшей ответственности за организацию либо содержание притонов для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, законодатель включил ответственность за

«систематическое предоставление помещений» для тех же целей [3].

Таким образом, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ, выражается в трех альтернативных действиях:

1. Организация притонов, т.е. подыскание, приобретение или наем жилого или нежилого помещения, финансирование, ремонт, обустройство помещения различными приспособлениями и тому подобные действия, совершенные в целях последующего использования указанного помещения для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов несколькими лицами.

2. Содержание притонов, т.е. умышленное использование помещения, отведенного и (или) приспособленного для потребления наркотических средств или психотропных веществ, оплата расходов, связанных с существованием притона после его организации либо эксплуатацией помещения (внесение арендной платы за его использование, регулирование посещаемости, обеспечение охраны и т.п.). При этом преступление считается оконченным в случае фактического использования такого помещения одним и тем же лицом несколько раз либо разными лицами для потребления наркотических средств и психотропных веществ вне зависимости от того, какие цели и мотивы преследовал виновный [4].

3. Под систематическим предоставлением помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов понимается фактическое предоставление таких помещений более двух раз (примечание к ст. 232 УК РФ).

Вместе с тем, если организатор или держатель притона снабжает его посетителей наркотическими средствами или психотропными веществами, их действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 232 и 228.1 УК РФ.

Так, К. осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 232 и ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, за то, что в период с 20 по 23 августа 2015 г. предоставлял С., склонному к наркотизации, одну из комнат своей квартиры для потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, таким образом, совершил систематическое предоставление помещения для потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Кроме того, К. 22 августа 2015 г., находясь в своей квартире, продал С. вещество, содержащее в своем составе наркотическое средство – производное N-метилэфедрон, т.е. совершил

незаконный сбыт указанного наркотического средства. Указанное наркотическое средство С. употребил, не выходя из квартиры [5].

Такое «нагромождение» уголовно-правовых норм стало возможным в связи с тем, что на сегодняшний день у судов и органов предварительного расследования имеются определенные сложности с установлением места совершения преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ, поскольку отсутствует однозначная законодательная трактовка понятия «наркопритон». Указанное определение встречается лишь в Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ. Под ним понимается жилое или нежилое помещение (дом, квартира – как целиком, так и в части, сарай, гараж, развлекательное заведение и т.п.), в котором осуществляется потребление и, возможно, изготовление для последующего потребления наркотических средств лицами, не являющимися владельцами, пользователями на договорных основаниях данного помещения, не проживающих в данном помещении на иных законных основаниях [6]. Однако притоны все чаще используются не только для потребления, но и для изготовления, переработки, производства (создание подпольных лабораторий), а также сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [7, с. 382–383].

Кроме этого содержание притона и систематическое предоставление помещений для целей потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов представляют собой пособнические функции, отвечающие смыслу ч. 5 ст. 33 УК РФ, которые необоснованно уравниваются по аналогии с организаторскими. В соответствии с ч. 3 ст. 33 УК РФ организатор преступления является наиболее опасной фигурой среди других соучастников, поскольку, во-первых, выступает инициатором совершения преступления (ему принадлежит идея конкретного преступления), во-вторых, руководит всей преступной деятельностью соучастников (определяет их последовательность, другими способами обеспечивает реализацию преступного намерения и способы прикрытия преступной деятельности) и, в-третьих, создает организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию). Пособник содействует совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий,

заранее обещает скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, или заранее обещает приобрести или сбыть такие предметы (ч. 5 ст. 33 УК РФ). Применительно к рассматриваемому составу такое содействие может выражаться в оплате расходов, связанных с существованием притона либо эксплуатацией помещения; регулировании посещаемости; информировании заинтересованных лиц о существовании притона или помещения для потребления наркотических средств; обеспечении охраны; привлечении лиц для производства наркотических средств; предоставлении посуды, компонентов (лекарственных средств, бытовой химии, пищевой соды, уксусной эссенции и т.п.), техники, приборов, приспособлений для потребления и приготовления наркотических средств; обеспечении лиц медицинскими шприцами, жгутами и т.п.; в уборке помещения после приготовления и потребления наркотических средств и т.п. [8, с. 52].

В данном случае допущена грубейшая ошибка, противоречащая другим уголовно-правовым нормам и повлекшая нежелательную следственно-судебную практику в реализации положений о соучастии. Ошибки в уяснении уголовно-правовых признаков ст. 232 УК могут быть устранены посредством определения конкретных форм деяний, признаваемых преступными, с выделением из диспозиции трех самостоятельных преступлений: организация притонов; содержание притонов; систематическое предоставление помещений. Такое разведение деяний по разным составам УК, на наш взгляд, необходимо во избежание путаницы при реализации этой нормы на практике, поскольку в современной редакции она объединила разные виды содействия преступлению, качественно отличающиеся между собой по характеру преступных действий.

В целях устранения рассмотренных выше противоречий, не позволяющих в полной мере учитывать при квалификации функции отдельных соучастников, необходимо в действующее законодательство внести следующие изменения:

1. По-новому сформулировать ст. 232 УК РФ: «Организация притонов в целях изготовления, переработки, потребления, производства или сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов».

2. Дополнить УК РФ путем включения ст. 232.1 «Содержание притонов в целях изготовления, переработки, потребления, про-

изводства или сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» и ст. 232.2 «Систематическое предоставление помещений в целях изготовления, переработки, потребления, производства или сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов».

1. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010–2016 гг. Доступ с официального сайта Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.12.2016).

3. О внесении изменений в статью 232 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 381-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 52. Ст. 6946.

4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (в ред. от 30 июня 2015 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182052#0> (дата обращения: 20.11.2016).

5. Апелляционное определение от 25 авг. 2016 г. по делу № 10-135810/16. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgireq=doc;base=SOJ;n=1642233#0> (дата обращения: 20.11.2016).

6. Обзор Судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ // Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ. 2012. 27 июля.

7. Романова Л.И. Наркомания и наркотизм. СПб., 2003.

8. Гельдибаев М.Х., Косарев С.Ю. Квалификация и расследование преступлений в сфере оборота наркотиков. СПб., 2014.

Диспозиции проектируемых статей должны также включать квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки. К ним следует отнести групповые формы, совершение указанных преступлений в отношении несовершеннолетнего и лицом с использованием своего служебного положения.

1. Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation until 2020: decree of the President of the Russian Federation d.d. June 9, 2010 № 690. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. Summary statistics on the status of a criminal record in Russia for 2010–2016. Access from the official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of access: 01.12.2016).

3. On amendments to article 232 of the Criminal Code of the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 28, 2013 № 381-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 52. Art. 6946.

4. On judicial practice in cases, involving offenses related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 15, 2006 № 14 (as amended on June 6, 2015). Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182052#0> (date of access: 20.11.2016).

5. Appeals determination d.d. Aug. 25, 2016 in the case № 10-135810/16. Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgireq=doc;base=SOJ;n=1642233#0> (date of access: 20.11.2016).

6. Review of judicial practice in criminal cases involving crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances // Management of legislation systematization and analysis of jurisprudence of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. June 27.

7. Romanova L.I. Drug habit and drug addiction. St. Petersburg, 2003.

8. Geldibaev M.H., Kosarev S.Yu. Qualification and investigation of crimes in the sphere of drug trafficking. St. Petersburg, 2014.

Мотин Анатолий Владимирович

Палата адвокатов Самарской области

(e-mail: advjlga@yandex.ru)

Проблемы квалификации покушения на преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности

Изучение уголовных дел о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности личности показывает, что достаточно часто эти преступления не доводятся до конца по не зависящим от виновного обстоятельствам. При этом особые затруднения в судебно-следственной практике по делам о половых преступлениях вызывают вопросы квалификации покушения на их совершение и его отличия от добровольного отказа. В предлагаемой публикации на основе общего учения о стадиях совершения преступления, анализа правовых позиций Верховного Суда РФ, судебной практики по конкретным уголовным делам сформулированы научно обоснованные рекомендации по разрешению этих проблем, которые могут быть востребованы в правоприменительной практике.

Ключевые слова: судебная практика, квалификация преступлений, неоконченное преступление, покушение на преступление, добровольный отказ от преступления, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

A.V. Motin, Chamber of Lawyers of Samara Region; e-mail: advjlga@yandex.ru

Problems of qualification of attempted crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the person

Studying of criminal cases about crimes against sexual freedom and sexual inviolability shows that quite often these crimes are not ended through no fault of the perpetrator circumstances. In these special difficulties in forensic practice in cases involving sexual offences, raise questions of qualification attempts on their commission and how it differs from voluntary failure. In the proposed publication based on the general doctrine on the stages of the crime, analysis of legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as judicial practice on criminal cases, scientifically reasoned recommendations for resolution of these issues, which can be used in law enforcement.

Key words: jurisprudence, qualification of crimes, inchoate crime, attempted crime, voluntary refusal of a crime, crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual.

Одной из сложных и актуальных проблем современной судебной практики является квалификация покушения на преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Вопросы здесь возникают по поводу множества обстоятельств – от самой возможности покушения на преступления до сложных нюансов квалификации.

Не претендуя на всесторонность и полноту, постараемся в рамках настоящей публикации обратить внимание на некоторые, на наш взгляд, наиболее значимые проблемы заявленной темы.

Покушение на насильственные половые преступления. Не оспаривается в теории и многократно подтверждается на практике возможность покушения при совершении насиль-

ственных половых преступлений (ст. 131 УК РФ, ст. 132 УК РФ). Таковыми следует считать случаи:

1. Когда виновный применяет физическое или психическое насилие для подавления сопротивления потерпевшего лица, но сам половой акт насильнику совершить не удастся по не зависящим от него обстоятельствам (из-за решительного сопротивления жертвы, пресечения или реальной возможности пресечения преступления третьими лицами, а также по физиологическим причинам самого насильника (например, отсутствие эрекции) либо жертвы (например, наличие менструации при условии, что она воспринимается насильником как препятствие для доведения преступления до конца). Представляется, что покушением на изнасилование, не завершенным по физи-

ологическим причинам, следует признавать и случаи, когда потерпевшей выступает малолетняя девочка и совершение с ней полового сношения невозможно из-за несоответствия ее половых органов и насильника. При этом, если умысел преступника на изнасилование не будет установлен, то ответственность наступает за оконченное преступление, предусмотренное ст. 132 или ст. 135 УК РФ (другого мнения придерживается Я.М. Яковлев, полагая, что половое сношение в таких случаях совершается без проникновения, поэтому действия преступника должны квалифицироваться как изнасилование малолетней [1, с. 103]). Так, например, Дорогомилловским районным судом г. Москвы К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ, которое он не довел до конца по не зависящим от него обстоятельствам, поскольку, заметив случайных прохожих, приближающихся к ним молодых людей, испугался и скрылся с места происшествия [2]. В другом случае Басманным районным судом г. Москвы Т. был признан виновным в том, что совершил покушение на изнасилование, при этом свой преступный умысел он не довел до конца по не зависящим от него обстоятельствам, так как потерпевшая активно сопротивлялась, отталкивала его от себя, размахивала руками и звала на помощь, а затем потерпевшей удалось укубить его за ухо и вырваться [3].

2. Когда виновный угрожал применением насилия к лицу для преодоления его сопротивления к вступлению в половую связь, но потерпевший проявил стойкость и мужество, в силу чего угроза не возымела действие и полового акта не произошло. В отличие от первого случая, более близкого к окончанию преступления, когда насильнику не удается непосредственно совершить сам половой акт, здесь ему не удается не только подавить сопротивление потерпевшего лица, но и причинить реальный физический вред жертве.

Если в целях подавления сопротивления лица к вступлению в половые отношения виновный применяет насилие или выражает угрозу его применения, но сами сексуальные действия не совершает по не зависящим от него обстоятельствам, ответственность наступает за покушение на совершение задуманного деяния.

Не учитывая этих признаков покушения на изнасилование, суды в ряде случаев допускают ошибки. Так, Красноармейским районным народным судом Чувашской Республики Терентьев осужден по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР к

лишению свободы сроком на пять лет. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Чувашской Республики приговор оставила без изменения. Президиум Верховного Суда Чувашской Республики приговор суда и кассационное определение изменил: действия Терентьева переквалифицировал с ч. 3 ст. 117 на ст. 15 и ч. 3 ст. 117 УК (по действующему УК РФ – ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 131). С учетом внесенных в приговор изменений Терентьев признан виновным в покушении на изнасилование несовершеннолетней И. Вечером 5 сентября 1992 г., встретив на улице деревни несовершеннолетнюю И., он стал к ней приставать и предлагать совершить с ним половой акт. Затем нанес ей удар в лицо, затащил в овраг и, угрожая убийством, применяя физическое насилие, пытался изнасиловать, но ввиду оказанного ему сопротивления не смог довести до конца свой преступный умысел [4].

Годное и негодное покушение. При совершении половых преступлений возможна квалификация содеянного по правилам оценки негодного покушения, которое бывает двух видов (покушение на негодный объект и покушение с негодными средствами).

Первый вид негодного покушения имеет место, когда лицо при совершении насильственных или ненасильственных сексуальных действий допускает ошибку в объекте преступления.

Такая ошибка может касаться, в частности, возраста и пола жертвы.

Сексуальные действия субъекта, имеющего умысел на совершение их с лицом, не достигшим определенного (18–16–14–12-летнего) возраста, в случае ошибки в возрасте потерпевшего квалифицируются как покушение на преступление с соответствующим признаком. Например:

а) если виновный при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера исходил из ошибочного предположения о несовершеннолетии (или малолетнем возрасте) потерпевшего лица, содеянное должно квалифицироваться как покушение на преступление с соответствующим квалифицирующим признаком (например, по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ);

б) если виновный исходил из ошибочного предположения о том, что лицо, с которым он совершает сексуальные действия, не достигло шестнадцатилетнего возраста, деяние должно квалифицироваться как покушение на преступление, предусмотренное ст. 134 или ст. 135 УК РФ (например, по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 134 УК РФ).

По такому пути квалификации идет судебная практика. В частности, определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 6 апреля 2012 г. подтверждает факт совершения осужденным П. покушения на половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, и его осуждение по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 134 УК РФ [5].

Между тем доктриной вопрос о возможности покушения на преступление, предусмотренное ст. 134 УК РФ, решается неоднозначно. Одни авторы полагают, что невозможно конструировать покушение на добровольное половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, объясняя это формальной конструкцией состава преступления и положением, согласно которому для констатации покушения на преступление необходимо выполнение начальной части объективной стороны, в то время как в ст. 134 УК РФ начало выполнения описанных в законе действий рассматривается как оконченный состав [6, с. 89]. Другие считают, что отрицать возможность покушения на рассматриваемое преступление нет никаких теоретических и юридических оснований [7, с. 203; 8, с. 66].

При покушении с ошибкой, касающейся пола жертвы, виновный изначально заблуждается относительно его идентичности. Например, если лицо с целью совершения полового сношения путем применения физического насилия приводит жертву в бессознательное состояние, раздевает ее, но преступный замысел осуществить до конца не может, поскольку жертва оказывается трансвеститом, т.е. имеет внешние черты женщины, использует женскую одежду и аксессуары, но под ними оказываются мужские половые органы, то содеянное образует покушение на изнасилование.

Второй вид негодного покушения предполагает ошибку в средствах совершения полового преступления, когда виновный, к примеру, при совершении развратных действий использует средства, чтобы объективно вызвать сексуальное возбуждение у потерпевшего лица или пробудить у него интерес к сексуальным отношениям. Если совершеннолетний виновный покупает на рынке порнографический фильм с тем, чтобы затем показать своему знакомому, не достигшему шестнадцатилетнего возраста, и тем самым пробудить у него интерес к сексуальным отношениям, но продавцы перепутали диски и вложили в упаковку не фильм для взрослых, а обычный фильм, то, на наш взгляд, субъект должен нести ответственность

за покушение на совершение развратных действий. Поскольку, во-первых, демонстрация (показ) порнографических материалов образует объективную сторону развратных действий, а во-вторых, использованное им средство является непригодным для совершения задуманного деяния.

Отграничение покушения от оконченного преступления. В ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» указывалось, что при решении вопроса о том, содержится ли в действиях лица оконченный состав указанных преступлений либо лишь признаки покушения на совершение таких преступных действий, судам следует выяснять, действовало ли лицо с целью совершить изнасилование или насильственные действия сексуального характера, а также явилось ли примененное насилие средством к достижению указанной цели, которая не была осуществлена по независящим от него причинам. При этом необходимо отличать покушение на изнасилование от насильственных действий сексуального характера, а также покушение на преступления, предусмотренные ст. 131 и 132 УК РФ, от оконченных преступлений, подпадающих под иные статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за преступления против здоровья, чести и достоинства личности (п. 5) [9].

Так, Л. признан виновным в покушении на изнасилование П., 16 января 1996 года рождения, не достигшей заведомо для осужденного четырнадцатилетнего возраста. В кассационной жалобе осужденный Л. указывает, что покушения на изнасилование не совершал, половой член в половые органы потерпевшей не вводил и добровольно отказался от своих действий, направленных на изнасилование, поэтому просит о пере квалификации действий на ст. 135 УК РФ. Проверив материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия не находит оснований для ее удовлетворения. Суд всесторонне и полно исследовал представленные сторонами обвинения и защиты доказательства, дав им надлежащую оценку в их совокупности, и пришел к законному и обоснованному выводу о виновности осужденного. Сам осужденный не отрицал и не отрицает в своей кассационной жалобе, что имел умысел на изнасилование потерпевшей, в явке с повинной Л., исследованной судом, он указал, что лег, раздевшись, с потерпевшей на кровать и попытался совершить с ней половой акт, но

ничего не получилось из-за преждевременного семяизвержения. Эти обстоятельства подтверждаются также результатами судебно-медицинской экспертизы потерпевшей и экспертизы вещественных доказательств. Все доказательства свидетельствуют, что суд правильно установил фактические обстоятельства, признав, что Л. пытался ввести половой член в половые органы потерпевшей, совершив таким образом покушение на ее изнасилование, и основания для переквалификации его действий на ст. 135 УК РФ (развратные действия) отсутствуют [10].

Отграничение покушения на половые преступления от добровольного отказа. В этом случае, если лицо осознавало возможность доведения преступных действий до конца, но добровольно и окончательно отказалось от совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера (но не вследствие причин, возникших помимо его воли), содеянное им независимо от мотивов отказа квалифицируется, исходя из фактически совершенных действий при условии, что они содержат состав иного преступления [11]. Отказ от совершения изнасилования и насильственных действий сексуального характера возможен как на стадии приготовления к преступлению, так и на стадии покушения на него.

Отказ считается добровольным, если совершается лицом по своей воле при осознании возможности доведения преступления до конца. Мотивы добровольного отказа могут быть разнообразными и для квалификации значения не имеют. Таковыми судебной практикой по половым преступлениям признаются: страх перед наказанием и другими неблагоприятными для субъекта последствиями разоблачения, жалость к потерпевшему, боязнь заразиться венерическим заболеванием или ВИЧ-инфекцией, о наличии которых у себя сообщает потерпевшая, брезгливость к внешнему виду потерпевшей и т.д.

Так, приговором Ярославского гарнизонного военного суда от 19 июля 2010 г. К. оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 131 УК РФ, за отсутствием в его действиях состава преступления. К., действуя из низменных побуждений и желая изнасиловать потерпевшую И., стал раздевать ее с целью совершения с ней полового сношения. Стремясь избежать изнасилования, потерпевшая сообщила К. ложные сведения о якобы имеющемся у нее заболевании, после чего он, осознавая возможность доведения преступления до конца, добровольно отказался от совершения задуманного. Мо-

сковским окружным военным судом приговор в этой части оставлен без изменения [12].

В уголовно-правовой науке и судебной практике находят неоднозначное решение следующие вопросы.

1. Может ли отказ признаваться добровольным тогда, когда субъект передумывает совершить определенное половое преступление в отношении первоначально выбранного лица, а решает совершить такое же деяние применительно к другому лицу? Мнения специалистов разделились: а) по мнению одних, не может быть причиной добровольного отказа желание совершить аналогичное преступление в отношении другого потерпевшего, например, когда виновный отказывается совершить насильственное мужеложство с одним потерпевшим для того, чтобы совершить насильственное мужеложство с другим потерпевшим, поэтому содеянное необходимо квалифицировать по совокупности покушения на насильственное мужеложство и оконченного насильственного мужеложства [13, с. 87]; б) другие, не соглашаясь с такой оценкой, считают, что в данном случае виновный, оценивая для себя по своим внутренним критериям привлекательность двух ситуаций, отдает предпочтение одной из них, ради чего добровольно отказывается от другой, поэтому в отношении несостоявшегося потерпевшего вполне можно усмотреть признаки добровольного отказа [14, с. 70–71].

Присоединяясь ко второй точке зрения, считаем необходимым в дополнение к аргументации указать, что, оценивая такого рода ситуации, следует исходить не из тождественности (аналогичности) посягательства, а из личности потерпевшего, поскольку половая свобода и неприкосновенность как благо, которому причиняется вред в результате совершения полового преступления, неразрывно связано с личностью потерпевшего. Поэтому добровольный отказ может иметь место не только в случае, когда виновный по своей воле решает, не доведя половое преступление до конца, изменить не только жертву, но и характер деяния, но и в случае, когда преступник решает сменить одно потенциально потерпевшее лицо другим, сохраняя желание совершить аналогичное половое преступление.

2. Каков характер отказа, когда лицо заблуждается относительно невозможности доведения преступления до конца? В таких случаях субъективное восприятие лицом ситуации не совпадает с объективными обстоятельствами. Например, если виновный заманил женщину в лес, затем применил физическое насилие,

чтобы заставить ее вступить с ним в половое сношение, но испугался шума ломающихся от ветра веток деревьев, приняв шум за усилия человека, пробирающегося к месту совершаемого им преступления, и прекратил действия, непосредственно направленные на изнасилование, опасаясь быть задержанным. На наш взгляд, в данном случае отказ является вынужденным, поскольку виновный не осознавал возможность доведения изнасилования до конца, хотя и ошибался в невозможности, так как происходящие события на самом деле, объективно не могли помешать осуществлению преступного намерения. Аналогичная ситуация, когда лицо прекращает начатое изнасилование, полагая, что крики женщины о помощи помешают ему завершить начатое, в то время как по стечению обстоятельств жертва не была и не могла быть услышанной (например, близлежащие дома были не жилые). По законодательному определению (ч. 1 ст. 31 УК РФ) добровольность отказа определяется наличием у лица осознания возможности завершения преступления, т.е. решающим является субъективный момент.

3. Вопрос об отграничении добровольного отказа от вынужденного. Судебная практика испытывает значительные трудности в его решении и нередко допускает ошибки. Приведем несколько характерных примеров. Так, Ф. был признан виновным в покушении на изнасилование несовершеннолетней Н. при следующих обстоятельствах. Ф. познакомился с Н. на катке. Он уговорил ее перейти кататься на малое неосвещенное поле. Имея умысел на изнасилование, Ф. повалил Н. на лед, стал применять к ней физическое насилие, закрыл рот рукой, угрожал убийством. В связи с тем, что на соседнем катке зажегся свет, Ф. оставил потерпевшую и скрылся. В данном случае

следственные органы и суд первой инстанции пришли к выводу, что отказ от завершения преступления был вынужденным (зажгли свет на соседнем катке). Дело в кассационном порядке рассматривалось Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, которая в своем определении указала, что хотя Ф. и оставил потерпевшую в связи с освещением соседнего катка, однако это обстоятельство нельзя рассматривать как постороннюю причину, препятствующую или значительно затрудняющую доведение им преступного умысла до конца, так как освещение не мешало ему осуществить преступление. А поэтому отказ Ф. от завершения начатого преступления следует признать добровольным.

Поддерживая решение суда о признании здесь добровольного отказа, отметим, что, несмотря на наличие определенных внешних обстоятельств (освещение соседнего катка), во-первых, сами эти обстоятельства не являлись такими преградами, которые исключали или, по меньшей мере, существенно затрудняли доведение преступлений до конца, а во-вторых, субъекты осознавали фактическую возможность при этих обстоятельствах довести изнасилование до конца. Скорее всего, отказ от изнасилования в рассматриваемом случае был продиктован осознанием субъектом того, что при данных обстоятельствах повышается вероятность его опознания, разоблачения и следующего наказания. Поэтому следует согласиться с теми специалистами, которые считают, что отказ от продолжения преступной деятельности, обусловленный боязнью разоблачения и ответственности, вызванный какими-либо внешними обстоятельствами, не препятствующими, однако, совершению самого преступления, в уголовно-правовом смысле является добровольным [15, с. 34–35; 16, с. 442].

1. Яковлев Я.М. Половые преступления. Душанбе, 1969.

2. Приговор Дорогомилковского районного суда г. Москвы по делу № 1-24/2011. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/8kS2Ti4AD1b4>

3. Приговор Басманного районного суда г. Москвы от 16 марта 2011 г. URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/49301>

4. Бюл. Верховного Суда РФ. 1995. № 6.

5. Определение судебной коллегии по уголовным делам от 6 апр. 2012 г. Дело № 22-3356/2012 // Бюл. судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда (второй квартал 2012 г.).

1. Yakovlev Ya.M. Sex offenses. Dushanbe, 1969.

2. Sentence of Dorogomilovsky district court of Moscow in the case № 1-24/2011. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/8kS2Ti4AD1b4>

3. Sentence of Basmanny district court of Moscow d.d. March 16, 2011. URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/49301>

4. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 1995. № 6.

5. Determination of Judicial board on criminal cases d.d. Apr. 6, 2012. The case № 22-3356/2012 // Bull. of court practice on criminal cases of the Sverdlovsk regional court (the second quarter of

URL: http://www.ekboblsud.ru/sudpr_det.php?srazd=6&id=102&page=2

6. Сущенко Ю.К. Стадии преступной деятельности в составах половых преступлений (по УК РСФСР) // Учен. записки Саратов. юрид. ин-та. Саратов, 1969.

7. Игнатов А.Н. Квалификация половых преступлений. М., 1974.

8. Краснюк Г.П. Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.

9. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 // Рос. газ. 2004. 29 июня.

10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 февр. 2008 г. № 44-О07-124.

11. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлениях: избр. лекции. М., 2010.

12. Кассационное определение от 16 дек. 2010 г. № КУ-245. URL: <https://rospravosudie.com/court-moskovskij-okrzhnoj-voennyj-sud-gorod-moskva-s/act-106111874>

13. Озова Н.А. Насильственные действия сексуального характера. М., 2006.

14. Тыдыкова Н.В. Уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации насильственных половых преступлений. М., 2013.

15. Андреева Л.А., Цэнгэл С.Д. Квалификация изнасилований: учеб. пособие. СПб., 2005.

16. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть. М., 2008.

2012). URL: http://www.ekboblsud.ru/sudpr_det.php?srazd=6&id=102&page=2

6. Sushchenko Yu.K. Stages of criminal activities in structures of sex offenses (on Criminal Code of the RSFSR) // Sci. notes of Saratov law institute. Saratov, 1969.

7. Ignatov A.N. Qualification of sex offenses. Moscow, 1974.

8. Krasnyuk G.P. Nonviolent sexual encroachments on the persons which didn't reach fourteen-year age: diss. ... Candidate of Law. Krasnodar, 2000.

9. About court practice on cases of the crimes provided by articles 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 15, 2004 № 11 // Rus. newsp. 2004. June 29.

10. Cassation determination of Judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Febr. 5, 2008 № 44-О07-124.

11. Pudovochkin Yu.E. The doctrine about a crime: sel. lectures. Moscow, 2010.

12. Cassation determination of Dec. 16, 2010 № КУ-245. URL: <https://rospravosudie.com/court-moskovskij-okrzhnoj-voennyj-sud-gorod-moskva-s/act-106111874>

13. Ozova N.A. Violent acts of sexual nature. Moscow, 2006.

14. Tydykova N.V. Criminal and legal characteristic and questions of qualification of violent sex offenses. Moscow, 2013.

15. Andreyeva L.A., Tsengel S.D. Qualification of rapes: study aid. St. Petersburg, 2005.

16. Naumov A.V. Russian criminal law: course of lectures: in 3 vol. Vol. 1: General part. Moscow, 2008.

Усачева Алена Павловна

Краснодарский университет МВД России
(e-mail: lalenal@mail.ru)

Генезис и развитие уголовного законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью при наличии привилегирующих признаков

В статье автор анализирует генезис и развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за привилегированные виды причинения вреда здоровью – в состоянии аффекта, при превышении пределов необходимой обороны и при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Ключевые слова: смягчающие обстоятельства, привилегированные виды причинения вреда здоровью, состояние аффекта, необходимая оборона, задержание лица, совершившего преступление, превышение пределов необходимой обороны.

A.P. Usacheva, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: lalenal@mail.ru
Genesis and development of criminal legislation on responsibility for harm to health with mitigating circumstances

The author analyzes the genesis and development of the domestic criminal legislation on responsibility for harm to health with mitigating circumstances of different types – in the heat of passion, use of excessive force in self-defense or in excess of measures needed for the detention of a person who has committed a crime.

Key words: mitigating circumstances, types of harm to health with mitigating circumstances, the state of affect, necessary defense, detention of a person who committed a crime, exceeding the limits of necessary defense.

Любое посягательство на личность издревле признавалось недопустимым, достаточно вспомнить знаменитое библейское «не убий». При этом не только причинение смерти считалось достойным наказания, но и нанесение любого вреда здоровью, если оно осуществлено умышленно и виновно. В контексте анализа можно упомянуть и библейское «око за око», т.е. моральный постулат о необходимости возложения наказания за причиненный вред здоровью. Тем не менее, исторически сложилось и понимание того, что причинение вреда здоровью, равно как и смерти, может быть обусловлено различными обстоятельствами, которые по-разному влияют на степень виновности, а следовательно, и на размер наказания.

Законодательство и наука уголовного права традиционно выделяют как отягчающие, так и смягчающие вину обстоятельства, сопровождающие причинение вреда здоровью. Это так называемые квалифицирующие, т.е. отягчающие, и привилегирующие, т.е. смягчающие, обстоятельства [1, с. 95]. К последним

относятся ситуации необходимой обороны; задержания лица, совершившего преступление; крайней необходимости. При наличии таковых лицо причиняет вред, полностью осознавая характер своих действий, но вынужденно действуя подобным образом для предотвращения наступления еще более тяжких общественно опасных последствий. Для названных обстоятельств характерно наличие некоего предела, до которого деяние не подпадает под признаки уголовного наказания, а при превышении которого считается совершенным при наличии смягчающего признака.

Другим видом привилегирующих признаков являются обстоятельства, при которых лицо не может в полной мере руководить своими действиями, несмотря на признание его виновным. Это обстоятельства, связанные с физическим или психическим принуждением, состоянием аффекта.

В науке уголовного права отношение к указанным привилегирующим обстоятельствам формировалось постепенно. В связи с этим определенный интерес представляет просле-

живание его генезиса и эволюции, что позволит сделать определенные прогнозы относительно дальнейшего развития названного института.

Наиболее древним и достаточно хорошо изученным источником уголовного права являются древнеримские Законы 12 таблиц [2, с. 21–33.]. В таблице 8 есть правило 12, согласно которому убийство вора в ночное время на месте преступления должно считаться правомерным. Здесь необходимо обратить внимание, что такое посягательство признавалось правомерным лишь при совершении его в ночное время и лишь на месте преступления, что можно признать чрезвычайными обстоятельствами, не позволяющими пресечь преступную деятельность иным образом. В дальнейшем эта норма нашла развитие в комментарии к эдикту императора Адриана, который указал, что тот, кто убьет ночного вора, будет безнаказанным только в том случае, «если не мог без опасности для себя пощадить» [3].

Таким образом, признавая причинение вреда здоровью и жизни правомерным, древнеримское право обуславливало правомерность такого причинения некоторыми факторами. В частности, такими, как ночное время, когда нельзя быстро вызвать стражу и передать преступника правосудию, обнаружение преступника на месте преступления. Это были условия, позволяющие избежать ошибки самосуда и реальной опасности наступления иных вредных последствий, а именно угрозы для жизни и здоровья самого владельца имущества или лица, обнаружившего вора.

Аналогичным образом древнеримский законодатель относился и к посягательствам против личности, особенно сексуального характера, признавая в таком случае причинение вреда преступнику правомерным и освобождающим от ответственности. Так, тому же императору Адриану предписывается правило о том, что тот, «кто убил (человека), совершающего насильственные развратные действия по отношению к нему самому или к его домашним, должен быть отпущен» [4].

Для сравнения рассмотрим древнерусское законодательство. Так, Русская Правда в ст. 36 содержит положение, согласно которому можно убить вора, застигнутого «у клети или у которое татбы» [5], т.е. на месте преступления, но опять же при условии, если такой вор схвачен ночью. Если же его додержали до рассвета, то надо вести на княжеский двор для суда. Так же, как и в Древнем Риме, это правило, восходящее, скорее всего, к обычному праву многих народов, в дальнейшем было легити-

мировано в законодательном акте. В русском праве это можно наблюдать на примере Соборного уложения 1649 г., в ст. 88 гл. XXI которого содержится уже подробное регламентирование возможности причинения вреда лицу, задерживаемому при совершении преступления. В частности, там предписано немедленно сообщать в приказ о случае и обстоятельствах убийства «ночного татя», в том числе и в случае погони за ним. Если «тать» был застигнут уже вдали от места преступления и при задержании оказывал сопротивление, то допускалось причинение ему увечий вплоть до смерти. Аналогичным образом регулировалось и причинение смерти похитителю скота или хлеба с поля (ст. 89 Русской Правды).

Таким образом, здесь можно наблюдать практически те же условия правомерности причинения вреда здоровью и жизни преступника, застигнутого на месте преступления, – ночное время, обнаружение на месте преступления, сопротивление при задержании.

В гл. XXII Соборного уложения содержится ст. 21, признающая правомерным причинение вреда здоровью нападавшего, даже если нападение происходит не непосредственно на само лицо, а на того, кому это лицо служит. Таким образом, речь здесь идет о причинении вреда при обстоятельствах, признаваемых в настоящее время необходимой обороной.

В дальнейшем положения о причинении вреда в случае необходимой обороны или задержания преступника в том или ином виде были представлены во всех российских уголовных законах. Так, вопросы необходимой обороны в законодательстве Петра I нашли отражение в Воинских артикулах 1715 г. и в Морском уставе 1720 г. Воинские артикулы считали правомерной необходимой обороной при посягательстве на жизнь, а Морской устав – при нападении, угрожающем здоровью [6; 7, с. 274].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в ст. 98 признавало деяние «безвинным», если оно совершено под принуждением «от превосходящей непреодолимой силы» или от «необходимости обороны». В ст. 101 и 102 Уложения были установлены условия правомерности необходимой обороны – соответствие защите нападению, реальность угрозы жизни и здоровью.

Впервые в Уложении 1845 г. получило законодательное закрепление понятие аффекта, или сильного душевного волнения, как обстоятельства, смягчающего ответственность. Статья 140 Уложения 1845 г. признавала смягчающим обстоятельством учинение преступле-

ния лицом «вследствие сильного раздражения, произведенного обидами, оскорблениями или иными поступками лица, коему он сделал или покусился сделать зло». Иными словами, это фактически состояние аффекта, или сильного душевного волнения, вызванного противоправным поведением потерпевшего. По замечанию Н.С. Таганцева, «более значения придавала аффектам Особенная часть Уложения в большинстве личных преступлений, например при убийстве, при детоубийстве, при оставлении без помощи» [8].

Уголовное уложение 1903 г. в целом сохранило те же подходы к необходимой обороне и причинению вреда в состоянии крайней необходимости (ст. 45 Уложения). Но при этом было уточнено, что необходимая оборона имеет свои пределы, превышение которых в указанных в законе случаях может повлечь наступление уголовной ответственности, которая, тем не менее, будет мягче по сравнению с наказанием за обычные и квалифицированные составы причинения вреда жизни и здоровью. Так, например, причинение тяжкого вреда здоровью могло повлечь тюремное заключение до 8 лет (ст. 467). То же деяние, совершенное с превышением пределов необходимой обороны, влекло лишь арест, а причинение тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта – содержание в исправительном доме не более 3 лет (ст. 470) [9].

В советский период в законодательстве сохранились и развились сложившиеся в предыдущие исторические периоды тенденции.

Так, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. признавал смягчающим обстоятельством совершение деяния хотя и с превышением пределов необходимой обороны, но для защиты от посягательства на Советскую власть, революционный правопорядок или личность и права обороняющегося или другого лица либо под влиянием сильного душевного волнения (ст. 48) [10]. Нанесение тяжкого телесного повреждения (ст. 147 УК РСФСР 1922 г.) предусматривало лишение свободы на срок до 8 лет. Но если его совершение было вызвано состоянием сильного душевного волнения, то наказанием являлись принудительные работы до 6 месяцев (ст. 144).

УК РСФСР 1960 г. [11] содержал понятия крайней необходимости (ст. 13) и необходимой обороны (ст. 14) как обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, при условии отсутствия превышения необходимых пределов. При этом умышленное причинение тяжких телесных повреждений (ст. 108 УК РСФСР)

влекло наказание в виде лишения свободы на срок до 8 лет. То же деяние, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, – лишение свободы до 2 лет (ст. 110 УК), при превышении пределов необходимой обороны – лишение свободы до 1 года (ст. 111 УК). Таким образом, постепенно причинение вреда в условиях крайней необходимости или необходимой обороны стало признаваться менее опасным, чем причинение вреда здоровью в состоянии сильного душевного волнения, или аффекта.

Действующий Уголовный кодекс РФ в качестве обстоятельств, устраняющих преступность деяния и, следовательно, исключающих уголовную ответственность, указывает и необходимую оборону (ст. 37) и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38). Подобной ст. 38 УК РФ нормы в УК РСФСР 1960 г. не содержалось. Она является новеллой современного российского уголовного законодательства. Ранее эта ситуация охватывалась понятием крайней необходимости как условия причинения вреда для предотвращения наступления более тяжких общественно опасных последствий. В то же время понятие сильного душевного волнения как смягчающего обстоятельства Общая часть действующего УК РФ не содержит. Оно заменено на противоправное или аморальное поведение потерпевшего как повод к преступлению. Тем самым исключается необходимость оценки степени душевного волнения, вызванного этим самым противоправным или аморальным поведением.

В качестве общего обстоятельства, смягчающего наказание, УК РФ в ст. 61 указывает на совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения. Некоторые из указанных обстоятельств предусмотрены законом и в качестве признаков привилегированных составов причинения вреда здоровью личности. Причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ) влечет лишение свободы на срок до 8 лет. Исключенное из Общей части понятие аффекта, или сильного душевного волнения, указано в ст. 113 УК РФ в качестве привилегированного обстоятельства, и причинение тяжкого вреда здоровью в таком состоянии влечет лишение свободы на срок до 2 лет. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, со-

вершившего преступление (ст. 114 УК РФ), в первом случае влечет лишение свободы на срок до 1 года, во втором – на срок до 2 лет.

Итак, современный законодатель считает причинение вреда здоровью в ситуации превышения пределов необходимой обороны менее опасным, чем иные случаи «привилегированного» причинения вреда здоровью.

Таким образом, можно заключить, что такие привилегировавшие обстоятельства, как причинение вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, или при превышении пределов необходимой обороны, восходят к нормам обычного права. Их наличие прослеживается

практически во всех источниках отечественного уголовного права. Упоминание такого обстоятельства, как сильное душевное волнение, или аффект, появляется лишь в середине XIX в. Это связано с упрочением позиций принципа субъективного вменения, при котором большее внимание уделяется не внешним обстоятельствам преступления, а внутреннему отношению лица к содеянному. Причинение вреда здоровью при задержании лица, совершившего преступление, ранее рассматривалось в рамках состояния крайней необходимости, а сейчас это обстоятельство выделено в качестве самостоятельного основания для смягчения уголовной ответственности.

1. Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000.

2. Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. III: Рим / под ред. В.В. Струве. М., 1953.

3. Дигесты. Титул VIII, ст. 9. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/48.php (дата обращения: 11.10.2016).

4. Дигесты. Титул VIII, ст. 4. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/48.php (дата обращения: 11.10.2016).

5. Русская Правда // Электронная библиотека ист. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/index.html> (дата обращения: 11.10.2016).

6. Уголовное право России. Общая часть: учеб. / Д.И. Аминов, Л.И. Беляева, В.Б. Боровиков и др.; под ред. В.П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Российское уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2014.

8. Таганцев Н.С. Курс уголовного права. СПб., 1902. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

9. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 8: Судебная реформа / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1991.

10. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года: постановление ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

11. Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР: закон РСФСР от 27 окт. 1960 г. (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

1. Vasilevsky A.V. Differentiation of the criminal liability and punishment in the General Part of criminal law: diss. ... Candidate of Law. Yaroslavl, 2000.

2. Chrestomathy on the Ancient World History. Vol. III: Rome / ed. by V.V. Struve. Moscow, 1953.

3. Digesty. Title VIII, art. 9. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/48.php (date of access: 11.10.2016).

4. Digesty. Title VIII, art. 4. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/48.php (date of access: 11.10.2016).

5. Russian Truth // Electronic library of the Faculty of History, Moscow State University named after M.V. Lomonosov. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/index.html> (date of access: 11.10.2016).

6. Criminal Law of Russia. General part: textbook / D.I. Aminov, L.I. Belyaeva, V.B. Borovikov, et al.; ed. by V.P. Revin. 2nd ed., rev. and ext. Moscow, 2009. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

7. Russian criminal law. General part: textbook / ed. by V.P. Konyakhin, M.L. Prokhorova. Moscow, 2014.

8. Tagantsev N.S. Course of criminal law. St. Petersburg, 1902. Access from legal reference system «Garant».

9. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vol. Vol. 8: Judicial reform / gen. ed. by O.I. Chistyakov. Moscow, 1991.

10. On the introduction of the Criminal Code of the RSFSR, edition of 1926: resolution of the Central Executive Committee d.d. Nov. 22, 1926 (together with the Criminal Code of the RSFSR) // Coll. of statutes of the RSFSR. 1926. № 80. Art. 600.

11. On approval of the Criminal Code of the RSFSR: law of the RSFSR d.d. Oct. 27, 1960 (together with the Criminal Code of the RSFSR) // Bull. of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. № 40. Art. 591.

Брылев Виктор Иванович

доктор юридических наук, профессор,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: vibrilev@mail.ru)

Исупова Ирина Викторовна

кандидат юридических наук,
МАОУ СОШ № 6, г. Геленджик
(e-mail: i_isupova@mail.ru)

Нормативно-правовое обеспечение межведомственного взаимодействия по профилактике наркомании среди молодежи

В данной статье рассматриваются проблемные вопросы нормативно-правового обеспечения и регулирования политики в сфере профилактики наркомании среди молодежи в Краснодарском крае. Предлагаются пути развития межведомственного взаимодействия в указанной сфере.

При написании статьи использованы результаты исследования, полученные при финансовой поддержке РГНФ и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках научного проекта «Оценка степени межведомственного взаимодействия по профилактике наркотизма в молодежной среде на основе учета и анализа динамики правонарушений в Краснодарском крае» № 16/13-23015 а/(р).

Ключевые слова: правовое обеспечение, наркомониторинг, профилактика, наркомания, психотропные вещества, анализ, реабилитация.

V.I. Brylev, Doctor of Law, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: vibrilev@mail.ru;

I.V. Isupova, Candidate of Law, Municipal Autonomous Educational Institution of Secondary School № 6, Gelendzhik; e-mail: i_isupova@mail.ru

Standard legal support of interdepartmental interaction on prevention of drug addiction among youth

In this article problematic issues of standard legal support and adjustment of policy in the sphere of prophylaxis of a drug addiction among youth in Krasnodar Region are considered. Ways of development of interdepartmental interaction in this sphere are offered.

When writing article the results of a research received in case of a financial support of the Russian Foundation for Humanities and the Ministry of Education, Science and Youth Policy of Krasnodar Region within the scientific project «Assessment of extent of interdepartmental interaction on prevention of a drug addiction among young people on the basis of accounting and the analysis of dynamics of offences in Krasnodar Region» № 16/13-23015 а/(р) have been used.

Key words: legal support, drug monitoring, prophylaxis, drug addiction, psychotropic substances, analysis, rehabilitation.

Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и распоряжением Правительства РФ от 4 марта 2013 г. № 294-р, утвердившим государственную программу Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков», осуществляется нормативно-правовое обеспечение и регулирование политики в сфере профилактики наркомании.

Нормативно-правовое обеспечение деятельности по профилактике молодежного наркотизма в Краснодарском крае осуществляется на осно-

вании Закона Краснодарского края от 25 октября 2005 г. № 937-КЗ «Об основных направлениях профилактики алкоголизма, наркомании и токсикомании на территории Краснодарского края» (в редакции Закона Краснодарского края от 6 ноября 2015 г. № 3273-КЗ), Государственной программы Краснодарского края «Противодействие незаконному обороту наркотиков на 2016–2021 гг.», утвержденной постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 5 октября 2015 г. № 941.

Профилактика наркомании – это совокупность мероприятий правового, политическо-

го, социально-экономического, медицинского, физкультурно-спортивного, педагогического, культурно-просветительского и иного характера, которые направлены на предупреждение возникновения и распространения наркомании, пропаганду здорового образа жизни. Антинаркотическая пропаганда включает в себя: создание видео- и фотоматериалов о вреде наркотиков и распространение их через СМИ и Интернет, проведение просветительских, рекламных мероприятий образовательными организациями и учреждениями здравоохранения в молодежной среде, создание волонтерских отрядов для работы с молодежью по профилактике наркотизма.

Для принятия управленческих решений, эффективного осуществления антинаркотической профилактической деятельности необходимо изучение наркоситуации в России в целом и в отдельных субъектах Российской Федерации.

Целью профилактики наркотизма является создание нетерпимого отношения к потребителям наркотических и психотропных веществ, их распространению и сбыту, а также снижение спроса на них.

Профилактику наркомании можно классифицировать на следующие виды:

первичная – формирование у взрослых граждан, подростков и молодежи негативного отношения к наркотизму, а также навыков отказа от употребления наркотиков путем проведения мероприятий (пропаганда, реклама) по профилактике наркомании;

вторичная – комплекс профилактических мероприятий по созданию адаптивной модели здорового образа жизни с лицами, склонными к потреблению наркотиков и наркозависимыми, изменение их поведения в направлении здорового образа жизни;

третичная – организация и проведение мероприятий по предупреждению и предотвращению рецидивов наркомании, осуществление медико-социальной и духовно-психологической реабилитации наркозависимых.

Анализ эффективности участия различных ведомств в решении вопросов по противодействию незаконному обороту наркотических средств показывает, что принимаемые государством и общественными организациями меры остаются неэффективными [1].

Основными причинами данной негативной ситуации являются: 1) отсутствие достаточных средств финансирования программ для пресечения и предупреждения распространения наркотиков среди населения; 2) использование средств, сил и возможностей разобщенно, без тесного взаимодействия заинтересованных организаций.

При осуществлении профилактической антинаркотической деятельности каждый из участников имеет и применяет свои специфические формы и методы работы с целью недопущения распространения наркотизма. Главными субъектами профилактики должны стать семья, учреждения социального воспитания и адаптации несовершеннолетних, здравоохранения, психологической помощи семьям и молодежи; службы социальных работников, церковь и общественные организации.

Совокупность применяемых элементов противодействия распространению и потреблению наркотиков образует единую систему. Все элементы данной системы профилактики должны находиться в тесном взаимодействии и составлять единую силу противодействия наркотизму. На региональном уровне такое единство пока не существует, практически отсутствует реальное взаимодействие государственных структур и общественных организаций, занятых профилактической деятельностью и противодействием наркотизму. Такое взаимодействие должно предусматривать: обмен кадрами, организационную, технологическую и информационно-аналитическую совместную деятельность.

Опыт, накопленный в Краснодарском крае, подтверждает целесообразность осуществления совместных антинаркотических мероприятий между всеми субъектами межведомственного взаимодействия. За прошедшие шесть лет интенсивная и целенаправленная антинаркотическая политика позволила фундаментально продвинуть и углубить понимание наркопроблемы.

Ежегодно на территории края в рамках действующего законодательства проводится мониторинг наркоситуации [2, с. 67]. В целях координации усилий органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и граждан по пресечению распространения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров утверждена Государственная программа Краснодарского края «Противодействие незаконному обороту наркотиков на 2016–2021 гг.» [3].

В субъектах Российской Федерации вопросами профилактики токсикомании и наркомании занимаются различные организации краевого и муниципального уровней. Для этих целей на уровне субъекта Российской Федерации создаются антинаркотические комиссии при главах администраций (губернаторе) края, которые образуются для координации деятельности представителей различных субъектов профилактики наркотизма. В муниципальных образованиях также создаются антинаркотические комиссии под руководством глав адми-

нистраций. Деятельность антинаркотических комиссий способствует более эффективному процессу межведомственного взаимодействия субъектов профилактики наркотизма.

По итогам 2015 г. состояние наркоситуации в Краснодарском крае оценивается антинаркотической комиссией как напряженное. Полагаем, что для оптимизации противодействия незаконному распространению наркобизнеса и предупреждения потребления наркотиков целесообразно начать организацию системы взаимодействия субъектов профилактики на краевом уровне с анализа ситуации. В этих целях необходимо проведение ежеквартального (а не раз в год) мониторинга наркоситуации, особенно в молодежной среде.

По результатам анализа мониторинга необходимо рассмотреть вопрос об угрозе безопасности наркотизма в регионе, ее последствий для морального и физического здоровья граждан на совместных заседаниях государственных органов и органов местного самоуправления, с обязательным участием общественных, молодежных, религиозных, образовательных организаций, что будет способствовать более эффективной организации межведомственного взаимодействия.

Организация молодежной антинаркотической работы наиболее эффективна при взаимодействии ее субъектов и строится на принципах долгосрочности, непрерывности, оперативности, профессионализма, своевременности, доступности и последовательности, комплексности, дифференцированности, многоаспектности, легитимности, инициативности, единства организационной и идеологической деятельности [4, с. 150].

На этапе организационных мероприятий межведомственное взаимодействие может быть реализовано в рамках текущего финансирования и совершенствования нормативных актов.

Одной из целей организационного этапа является создание новых структур профилактики, интегрированных для взаимодействия, что позволит их совместную деятельность осуществлять эффективно и более системно, а также создание единого информационно-коммуникационного пространства профилактической деятельности.

Важным организационным мероприятием на этом этапе является создание (возможно, на базе учебного заведения) единого организационного информационно-методического центра, который будет осуществлять межведомственное взаимодействие по делам молодежи и региональной безопасности. В структуре центра следует предусмотреть создание соответствующих отделов, которые будут осуществлять деятель-

ность по реализации антинаркотических социальных программ: обучение профилактической работе; поиск новых межведомственных профилактических антинаркотических мероприятий; разработку основных рекомендаций в процессе реабилитации больных наркоманией; информирование о новых медицинских технологиях излечения от наркозависимости; обеспечение юридической защиты субъектов антинаркотической профилактики; организацию и консультирование по проведению длящегося (постоянного) мониторинга; обучение основам профилактической антинаркотической деятельности специалистов всех учреждений.

Кроме того, задачами центра будут являться: изучение и внедрение российского и зарубежного опыта антинаркотической профилактической работы; анализ поступающих материалов и издание соответствующей литературы по профилактике наркотизма; разработка оптимального проекта профилактики потребления наркотиков и его апробация на базе конкретного микрорайона; консультация родителей наркоманов, педагогов, наркозависимых граждан по вопросам профилактики наркомании; разработка курса повышения квалификации для представителей администраций муниципальных образований, занятых координацией (организацией) работы по профилактике наркотизма, организаторов осуществления проектов по профилактике потребления наркотиков, сотрудников правоохранительных органов, руководителей молодежных движений и общественных организаций.

В целях улучшения профессионального информационного обеспечения целесообразно создать web-сайт по предоставлению бесплатных консультационных и информационных услуг по профилактике злоупотребления наркотиками (мониторинга наркоситуации) всем желающим.

В целях создания системы антинаркотической профилактики в студенческой среде и обеспечения взаимосогласованных действий при решении вопросов ее совершенствования целесообразно создать Межвузовский координационный совет по профилактике наркомании в студенческой среде.

Стратегия антинаркотической политики предполагает формирование межведомственных и иных специализированных структур, которые будут совместно реализовывать проекты профилактики наркомании, лечения и реабилитации наркозависимых (например, создание и развитие в регионе сети учебно-методических центров профилактики; создание специализированных организаций для издания газет и журналов антинаркотической направленности).

На протяжении всего организационного этапа следует предусмотреть взаимодействие субъектов профилактики в решении следующих вопросов: организация и проведение мониторинга наркоситуации и оценка эффективности применяемых профилактических антинаркотических мер; разработка новейших приемов, способов, форм и методов профилактики; сравнительный анализ и обобщение российского и международного опыта межведомственного взаимодействия; создание программ антинаркотической профилактической деятельности в молодежной среде, в семье, в образовательных организациях, в свободное от работы и учебы время на уровне жилого микрорайона.

Организация межведомственного взаимодействия предусматривает работу по предупреждению наркомании не только с лицами, страдающими от наркотической зависимости, но и с теми, кто прошел курс реабилитации и антинаркотической терапии. Также межведомственное взаимодействие должно способствовать выявлению заболевших, осуществлению контроля над процессом реабилитации и оценки эффективности профилактических антинаркотических программ.

Нормативно-правовой характер межведомственного взаимодействия предполагает анализ действующей системы законодательства как на федеральном, так и на региональном уровне по вопросам реализации государственной политики по противодействию незаконному обороту наркотиков, распространению наркомании в молодежной среде, а также формированию нормативных правовых актов, обеспечивающих деятельность субъектов взаимодействия.

Осуществляя государственное регулирование деятельности организаций телерадиовещания, средств массовой информации, необходимо найти формы эффективного воздействия с целью исключения пропаганды и рекламы наркотиков, наркобизнеса и криминальной идеологии.

Организационно-управленческий характер межведомственного взаимодействия в целях предупреждения наркомании предполагает: координацию взаимодействия в рамках программы антинаркотической профилактики, а также совместную разработку инфраструктуры территориальных наркологических служб и учреждений.

В ходе проведения антинаркотической работы комплексные программы противодействия незаконному обороту наркотических средств и злоупотреблению наркотиками обеспечены федеральными, региональными и местными ресурсами. Поскольку этих средств недостаточно, для реализации государственных и

региональных программ необходимо привлечение спонсорских средств организаций и учреждений.

Антинаркотическая профилактика осуществляется за счет финансовых ресурсов организаций и ведомств, которые сами располагают ограниченными ресурсами. Для устранения такой проблемы предлагается создать специальный внебюджетный краевой фонд профилактики наркотизма и разработать механизм его формирования.

Систематический анализ кадрового обеспечения организаций и учреждений антинаркотической профилактики позволит выявить дефицит кадрового состава и направленность подготовки тех или иных специалистов для реализации мер по профилактике наркотизма в молодежной среде. Имея в основе кадрового обеспечения целевые программы межведомственного взаимодействия, можно осуществлять постоянную подготовку, переподготовку и привлечение к работе соответствующих специалистов.

Информационно-аналитическое обеспечение является важной формой обеспечения программы по предупреждению наркомании и эффективного межведомственного взаимодействия, которое осуществляется для объективного наркомониторинга и разработки антинаркотических программ медицинской и психологической помощи лицам, больным наркоманией, посредством анализа полученных результатов тестирования и анкетирования молодежи и прогнозирования наркоситуации в отдельном субъекте Российской Федерации.

Таким образом, необходимо обеспечить доступность статистической информации о распространении наркотизма в молодежной среде и его последствиях на территории Краснодарского края для всех субъектов профилактики независимо от их статуса с целью оценки степени эффективности межведомственного взаимодействия и прогноза развития всех компонентов системы профилактики. Создание в сети Интернет специализированных сайтов правовой статистики, конечно, облегчает получение информации о количественно-качественных показателях наркотизма, но не решает проблем получения данных о совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков отдельными категориями граждан в субъекте Российской Федерации.

Наркомониторинг должен осуществляться с использованием единого банка данных по вопросам, касающимся наркобизнеса, который формируется на федеральном уровне и уровне субъектов Российской Федерации [5; 6].

Деятельность антинаркотических комиссий по предупреждению наркомании должна осуществляться с участием образовательных учреждений по программе типа «Образовательная организация – микрорайон – семья». При реализации данной программы межведомственное взаимодействие должно обеспечивать постоянство антинаркотической профилактической работы с молодежью в образовательной среде. Эта работа должна включать организационно-методическую и воспитательную антинаркотическую работу с молодежью в микрорайоне по месту их проживания.

Взаимодействие субъектов межведомственного взаимодействия по профилактике наркотизма предусматривает выявление в микрорайоне определенных «зон риска» и на этой основе организацию воспитательно-профилактической работы по месту жительства с детьми и подростками, через подростковые клубы, учреждения дополнительного образования. В основе лежат комплексный и системный подходы в работе по нескольким направлениям: от профилактики наркотизма до организации спор-

тивных клубов в целях максимального вовлечения детей в различные спортивные секции, клубы и организации досуга.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что основными формами межведомственного взаимодействия по предупреждению наркотизма являются: 1) обмен информацией между субъектами антинаркотической работы, а также сообщения антинаркотической комиссии о выявленных случаях нарушения прав наркозависимых и других недостатках в этой сфере; 2) разработка совместных комплексных мер в отношении наркозависимых в целях предотвращения с их стороны наркопотребления; 3) выявление и привлечение к уголовной ответственности сбытчиков наркотиков; 4) организация профилактической работы среди родителей и их детей путем создания родительских университетов, различных объединений родителей и учащихся для поддержки «наркозависимых семей» и их консультирования, формирование здорового образа жизни; 5) привлечение к профилактике наркомании религиозных организаций.

1. О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: указ Президента РФ от 18 окт. 2007 г. № 1374 и утв. Положение о Государственном антинаркотическом комитете и Положение об антинаркотической комиссии в субъекте Российской Федерации.

2. Захаревич Е.В. Реализация общественно-государственного партнерства как модернизационный фактор развития антинаркотической политики Краснодарского края // Концепт. 2016. Т. 24. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56415.htm>

3. Постановление от 5 окт. 2015 г. № 941 (в ред. постановления главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 30 дек. 2015 г. № 1344).

4. Готчина Л.В. Молодежный наркотизм в современной России: криминологический анализ и профилактика: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011.

5. Брылев В.И., Исупова И.В. Мониторинг наркоситуации как основа совершенствования профилактики наркотизма в молодежной среде (на примере Краснодарского края). М., 2016.

6. О создании, ведении и использовании единого банка данных по вопросам, касающимся оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также противодействия их незаконному обороту: постановление Правительства РФ от 23 янв. 2006 г. № 31.

1. About additional measures for counteraction to drug trafficking, psychotropic substances and their precursors: decree of the President of the Russian Federation d.d. Oct. 18, 2007 № 1374 and approved Regulations on the State Anti-Drug Committee and Regulations on the Counter-Narcotics Commission in the Subject of the Russian Federation.

2. Zakharevich E.V. Implementation of the public and state partnership as modernization factor of development of counter-narcotics policy of Krasnodar Region // Concept. 2016. Vol. 24. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56415.htm>

3. Resolution d.d. Oct. 5, 2015 № 941 (in an edition of resolution of the head of administration (governor) of Krasnodar Region d.d. Dec. 30, 2015 № 1344).

4. Gotchina L.V. A youth drug addiction in modern Russia: criminological analysis and prevention: diss. ... Dr of Law. St. Petersburg, 2011.

5. Brylev V.I., Isupova I.V. Monitoring of a drug abuse situation as a basis of enhancement of prevention of a drug addiction among young people (on the example of Krasnodar Region). Moscow, 2016.

6. About creation, maintaining and use of a single databank on the questions concerning trafficking in narcotics, psychotropic substances and their precursors and also counteractions to their illicit trafficking: order of the Government of the Russian Federation d.d. Jan. 23, 2006 № 31.

Савенко Ирина Алексеевнакандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612583563)

Виктимологическая профилактика коррупционной преступности в органах государственной власти и местного самоуправления

В статье исследуются вопросы виктимологической профилактики преступлений коррупционной направленности, рассматривается типология жертв коррупционной преступности, вносятся предложения по усилению профилактических мер в данной области.

Ключевые слова: виктимологическая профилактика, коррупционная виктимность, ролевая виктимность, жертва, виктимогенные обстоятельства.

I.A. Savenko, Candidate of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

Victimological prevention of corruption-related crimes in the state authorities and local self-government

This article discusses the victimological prevention of corruption offenses, the typology of victims of crime of corruption is considered, proposals on strengthening preventive measures are made.

Key words: victimological prevention, corruption victimization, victimization role, victim, victimogenic circumstances.

Перспективным направлением при рассмотрении вопросов виктимности в области коррупционной преступности является использование позиций системного и структурного подходов. В связи с этим необходимо отметить, что коррупционная виктимность в сфере местного самоуправления – свойство преступности, без которого она не может функционировать.

При интерпретации коррупционной виктимности на уровне местного самоуправления она предстает как результат процесса формирования межличностных отношений между преступником, замещающим муниципальную службу, или должностным лицом, уполномоченным выполнять управленческие функции в сфере местного самоуправления, и жертвой, а на государственном уровне – как итог организации жизни граждан в конкретном муниципальном образовании и в государстве в целом.

При характеристике детерминант коррупционной виктимизации населения муниципального образования необходимо отметить, что в настоящее время ситуации становления жертвами преступлений существенно изменились. Основным фактором, определяющим уровень виктимизации граждан отдельного муниципального образования, является про-

цесс увеличения совершаемых преступлений. Очевидно, что основной целью коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления чаще всего является извлечение выгоды, а также подкуп. Выполняя управленческие функции на уровне муниципальных образований, используя властные отношения, должностные лица и служащие муниципальных образований выступают от имени государства и муниципального образования и фактически осуществляют публичную власть. Поэтому в любом случае преступления, связанные с коррупцией в сфере местного самоуправления, представляют угрозу для населения муниципального образования.

Коррупционные преступления в сфере местного самоуправления влияют на все сферы жизни общества муниципального образования и связаны с причинением материального ущерба.

На основе указанного можно предложить типологию жертв преступлений коррупционной направленности в сфере местного самоуправления, которая основывается на том, кому был причинен ущерб.

Жертвы, которым от преступлений в сфере местного самоуправления причиняется непосредственный ущерб, относятся к ролевому

типу виктимности. Жертвы, испытавшие опосредованный ущерб, являются ситуативно-виктимным типом потерпевшего.

Таким образом, существует ситуативно-виктимный тип жертвы. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 4 и п. 1 ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [1] муниципальный служащий при выполнении роли муниципального заказчика при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг за счет бюджетных средств подписывает из-за корыстного мотива ряд невыгодных и неправомерных сделок с заранее обговоренными лицами. В итоге этого муниципальные органы расходуют свои средства нерезультативно, из-за чего страдают граждане муниципального образования, а также честные предприниматели, которые терпят убытки. В бюджет не поступают налоги и т.д. В данном случае граждане становятся жертвами в силу обстоятельств.

Как было отмечено выше, присутствует и ролевая виктимность. Она включает, в частности, категорию лиц, которые обращаются в органы местного самоуправления, жертвами могут стать и сами муниципальные служащие, уязвимыми являются также юридические лица.

По ролевому статусу предлагаем выделять следующие категории жертв:

руководители предприятий и лица, занимающие высшие управленческие должности в коммерческих юридических лицах, предпринимательская деятельность которых связана с необходимостью обращения в органы муниципального образования;

лица, которые занимают должности или выполняют управленческие функции в государственных и муниципальных органах, например муниципальный служащий или должностное лицо, несущее ответственность за выполнение управленческих функций в сфере местного самоуправления, дает обещание на получение муниципального жилья начальнику полиции района (города) за закрытие уголовного дела;

лица, которые занимаются определенным родом социальной деятельности, примером могут быть директора домов престарелых, учреждений для бездомных, обеспечиваемых за счет денежных средств муниципального образования;

физические лица, которые обращаются в органы местного самоуправления, например, гражданину надо получить социальную ипотеку и др.

Жертв коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления предлагаем разделить на следующие категории:

лица, у которых вымогают взятку сами муниципальные служащие, однако эти лица мудро отказываются от всевозможных коррупционных схем, они обращаются в правоохранительные органы – это называется нулевой виктимностью;

лица, предлагающие или заставляющие реализовать коррупционные схемы с муниципальными служащими, они понимают, что либо законным способом решить свои вопросы не смогут, либо это потребует больших усилий, – это средняя виктимность;

муниципальные служащие, которые относятся к конкретному коррупционному преступлению, – это называется повышенной виктимностью.

Первая и вторая ситуации понятны. Однако последний случай требует пояснения. Лица, которые обладают высоким уровнем виктимности, содействуют также личной виктимизации. Они инициативно общаются с преступником и сами способны совершить преступление. В частности, черты повышенной виктимности характерны для предпринимателей. На наш взгляд, это особо опасный вид виктимности, потому что в результате наносится большой вред не только честным предпринимателям, но и населению муниципального образования, а также государству в целом ввиду удорожания себестоимости приобретаемых для нужд муниципального образования товаров и услуг, растраты денег налогоплательщиков, разрушения конкуренции, утраты доверия к публичной властью.

В последнее время в муниципальных образованиях сложился повышенный уровень виктимности. Это относится к категории лиц, обращающихся в органы местного самоуправления. Вышеуказанная коррупционная схема функционирует во всех сферах деятельности муниципального образования. Например, купля-продажа, аренда земельных участков, строительство и ремонт, распределение разрешений в сфере пассажирских перевозок.

Предлагаем следующее определение массовой виктимности в сфере местного самоуправления: это состояние общества муниципального образования, которое связано с коррупционной преступностью, т.е. совокупность жертв и актов причинения вреда преступлениями коррупционного характера на территории муниципального образования за определенное время.

Чем меньше территория муниципального образования, тем меньше виктимность граждан. По нашему мнению, такая ситуация возникает в силу того, что на маленьких территориях население хорошо знакомо с самими муниципальными служащими. Поэтому лицам, имеющим умысел на совершение преступления коррупционной направленности, сложнее совершить такое противоправное деяние, они вынуждены честно выполнять полномочия.

Граждане небольшого муниципального образования понимают, что им не надо придумывать коррупционные схемы. Поэтому коррупционная виктимность будет небольшой.

При разработке системы мер по предупреждению преступлений коррупционного характера в сфере местного самоуправления необходимо обращать особое внимание на виктимологическую профилактику, которая имеет некоторую специфику.

Виктимологическое предупреждение в силу ряда обстоятельств является более современной и успешной формой деятельности, одним из наиболее гуманных направлений предупреждения коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления. Для его осуществления не требуются дополнительные денежные средства, потому что на практике имеются специализированные субъекты предупреждения преступлений.

Целью такого предупреждения является максимальное привлечение и использование внутренних резервов человека.

Общими задачами предупреждения жертв преступлений коррупционной направленности в сфере местного самоуправления являются:

1) изменение практики борьбы с коррупционной преступностью в сфере местного самоуправления;

2) предложение и осуществление мер, направленных на снижение степени коррупционной виктимности в сфере местного самоуправления.

Представляется, что говорить о целях и задачах борьбы с коррупционной преступностью в сфере местного самоуправления необходимо, исходя из особенностей мер общего и индивидуального виктимологического предупреждения.

Реализация виктимологического предупреждения коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления основывается на принципах законности, справедливости и гуманизма, комплексности (программно-целевой подход).

Виктимологическое предупреждение коррупционных преступлений в сфере местного

самоуправления выполняет специфические функции. К ним относятся просветительская, теоретико-познавательная, исследовательская, воспитательная, регулятивная, охранительная, прогностическая.

В качестве основных направлений предупреждения жертв преступлений коррупционного характера в сфере местного самоуправления можно выделить:

обнаружение виктимогенных обстоятельств; обеспечение социальной, правовой и личной безопасности потерпевших;

работу с потенциальными и реальными жертвами;

разработку системы действий по защите жертв преступлений.

Как любое направление деятельности, виктимологическое предупреждение коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления предполагает определение системы, в которую, по нашему мнению, следует включать следующие элементы.

1. Объект виктимологического предупреждения коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления в широком и узком его понимании. В широком понимании объектом виктимологического предупреждения является сама криминальная коррупционная виктимность и ее виды, в частности коррупционная виктимность в сфере местного самоуправления. Отдельные виктимогенные группы населения, лица, которые могут в силу своего социального положения, образа жизни и поведения стать жертвами коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления, виктимогенные ситуации и виктимогенные факторы, способствующие совершению коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления в отношении отдельных лиц и формирующие виктимогенное поведение, представляют собой объект виктимологического предупреждения в узком понимании.

2. Субъекты виктимологического предупреждения коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления – специализированные и неспециализированные. Специализированными субъектами выступают органы местного самоуправления, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, правоохранительные структуры, образовательные учреждения, органы социальной защиты населения.

К неспециализированным субъектам можно отнести все виды негосударственных организаций, объединений, группы граждан, напри-

мер: коммерческие и некоммерческие организации; политические партии и общественные объединения и молодежные формирования; профсоюзы; различные ассоциации и сообщества; творческие союзы; благотворительные и религиозные организации; общественность, участвующую в деятельности государственных, представительных и правоохранительных органов, органов местного самоуправления и территориальных общин; семью и родственников.

Важно иметь в виду, что реализация виктимологического направления предупреждения коррупционной преступности в сфере местного самоуправления в большинстве случаев зависит от масштабных правовых, социальных и организационных изменений в обществе в отношении жертв преступлений.

Для эффективности предупреждения жертв преступлений коррупционной направленности в сфере местного самоуправления требуется:

совершенствование нормативного материала; раскрытие содержания предупреждения жертв преступлений;

обеспечение гарантий прав участников общественных отношений;

применение современных управленческих методов;

использование опыта зарубежных стран.

Для совершенствования правового обеспечения предупреждения жертв преступлений коррупционного характера необходимо включить данный вид деятельности в правовую систему, которая способна обеспечить высокий уровень осуществления полномочий субъектами.

Для развития этого направления необходимо выработать нормативный правовой акт, который бы являлся фундаментом всей правовой системы предупреждения коррупционной преступности, и непосредственно включить в его содержание положения о виктимологиче-

ском предупреждении коррупционной преступности в сфере местного самоуправления.

Внесение изменений в правовую систему представляет собой один из этапов разработки общих мер коррупционной преступности и преступлений коррупционного характера в сфере местного самоуправления. Локальный нормативный правовой акт должен включить приемы и способы осуществления виктимологического предупреждения коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления различными службами и подразделениями органов внутренних дел.

Высказанные нами суждения не позволяют полностью рассмотреть все аспекты данного вопроса. В связи с этим нам представляется важным описание только основных принципов деятельности по предупреждению коррупционной преступности (в том числе коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления):

международно-правовая защита жертв преступлений;

разработка нормативных правовых актов, содержащих нормы о защите жертв коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления;

проведение виктимологического мониторинга.

Решение комплекса задач может осуществляться при поэтапном рассмотрении вопросов законодательного и организационного осуществления политики по предупреждению потенциальных жертв. Важной является целенаправленная психолого-педагогическая работа по воспитанию молодого поколения.

Предложенные рекомендации позволяют решать основные задачи по совершенствованию форм и методов работы в области предупреждения жертв преступлений коррупционной направленности в сфере местного самоуправления.

1. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (в действующей редакции) // Собр. законодательства РФ. 2005. № 30, ч. 1. Ст. 3105.

1. On placing orders for goods, works and services for state and municipal needs: fed. law d.d. July 21, 2005 № 94-FL (as amended) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2005. № 30, pt. 1. Art. 3105.

Ильяшенко Алексей Николаевич
 доктор юридических наук, профессор,
 Краснодарский университет МВД России
 (тел.: +78612584050)

Лозовский Денис Николаевич
 доктор юридических наук, доцент,
 Краснодарский университет МВД России
 (тел.: +78612583757)

Актуальные вопросы производства эксгумации в уголовном судопроизводстве

В статье проанализированы отдельные аспекты производства эксгумации в уголовном процессе. Рассмотрено место эксгумации в системе следственных действий, выявлены проблемы, возникающие в ходе ее производства, предложены пути их решения.

Ключевые слова: эксгумация, следственные действия, предварительное расследование, стадия возбуждения уголовного дела.

A.N. Ilyashenko, Doctor of Law, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584050;

D.N. Lozovsky, Doctor of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583757.

Topical issues of production of exhumation in criminal proceedings

The article analyzes some aspects of the production of exhumation in the criminal process. Considers the place of exhumation in the system of investigation, identifies the problems arising in the course of its production and the ways of their solution.

Key words: exhumation, investigative actions, preliminary investigation, stage of initiation of criminal case.

Эффективное расследование преступлений во многом зависит от правильного и организованного производства следственных действий, в результате которых собираются, закрепляются и исследуются, а в дальнейшем и используются доказательства, уличающие лицо в совершении преступления, а также устанавливающие и другие обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу.

Одним из таких следственных действий является эксгумация трупа, нашедшая свое отражение в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Слово «эксгумация» (exhumation) произошло из латинского языка (лат. exhumatio – извлечение трупа из земли, от ex – из и humus – земля, почва) [1, с. 4].

В юридической литературе мнения авторов относительно понятия эксгумации неоднозначны. Так, отдельные авторы не включают эксгумацию в число самостоятельных следственных действий [2; 3], называя ее организационным, подготовительным мероприятием для дальнейшего проведения осмотра, предъявления для опознания и др. Мнение данных ученых

можно выразить словами С.А. Шейфера: «...не может быть признана самостоятельным следственным действием эксгумация трупа... хотя это действие осуществляется на основании постановления, в присутствии понятых, а его ход фиксируется в протоколе. И здесь отсутствует определяющий признак следственного действия – получение доказательственной информации: сам по себе факт извлечения трупа из места захоронения ничего не доказывает. Поэтому данное процессуальное действие надо рассматривать как техническую предпосылку осмотра трупа, судебно-медицинской экспертизы либо предъявления для опознания. Именно в результате этих действий, а не в результате эксгумации в распоряжение следователя поступают новые фактические данные» [2, с. 24].

Рассматривая классификацию следственных действий по характеру использования их результатов, В.Ю. Стельмах выделяет основные и вспомогательные, к числу последних, по его мнению, следует отнести и эксгумацию [4].

Ряд ученых относят эксгумацию к самостоятельным следственным действиям в силу их познавательного характера [5, с. 61; 6, с. 10].

Мы солидарны с мнением А.Е. Кригера, который под эксгумацией понимает «самостоятельное следственное действие, направленное на извлечение погребенного трупа из места официального захоронения, производимое в рамках уголовного судопроизводства по постановлению следователя (определению суда) для осмотра (в т.ч. повторного), опознания или экспертного отождествления захороненного трупа, получения образцов для сравнительного исследования, экспертного исследования (первичного, дополнительного, повторного) с целью выяснения обстоятельств по делу, а также для патологоанатомического исследования, направленного на обнаружение и изъятие вещественных доказательств с последующим захоронением трупа» [7, с. 10].

Поводами для проведения эксгумации являются:

необходимость получения ответов на вопросы, возникшие у следователя в связи с вновь открывшимися обстоятельствами по делу;

непроведение осмотра трупа или ненадлежащее его проведение;

отсутствие первичного судебно-медицинского исследования (захоронение трупа без патологоанатомического вскрытия, тайное погребение трупа);

наличие упущений или недостаточность первичного судебно-медицинского исследования трупа;

необходимость проверки и уточнения отдельных констатирующих положений акта судебно-медицинского исследования в связи с вступлением их в принципиальные противоречия с материалами расследования;

необходимость предъявления эксгумированного трупа (его останков) для опознания.

В.П. Божьев цели эксгумации определяет следующим образом: предъявление для опознания; осмотр (первичный, повторный); производство экспертизы (первичной, повторной, дополнительной) [8, с. 377].

А.Р. Сысенко выделяет следующие цели эксгумации: получение новых доказательств; проверка и уточнение уже имеющихся; обеспечение познания иных обстоятельств дела другими средствами и примерами в ходе последующего предъявления трупа для опознания и его экспертного исследования [9, с. 15].

Как указано в ст. 178 УПК РФ, эксгумация проводится из места захоронения, однако законодательно данный термин не закреплен. Согласно ст. 4 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» под местами погребения понимают-

ся «отведенные в соответствии с этическими, санитарными и экологическими требованиями участки земли с сооружаемыми на них кладбищами для захоронения тел (останков) умерших, стенами скорби для захоронения урн с прахом умерших (пеплом после сожжения тел (останков) умерших, далее – прах), крематориями для предания тел (останков) умерших огню, а также иными зданиями и сооружениями, предназначенными для осуществления погребения умерших. Места погребения могут относиться к объектам, имеющим культурно-историческое значение» [10].

В то же время некоторые авторы утверждают, что эксгумация может проводиться не только на территории официальных мест захоронений, но и на других участках местности. К таковым они относят так называемые «криминальные могилы», когда трупы людей замуровывают в стены, закапывают в пустынных местах и могилы камуфлируют [11, с. 17–18]. По мнению А.А. Койсина, «извлечение трупа возможно из места захоронения, вне зависимости от того, произведено ли захоронение трупа в соответствии с официально установленными правилами или без соблюдения этих правил, в том числе и с целью сокрытия следов преступления» [12, с. 65].

Следует согласиться с мнением Ю.П. Шкаплерова, который указывает: «Представляется необоснованным распространение правил проведения следственной эксгумации на все случаи обнаружения захороненного трупа человека или его останков, так как в данном случае искажается сущность эксгумации как следственного действия. Думается, что ничего кроме создания новых ничем не обоснованных препятствий при расследовании уголовных дел такие правила извлечения трупа из места его захоронения не принесут» [13, с. 187]. В подобного рода ситуациях целесообразно проводить иные процессуальные действия (например, осмотр места происшествия, местности, помещения и трупа).

Дискуссионным остается вопрос о возможности производства эксгумации до возбуждения уголовного дела. Нередко на практике возникают ситуации, когда труп захоронен, необходимым условием и предпосылкой его осмотра является эксгумация. По действующему законодательству производство эксгумации до возбуждения уголовного дела недопустимо, что на практике лишает следователя возможности вынести обоснованное решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении. В связи с этим мы поддерживаем мнение

Е.В. Егоровой о необходимости внесения изменений в ч. 4 ст. 178 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «4. ...При необходимости эксгумация и осмотр трупа могут быть произведены до возбуждения уголовного дела» [14, с. 60].

Следующий проблемный аспект, на котором хотелось бы остановиться, – извлечение трупа животного из мест захоронения при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 245 Уголовного кодекса РФ. Слово «труп» означает мертвое тело человека или животного [15, с. 814]. Содержание уголовно-процессуальной нормы, по нашему мнению, касается только эксгумации трупа человека. Представляется, что данный аспект следует отразить в законе. По такому пути пошли законодатели Казахстана: в ст. 225 УПК Республики Казахстан указывается на эксгумацию трупа человека [16]. Кроме того, в ст. 259 Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств также говорится об эксгумации трупа человека [17]. В связи с этим в целях предотвращения возможных сложностей при расследовании уголовных дел в случае необходимости осмотра, а также извлечения трупа животного из места захоронения следует заменить в ст. 178 УПК РФ слова «трупа» и «трупы» соответственно словами «трупа человека» и «трупы человека».

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 178 УПК РФ при необходимости извлечения трупа из места захоронения следователь выносит постановление об эксгумации и уведомляет об этом близких родственников или родственников покойного. В случае если близкие родственники или родственники покойного возражают против эксгумации, разрешение на ее проведение выдается судом.

Согласно правовой позиции Европейского суда по правам человека (постановления по делу «Линдт против России», «Панулло и Форте против Франции») отношения, связанные с погребением, эксгумацией, как затрагивающие право на уважение семейной жизни, подпадают под действие ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

При таких обстоятельствах полномочия суда при рассмотрении указанного в ч. 3 ст. 178 УПК РФ вопроса предполагают не только проверку соблюдения формальных условий для проведения эксгумации, но и оценку обоснованности вмешательства в право близких родственников погибшего на уважение семейной жизни, а также пропорциональности такого вмешательства поставленным целям.

Приведем пример из судебной практики. Постановлением Нахимовского районного суда города Севастополя от 24 сентября 2014 г. удовлетворено ходатайство следователя по ОВД отдела по расследованию ОВД СУ СК РФ по городу Севастополю Г. о разрешении на извлечение трупа (эксгумации) А.

Не согласившись с указанным постановлением, представитель потерпевшей подал апелляционную жалобу, в которой ставит вопрос об отмене обжалуемого судебного решения и вынесении нового постановления об отказе в удовлетворении ходатайства следователя.

В ходе рассмотрения жалобы судом апелляционной инстанции установлено, что фактически поводом для обращения в суд за разрешением на проведение эксгумации послужило письмо начальника Областного государственного казенного учреждения здравоохранения особого типа «Белгородское бюро судебно-медицинской экспертизы» ФИО12 от ДД.ММ.ГГГГ. за №, который предложил, кроме прочего, провести эксгумацию трупа ФИО1 с последующим производством экспертизы эксгумированного трупа, результаты которой предоставить в распоряжение экспертной комиссии (л.д. 29).

В данном письме, как об этом правильно указано в апелляционной жалобе, не содержатся сведения о том, что конкретно невозможно исследовать без проведения эксгумации, отказ от проведения экспертизы следователю не предоставлен.

Кроме того, ходатайство следователя надлежаще не мотивировано, в нем не содержится должных обоснований необходимости эксгумации и невозможности дальнейшего расследования без ее проведения.

Сведений о том, что экспертам Белгородского бюро СМЭ предоставлены все имеющиеся объекты и материалы, необходимые для производства экспертизы, материалы дела не содержат.

Более того, не учтено и то, что противоречия в проведенных по делу экспертизах заключаются не в установлении причины смерти и наличия телесных повреждений, а в части механизма их образования – одномоментного или ступенчатого.

В таких условиях суд апелляционной инстанции полагает, что эксгумация трупа ФИО1, разрешение на которую запрашивает следователь, в данном конкретном случае повлечет неоправданное вмешательство в права близких родственников погибшего на уважение семейной жизни и не достигнет поставленных целей [18].

Расходы, связанные с эксгумацией и последующим захоронением трупа, составляют процессуальные издержки и возмещаются родственникам покойного в установленном законом порядке.

Так, в рамках расследования уголовного дела №, возбужденного по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, по факту обнаружения трупа Р., следователь СО по * ГСУ СК РФ по г. Москве Р.Д.Е. обратился в Щербинский районный суд г. Москвы с ходатайством о разрешении проведения эксгумации трупа погибшей.

Рассмотрев ходатайство, а также представленные материалы, Щербинский районный суд г. Москвы разрешил проведение эксгумации трупа Р., захороненного в могиле N, расположенной на участке № кладбища * города * области.

Не согласившись с решением, принятым судом, мать погибшей – потерпевшая Ю. подала на него апелляционную жалобу, в которой ставит вопрос об отмене судебного постановления. Указывает, что на протяжении двух лет она обращалась с многочисленными ходатайствами о возбуждении данного уголовного дела и проведении комиссионной судебной экспертизы, которые не были удовлетворены, в связи с чем она установила на могиле дочери дорогостоящий памятник. В связи с данными обстоятельствами, а также учитывая, что под памятником расположена монолитная плита,

демонтаж которой может привести к разрушению памятника и гроба, она категорически не согласна с эксгумацией трупа ее дочери. На основании изложенного, а также с учетом того, что второй раз хоронить дочь для нее невыносимо, она просит решение суда отменить.

Суд апелляционную жалобу оставил без удовлетворения. Доводы же о том, что эксгумация трупа повлечет за собой дополнительные материальные расходы на последующее погребение останков после эксгумации, основаны на неверном толковании норм уголовно-процессуального законодательства, поскольку по смыслу ч. 5 ст. 178 УПК РФ захоронение трупа и приведение в порядок места захоронения после проведения эксгумации должны обеспечить органы, производившие эксгумацию. При этом родственникам покойного в случае, когда именно они берут на себя заботы, связанные с самим фактом захоронения, приведением в порядок могилы, надгробий, ограды и окружающей территории, в соответствии со ст. 131 УПК РФ возмещаются понесенные ими расходы, связанные с последующим захоронением трупа [19].

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что эксгумация является самостоятельным следственным действием, процессуальный порядок ее производства, по нашему мнению, имеет определенные пробелы и требует совершенствования.

1. Поркшеян О.Х. Судебно-медицинская экспертиза эксгумированного трупа: лекция для врачей-курсантов. Л., 1971.

2. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001.

3. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

4. Стельмах В.Ю. Современные подходы к классификации следственных действий // Акад. юрид. журн. 2016. № 2. С. 28–39.

5. Быков В.М., Жмурова Е.С. Эксгумация трупа как самостоятельное следственное действие // Вестн. Саратов. гос. акад. права. 2003. № 2. С. 58–61.

6. Кальницкий В.В., Ларин Е.Г. Следственные действия: учеб. пособие. Омск, 2015.

7. Кривер А.Е. Эксгумация в системе следственных действий: учеб. пособие. Барнаул, 2014.

8. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева и В.П. Божьева. М., 2014.

1. Porksheyana O.H. Forensic medical examination of the exhumed corpse: lecture for doctors cadets. Leningrad, 1971.

2. Sheyfer S.A. Investigative actions. System and procedural form. Moscow, 2001.

3. Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Criminal procedure: textbook / gen. ed. by A.V. Smirnov. 4th ed., rev. and augm. Moscow, 2008.

4. Stelmakh V.Yu. Modern approaches to classification of investigative actions // Academic legal magazine. 2016. № 2. P. 28–39.

5. Bykov V.M., Zhmurova E.S. Exhumation of a corpse as independent investigative action // Bull. of Saratov state academy of law. 2003. № 2. P. 58–61.

6. Kalnitsky V.V., Larin E.G. Investigative actions: study aid. Omsk, 2015.

7. Krieger A.E. Exhumation in system of investigative actions: study aid. Barnaul, 2014.

8. The scientific and practical commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / gen. ed. by V.M. Lebedev and V.P. Bozhyev. Moscow, 2014.

9. Сысенко А.Р. Особенности проведения эксгумации при расследовании преступлений // Законодательство и практика. 2015. № 1. С. 14–16.
10. О погребении и похоронном деле: федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 8-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 146.
11. Натура Д.А. Эксгумация на предварительном следствии и особенности тактики следственных действий, связанных с эксгумированным трупом: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002.
12. Койсин А.А. Эксгумация трупа – осмотр или выемка? // Сибир. юрид. вестн. 2010. № 1. С. 64–66.
13. Шкаплеров Ю.П. Эксгумация: проблемы процессуальной регламентации // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. D: Экон. и юрид. науки. 2008. № 10. С. 184–189.
14. Егорова Е.В. О некоторых коллизиях правовой регламентации стадии возбуждения уголовного дела // Право. Журнал высшей экономики. 2016. № 2. С. 55–64.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеолог. выражений. 4-е изд., доп. М., 1999.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. URL: http://kodeksy-kz.com/ka/ugolovno-protsessualnyj_kodeks.htm
17. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/2566935/>
18. Апелляционное постановление Апелляционного суда г. Севастополя от 12 нояб. 2014 г. по делу № 22с-135/2014. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Апелляционное постановление Московского городского суда от 25 дек. 2014 г. по делу № 10-17663/2014. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Sysenko A.R. Features of carrying out exhumation in case of investigation of crimes // Legislation and practice. 2015. № 1. P. 14–16.
10. About burial and funeral business: fed. law d.d. Jan. 12, 1996 № 8-FL (as amended on July 3, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 3. Art. 146.
11. Natura D.A. Exhumation on pretrial investigation and feature of tactics of the investigative actions connected with the exhumed corpse: diss. ... Candidate of Law. Krasnodar, 2002.
12. Koysin A.A. Exhumation of a corpse – survey or dredging? // Siberian legal bull. 2010. № 1. P. 64–66.
13. Shkaplerov Yu.P. Exhumation: problems of a procedural regulation // Bull. of Polotsk state university. Ser. D: Economic and jurisprudence. 2008. № 10. P. 184–189.
14. Egorova E.V. About some collisions of a legal regulation of a stage of initiation of legal proceedings // Law. Magazine of the highest economy. 2016. № 2. P. 55–64.
15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of Russian language: 80000 words and phraseological expressions. 4th ed., augm. Moscow, 1999.
16. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan d.d. July 4, 2014 № 231-V. URL: http://kodeksy-kz.com/ka/ugolovno-protsessualnyj_kodeks.htm
17. The Model Criminal Procedure Code for the State Parties of the CIS. Access from legal reference system «Garant». URL: <http://base.garant.ru/2566935/>
18. Appeal resolution of Appeal court of Sevastopol d.d. Nov. 12, 2014 in the case № 22с-135/2014. Access from legal reference system «ConsultantPlus».
19. Appeal resolution of the Moscow city court d.d. Dec. 25, 2014 in the case № 10-17663/2014. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

Берзинь Ольга Александровна

доктор юридических наук, доцент,
Псковский государственный университет
(e-mail: olaberzin@gmail.com)

Узгорская Ирина Александровна

Краснодарский университет МВД России
(e-mail: irina_uzgorskaja@rambler.ru)

К вопросу об определении и законодательном закреплении неотложных следственных действий

В статье рассматриваются понятие и содержание неотложных следственных действий, предлагается дополнение определения данного понятия и его законодательное закрепление с учетом проблем, возникающих при расследовании уголовных дел.

Ключевые слова: неотложные следственные действия, доказательства, орган дознания, предварительное расследование, уголовное дело.

O.A. Berzin, Doctor of Law, Assistant Professor, Pskov State University; e-mail: olaberzin@gmail.com;

I.A. Uzgorskaya, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: irina_uzgorskaja@rambler.ru

To the question of the definition and institutionalization of urgent investigative actions

The article discusses the concept and content of the urgent investigative actions, proposes addition of a definition of this concept and its legislative consolidation, with the accounting problems arising at investigation of criminal cases.

Key words: urgent investigative actions, evidence, body of inquiry, preliminary investigation, criminal case.

Своевременное и эффективное производство следственных действий является залогом качественного расследования преступлений, ведь в ходе их осуществления формируется основа доказательственной базы по уголовным делам.

В уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрен институт неотложных следственных действий [1]. Данный институт приобретает особую важность в настоящее время, когда социально-экономические условия в нашей стране диктуют необходимость реформирования структуры правоохранительных органов. Так, повсеместно на территории России в целях оптимизации деятельности органов внутренних дел осуществляется сокращение личного состава, в том числе и органов предварительного расследования. Учитывая огромную территорию Российской Федерации, считаем, что данные реформы могут оказать влияние на качество расследования уголовных дел: в настоящее время не в каждом населенном пункте Российской Федерации имеется орган внутренних дел, в структуре которого есть орган предварительного следствия. При

этом в уголовно-процессуальном законе производству неотложных следственных действий посвящено ограниченное число статей, да и сам порядок их производства не урегулирован. Ведомственные нормативные правовые акты также детально не регламентируют порядок производства неотложных следственных действий, а лишь содержат упоминание о праве органа дознания на их производство. Такая ситуация породила ряд проблем, связанных с неоднозначным пониманием сущности института неотложных следственных действий, а также определением объема прав и обязанностей лиц, их осуществляющих.

В УПК РФ термин «неотложные следственные действия» закреплён в п. 19 ст. 5 УПК РФ, которая содержит основные понятия, используемые в Кодексе, т.е. ему дано законодательное определение. Оно звучит следующим образом: «Неотложные следственные действия – действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств,

требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования» [1].

Понятие неотложных следственных действий вызвало многочисленные споры ученых-процессуалистов.

Так, ряд авторов считали выделение категории неотложных следственных действий условным и имеющим значение лишь для определения компетенции органов дознания по делам, требующим проведения предварительного следствия [2, с. 252].

Другие авторы, определяя понятие неотложных следственных действий в сравнении с близкими ему понятиями, такими как первоначальные следственные действия и следственные действия, проводимые в случаях, не терпящих отлагательства, сформулировали следующие дефиниции.

По мнению Л.Е. Сигалова, неотложные следственные действия представляют собой «систему незаменимых и неповторимых процессуальных действий, осуществляемых в установленном уголовно-процессуальном законом порядке на первоначальном этапе предварительного расследования, производство которых невозможно отложить без ущерба для предотвращения, пресечения и раскрытия преступления, обнаружения и закрепления следов содеянного, а равно установления лиц, его совершивших» [3, с. 252].

В.И. Куклин дал следующее определение неотложным следственным действиям: «Это правовой институт, предназначенный для установления пределов полномочий органов дознания по делам, которые в принципе им не подследственны. Это обязательные, незаменимые, не терпящие отлагательства следственные действия, промедление с производством которых может затруднить либо вообще исключить возможность предотвращения или пресечения преступления, а равно обнаружения и закрепления следов преступления» [4, с. 142].

Представляет интерес точка зрения А.Н. Колесниченко, который сформулировал следующее определение: «В уголовно-процессуальном смысле неотложные следственные действия – это действия, которые вправе провести органы дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, а также действия следователя, выполняемые им по делу, не подследственному ему, до передачи его прокурору для направления по подследственности» [5, с. 28].

Вышеуказанные определения были сформулированы еще в период действия УПК РСФСР

1960 г., их возникновение, на взгляд авторов, обусловлено отсутствием в законе того времени четкого определения понятия неотложных следственных действий. Данное понятие следовало из полномочий органа дознания и не рассматривалось как отдельная категория.

На наш взгляд, одним из достоинств УПК РФ является попытка закрепить определение неотложных следственных действий в законе. Однако дефиниция, изложенная в п. 19 ст. 5 УПК РФ, не лишена недостатков.

Так, неотложные следственные действия определены посредством термина «следственные действия», хотя в настоящее время законодательное определение указанного термина отсутствует. По поводу понятия «следственные действия» в научной литературе ведутся многочисленные споры, предлагаются различные определения указанного понятия. Данная проблема настолько дискуссионна, что ее рассмотрение является темой отдельного исследования. Однако, поскольку законодатель не ограничил орган дознания определенным кругом следственных действий, как это было ранее, возникают следующие вопросы: какие именно следственные действия орган дознания может произвести после возбуждения уголовного дела, предварительное следствие по которому обязательно? Ограничены ли они перечнем следственных действий, указанных в УПК РФ?

При формулировании понятия «неотложные следственные действия» законодателем не уделено внимание процессуальным действиям, в производстве которых возникает необходимость на первоначальном этапе расследования (например, задержание подозреваемого и др.).

Учитывая вышеизложенное, авторы согласны с точкой зрения П.В. Вдовцева, предлагающего изложить законодательную формулировку определения неотложных следственных действий, которая включает в себя и процессуальные действия: «Неотложные следственные действия – следственные и иные процессуальные действия, осуществляемые органом дознания, следователем после возбуждения уголовного дела, подследственного иному органу расследования, а также дознавателем, следователем по находящемуся в его производстве уголовному делу с момента установления неподследственности данного уголовного дела до момента принятия решения о направлении его по подследственности» [6, с. 253]. Преимуществом данного определения является то, что в нем предусмотрено производство, помимо следственных действий, еще и процессу-

альных действий, которые обычно составляют половину мероприятий по расследованию уголовного дела, проводимых в первые дни расследования.

Изучаемое понятие содержит признак, определяемый как «неотложность». Слово «неотложный» определяется в словаре Д.Н. Ушакова как «такой, которого нельзя отложить; требующий немедленного выполнения» [7]. По словарю Т.Ф. Ефремовой «неотложный – такой, который трудно или невозможно отложить; не допускающий промедления, срочный» [8].

Помимо термина «неотложный», законодателем используются такие смысловые конструкции, как «случай, не терпящий отлагательства», «исключительный случай», «в случае необходимости».

В.В. Хатуаева, Е.В. Рябцева отмечают, что к случаям, не терпящим отлагательства, относятся обстоятельства, когда:

а) основания для производства действий возникли внезапно, при производстве иных следственных действий;

б) необходимость их производства объективно диктуется обстановкой только что совершенного преступления;

в) поступили сведения о том, что заинтересованные лица приступили к уничтожению доказательств по делу.

Они приходят к выводу, что такой подход определяет сущность случаев, не терпящих отлагательства, в отношении следственных действий, являющихся способами собирания доказательств [9, с. 58].

При этом анализ правовых норм позволяет прийти к выводу о том, что под не терпящими отлагательства случаями законодатель имеет в виду такие, которые обусловлены возможностью утраты доказательств, подлежащего аресту имущества, совершения преступления, и тому подобные факторы, разрешающие производство процессуальных действий: в ночное время; до возбуждения уголовного дела; без получения судебного решения на производство следственного действия в случае, если такое решение необходимо, с последующим уведомлением указанного субъекта о полученных результатах.

Сущностью же производства неотложных следственных действий является то, что орган дознания в возникшей неотложной ситуации вместо следователя возбуждает уголовное дело и выполняет все необходимые процессу-

альные действия, а также оперативно-розыскные мероприятия в целях установления лиц, совершивших преступление, и незамедлительного закрепления следов преступления.

Авторы согласны с мнением В.А. Семенцова, который считает, что «предоставление органу дознания права производства неотложных следственных действий по делу, отнесенному к компетенции следователя, обусловлено задачей раскрытия преступления “по горячим следам”». Поэтому неотложность – характеристика следственного действия, формируемая конкретными обстоятельствами дела, когда промедление с его производством может повлечь исчезновение, утрату, фальсификацию доказательств в результате воздействия на них окружающей среды, злонамеренных или неосторожных действий людей» [10, с. 446].

С учетом изложенного неотложность ситуации подразумевает внезапное возникновение таких обстоятельств, которые явно указывают на признаки преступления, при этом дают основания полагать, что промедление с совершением следственных и процессуальных действий может повлечь утрату следов преступления, сокрытие лиц, его совершивших, утрату возможности возмещения ущерба, причиненного преступлением.

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие неотложных следственных действий не является новым в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, упоминание о нем можно увидеть еще в Уставе уголовного судопроизводства 1964 г. С указанного периода времени данное понятие претерпело изменения и было закреплено в п. 19 ст. 5 УПК РФ следующим образом: «Неотложные следственные действия – действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения, фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования». Указанное определение не предусматривает возможность производства процессуальных действий, что, на наш взгляд, является его недостатком. Авторы придерживаются мнения тех авторов, которые предлагают включение в данное определение и процессуальных действий, необходимость в производстве которых возникает на первоначальном этапе расследования уголовного дела.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 19 дек. 2016 г.) // Рос. газ. 2001. 22 дек.
2. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.
3. Сигалов Л.Е. Теория и практика неотложных следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969.
4. Куклин В.И. Неотложные следственные действия. Казань, 1967.
5. Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений: текст лекции. Харьков, 1976.
6. Вдовцев П.В. Неотложные следственные действия в российском уголовном процессе: вопросы теории, практики и законодательного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011.
7. Толковый словарь Ушакова Д.Н. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/883130> (дата обращения: 16.09.2015).
8. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой Т.Ф. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/883130> (дата обращения: 16.09.2015).
9. Хатуаева В.В., Рябцева Е.В. Безотлагательность и исключительность как детерминирующие признаки неотложных следственных действий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 50–58.
10. Семенцов В.А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation d.d. Dec. 18, 2001. № 174-FL (as amended on Dec. 19, 2016) // Rus. newsp. 2001. Dec. 22.
2. Alekseev N.S., Daev V.G., Kokorev L.D. Essay of the development of science of the Soviet criminal process. Voronezh, 1980.
3. Sigalov L.E. Theory and practice of urgent investigative actions: diss. ... Candidate of Law. Sverdlovsk, 1969.
4. Kuklin V.I. Urgent investigative actions. Kazan, 1967.
5. Kolesnichenko A.N. General provisions of methods of investigating certain types of crimes: text of lecture. Kharkov, 1976.
6. Vdovtsev P.V. Urgent investigative actions in the Russian criminal trial: issues of theory, practice and legal regulation: diss. ... Candidate of Law. Yekaterinburg, 2011.
7. Explanatory dictionary by Ushakov D.N. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/883130> (date of access: 16.09.2015).
8. Modern dictionary of Russian language by Efremova T.F. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/883130> (date of access: 16.09.2015).
9. Hatuaeva V.V., Ryabtseva E.V. Urgency and exclusivity as a determining signs of urgent investigative actions // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. № 2. P. 50–58.
10. Sementsov V.A. Conceptual framework of the system of investigative actions in pretrial proceedings: diss. ... Dr of Law. Ekaterinburg, 2006.

Дмитриева Анна Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
(e-mail: annadm@bk.ru)

Предпосылки модернизации процесса безопасного участия личности в современном российском уголовном процессе

В статье представлен анализ основных предпосылок обновления системы имеющихся научных подходов к формулированию и обоснованию теоретических, законодательных и правоприменительных проблем процесса государственной защиты и обеспечения уголовно-процессуальной безопасности личности при производстве по уголовному делу.

Ключевые слова: безопасность, защита, уголовный процесс, уголовное дело, предпосылки, модернизация, обновление, теоретическая модель, концепция, личность.

A.A. Dmitrieva, Candidate of Law, Assistant Professor, South Ural State University (National Research University); e-mail: annadm@bk.ru

Prerequisites of modernization of process of safe participation of the personality in modern Russian criminal procedure

The analysis of the main prerequisites of updating of system of the available scientific approaches to a formulation and justification of theoretical, legislative and law-enforcement problems of process of the state protection and ensuring criminal procedure safety of the personality at criminal proceeding is submitted.

Key words: safety, protection, criminal procedure, criminal case, prerequisites, modernization, updating, theoretical model, concept, personality.

В последние десятилетия в России подготовлено несколько фундаментальных научных исследований, предметом изучения которых является создание оптимальных условий содействия уголовному правосудию со стороны граждан. Изучение вопросов государственной защиты и обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства стало адекватным средством противодействия организованной преступности.

Первое доктринальное исследование проведено профессором О.А. Зайцевым, которым обоснована концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства. В его докторской диссертации [1] были заложены базовые основы системы мер государственной защиты участников уголовного правосудия. В частности, им были: 1) научно обоснованы теоретические основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства (обеспечение государственной защиты участников процесса было рассмотрено как необходимое условие выполнения задач уголовного судопроизводства; дана классификация лиц, подлежащих государственной защите; пред-

ставлено содержание и значение концепции государственной защиты участников процесса); 2) подвергнуты детальному анализу правовые основы и механизмы государственной защиты участников уголовного судопроизводства на основе международных документов и законодательства зарубежных стран (исследованы правовые акты ООН; международные принципы и стандарты защиты участников уголовного судопроизводства; правовые основы и механизмы обеспечения безопасности субъектов процесса в зарубежных странах); 3) исследовано правовое регулирование и механизмы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации (нормативная основа государственной защиты участников процесса; проблемы совершенствования правовой регламентации и механизмов государственной защиты участников уголовного судопроизводства); 4) выявлены особенности расследования по уголовным делам, связанным с посягательствами в отношении субъектов уголовно-процессуальных отношений (показаны механизмы государственной защиты участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследова-

ния; проведен анализ особенностей возбуждения уголовных дел, производства неотложных следственных действий и других процессуальных действий).

Впоследствии многие идеи профессора О.А. Зайцева послужили основой для разработки и принятия Федерального закона № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [2]. Вместе с тем, это научное исследование было подготовлено до принятия Федерального закона № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», следовательно, оно не могло отразить в полной мере апробацию законодательных новелл в исследуемой области защиты законных интересов (безопасности) личности в сфере уголовного судопроизводства.

В докторской диссертации профессора Л.В. Брусницына [3] наиболее глубоко исследованы проблемные вопросы обеспечения безопасности лиц, которые содействуют уголовному правосудию. В этом научном труде уделено основное внимание вопросам безопасного участия определенной группы участников российского уголовного процесса (а именно лиц, содействующих производству по уголовному делу) на основе передового международного опыта. Научный вклад профессора Л.В. Брусницына определен тем, что он: 1) впервые обосновал феномен посткриминального воздействия и его последствий (тенденции современной на тот период (2001 г.) преступности, обуславливающие феномен и перспективы посткриминального воздействия; его характеристику и негативные последствия); 2) исследовал правовые основы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию (международно-правовые основы; российские конституционные основы; российское отраслевое законодательство в контексте защиты лиц, содействующих уголовному правосудию, а также рассмотрел обеспечение безопасности участников уголовного процесса как самостоятельный принцип уголовного судопроизводства); 3) обосновал систему мер безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию (классификация включает универсальные меры безопасности; меры безопасности в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования; меры безопасности в стадии судебного разбирательства и иные меры безопасности); 4) разработал порядок применения мер безопасности (рассмотрел полномочия должностных лиц и

иных субъектов при обеспечении безопасности граждан, содействующих уголовному правосудию; выявил основания, поводы и иные общие условия применения мер безопасности; установил особенности применения мер безопасности в воинских условиях).

Как видно, и этот научный труд был успешно защищен еще до принятия основного специального закона № 119-ФЗ. Однако мы не сомневаемся в том, что диссертационное исследование Л.В. Брусницына также послужило основой разработки и последующего принятия Федерального закона № 119-ФЗ.

В докторской диссертации профессора А.Ю. Епихина обоснована концепция безопасности любого участника, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства [4]. В его диссертации исследованы основные элементы и обоснована концепция безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства. При этом безопасность участников уголовного процесса рассмотрена как самостоятельная гарантия достижения цели и задач производства по уголовному делу; путем сравнительного анализа смежных понятий дано доктринальное определение дефиниции «безопасность личности в сфере уголовного судопроизводства»; исследовано международное и зарубежное национальное законодательство, регулирующее вопросы безопасного участия граждан в уголовном судопроизводстве; дан подробный анализ и классификация субъектов безопасности (защищаемых лиц – всех лиц, которые вовлекаются в сферу уголовно-процессуальных отношений); отдельно рассмотрены меры безопасности участников уголовного процесса и иных защищаемых лиц (общие условия эффективности функционирования мер безопасности с позиций обоснования требований, предъявляемых к применению мер безопасности в уголовном судопроизводстве, а также общей характеристики критериев применения мер безопасности). Отдельно рассмотрены и классифицированы группы мер безопасности (различные классификации; организационные или универсальные меры безопасности; меры безопасности, осуществляемые в досудебных стадиях, и меры безопасности, применяемые в ходе судебных стадий производства по уголовному делу). При этом в данной работе с использованием термина «сфера» отмечается необходимость обеспечения безопасности не только в рамках самого процесса производства по уголовному делу, но также «до» и «после» его завершения. Однако и профессором А.Ю. Епихиным не был рассмотрен принятый

в последующем целый ряд законов и подзаконных правовых актов, направленных на правовое регулирование отдельных мер безопасности.

Как видно, авторы перечисленных научных исследований, постепенно развивая учение о безопасности личности в уголовном процессе, вносили свой вклад в накопление, наполнение совокупности знаний, применяли различную терминологию («государственная защита», «безопасность» и пр.), обосновывали классификацию мер безопасности и т.д. Вместе с тем, эти диссертации заложили прочную основу дальнейшего, более глубокого исследования второстепенных, но не менее важных вопросов обеспечения государственной защиты и уголовно-процессуальной безопасности личности в уголовном судопроизводстве на уровне кандидатских диссертаций и монографий.

По исследуемой нами научной проблеме защищены многие кандидатские диссертации, объектами которых выступают отдельные стороны сложного процесса обеспечения безопасности личности при производстве по уголовному делу (статус защищаемого лица; анонимность свидетеля, применение и реализация отдельных мер государственной защиты и уголовно-процессуальной безопасности; безопасность отдельных участников уголовного судопроизводства; контрольно-надзорная деятельность за обеспечением безопасности участников уголовного процесса и т.д.).

Безопасность личности в уголовном судопроизводстве рассматривается и как принцип уголовного процесса [5, с. 107], и как его институт [6]. Все это свидетельствует о различном понимании процесса безопасности на протяжении определенного периода времени.

Кроме того, отдельное внимание обращено к нормам международных актов [7], их соотношению с конституционными основами [8], законодательству зарубежных стран, в том числе СНГ [9] и отдельных государств [10], позитивно применяющих защиту участников уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, среди многих все еще не решенных научных проблем безопасного участия личности в уголовном судопроизводстве, по нашему мнению, особо выделяются следующие:

обоснование миссии государственной защиты и безопасного участия личности, содействующей уголовному правосудию, ее цели, задачи и содержания;

отсутствие анализа правового регулирования во всех стадиях уголовного судопроизводства и при осуществлении международного сотрудничества;

современное осмысление и дополнение системы принципов государственной защиты и обеспечения уголовно-процессуальной безопасности;

систематизация имеющихся мер государственной защиты и их прогнозирование в будущем;

совершенствование принятых и принимаемых законов, подзаконных правовых актов, регулирующих безопасность участия в уголовном процессе;

детальное исследование предпосылок применения мер государственной защиты и уголовно-процессуальной безопасности участников современного российского уголовного судопроизводства;

сопоставление имеющихся в настоящее время проблем законодательства и правоприменительной деятельности правоохранительных и судебных органов в обеспечении государственной защиты и уголовно-процессуальной безопасности личности в производстве по уголовному делу;

рассмотрение процедур государственной защиты и уголовно-процессуальной безопасности как двух самостоятельных, но, вместе с тем, однотиповых форм единого процесса, направленного на безопасное участие личности в уголовном правосудии, и др.

Актуальность проблематики научного поиска оптимальных средств и механизмов безопасного участия личности в уголовном деле подтверждается внесением новых проектов законов. Так, например, на основании распоряжений от 5 октября 2016 г. № 2078-р, № 2079-р в Государственную Думу РФ внесены два законопроекта, которые направлены на повышение эффективности применения уполномоченными федеральными органами исполнительной власти мер безопасности в отношении защищаемых лиц [11]. Первый из них вносит изменения в Федеральные законы № 45-ФЗ и № 119-ФЗ, второй – в УПК РФ. Проекты более детально регулируют процедуру изменения, дополнения или отмены мер государственной защиты при окончании производства по уголовному делу или его приостановления, расширяют круг субъектов, принимающих соответствующее решение; уточняют возможность применения мер государственной защиты без заявления со стороны защищаемого лица.

Оба проекта подготовлены МВД России и предусматривают возможность применения экстренных мер по защите свидетеля. Как сказано в проекте, «в случаях, не терпящих отлагательства», без соблюдения более дли-

тельной традиционной процедуры. Кроме того, появляется законодательная возможность принимать в отдельных, особо сложных случаях меры государственной защиты без заявления или письменного согласия гражданина [12].

В период последнего десятилетия принято достаточное количество законов и подзаконных актов, регулирующих государственную защиту участников уголовного судопроизводства. В настоящее время российское законодательство устанавливает многочисленные меры государственной защиты и обеспечения уголовно-процессуальной безопасности лиц, участвующих в производстве по уголовному делу. Имеются их различные классификации, в основу которых положены определенные критерии. Вместе с тем, своевременное принятие подзаконных правовых актов в значительной степени тормозит реализацию основных законодательных новелл. Кроме того, как показывает анализ, внесение изменений в правовые документы носит не всегда продуманный и логический характер.

Требует современного научного обоснования имеющаяся система мер государственной защиты и уголовно-процессуальной безопасности.

При этом группировка мер безопасности может развиваться на внутриотраслевом уровне: указание в ч. 3 ст. 11 УПК РФ только пяти уголовно-процессуальных мер безопасности представляется явно недостаточным. Например, дополнение главой 40.1 содержания действующего УПК РФ устанавливает новые меры безопасности в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.

Среди внушительного перечня действующих правовых средств противодействия оказанию давления на участников процесса особое место занимают меры уголовно-процессуального содержания. Они отличаются от иных мер государственной защиты и мер безопасности по своему характеру, временному признаку (только при производстве по делу), субъектам, принимающим процессуальное решение, и пр.

Кроме того, обратим внимание на проблему возможности расширения мер безопасности, защитных уголовно-процессуальных и иных средств в отношении участников уголовного судопроизводства.

Научная разработка предпосылок применения защитных мер также вызывает определенные проблемы, которые связаны с определением поводов, критериев, основания принятия процессуального решения о применении таких мер.

Среди мер безопасности особое место занимают уголовно-процессуальные меры, имеющие свои особенности и специфику применения. Их отличие от мер государственной защиты, установленных в Федеральном законе № 119-ФЗ, состоит, в том числе, в отсутствии необходимости определения значительных финансовых затрат. Их процедурная природа не требует финансовых вложений. По этой причине, как мы считаем, совершенствование уголовно-процессуальных мер является наиболее актуальным направлением на ближайшую перспективу.

В уголовно-процессуальном законодательстве установлена общая норма, закрепляющая пять уголовно-процессуальных мер безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ). Вместе с тем, принятие в последние годы значительного количества законов, вносящих изменения и дополнения в УПК РФ, позволяет выявить новые процессуальные способы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию.

Таким образом, считаем целесообразным рассматривать перечень из пяти уголовно-процессуальных мер безопасности, указанный в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, как открытый, предоставляющий возможность лицу, ведущему производство по уголовному делу, применить иные уголовно-процессуальные средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, содействующих уголовному правосудию.

1. Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

2. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

1. Zaytsev O.A. Theoretical and legal basis of the state protection of participants of criminal trial in the Russian Federation: diss. ... Dr of Law. Moscow, 1999.

2. About the state protection of the victims, witnesses and other participants of criminal trial: fed. law d.d. Aug. 20, 2004 № 119-FL (as amended on July 3, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2004. № 34. Art. 3534.

3. Брусницын Л.В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.
4. Епихин А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2004.
5. Епихин А.Ю. Безопасность личности как принцип уголовного процесса // Рос. следователь. 2002. № 4. С. 13–17.
6. Епихин А.Ю. Институт безопасности участников уголовного процесса: сравнительный анализ законодательства отдельных зарубежных стран // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1. С. 139–145.
7. Епихин А.Ю. Правовые основы безопасности личности и уголовного судопроизводства в отдельных международных документах // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 2. С. 12–14.
8. Брусницын Л.В. Международно-правовые и конституционные основы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию // Государство и право. 1996. № 3.
9. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: анализ УПК Белоруссии, России и Украины // Рос. юстиция. 2010. № 11. С. 30–34.
10. Зайцев О.А. Механизмы обеспечения безопасности в Соединенных Штатах Америки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 2. С. 21–23.
11. URL: <http://government.ru/activities/selection/301/24787/> (дата обращения: 27.11.2016).
12. Козлова Н. Спрячем быстро и без вопросов // Рос. газ. 2016. 6 окт.
3. Brusnitsyn L.V. Theoretical and legal basis and international experience of ensuring safety of the persons helping criminal justice: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2002.
4. Epikhin A. Yu. The concept of ensuring safety of the personality in the sphere of criminal trial: auth. abstr. ... Dr of Law. Nizhny Novgorod, 2004.
5. Epikhin A. Yu. Safety of the personality as principle of criminal procedure // Russian investigator. 2002. № 4. P. 13–17.
6. Epikhin A. Yu. Institute of safety of participants of criminal procedure: comparative analysis of the legislation of certain foreign countries // Urgent problems of economy and law. 2008. № 1. P. 139–145.
7. Epikhin A. Yu. The legal basis of safety of the personality and criminal trial in separate international documents // International criminal law and the international justice. 2012. № 2. P. 12–14.
8. Brusnitsyn L.V. International legal and constitutional bases of ensuring safety of the persons helping criminal justice // State and law. 1996. № 3.
9. Brusnitsyn L.V. Ensuring safety of participants of criminal procedure: analysis of the Criminal Procedure Code of Belarus, Russia and Ukraine // Russian justice. 2010. № 11. P. 30–34.
10. Zaytsev O.A. Safety mechanisms in the United States of America // International criminal law and the international justice. 2012. № 2. P. 21–23.
11. URL: <http://government.ru/activities/selection/301/24787/> (date of access: 27.11.2016).
12. Kozlova N. Let's hide quickly and without questions // Rus. newsp. 2016. Oct. 6.

Титова Кристина Александровна
кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: kristi2005@yandex.ru)

Топчиева Татьяна Владимировна
кандидат юридических наук,
Барнаульский юридический институт МВД России
(e-mail: tanja_top@inbox.ru)

Тактические особенности, связанные с проведением отдельных следственных действий по делам о хищениях в сфере жилищно-коммунального хозяйства

В статье рассматриваются особенности тактики проведения отдельных следственных действий по делам о хищениях в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Приводятся возможные следственные версии, предлагается алгоритм их разрешения.

Ключевые слова: тактика проведения следственных действий, расследование хищений, следственные версии, жилищно-коммунальное хозяйство, методика расследования.

K.A. Titova, Candidate of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kristi2005@yandex.ru;

T.V. Topchieva, Candidate of Law, Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: tanja_top@inbox.ru

Tactical peculiarities related to the specific investigative actions on cases of theft in the sphere of housing and communal services

This article discusses the features of separate investigative tactics on cases of theft in the sphere of housing and communal services. Provides investigative leads, and proposes an algorithm to resolve them.

Key words: tactics for conducting investigative actions, theft investigating, investigative leads, housing and communal services, methods of investigation.

На эффективность предварительного расследования по делам о хищениях в сфере ЖКХ во многом оказывает влияние своевременное и обоснованное возбуждение данных дел. На стадии возбуждения уголовного дела следователь изучает имеющиеся материалы, анализирует исходные сведения, составляет план расследования с учетом всех возможных версий в соответствии с обстоятельствами совершения преступления, т.е. следственные версии должны быть сформулированы с учетом фактических данных. Как правильно отмечается в юридической литературе, именно возбуждение уголовного дела означает начальную стадию уголовного судопроизводства, характеризующуюся самостоятельностью задач, кругом участников правоотношений или их содержанием, процессуальными средствами, сроками, решениями [1, с. 278; 2, с. 349; 3]. Именно от того, насколько полно,

всесторонне и объективно собраны материалы для возбуждения уголовного дела, зависит сама перспектива расследования [4, с. 94].

Следует отметить, что большинство преступлений в сфере ЖКХ совершены лицами, наделенными организационно-распорядительными или административно-хозяйственными полномочиями. Субъектами преступлений в сфере ЖКХ, как правило, являются руководители управляющих организаций, руководители предприятий в сфере ЖКХ, которые имели возможность распоряжаться денежными средствами, как бюджетными, так и поступившими от собственников помещений в качестве оплаты за предоставленные коммунальные услуги; лица, которые имели право на выполнение определенного вида работ в сфере ЖКХ.

На первоначальном этапе при выдвижении следственных версий должны быть учтены: 1) общие (касающиеся элементов состава пре-

ступления); 2) частные (относящиеся к отдельным деталям расследуемого события и сопутствующие преступлению) обстоятельства.

Приступая к проверке выдвинутых версий, следователь должен:

установить наличие (отсутствие) состава хищения и способа его совершения;

определить круг лиц, причастных к совершению хищения в сфере ЖКХ, а также лиц, располагающих сведениями об обстоятельствах его подготовки, совершения и сокрытия преступного умысла;

установить основные элементы события хищения (место, время, способ совершения);

определить источники и перечень документов (бухгалтерских, строительных и т.д.), отражающих механизм преступной деятельности;

установить размер ущерба, причиненный преступлением, и иные обстоятельства, имеющие значение для установления факта хищения.

Как правило, на первоначальном этапе расследования уголовного дела складываются исходные следственные ситуации, которые необходимо учитывать [5, с. 73]. Выделим и рассмотрим некоторые из них:

1) факт хищения в сфере ЖКХ установлен, но лица, его совершившие, не установлены;

2) лица, причастные к совершению хищений в сфере ЖКХ, установлены, но не установлены обстоятельства данного хищения;

3) факт хищения в сфере ЖКХ установлен, лица, его совершившие, также установлены, но они скрываются, или их местонахождение неизвестно.

При отработке первой следственной ситуации следователю необходимо принять меры, направленные на установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ (время, место, способ совершения, признаки совершения хищения и т.д.). Подлежат изучению объяснения лиц, акты ревизий, документальных проверок, изъятые бухгалтерские документы, возможно подтверждающие выводы о выявленных фактах недостачи, растрат и присвоений денежных средств либо материальных ценностей (трубы, стройматериалы, приборы учета и т.д.).

Как показывают результаты обобщения судебно-следственной практики по данным категориям уголовных дел, при указанной следственной ситуации, как правило, следователями проводятся следующие следственные и процессуальные действия в соответствии с УПК РФ:

1. Выемка регистрационных, банковских и иных документов (выписок, расчетных доку-

ментов, относящихся к деятельности проверяемого юридического лица). Следует иметь в виду, что в регистрирующем органе учет и хранение регистрационных дел юридических лиц ведется в соответствии с предъявляемыми требованиями. Так, регистрационные дела юридических лиц, прекративших свою деятельность, в том числе в результате реорганизации (ликвидации), подлежат хранению в течение 15 лет со дня внесения записи в государственный реестр.

2. Выемка носителей компьютерной информации в организациях в сфере ЖКХ.

3. Обыск либо выемка в организациях в сфере ЖКХ с целью обнаружения и изъятия бухгалтерских документов, печатей, штампов, бланков, черновых записей и т.п.

4. Осмотр документов, помещений и участков местности, строительных площадок, объектов строительства, производственных, складских и административных помещений, а также различного оборудования (строительные машины и др.); по юридическому и фактическому адресу юридического лица, в офисах фактических руководителей организации; по месту жительства фактических руководителей организации и иных лиц, причастных к организации деятельности (не трудоустроенных официально бухгалтеров, сметчиков, прорабов, строителей и т.д.); в налоговой инспекции, осуществившей регистрацию юридического лица, а также инспекции, где указанное лицо состоит на налоговом учете.

Следователю при проведении выемки либо обыска необходимо иметь в виду, что часть документов может быть изъята ранее в процессе доследственной проверки сообщения о хищении в сфере ЖКХ либо в процессе осмотра места происшествия.

5. Допросы потерпевших и их представителей, свидетелей. Важное значение имеет допрос должностного лица регистрирующего органа (в территориальном органе федеральной налоговой службы России) и кредитной организации, непосредственно участвовавших в регистрации юридического лица, открытии и обслуживании банковского счета.

6. Назначение и производство судебных экспертиз (почерковедческой, компьютерной, строительно-технической, бухгалтерской и т.д.).

7. Направление письменных запросов в учреждения, организации о предоставлении информации, имеющей значение для установления события хищения в сфере ЖКХ.

8. Направление в орган дознания отдельных поручений о производстве оперативно-розыск-

ных, розыскных мероприятий по установлению лица (лиц), совершивших хищение в сфере ЖКХ.

Особое значение также придается установлению точного размера причиненного преступлением ущерба, который в случае квалификации преступления как хищения не зависит от размера добровольно или принудительно возмещенного вреда. Кроме допросов свидетелей, данное обстоятельство, входящее в предмет доказывания, устанавливается путем обязательного проведения специальных исследований: строительно-технической и бухгалтерской экспертиз.

Так, строительно-техническая экспертиза назначается специально с целью установления вида и фактического объема выполненных ремонтных работ; вида, объема и стоимости материалов, использованных для проведения ремонта; соответствия объекта строительства действующим государственным стандартам и санитарным нормам; соответствия выполненных работ первоначальной проектно-сметной документации и стоимости, указанной в актах выполненных работ; степени готовности на определенную дату и т.д.

Судебно-бухгалтерская экспертиза назначается в целях установления соответствия ведения бухгалтерского учета и отчетности действующим нормативным правовым актам; соответствия оформления документов приема, расходования и списания денежных средств и материальных ценностей; установления источника финансирования и движения денежных средств по расчетному счету; наличия либо отсутствия прибыли или убытков и способов их сокрытия.

Компьютерная экспертиза назначается в случае ведения бухгалтерского учета в электронном виде без дублирования на бумажном носителе. В большинстве организаций для ведения документооборота, бухгалтерского учета, составления бухгалтерской отчетности используется компьютерная техника, которая, соответственно, содержит различные сведения о финансово-хозяйственной деятельности организации, кроме того, такая информация может храниться на магнитных носителях.

9. Наложение ареста на имущество, являющееся предметом финансовых операций и сделок. В ходе расследования уголовного дела необходимо принять все возможные меры к установлению местонахождения имущества, за счет которого возможно возмещение вреда, как путем проведения следственных действий, так и направления в орган дознания поручений о проведении комплекса оперативно-розыскных, розыскных мероприятий. Бездействие оператив-

ных служб, осуществляющих непосредственное оперативное сопровождение, в указанном направлении деятельности следует расценивать как нарушение ведомственных приказов о взаимодействии служб и подразделений территориальных органов внутренних дел.

10. При наличии существенных противоречий в показаниях потерпевших либо свидетелей проводится очная ставка (это следственное действие может проводиться на всех этапах расследования уголовного дела).

В целях изобличения лица, совершившего хищение, необходимо в ходе расследования уголовного дела о преступлениях в сфере ЖКХ принять меры к установлению местонахождения, изъятию и приобщению в качестве вещественных доказательств оригиналов финансово-хозяйственных документов, сметных расчетов, актов выполненных работ, справок об их стоимости и другой документации, содержащей подписи, рукописные записи и другие данные о совершении юридически значимых действий, входящих в объективную сторону преступления.

При отработке второй следственной ситуации следователю необходимо выявить признаки хищения путем проведения анализа изъятых документов; установить обстоятельства совершения финансовых операций и удостоверить документально факт хищения, путем производства следственных действий собрать доказательства причастности подозреваемых лиц к событию хищения.

При отработке третьей следственной ситуации следователю необходимо установить место, время, способ, признаки хищения денежных средств в сфере ЖКХ; степень причастности подозреваемых лиц к совершению хищения. Принимаются меры к установлению их местонахождения и задержанию, поиску имущества и ценностей с целью возмещения материального ущерба.

При отработке второй и третьей следственной ситуации также возможно провести такие следственные действия:

допрос подозреваемого (обвиняемого) по обстоятельствам совершения хищения в сфере ЖКХ;

очные ставки между подозреваемым (обвиняемым) и потерпевшими либо свидетелями.

Таким образом, правильное уяснение складывающихся на первоначальном этапе расследования типичных следственных ситуаций оптимизирует выдвижение и проверку следственных версий и решение криминалистических задач в ходе предварительного расследования хищений в сфере ЖКХ.

1. Божьев В.П. Уголовный процесс: учеб. М., 2014.

2. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. М., 2014.

3. Гавло В.К., Титова К.А. Проблемы теории и практика предварительного и судебного следствия по делам о хищениях, совершаемых лицами с использованием служебного положения, в сфере жилищно-коммунального хозяйства. М., 2011.

4. Лозовский Д.Н. Методы расследования преступлений. М., 2010.

5. Титова К.А. Судебно-криминалистические ситуации и их разрешение в процессе судебного разбирательства по делам о хищениях, совершаемых должностными лицами, в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2015. № 2(28).

1. Bozhyev V.P. Criminal procedure: textbook. Moscow, 2014.

2. Lupinskaya P.A. Criminal procedure law of the Russian Federation: textbook. Moscow, 2009.

3. Gavlo V.K., Titova K.A. Problems of the theory and practice of pre-trial and trial investigation on cases of embezzlement committed by individuals through abuse of their official position in the sphere of housing and communal services. Moscow, 2011.

4. Lozovsky D.N. Methods of investigation of crimes. Moscow, 2010.

5. Titova K.A. Forensic situations and their resolution in the trial of cases of embezzlement by officials, in the field of housing and communal services // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2015. № 2(28).

Введенская Ольга Юрьевна
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79181587325)

Раскрытие и расследование преступлений, совершаемых в российском сегменте сети Интернет организованными преступными группами и сообществами

В статье рассматриваются процесс доказывания преступной деятельности организованных преступных групп (сообществ) в российском сегменте сети Интернет, особенности раскрытия таких преступлений и последующей реализации полученных сведений следственным путем.

Ключевые слова: организованная преступность, интернет-преступность, группа, сообщество, социальные сети.

O. Yu. Vvedenskaya, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79181587325.

Disclosure and investigation of crimes committed in the Russian segment of the Internet by organized criminal groups and communities

This article discusses the process of proving the criminal activities of organized criminal groups (communities) in the Russian segment of the Internet, peculiarities of the disclosure of such crimes and the subsequent implementation of the resulting information by investigating.

Key words: organized crime, Internet crime, group, community, social networks.

В свете развития информационного общества и возрастающих объемов передаваемой и обрабатываемой информации все большую роль приобретает использование интернет-технологий. Практически безграничные возможности глобальной сети Интернет в сфере коммуникации, с одной стороны, являются благоприятной площадкой для развития общественных отношений любого характера, а с другой – обеспечивают возможности активного функционирования интернет-преступности.

Интернет-преступность – это совокупность преступных действий, для совершения которых использованы возможности сети Интернет, обусловленные ее свойствами [1, с. 3], такими как удаленность, отсутствие централизации (единого управления), условная анонимность, высокая латентность, транснациональный характер [2], что делает возможным совершение посредством Интернета все большего количества преступных деяний.

Действительно, свойства сети Интернет обеспечивают возможность совершить преступление удаленно, сведя прямой контакт с жертвой до минимума, не рискуя быть кем-либо замеченным.

При изучении автором уголовных дел об интернет-преступности сведений о совершении таких преступлений в составе организованных преступных групп в ходе проведенного исследования получено не было. Однако поскольку

интернет-пространство – благоприятная среда для совершения преступлений, вряд ли представители организованной преступности могли оставить этот факт без внимания. Очевидно, что свойства сети Интернет активно ими используются для совершения преступлений. Полагаем, что данный факт может быть обусловлен сложностями в выявлении и доказывании признаков организованной преступности, функционирующей в рамках сети Интернет.

Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений [3].

Преступным сообществом (организацией) признается структурированная преступная группа или объединение таких групп для совершения одного или ряда тяжких преступлений в целях получения материальной выгоды.

Таким образом, к признакам организованной преступности можно отнести: устойчивость, цель – совершение преступлений, иерархичность, выдвижение лидера, распределение ролей, подготовку к совершению преступлений, дисциплину, единую ценностную ориентацию, распределение доходов, добытых преступным путем [4].

Факт существования организованной преступной группы (сообщества) доказывается путем установления всех ее признаков. Изучаются условия функционирования организованной

преступной группы (сообщества), наличие «общака», устанавливаются факты совместного проведения досуга, в ходе определения ролей членов организованной преступной группы (сообщества) тщательно изучается личность каждого ее участника, наличие коррумпированных связей в органах власти и т.п.

Однако применительно к интернет-преступности закономерно возникает вопрос: как установить и доказать устойчивую связь между членами группы, если такие преступления совершаются в условиях удаленности. Естественно, организованная интернет-преступность вряд ли может существовать в традиционных формах. Любой из членов такой организованной преступной группы (сообщества) может смело отрицать факт личного знакомства с другими ее участниками, соответственно, распределение ролей и т.п. Причем такая организованная преступность может действительно функционировать без совместного проведения досуга, а ее члены могут быть лично не знакомы друг с другом и территориально находиться в разных странах. Однако все остальные признаки организованной преступности будут присутствовать.

Сегодня проблема процессуального доказывания организованной интернет-преступности перед практиками стоит достаточно остро. Если доказывание факта сговора особым проблем не вызывает, то с доказыванием функционирования организованной преступной интернет-группы (сообщества) в традиционном ее понимании возникают проблемы.

Только в России число пользователей социальных сетей на 2016 г. насчитывает 37 млн человек [5].

В мире лидирующее место принадлежит социальной сети Facebook, в России же на первом месте по количеству пользователей находится социальная сеть VK («ВКонтакте») [6].

Поскольку сеть Интернет обладает такой характеристикой, как условная анонимность, информация, полученная путем мониторинга социальных сетей, не может в ее первоначальном виде являться доказательственной, так как пользователь мог указать не соответствующую действительности информацию о себе. Однако такие сведения носят ценный ориентирующий характер.

Раскрытие и расследование преступлений, совершенных организованными преступными группами (сообществами) посредством сети Интернет, должно включать в себя не только проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, но также и аналитическую работу.

Сегодня правоохранные органы вооружены новейшим техническим (устройства, позволяющие отслеживать события по задан-

ным параметрам, декодирования данных, для поиска неструктурированной текстовой информации, платформы обработки информации и формирования хранилищ данных и т.п.) и программным обеспечением для мониторинга социальных медиа.

Сведения социальных сетей могут быть отфильтрованы по ключевым словам, по упоминаниям, публикациям, выделяются популярные источники информации, круг пользователей (друзей, членов определенных сообществ), их интересы и т.п.

После получения таких сведений требуется проведение аналитической работы и реализация ее результатов следственным путем.

Также операторы связи обязаны хранить в течение трех лет информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи; текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные сообщения пользователей услугами связи – до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки [7].

Органы МВД получают такие сведения по запросам, запросы могут быть направлены и в ходе предварительного следствия, а ответы на них приобщены к материалам уголовного дела.

При их осмотре требуется не только визуальная констатация фактов, но и аналитическая работа.

Анализ сведений социальных сетей поможет установить ее лидера, доказать такие признаки организованной преступной группы (сообщества), как иерархичность, распределение ролей, дисциплина и наличие единой ценностной ориентации.

При осмотре задействованных в преступном процессе средств компьютерной техники следует установить IP-адреса, посредством которых был осуществлен контакт с потерпевшим, необходимы тщательное изучение и осмотр журнала сетевой активности, который ведется у провайдера. Далее устанавливается их принадлежность. Очевидно, что установление принадлежности IP-адреса не говорит об установлении лица, совершившего преступление, поскольку доступ с него могли осуществлять и другие лица, однако круг таких лиц будет ограничен, их также необходимо установить. Вместе с тем, необходимо учитывать и транзитные провайдеры. Тем не менее, анализ сетевой статистики может указать на осуществление подготовки к совершению преступления.

Далее необходимо установление контроля за сетью и тщательный анализ IP-адресов, посредством которых осуществляется доступ к контро-

лируемой компьютерной системе, также эти мероприятия необходимы и для предотвращения фактов новых преступных посягательств.

Путем аналитической работы выделяется определенный круг IP-адресов, посредством которых наиболее часто совершались обращения к аккаунту потерпевшего.

В ходе рассматриваемых мероприятий могут быть выявлены либо раскрыты другие преступления.

Совершение нескольких преступлений организованной преступной группой (сообществом) может свидетельствовать об ее устойчивости, которая характеризуется как способность системы возвращаться в исходное состояние и продолжать нормальное функционирование [8].

Получение и последующее изучение историй операций по банковским счетам и электронным кошелькам заподозренных укажет на факт распределения преступных доходов.

В рамках расследования таких преступлений может быть проведено множество судебных экспертиз. Однако наиболее специфичной из них будет являться судебная компьютерная

экспертиза. В частности, такой ее подвид, как сетевая компьютерная экспертиза, позволяющая установить особенности функционирования сети Интернет в рамках преступного процесса. Тем более современные возможности судебной компьютерной экспертизы велики: расшифровка всевозможных компьютерных данных, восстановление как самих электронных носителей информации, так и информации, записанной на них, и т.п.

Таким образом, в связи с высокой общественной опасностью и возрастающими масштабами организованной преступности в интернет-пространстве необходимо внедрение в правоохранительную деятельность новейших технических и программных средств борьбы с ней, информирование сотрудников об их возможностях и новых инструментах доказывания, а также разработка практически значимых и научно обоснованных рекомендаций по наиболее эффективному их использованию в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершенных организованными группами (сообществами) посредством сети Интернет.

1. Введенская О.Ю. Проведение предварительной проверки сообщений об интернет-преступлениях и организация первоначального этапа расследования: метод. рекомендации. Краснодар, 2016.

2. Дремлюга Р.И. Интернет-преступность. Владивосток, 2008.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Быков В. Признаки организованной преступной группы // Законность. 1998. № 9.

5. Социальные сети в России, зима 2015–2016. Цифры, тренды, прогнозы. URL: <https://blog.br-analytics.ru/socialnye-seti-v-rossii-zima-2015-2016-cifry-trendy-prognozy> (дата обращения: 01.10.2016).

6. Рейтинги социальных сетей 2016. URL: <http://start-pix.com/rejting-sotsialnyih-setey-2016.php> (дата обращения: 02.10.2016).

7. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Устойчивость. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 03.10.2016).

1. Vvedenskaya O.Yu. Pre-testing of messages about Internet crimes and the organization of the initial stage of investigation: methodical guidelines. Krasnodar, 2016.

2. Dremlyuga R.I. Internet crime. Vladivostok, 2008.

3. Criminal Code of the Russian Federation: fed. law d.d. June 13, 1996 № 63-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. Bykov V. Signs of an organized criminal group // Legality. 1998. № 9.

5. Social network in Russia, winter of 2015–2016. Figures, trends, predictions. URL: <https://blog.br-analytics.ru/socialnye-seti-v-rossii-zima-2015-2016-cifry-trendy-prognozy> (date of access: 01.10.2016).

6. The social networking 2016. URL: <http://start-pix.com/rejting-sotsialnyih-setey-2016.php> (date of access: 02.10.2016).

7. On amendments to the Federal law «On combating terrorism» and certain legislative acts of the Russian Federation regarding the establishment of additional counterterrorism measures and public security: fed. law of the Russian Federation d.d. July 6, 2016 № 374-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

8. Stability. URL: <http://dic.academic.ru/> (date of access: 03.10.2016).

Дрога Анастасия Александровна
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: madamdroma@yandex.ru)

Актуальные проблемы производства судебно-бухгалтерских экспертиз на современном этапе расследования преступлений экономической направленности

В статье проведен анализ практики назначения, производства и использования комплексных судебно-бухгалтерских и других экономических экспертиз в деятельности по расследованию экономических преступлений, который позволит определить основные направления по совершенствованию деятельности экспертных подразделений, повысить качество экспертного исследования и степень аргументированности выводов эксперта.

Ключевые слова: эксперт, комплексные судебно-бухгалтерские экспертизы, экспертное исследование, выводы эксперта, компьютерные данные, экономические преступления.

A.A. Droga, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: madamdroma@yandex.ru

The present day actual problems of judicial-account expertise at the present stage of investigation of economic crimes

In article the analysis of practice of appointment, production and use of complex forensic and other economic examinations in activities for investigation of economic crimes which will allow to determine the main directions by enhancement of activities of expert divisions, to increase quality of an expert research and degree of argumentativeness of conclusions of the expert is carried out.

Key words: expert, complex judicial-account expertise, expert studies, expert results, computer dates, economic crimes.

В настоящее время расследования и судебные разбирательства по уголовным делам экономической направленности не обходятся без использования специальных познаний эксперта-бухгалтера. Эффективность экспертных исследований зависит не только от комплекса разработанных методов и знаний, но и во многом определяется требованиями действующего законодательства и следственной практики.

В связи с этим автором статьи проведено социологическое исследование организации работы по производству судебно-бухгалтерских (иных судебно-экономических) экспертиз и взаимодействия эксперта-экономиста со следователем (иным уполномоченным лицом) в процессе участия в расследовании преступления. Изучение практики назначения, производства и использования комплексных судебно-бухгалтерских и других экономических экспертиз позволит: определить основные направления по совершенствованию деятельности экспертных подразделений, повысить качество экспертного исследования и степень аргументированности выводов эксперта, использующего в

качестве объектов исследования электронные базы данных, а также сократить сроки производства экономических экспертиз и оптимизировать процесс взаимодействия эксперта с сотрудниками следственных подразделений и органов дознания.

Опрос проводился среди экспертов-экономистов – сотрудников экспертно-криминалистических центров МВД Архангельской, Астраханской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Волгоградской, Вологодской, Воронежской, Ивановской, Калининградской, Калужской, Курганской, Курской, Липецкой, Мурманской, Новгородской, Новосибирской, Омской, Орловской, Пензенской, Псковской, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Свердловской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Томской, Тульской, Тюменской, Челябинской, Ярославской областей, Забайкальского, Краснодарского, Пермского, Приморского краев, городов Москвы и Санкт-Петербурга, Республик Адыгеи, Карелии, Коми, Мордовии, Татарстана, Удмуртии и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (всего 46 регионов Российской Федерации).

Участие в анкетировании приняло свыше 150 экспертов отделов экономических экспертиз ЭКЦ МВД России, проводивших финансовые и бухгалтерские исследования в период с 2013 по 2015 г.

Средний возраст респондентов – 36 лет, а их средний трудовой стаж в экспертной деятельности составил более девяти лет, в том числе из 153 опрошенных экспертов: 56% (86 человек) в возрасте от 31 года до 40 лет имеют средний стаж экспертной деятельности 8,6 лет; 26% (40 человек) в возрасте от 41 года до 50 лет имеют средний стаж экспертной деятельности 15 лет; 15% (23 человека) в возрасте до 30 лет имеют средний стаж экспертной деятельности 3 года и 8,6 лет; 3% (4 человека) в возрасте от 51 года имеют средний стаж экспертной деятельности свыше 20 лет. У всех анкетированных экспертов высшее экономическое образование, также 51 эксперт обладает высшим юридическим образованием, а 8 экспертов – высшим техническим образованием. На вопросы социологического исследования ответили 56 экспертов, 43 старших эксперта, 25 главных экспертов, 29 начальников отделов и отделений производства экономических экспертиз. Допуск к производству судебно-бухгалтерских экспертиз получили все 153 опрошенных эксперта, в том числе допуск к производству финансово-аналитических экспертиз получен 35 экспертами, допуск к производству судебно-налоговых экспертиз получен 14 экспертами, допуск к производству финансово-кредитных экспертиз получен 9 экспертами, кроме того, у 3 экспертов имеется допуск к производству дактилоскопических, почерковедческих, оценочных, трасологических и технико-криминалистических экспертиз документов. Указанное свидетельствует о наличии достаточной репрезентативности проведенного нами опроса.

С учетом теоретического и практического изучения проблем практики назначения, организации, производства и использования результатов комплексных компьютерных и судебно-бухгалтерских (других экономических) экспертиз в деятельности по расследованию экономических преступлений нами была разработана анкета на 19 вопросов с перечнем предлагаемых ответов различного характера и содержания. Результаты исследования показали, что всего за период с 2011 по 2015 г. респондентами было осуществлено 9969 экспертных исследований, т.е. каждым экспертом было выполнено в среднем 65 экспертиз. Из 9969 экспертных исследований судебно-бухгалтерские экспертизы составили 89,7% (8938

экспертиз), судебно-налоговые экспертизы – 4,4% (444 экспертизы), финансово-аналитические экспертизы – 4,4% (441 экспертиза), финансово-кредитные экспертизы – 0,7% (70 экспертиз), комплексные составили 0,5% (48 экспертиз), комиссионные составили 0,3% (28 экспертиз).

Большинство экспертных исследований проведено по материалам уголовных дел, возбужденных по признакам состава преступлений, предусмотренных: ст. 159 УК РФ – всего 3742 экспертизы (в том числе 3545 судебно-бухгалтерских, 129 финансово-аналитических, 30 налоговых, 15 финансово-кредитных, 14 комплексных и 9 комиссионных); ст. 160 УК РФ – всего 2546 экспертиз (в том числе 2511 судебно-бухгалтерских, 27 финансово-аналитических, 2 комплексных и 6 комиссионных); ст. 171 УК РФ – всего 622 экспертизы (в том числе 618 судебно-бухгалтерских, 2 финансово-аналитических, 1 налоговая, 1 комплексная); ст. 198–199 УК РФ – всего 565 экспертиз (в том числе 144 судебно-бухгалтерских, 407 судебно-налоговых, 5 финансово-аналитических и 9 комиссионных), ст. 201 УК РФ – всего 513 экспертиз (в том числе 442 судебно-бухгалтерских, 65 финансово-аналитических, 3 налоговых, 3 финансово-кредитных). По прочим статьям Уголовного кодекса проведено 1914 экономических исследований, из них по материалам уголовных дел: по ст. 158 УК РФ – 381 экономическая экспертиза, ст. 195–197 УК РФ – 367 экспертиз, ст. 145 УК РФ – 209 экспертиз, ст. 172 УК РФ – 197 экспертиз, ст. 176–177 УК РФ – 143 экспертизы, ст. 285–286 УК РФ – 129 экспертиз, ст. 165 УК РФ – 107 экспертиз, ст. 315 УК РФ – 98 экспертиз, ст. 174 УК РФ – 52 экспертизы, ст. 290, 292, 293 УК РФ – 35 экспертиз, ст. 327, 330 УК РФ – 33 экспертизы, по прочим статьям Уголовного кодекса РФ (ст. 161, 163, 166, 168, 169, 170, 173, 180, 186, 187, 188, 192, 193, 194, 204, 210, 325) выполнено в среднем по десять экспертиз экономической направленности. Кроме того, в исследуемом периоде эксперты ЭКЦ МВД России выполнили 38 судебно-бухгалтерских экспертиз по материалам, зарегистрированным в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, и 29 судебно-бухгалтерских экспертиз в рамках задач гражданского судопроизводства. Однако эксперты отметили, что рост назначения производства судебно-бухгалтерских экспертиз по материалам, зарегистрированным в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных

правонарушениях, о происшествиях, нарушают принципы всесторонности, объективности и полноты экспертного исследования.

Более половины всех экспертных исследований связано с проверкой расчетов с поставщиками, покупателями и заказчиками, разными дебиторами и кредиторами и операций, связанных с движением денежных средств в кассе и на расчетных счетах фигурантов уголовных дел.

Наиболее часто в 2010–2015 г. затрудняли производство экспертиз проблемы, связанные с ошибками при формулировании вопросов, выносимых на экспертизу (с указанной проблемой столкнулись 112 экспертов), и недостаточным количеством предоставленных документов (с указанной проблемой столкнулись 130 экспертов). Здесь респонденты также отметили, что вопросы, выносимые на производство экспертизы, подразумевали правовую оценку деяний фигурантов дела или выходили за область познаний эксперта (в 607 случаях из 1985), носили справочный (в 459 случаях из 1985) или ревизионный характер (в 389 случаях из 1985). При этом сообщения о невозможности дачи заключения экспертами составлялись именно в тех случаях, когда вопросы выходили за пределы специальных познаний эксперта (в 169 сообщениях из 582) или на экспертизу было предоставлено недостаточное количество объектов исследования (в 348 сообщениях из 582).

Согласно проведенному исследованию основной причиной направления ходатайства является необходимость в предоставлении дополнительных сведений, а именно: учетных бухгалтерских документов (в 3812 ходатайствах из 6553), сведений о движении денежных средств на расчетных счетах в кредитных учреждениях (в 1346 ходатайствах из 6553), допросов свидетелей, потерпевших, подозреваемых (в 708 ходатайствах из 6553), сведений из муниципальных и государственных учреждений (в 389 ходатайствах из 6553). Здесь эксперты также отметили, что неудовлетворение ходатайства о предоставлении дополнительных объектов, представление нечитаемых документов, документов с исправлениями или записей чернового учета без подробного описания их составления и ведения затрудняют производство экспертиз.

Средняя продолжительность исследования составила 30 дней, однако в результате анализа полученных анкет можно отметить, что в тех регионах Российской Федерации, где эксперты в своей деятельности используют дан-

ные, представленные им в электронном виде, продолжительность производства экспертиз составляла до 15 дней, а в тех регионах, где у экспертов не имелись в распоряжении такие объекты, продолжительность производства экспертиз составляла свыше 30 дней. Эксперты также указали, что на сроки производства экспертиз, а в итоге и на сроки расследования влияют: предоставление документов для производства экспертизы в несистематизированном, непрошитом и непрономерованном виде; длительные сроки исполнения ходатайств о предоставлении дополнительных документов; назначение экспертиз в целях перепроверки актов ревизии.

В период с 2011 по 2015 г. эксперты в своей деятельности применяли следующие сведения:

43% (66 человек) использовали электронные базы данных о финансово-хозяйственной деятельности организации, находящиеся в специализированных бухгалтерских программах, и электронные базы данных о движении денежных средств организации на расчетном счете, предоставленные кредитными организациями; здесь стоит отметить, что большинство экспертов используют фрагментарные сведения бухгалтерского учета, выгруженные в формате Excel на непerezаписываемый оптический диск, а в случаях, когда сведения предоставлены в программе «1С: Бухгалтерия», назначаются комплексные компьютерно-бухгалтерские экспертизы;

31% (47 человек) использовали электронные базы данных о движении денежных средств организации на расчетном счете, предоставленные кредитными организациями;

3% (5 человек) использовали электронные базы данных о финансово-хозяйственной деятельности организации, находящиеся в специализированных бухгалтерских программах;

23% (35 человек) при производстве экономических экспертиз не используют сведения в электронном виде.

По результатам опроса установлено, что с 2011 по 2015 г. только 18 экспертов-экономистов участвовало в производстве 48 комплексных компьютерно-бухгалтерских экспертиз (0,5% от общего числа выполненных экономических экспертиз), производство которых было обусловлено следующими причинами и условиями:

сведения о финансово-хозяйственной деятельности фигурантов уголовного дела находились только в бухгалтерской программе «1С: Бухгалтерия»;

необходимо было установить порядок расчетов между организациями;

необходимо было найти базу «1С: Бухгалтерия», имеющую сведения, важные для расследования, и исследовать ее;

возникла необходимость в восстановлении удаленных первичных документов в программе «1С: Бухгалтерия»;

необходимо было выполнить исследование материалов в кратчайшие сроки;

необходимо было установить, когда и какие изменения внесены в данные программы «1С: Бухгалтерия»;

информация на бумажных носителях была представлена в нечитаемом формате и в не пригодном для арифметического расчета виде;

возникла необходимость в исследовании и сопоставлении нескольких электронных носителей и баз данных;

возможность получения информации об электронных переводах денежных средств только посредством использования сети Интернет.

Более половины респондентов (79 человек) отметили, что в 2011–2015 гг. возникала необходимость в проведении судебных компьютерно-бухгалтерских экспертиз, но эксперты вынуждены были отказаться от ее производства в связи с тем, что:

отсутствует методика проведения комплексной компьютерно-бухгалтерской экспертизы (36 человек);

информация, содержащаяся на электронных носителях, используется как справочная, подтверждающая сведения, представленные в распечатанном виде (25 человек);

информация, предоставленная на электронных носителях, изъята или скопирована сотрудниками следственных органов (дознания) без соблюдения процессуальных требований (10 человек);

информация бухгалтерской программы «1С: Бухгалтерия» не открылась на рабочем компьютере эксперта (9 человек).

56 опрошенных экспертов ответили, что в 2011–2015 гг. комплексные компьютерно-бухгалтерские экспертизы им не назначались.

По вопросу взаимодействия между сотрудниками следственных органов (дознания) и экспертных подразделений респонденты ответили, что в целом результаты работы следователя (дознателя) их удовлетворяют, однако существует ряд проблем, а именно:

недостаточно высокий уровень специальных познаний инициаторов исследования по назначаемым экономическим экспертизам;

назначая экспертизу, следователи (дознатели) заведомо знают о бесперспективности

расследуемого ими уголовного дела, поэтому достаточно часто отзывают постановления о назначении экспертизы в то время, когда экспертом был проделан достаточно большой объем работы;

на производство экономических экспертиз часто выносятся вопросы, касающиеся проверки вероятных версий;

объекты экспертиз предоставляются в трудно читаемом формате (информацию желательно предоставлять в формате Excel);

следователи (дознатели) не вникают в суть возникшей проблемы по уголовному делу и свою работу выполняют без особого интереса, зачастую формально;

необоснованно затянутые сроки выполнения ходатайств эксперта в части предоставления банковских выписок, сведений из налоговых органов;

следователи (дознатели) достаточно часто не понимают сущности и терминологии формулировок в заключении эксперта, в связи с чем необоснованно предъявляют претензии к эксперту.

Несмотря на вышеуказанные проблемы, все опрошенные эксперты довольны своей работой, так как она дает им возможность применять имеющиеся знания и навыки при проведении исследований, целью которых является установление обстоятельств, важных для принятия правильных и справедливых решений в суде. Однако многие респонденты отметили следующие негативные моменты в своей деятельности:

отсутствие в экспертных подразделениях лицензированных консультационных справочных систем, таких как «КонсультантПлюс», «Гарант»;

отсутствие семинаров по обобщению экспертной практики, разъяснений по применяемым методикам, изменениям в законодательстве бухгалтерском учете и по налогообложению;

отсутствие методик по производству комплексных экспертиз, в том числе компьютерно-бухгалтерских и оценочных;

отсутствие дополнительной подготовки экспертов по программам бухгалтерских баз данных с целью возможности их самостоятельного использования при производстве компьютерно-бухгалтерских экспертиз;

несоответствие существующей методики проведения финансовых экспертиз практике производства экспертиз по данному направлению, а именно в части отнесения конкретных видов операций к незаконной банковской деятельности;

отсутствие методики производства экспертизы бухгалтерского учета предприятий, занятых в сфере ЖКХ, для определения целесообразности установленных тарифов, обоснованности начисления коммунальных платежей и проведения анализа статей «капитальный ремонт», «содержание жилья» и других расходов;

отсутствие методики производства экспертизы бухгалтерского учета в строительных организациях с целью правильного исследования поступления и расходования денежных средств, поступивших от участников долевого строительства.

Таким образом, рассмотрев вышеприведенные проблемы организации и производства экспертиз при расследовании преступлений экономической направленности, можно прийти к выводу о том, что комплексная экспертиза – наиболее эффективная процессуальная форма реализации общенаучного комплексного подхода к экспертному исследованию. Она выражается в совместной оценке и интеграции результатов исследований, проведенных экспертами (бухгалтерами, экономистами, финансистами, программистами, оценщиками и др.), с целью получения общего (единого) ответа на вопросы, относящиеся к сфере совместной компетенции. При расследова-

нии экономических преступлений чаще всего возникает необходимость в проведении комплексных экспертиз: судебной компьютерно-бухгалтерской, судебной бухгалтерской и оценочной, судебной бухгалтерской и строительной и др. В связи с этим к числу актуальных проблем расследования экономических преступлений следует отнести назначение и проведение комплексных экспертиз, так как возникновение комплексных экспертиз – закономерный процесс научно-технического прогресса. В ходе развития научных знаний дифференциация и интеграция наук диалектически взаимосвязаны. Интеграция вызывает постоянное взаимодействие различных областей знаний, определяет взаимное проникновение и синтез наук. И, как свидетельствует экспертная, следственная и судебная практика, комплексное исследование объекта экспертизы специалистами нескольких отраслей знания одновременно дает более высокий результат, чем последовательное проведение нескольких экспертиз в отдельности [1].

В связи с вышеуказанным перспективным видится направление по разработке методики комплексных компьютерно-бухгалтерских исследований и применения их в деятельности экспертных учреждений.

---

1. Корж В.П. *Современные проблемы использования специальных знаний при расследовании экономических преступлений // Эксперт-криминалист. 2013. № 4. С. 36–39. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».*

---

1. Korzh V.P. *Contemporary problems of use of special knowledge in investigation of economic crimes // Forensic expert. 2013. № 4. P. 36–39. Access from legal reference system «ConsultantPlus».*

Горбунов Алексей Николаевич
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: alex9171977@mail.ru)

Жуланов Александр Владимирович
кандидат педагогических наук,
Волгоградская академия МВД России
(e-mail: sandrik111@mail.ru)

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений

В статье рассматривается актуальная проблема применения результатов ОРД в практической деятельности оперативных сотрудников. Анализируются причины ее возникновения и пути решения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, преступное посягательство, оперативный сотрудник, сведения оперативно-розыскного характера, доказательства.

A.N. Gorbunov, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: alex9171977@mail.ru;

A.V. Zhulanov, Candidate of Pedagogics, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sandrik111@mail.ru

Using the results of operative-search activity in investigation of crimes

The article is devoted to the problem of application of the results of operative-search activity in practical activities of operative employees. Causes of this problem and ways of its solving are considered.

Key words: operative-search activity, criminal trespass, operations officer, information of operative-search nature, evidence.

Современный этап развития России ознаменован глубокими политическими, социально-экономическими, демографическими и правовыми новшествами. Один из негативных показателей событий, которые происходят в стране, – это рост преступности, приобретающий все более организованный характер. По данным МВД России, только за январь 2016 г. в составе организованных групп или преступных сообществ было совершено 1,9 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений [1].

Современная российская преступность может быть охарактеризована такими показателями, как организованность, информированность, вооруженность, наличие технической оснащенности, наличие собственной разведки, тщательная подготовка и направленная ликвидация доказательственной информации. Все сказанное говорит о сложности не только выявления, но и раскрытия преступления.

Средства познания, которые предлагает уголовно-процессуальный закон, не способны должным образом реализовывать процесс доказывания по уголовным делам [2]. Не случайно В.В. Колмогоров считает, что «...первостепенное значение в доказывании по уголовным де-

лам следует придавать именно использованию всех возможностей, которых можно добиться оперативно-розыскной работой» [3, с. 8].

При расследовании уголовных дел процесс доказывания следует считать краеугольным камнем. Несмотря на то, что сегодня идея использования в уголовном судопроизводстве результатов оперативно-розыскной деятельности вплоть до придания им значения судебных доказательств не только активно совершенствуется, но и находит применение в практической деятельности, многие оперативные сотрудники зачастую, получив ценную информацию, по разным причинам не доводят ее до следователей (органов дознания). Чаще всего это можно объяснить тем фактом, что они не всегда четко видят перспективы применения такой информации в процессе следствия. Часто и следователи не имеют возможностей доказать, что, к примеру, лица, которые подозреваются в совершении преступного деяния, знакомы друг с другом, несмотря на то, что в материалах уголовного дела присутствуют фотодокументы, на которых они запечатлены вместе [4].

Особо следует отметить еще одну проблему. Нынешний кадровый состав сотрудников пра-

воохранительных органов при недостаточном материально-техническом обеспечении нуждается в психологической поддержке, правовой помощи, гарантиях личной безопасности каждого сотрудника и его близких как со стороны руководства, так и со стороны прокуратуры и суда. Образовавшееся критическое положение дел в немалой степени усложнила низкая теоретическая разработка проблем, которые ранее были не известны. Данные проблемы связаны с массовыми противоправными воздействиями на следователей, оперативных сотрудников, иных участников уголовного судопроизводства.

Сегодня оперативно-розыскная деятельность не достигнет своей цели, не сможет обеспечить безопасность общества и государства от разного рода преступлений, если результатам этой деятельности не придать должного значения. Нельзя не сказать, что уголовное судопроизводство следует считать единственной государственно-правовой формой борьбы с преступностью, в рамках которой гарантированно будет доказана вина лица в совершении преступного деяния и назначено справедливое наказание. Сказанное подтверждает взаимосвязь оперативно-розыскной деятельности с уголовным процессом, ведь без уголовно-процессуального воплощения оперативная деятельность потеряет свою социально значимую функцию.

Вопросы вовлечения в процесс расследования преступлений результатов оперативно-розыскной деятельности вызваны многими причинами. В действительной реальности, когда значительно урезаны возможности обнаружить признаки преступлений лишь уголовно-процессуальными средствами, удачное доказывание вины лиц, которые подозреваются в преступлении, практически немислимо без использования оперативно-розыскных мероприятий. И, что особенно важно, лишь правильное сочетание приемов, методов и средств оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности даст возможность успешно не только выявить, но и раскрыть преступления [5].

Проведя анализ нормативно-правового положения в области применения и использования результатов оперативно-розыскной деятельности, можно сказать о значительном противоречии между требованиями, предъявляемыми уголовно-процессуальным законом к сбору, проверке и оценке доказательств, которые основаны на результатах оперативно-розыскной деятельности, и требованиями оперативно-розыскной безопасности к результатам этой деятельности. Уголовно-процессуальная норма, запрещающая использование в процессе до-

казывания результатов оперативно-розыскной деятельности, не отвечающих требованиям, которые закон предъявляет к доказательствам, усиливает данное противоречие и не может отражать сложившуюся ситуацию в процессе доказывания с использованием данных, которые были получены оперативным путем. Статья 89 УПК РФ дает возможность делать вывод, что в ней результаты оперативно-розыскной деятельности приравнены к доказательствам и, соответственно, должны отвечать предъявленным к доказательствам требованиям, что, бесспорно, является противоречием.

Оперативные данные, как результат оперативной деятельности, сами по себе доказательствами считать нельзя, чтобы таковыми стать, они должны вводиться в уголовное судопроизводство, базируясь на положениях уголовно-процессуального закона, но для этого результаты оперативно-розыскной деятельности должны проходить некую «трансформацию» уголовно-процессуальными средствами [6].

Нельзя не отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» для того, чтобы проводить оперативно-розыскные мероприятия по поручениям следователя, органа дознания и указаниям прокурора, следует иметь и определение суда по уголовному делу, которое находится в его производстве [7]. Данное положение корреспондирует ч. 1 и 3 ст. 11 Закона, которыми предусмотрено представление результатов оперативно-розыскной деятельности в суд и использование их для подготовки и осуществления судебных действий.

Как можно заметить, Закон не создает различий в нормативно-правовой регламентации отношений, возникающих между органами предварительного расследования и органами, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, с одной стороны, и судом и органами, которые осуществляют эту деятельность, — с другой. Подобный подход активизирует отрицания. В уголовно-процессуальном законе право давать поручения и указания органам дознания о применении оперативно-розыскных мер представлено только следователю и прокурору. Данный факт обусловлен тем, что в результатах оперативно-розыскной деятельности нуждаются, прежде всего, госорганы, осуществляющие функцию уголовного преследования. Основываясь на данных, которые могли быть получены оперативно-розыскным путем, следователь, как правило, производит следственные мероприятия, определяет наиболее верные тактические приемы их проведения и т.д. В отличие от этого суд в уголовном судопроизводстве нацелен на то, чтобы выполнять

специфическую функцию – осуществлять судебную власть. Предметом исследования выступают лишь доказательства, которые были собраны на стадии предварительного расследования. Судебное следствие никак не связано с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности.

В представленном вопросе определяющим должно быть положение о том, что наделение суда полномочиями получать от органов, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, ее результаты и использовать их при рассмотрении конкретных уголовных дел, несоединимо с принципами правосудия, которые находят закрепление не только в УПК РФ, но и в Основном законе страны. Полагаем, что результаты оперативно-розыскной деятельности должны использовать только те госорганы и должностные лица, которые осуществляют функцию уголовного преследования.

Полагаем, что регулирование единого порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий ввиду значительности результатов их применения необходимо установить в федеральном законе (в таком случае отпадут

сомнения в соблюдении порядка получения доказательств). Справедливости ради считаем необходимым отметить, что в таких случаях возможно рассекречивание методов оперативно-розыскной деятельности. В данном контексте полагаем необходимым секретные процедуры, в том числе и те, которые затрагивают права и свободы личности, все-таки регламентировать внутриведомственными актами с ограниченным доступом. Нужно только лишь детально регламентировать процедуру рассекречивания данных результатов в аспекте производства по уголовному делу.

Считаем, что проблему использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений возможно разрешить лишь после того, как изменится сложившийся стереотип запрета их использования в уголовно-процессуальном доказывании. К большому сожалению, в уголовно-процессуальном законе прослеживается отрицательная тенденция, которая выражается в излишней осторожности регламентации уголовно-процессуального использования результатов оперативно-розыскной деятельности.

1. *Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации*. URL: <http://mvd.ru/> (дата обращения: 18.11.2016).

2. Басков В.И. *Оперативно-розыскная деятельность*. М., 2011.

3. Колмогоров В.В. *Следствие ищет новые пути борьбы с преступностью* // *Рос. юстиция*. 2000. № 3.

4. Гришин А.И. *Уголовно-процессуальные проблемы начального этапа расследования по делам об организованных преступных группах* // *Социально-экономические, правовые, оперативно-розыскные и экспертно-криминалистические проблемы борьбы с организованной преступностью: материалы науч.-практ. конф.: в 2 ч. Саратов, 2014. Ч. 2.*

5. Черкова М.Ю. *Особенности использования оперативно-розыскной информации при расследовании уголовного дела* // *Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России*. 2010. № 2. С. 127–135.

6. Виниченко И.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. *Правовая регламентация использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве* / ред. В.П. Сальников. СПб., 2014.

7. *Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. и доп. от 6 июля 2016 г.)*. Доступ из справ. правовой системы «Гарант». URL: <http://www.garant.ru>

1. *The official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. URL: <http://mvd.ru/> (date of access: 18.11.2016).

2. Baskov V.I. *Operative-search activity*. Moscow, 2011.

3. Kolmogorov V.V. *The investigation is looking for new ways to fight against crime* // *Russian justice*. 2000. № 3.

4. Grishin A.I. *Criminal procedural issues of the initial stage of the investigation of cases of organized criminal groups* // *The socio-economic, legal, operative-search and forensic problems of the fight against organized crime: proc. of sci. and pract. conf.: in 2 pt. Saratov, 2014. Pt. 2.*

5. Cherkova M.Yu. *Features of use of operative-search information in the investigation of the criminal case* // *Bull. of Siberian institute of law of Russian MIA*. 2010. № 2. P. 127–135.

6. Vinichenko I.A., Zakhartsev S.I., Rokhlin V.I. *The legal regulation of the use of the results of operative-search activities in criminal proceedings* / ed. by V.P. Salnikov. St. Petersburg, 2014.

7. *On operative-search activities: fed. law d.d. Aug. 12, 1995 № 144-FL (as amended on July 6, 2016)*. Access from legal reference system «Garant». URL: <http://www.garant.ru>

Ищенко Станислав Андреевич

доктор юридических, педагогических наук, профессор,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79272173058)

Скребец Елизавета Сергеевна

Краснодарский университет МВД России
(e-mail: e_skrebets@mail.ru)

Административно-правовые методы предупреждения экстремизма, применяемые полицией

Геополитическая ситуация в мире выводит проблему экстремизма на передний план, что, в свою очередь, обостряет межкультурные, межнациональные и другие отношения. В данном контексте приоритетным является предупреждение совершения экстремистских действий. В связи с этим в статье уделено внимание мерам административного предупреждения принудительного характера в деятельности полиции по противодействию экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, безопасность, административно-правовой механизм, методы борьбы с экстремизмом, принудительные меры, меры административного предупреждения.

S.A. Ischenko, Doctor of Law, Pedagogics, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79272173058;

E.S. Skrebets, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: e_skrebets@mail.ru

Administrative-legal methods to prevent extremism, applied by the police

Geopolitical situation in the world puts the problems of extremism forward that aggravated intercultural, international and other relations. We consider that priority should be given to prevention of extremist actions commitment. In this connection the article pays a lot attention to measures of administration prevention of the despotic character in the police activity to counteract extremism.

Key words: extremism, security, administrative-legal mechanism, methods to fight with extremism, forced measures, measures of administrative prevention.

XXI в. ознаменовался политико-социальной, экономической нестабильностью в мире. Отразилось это как на российской действительности, так и на обществе. Данная обстановка сложилась также благодаря одной из наиболее сложных и важных проблем современного мирового сообщества, которая стремительно набирает обороты, – экстремизму. Особую опасность вызывает многообразие экстремистских проявлений, состав организаций экстремистской направленности, методы их конспирации, а также способы достижения поставленных и преследуемых целей, реализация идей и численность. Очевидно, что данное явление оказывает дестабилизирующее влияние на политическую, экономическую, социальную жизнь внутригосударственного устройства, а также всего мирового сообщества, посягает на права и свободы человека и гражданина, создает значительную угрозу основам конституционного строя.

Отметим, что Россия является многонациональным и многоконфессиональным государством. Поддержание межконфессионального и межнационального диалога занимает особое место в организации обеспечения гражданского мира и согласия. Данную задачу в Российской Федерации выполняют органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные учреждения и организации, граждане. В рассматриваемом контексте считаем, что приоритетное значение имеют совершенствование нормативно-правовой базы, целенаправленная правоприменительная практика, практическое и эффективное использование имеющихся рычагов воздействия на экстремистскую идеологию с целью оказания должного сопротивления экстремистским проявлениям.

Механизм правового регулирования представляет собой взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи кото-

рых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения [1, с. 30]. Считаем, что принцип комплексности в данном контексте будет носить наиболее эффективный характер.

Говоря об административно-правовом механизме противодействия экстремизму, следует отметить, что он включает в себя различные органы государственной власти. Особое, ключевое место в них занимают органы внутренних дел. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» возложил на полицию обязанность, которая выражается в предупреждении, выявлении и пресечении экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан [2].

Реализация данного механизма осуществляется при помощи методов управления. По мнению К.А. Кареевой-Попелковской, метод убеждения в рассматриваемом контексте применяется с целью изменения сознания убеждаемого в обратную положительную сторону. В то же время принуждение является противоположностью методу убеждения и включает в себя совокупность мер негативного воздействия, которые вынуждают субъект соответствующих правоотношений изменить свое поведение и подчиниться законным требованиям представителя власти [3, с. 24]. Таким образом, методы убеждения и принуждения при изучении института экстремизма составляют систему способов организационного воздействия государства и государственных органов на сознание и поведение людей.

Как указывает Ю.В. Сергеева в своем автореферате, метод убеждения формирует правомерное сознание, позволяющее добровольно выполнять предписанные правила поведения, воздействуя преимущественно средствами морального, нравственного характера. В результате такого воздействия человек воспринимает точку зрения убеждающего как свою собственную и, как правило, у него формируются взгляды, соответствующие мировоззрению убеждающего [4, с. 30]. По нашему мнению, данный метод является определяющим, его сущность состоит в воздействии на сознание и поведение людей с целью формирования у них правильных убеждений, понимания и осознания необходимости добровольного и добросовестного выполнения требований закона и других правовых норм, а содержание устанавливает комплекс конкретных мероприятий и средств данного влияния.

Методы убеждения как мера административно-правового противодействия экстремиз-

му занимают особое место, так как их реализация в основном носит профилактический, предупредительный характер.

Как справедливо отмечает А.С. Дугенец, «только когда убеждение и общественное воздействие (в том числе от имени саморегулируемых организаций) не приводит к положительным результатам и происходит отклонение поведения от установленного правопорядка, возникает необходимость применения метода принуждения, в том числе административного принуждения» [5, с. 267]. Принуждение непосредственно регламентировано правовыми нормами и применяется на базе убеждения, а, как известно, принуждение – это метод влияния государства на сознание и поведение людей, которые совершают противоправные действия.

С целью осуществления и поддержания режима противодействия экстремистским проявлениям полиция в своей деятельности применяет все виды административного принуждения, а именно: административно-предупредительные меры, меры административного пресечения, меры административно-процессуального обеспечения, меры административного наказания, административно-восстановительные меры.

Применительно к противодействию экстремизму административно-правовая деятельность полиции осуществляется с помощью целенаправленного влияния субъекта деятельности (сотрудники полиции) на объект деятельности, на волю людей. Влияние субъекта административной деятельности на волю объекта осуществляется различными приемами, способами – методами административной деятельности, указанными выше. Таким образом, метод – это способ практической реализации целей, задач и функций административной деятельности сотрудников полиции. Содержание метода дает возможность осознать, каким образом эффективнее и рациональнее достичь целей административной деятельности.

Методы в административной деятельности полиции в сфере противодействия экстремистским проявлениям так же, как и в других направлениях ее деятельности, призваны обеспечивать высокую эффективность деятельности сотрудников полиции, взаимодействие, целенаправленность.

Среди методов административного принуждения, благодаря своей профилактической направленности, административно-предупредительные меры, которые применяются подразделениями полиции и другими структурными подразделениями, занимают одно из приоритетных положений.

Меры административного предупреждения представляют собой в установленных законом случаях применение ограничений к гражданам и организациям, в чем и проявляется их принудительный характер, при этом фактически правонарушения отсутствуют. Соответственно, данные методы имеют четко профилактическую направленность, ориентированы на защиту интересов граждан и их безопасность, на недопущение совершения правонарушений.

Так, к примеру, А.П. Коренев считает, что «...под мерами административного предупреждения понимаются способы и средства, направленные на предупреждение правонарушений и недопущение их отрицательных, вредных последствий, а также на предотвращение наступления обстоятельств, угрожающих жизни и безопасности граждан или нормальной деятельности государственных органов, предприятий, учреждений и организаций» [6, с. 193]. Это в полной мере относится и к экстремизму.

Кодекс РФ об административных правонарушениях дает право сотрудникам полиции на применение принудительных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

В то же время Федеральный закон «О полиции» одним из направлений деятельности полиции определяет предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений.

Исходя из положений Федерального закона «О полиции», а также иных нормативных правовых актов в сфере предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений, в том числе экстремистского характера, считаем, что рассматриваемые меры являются достаточно разнообразными и разноплановыми. В частности, к таким мерам относятся следующие:

1. Проверять у граждан и должностных лиц документы, удостоверяющие личность (при наличии к тому достаточных оснований). Это позволяет сотрудникам полиции выявить лиц, скрывающихся от правосудия, в том числе и за преступления экстремистского характера, а также лиц, склонных к совершению данного преступления.

2. Осуществлять надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также осужденными к лишению свободы, в отношении которых исполнение приговора отсрочено. В сфере противодействия экстремизму данная мера позволяет осуществлять контроль за лицами, совершавшими преступления экстремистской направленности, склонными к

данным правонарушениям, и носит воспитательный и предупредительный характер.

3. Производить досмотр ручной клади и багажа пассажиров гражданских воздушных судов, а при необходимости – личный досмотр пассажиров, что связано с обеспечением безопасности граждан, охраной жизни и здоровья людей от противоправных действий экстремистского характера, а также способствует поиску и изъятию запрещенной литературы.

4. В целях защиты здоровья, жизни и имущества граждан не допускать их на отдельные участки местности и объекты, обязывать оставаться там или, наоборот, покинуть эти участки и объекты. Ограничение доступа граждан на отдельные участки позволит минимизировать количество вовлеченных в экстремистскую деятельность участников, а также количество возможных жертв от действий экстремистов.

5. Осматривать места хранения и использования огнестрельного оружия, боеприпасов к нему и взрывчатых материалов, а также любые другие объекты, где они обращаются. Контроль за оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ является мерой, позволяющей предупреждать и пресекать использование оружия экстремистами в своих целях.

6. При возникновении угрозы общественной безопасности временно ограничивать или запрещать движение транспорта и пешеходов на улицах и дорогах.

7. Останавливать транспортные средства и проверять документы на право пользования и управления ими, а также документы на транспортное средство и перевозимый груз.

8. С участием водителей или граждан, сопровождающих грузы, осуществлять осмотр транспортных средств и грузов.

9. Производить досмотр транспортных средств (при подозрении, что они используются в противоправных целях) и др.

Данные меры являются одними из основных и применяются сотрудниками полиции в период проведения общественных мероприятий: митингов, пикетирований, специальных операций и т.п. Направлены они на предупреждение перевозки запрещенной литературы, носящей экстремистский характер; на незаконную перевозку оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, используемых в преступных целях; на розыск лиц, скрывающихся от органов внутренних дел, а также на поиск угнанных автомобилей.

10. Освидетельствование медицинского состояния лиц. Как известно, в состоянии алкогольного, наркотического либо иного опьянения лица склонны к экстремальным поступкам.

Таким образом, во время возникновения массовых столкновений данные лица способны поддержать экстремистов в их агрессивных, антиконституционных действиях, прибегнув к насилию.

11. Дача обязательных для исполнения предписаний о проведении профилактических мероприятий. Для эффективного противодействия проявлениям экстремизма в обществе считаем необходимым проведение профилактических, агитационных, разъяснительных мероприятий (беседы, распространение брошюр, памяток, содержащих информацию об экстремизме, его негативном влиянии на общественную и государственную безопасность, а также алгоритме действий в случае нахождения в массовом скоплении людей либо неуправляемой толпе).

Анализируя основной закон в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации – Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», обратим внимание на ст. 3 и 5 указанного закона. Статья 3 определяет основные направления противодействия экстремистской деятельности:

принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;

выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Статья 5 указанного закона гласит, что в целях противодействия экстремистской деятельности федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности [7]. В данном контексте, поскольку Россия является многонациональным государством, приоритетными являются профилактические меры, в том числе воспитательного и пропагандистского характера, направленные на предупреждение экстремистской деятельности.

Воспитательная мера применяется в основном к несовершеннолетним с целью перевоспитания лица, наделения его жизненно важными ценностями. При этом пропагандистская

заключается в распространении и освещении информации, которая носит рекомендательный, информационный либо просветительский характер.

Считаем необходимым в рамках осуществления административно-предупредительной деятельности сотрудникам полиции систематически принимать участие в осуществлении разъяснительной работы в образовательных учреждениях, учреждениях социальной направленности, проводить семинары, лекции, встречи с участием представителей религиозных, конфессиональных, национально-культурных, молодежных организаций. Что касается средств массовой информации, то считаем необходимым с их стороны повысить внимание к данной проблеме в порядке освещения деятельности полиции и к ее результатам в сфере противодействия экстремизму и межнациональным конфликтам. Таким образом, на наш взгляд, усилится информационно-пропагандистская работа. Систематический мониторинг печатных изданий, а также информационной сети Интернет позволит выявить и пресечь действия, направленные на возбуждение расовой, национальной и религиозной розни.

Из проведенного анализа законодательных и нормативно-правовых актов можно сделать вывод, что все они указывают на приоритет предупредительных мер в осуществлении противодействия преступлениям и правонарушениям, в частности рассматриваемому нами негативному явлению – экстремизму.

Меры административного предупреждения, по нашему мнению, являются одними из основополагающих и направлены на предотвращение и недопущение совершения правонарушений и преступлений, их негативных последствий для общества и государства, а также на предотвращение обстоятельств, которые представляют угрозу интересам, охраняемым государством, создание условий, которые способствуют ликвидации последствий таких угроз.

Общей формой предупреждения экстремизма органами внутренних дел являются комплексные профилактические операции, направленные на выявление криминогенных объектов и лиц, представляющих оперативный интерес, предотвращение и пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, обеспечение готовности сотрудников ОВД к слаженным действиям.

Вышеизложенные меры целенаправленно призваны обеспечить защиту граждан и госу-

дарства от негативного влияния и проявления экстремизма во всех сферах общественной, политической, религиозной жизни. Однако стоит отметить, что в настоящих реалиях и в условиях стремительно развивающегося общества, технологического прогресса лица, преследующие идеологию экстремизма, склонные к экстремизму и распространяющие данное явление в массы, активно используют вышеуказанное в своих преступных целях. Поэтому считаем,

что органы государственной власти, органы исполнительной власти, местного самоуправления, а также граждане и гражданская позиция должны совместными усилиями противодействовать проявлениям экстремизма в нашей жизни. Необходимым считаем использовать все возможности с целью установления источников финансирования экстремистской, а также террористической деятельности, пресечения их использования в совершении преступлений.

1. Алексеев С.С. *Механизм правового регулирования в социалистическом государстве*. М., 1966.

2. *О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.)*.

3. Кареева-Попелковская К.А. *Административно-правовое регулирование применения мер пресечения сотрудниками полиции Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2012.

4. Сергеева Ю.В. *Административно-правовое регулирование противодействия молодежному экстремизму органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2014.

5. Дугенец А.С. *Некоторые концептуальные вопросы административной ответственности в российском праве // Административное и административно-процессуальное право*. М., 2005. Ч. 2.

6. Корнев А.П. *Административное право России: учеб.: в 3 ч.* М., 1996. Ч. 1.

7. *О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ*.

1. *Alekseev S.S. Mechanism of legal regulation in the social state*. Moscow, 1966.

2. *About police: fed. law d.d. Febr. 7, 2011 № 3-FL (as amended on July 3, 2016)*.

3. *Kareeva-Popelkovskaya K.A. Administrative legal regulation of application of restriction measures by police employees of the Russian Federation: auth. abstr. ... Candidate of Law*. Moscow, 2012.

4. *Sergeeva Yu.V. Administrative legal regulation of the counteraction to youth extremism by Interior organs: auth. abstr. ... Candidate of Law*. Moscow, 2014.

5. *Dugenets A.S. Some conceptual issues of the administrative responsibility in Russian law // Administrative-procedural law*. Moscow, 2005. Pt. 2.

6. *Korenev A.P. Administrative law of Russia: textbook: in 3 pt*. Moscow, 1996. Pt. 1.

7. *About counteraction to extremist activity: fed. law d.d. July 25, 2002 № 114-FL*.

Чабан Евгений Александрович

кандидат юридических наук,

Российский государственный университет правосудия

(e-mail: kafedragpd@yandex.ru)

Современные проблемы дискреционности в процессе государственного управления

В статье рассматриваются проблемы административной дискреции при осуществлении административного правоприменения органами исполнительной власти в процессе управленческой деятельности. Делаются предложения, направленные на совершенствование нормативно-правового регулирования государственного управления, преследующие цель сокращения дискреции при реализации полномочий органами исполнительной власти.

Ключевые слова: государственное управление, дискреция, административное усмотрение, правоприменение, стадии применения норм права, административные нормы.

E.A. Chaban, Candidate of Law, Russian State University of Justice; e-mail: kafedragpd@yandex.ru

Modern problems of discretion in the process of public administration

This article discusses the problem of administrative discretion in carrying out administrative enforcement by bodies of executive authorities in the implementation of management activities. Proposals to improve the legal regulation of public administration, aimed at reducing discretion when implementing powers of the executive authorities are made.

Key words: governance, discretion, administrative discretion, law enforcement, stages of applying the rules of law, administrative rules.

Применение административно-правовых норм (административное правоприменение) осуществляется на каждой из стадий процесса государственного управления. Это обстоятельство требует дальнейшего изучения вопросов применения норм административного права и административного усмотрения в процессе управленческой деятельности субъектов государственного управления.

Вопрос о сущности правоприменительной деятельности наиболее полно рассмотрен А.П. Корневым, который отмечает, что она «состоит в действиях компетентных органов государства, должностных лиц по подведению конкретного, имеющего юридическое значение факта под соответствующую административно-правовую норму и принятию государственно-властного решения, т.е. в решении на основе административно-правовых норм индивидуально-конкретных управленческих дел» [1, с. 54]. Как видно из данного сущностного аспекта административного правоприменения, оно развивается по трем основным стадиям (этапам), которые в современной теоретической науке признаны на доктринальном уровне (об этом см. работы Н.И. Матузова, А.В. Малько, В.В. Оксамытного, В.М. Сырых, В.А. Юсупова, И.М. Чистякова и т.д.): стадия фактической оценки обстоятельств дела; стадия юридической квалификации дела и стадия принятия

решения по юридическому делу. В этом смысле Н.Н. Вопленко подчеркивал: «Правоприменительный процесс есть особая разновидность юридического процесса, под которым принято понимать систему логически взаимосвязанных действий и операций, в которой выражается государственная деятельность по изданию правовых актов, совершению юридически значимых поступков... Понятие юридического процесса выражает организационную сторону правоприменения, его элементы и основные стадии осуществления реализации правовых норм» [2, с. 29]. Очевидно, приведенный сущностный аспект правоприменения имеет важное практическое значение, но, вместе с тем, следует обратить внимание еще на один его фактор. Как обоснованно отмечает М.Е. Труфанов, правоприменение необходимо расценивать в контексте выделения «фактического и юридического элементов содержания правоприменительной деятельности. Такая дифференциация содержания позволяет избежать смешивания материального и юридического в правоприменительных отношениях» [3, с. 43]. Фактический и юридический аспекты административного правоприменения напрямую выводят нас на проблему связи административного правоприменения и процесса государственного управления. Как обоснованно отмечает В.А. Юсупов, «правоприменение яв-

ляется юридической формой исполнительно-распорядительной деятельности органов государственного управления. В процессе его вырабатываются правовые акты, содержание которых отражает особенности реализации отдельных функций управления» [4, с. 492]. Нам представляется, что фактический аспект правоприменения заключается в непосредственных действиях субъекта по реализации норм административного права в процессе государственного управления общественными делами. Юридический аспект выражается в правовом опосредовании возможности субъекта государственного управления действовать в соответствии с правовым предписанием, т.е. нормой административного права, которая закрепляет его компетенцию действовать или не действовать определенным образом. Именно на стыке фактического и юридического аспектов административного правоприменения возникает административное усмотрение. С другой стороны, в зависимости от функциональной природы применения права следует выделять оперативно-исполнительскую форму деятельности по административному применению норм права и охранительную (юрисдикционную) форму деятельности по применению норм административного права. Две основные формы применения норм административного права, предложенные Г.И. Петровым [5, с. 77], имеют важное методологическое значение для дальнейшего исследования данного процесса. Наиболее значимой, по нашему мнению, является именно оперативно-исполнительская форма административного правоприменения. Оперативно-исполнительская административная правоприменительная деятельность является основной формой правоприменительной деятельности органов государства по решению задач и осуществлению функций, стоящих перед исполнительной властью в Российской Федерации. В процессе оперативно-исполнительской правоприменительной деятельности принимаются как исходные, так и производные управленческие решения. «Исходные решения определяют стратегические цели управления, производные – цели, вытекающие из конкретных обстоятельств взаимодействия органов управления с управляемыми объектами. Если управленческое решение обусловлено конкретной ситуацией, то оно облекается в форму правоприменительного акта. Последний, в свою очередь, оказывает влияние на осуществление других функций управления и имеет организационное значение» [4, с. 484–485]. Как отмечает И. Сабо, «в процессе правоприменительной деятельности чаще всего вы-

рабатываются производные управленческие решения. Их создание обеспечивает конкретизацию норм права, образование, изменение или прекращение конкретных правоотношений» [6, с. 126]. В результате осуществления оперативно-исполнительской правоприменительной деятельности органы государственного управления вступают в организационные и регулятивные административно-правовые отношения, что еще раз подчеркивает связи административного правоприменения с процессом государственного управления. Именно указанные виды административно-правовых отношений являются той средой, где претворяется в жизнь административное усмотрение органа государственного управления в процессе принятия позитивного административного правоприменительного акта.

Соглашаясь с мнением о трехстадийном процессе применения норм права, который складывается из следующих стадий: 1) анализа фактических обстоятельств дела; 2) выбора юридической нормы, подлежащей применению (юридической квалификации дела); 3) принятия решения по юридическому делу, следует рассмотреть вопрос о соотношении стадий процесса административного правоприменения и стадий процесса административного усмотрения. Рассматривая правовое усмотрение в процессе реализации права, мы отмечали, что усмотрение характеризуется «следующими стадиями, которые проходит лицо для того, чтобы осуществить право в реальном общественном отношении и достичь социально полезного результата: а) стадия формирования у лица интереса, потребности, для удовлетворения которых субъект будет в будущем совершать правомерные деяния (действия или бездействия) (стадия интроспекции); б) стадия оценки действительности, реально существующих факторов, в которых находится субъект правового усмотрения (стадия оценки реальной действительности); в) стадия выбора возможного и дозволенного правом варианта будущего поведения на основе правосознания, правовой культуры и жизненного опыта субъекта правового усмотрения (стадия юридической оценки возможного поведения); г) стадия действия субъекта по реализации субъективного права в установленных формах (соблюдения, исполнения, использования и применения), направленного на изменение действительности (стадия осуществления правового усмотрения в реализации субъективного права)» [7, с. 27–28]. Как видно из предложенной системы стадий административного усмотрения, следует признать, что они не совпадают со стадиями

административного правоприменения. Данные процессы разные, административное усмотрение берет начало ранее, начинается ранее самого процесса правоприменения и предшествует ему. На основе предложенной системы стадий административного правоприменения может сложиться мнение о том, что административное правоприменение начинается лишь на последней из стадий административного усмотрения, а именно на стадии оценки реальной действительности. Однако это не так. Процесс административного усмотрения и правоприменения развивается во взаимосвязи, но административное усмотрение возникает ранее, а процесс административного правоприменения начинается лишь со второй стадии процесса усмотрения.

Административное усмотрение начинается со стадии интроспекции. Это означает, что у субъекта административного правоприменения формируются потребность и интерес в осуществлении нормы административного права. Такими субъектами, как мы ранее уже отмечали, являются органы исполнительной власти, иные государственные органы, в том числе органы управления, действующие внутри органов законодательной и судебной власти, государственные должностные лица, исполнительные органы и должностные лица местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные уполномоченные действовать от имени государства или муниципального образования организации и физические лица. Вместе с тем, в процессе административного усмотрения именно государственных и муниципальных служащих должны сформироваться потребность и интерес в осуществлении административного правоприменения на основании административного усмотрения. Потребность в данном случае выражается в необходимости государственного или муниципального служащего выполнить возложенные на него служебные обязанности, закрепленные в его должностном регламенте. Поэтому потребность государственного и муниципального служащего носит не личный характер, а является публичной потребностью, обусловленной обязанностью указанных лиц совершать действия (бездействовать) в соответствии с требованием законодательства о государственной и муниципальной службе. Интерес государственного и муниципального служащего как субъекта административного усмотрения и административного правоприменения также носит публичный характер. Категория «публичный интерес» тесно связана с целым рядом сходных понятий: «обществен-

ный интерес», «государственный интерес», «национальный интерес», «общественно значимый интерес» и т.п. Соотношение данных видов интересов не всегда лежит в плоскости права. Так, представляется, что общественный интерес и национальный интерес вообще не являются правовыми категориями. Понятие «общественный интерес» представляется нам явлением, лежащим у истоков формирования законного интереса. Государство, создавая систему объективных норм, формирует не только права и обязанности личности, но и ее законные интересы, которые выражаются в объективном праве. В свою очередь объективное право должно быть продуктом, отражающим интересы населения, проживающего на территории государства, т.е. общественные интересы. В связи с этим общественные интересы являются понятием скорее философским, социологическим, политическим, но не правовым. То же самое можно сказать и о категории «национальный интерес» с той лишь оговоркой, что данный интерес есть продукт не общества в целом, а определенной национальной общности людей. Однако национальный интерес может приобретать правовой характер, трансформируясь в понятие «государственный интерес». Публичный и государственный интерес, в отличие от общественного и национального интереса, не только вытекает из предписаний объективного права, но и подлежит правовой охране, защите и обеспечению. Правовая природа государственного интереса обусловлена еще и тем, что основной формой выражения данного интереса у государства может быть только позитивное (объективное) право. Вместе с тем, существует мнение о том, что государственного интереса не существует, так как у государства нет собственных потребностей и интересов [8, с. 91]. Однако нам представляется, что государственный интерес как вид публичного интереса имеет право на существование. «Полное соответствие общественных и государственных интересов – это никогда не достижимая цель, а лишь некий идеал, поскольку отношения “государство – общество” всегда заключают в себе определенные противоречия. И это связано с тем, что на формирование государственных интересов всегда оказывают влияние интересы определенных групп или отдельных лиц (партии, имеющей большинство в парламенте, государственных чиновников, представителей крупного бизнеса, международных институтов и т.д.). Смысл правового демократического государства свести эти влияния к минимуму» [9, с. 94–95]. Выделение государственного интереса как вида

публичного интереса обосновывается еще и тем, что само государство, его субъекты и муниципальные образования выступают весьма активной стороной в сфере публичных правоотношений, являясь необходимым субъектом таких отношений. Это позволяет выделять в системе государственных интересов интересы субъектов Федерации, муниципальных образований и отдельных государственных органов.

В современной отечественной юридической науке нет единства мнений по вопросу о соотношении публичного и государственного интереса. Так, Ю.А. Тихомиров определяет публичный интерес как «признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития» [10, с. 55]. Далее указанный автор отмечает, что «публичный интерес нельзя понимать только как интерес государства, отделенный от интересов граждан, корпораций и общества. Публичный интерес в нашем понимании есть общесоциальный интерес, отражающий в концентрированной форме весь спектр интересов в обществе» [11, с. 76]. А.В. Кряжков публичный интерес определяет как «юридически признанные интересы общества, находящиеся под защитой государства» [8, с. 91]. К.Ю. Тотьев отмечает, что публичный интерес есть «жизненно необходимое состояние больших социальных групп (включая общество в целом), обязанность по реализации (достижению, сохранению и развитию) которого лежит на государстве» [12, с. 25]. В.В. Ярков определяет публичный интерес как «охраняемый законом интерес общества, на страже которого стоит государство в лице уполномоченных на то органов» [13]. Приведенные подходы позволяют отметить следующие специфические особенности публичного интереса. Во-первых, публичный интерес следует понимать как интерес неопределенного круга лиц (общества, социальной группы и т.п.), т.е. интерес коллективный. Во-вторых, он должен быть юридически признанным и находящимся под защитой права и государства в лице уполномоченных органов. В-третьих, публичный интерес есть юридическое дозволение пользоваться благом (основной элемент) и защитой этого блага (формально-обеспечительный элемент). В связи с этим публичный интерес следует определить как волевое удовлетворение публичной потребности субъектом, выраженной в нормативно-правовом предписании, в виде юридической дозволенности или обязанности пользоваться или предоставить благо неопределенному кругу лиц (основной элемент) и

пользоваться защитой этого блага от неопределенного круга лиц (формально-обеспечительный элемент). Публичная же природа рассматриваемого интереса заключается в том, что, во-первых, данный интерес выражен в системе действующих позитивных правовых норм, исходящих от государства и им обеспеченных. Государство, создавая правовые предписания, формирует в них именно публичный интерес, так как опосредует этими нормами наиболее значимые для общества отношения. Эти нормативные предписания являются многократно применимыми неопределенным кругом субъектов, эталонными правилами поведения, в которых находит выражение правовой порядок общества. Во-вторых, государственный или муниципальный служащий в процессе административного усмотрения осуществляет именно публичный интерес путем исполнения служебных обязанностей, возложенных на него в нормативных правовых актах, закрепляющих их административно-правовой статус.

На стадии оценки реальной действительности происходит одновременное развитие и административного усмотрения, и правоприменения. Правоприменительная стадия фактической оценки обстоятельств дела обусловлена решением следующих вопросов: «1. Устанавливается возможность отнесения рассматриваемых общественных отношений к социально-правовой среде, урегулированность их правом. 2. Познается юридическая значимость исследуемых обстоятельств и конкретное место в предмете регулирования соответствующей отрасли права. 3. Выясняется личностный аспект подлежащего урегулированию общественного отношения. Осуществляется в этой связи сбор данных о личности субъектов, к которым применяется правовая норма. 4. Проводится работа по сбору, анализу и процессуальному закреплению доказательств, определяющих юридическую основу рассматриваемого дела. 5. Осуществляется юридическая оценка собранных доказательств и, таким образом, устанавливается объективная истина по делу» [2, с. 32]. Как видно из содержания стадии фактической оценки обстоятельств дела, происходит определение относимости имеющих место общественных отношений к среде правовой регламентации, определяется юридическая значимость происходящих общественных отношений, относимость их к подведомственности правоприменителя, оценивается круг субъектов исследуемых общественных отношений, происходят сбор, анализ, закрепление и проверка фактических данных, имеющих отношение к рассматриваемому админи-

стративному делу. И в завершение происходит мыслительный процесс по оценке собранных юридических фактов (доказательств) по административному делу, что позволяет сформулировать юридическую картину рассматриваемого административного дела. По мнению Н.Н. Вопленко, в завершение данной стадии правоприменения происходит «установление объективной истины по делу» [2, с. 32]. Нам представляется, что не следует путать то, что должно быть достигнуто субъектом правоприменения в процессе оценки фактических обстоятельств административного дела, и то, что реально получает субъект правоприменения. Нам представляется, что субъект административного правоприменения в результате фактической оценки обстоятельств административного дела устанавливает субъективную истину, т.е. формирует для себя фактическую картину рассматриваемого административного дела. Содержание рассматриваемой стадии административного правоприменения переплетается со стадией оценки реальной действительности как стадией административного усмотрения. Осуществляя административное усмотрение, государственный или муниципальный служащий оценивает систему общественных отношений в тех рамках, в которых он будет осуществлять правоприменение, выявляет юридическую природу этих отношений, т.е. определяет юридически значимые отношения, исследует и оценивает юридические факты и доказательства, касающиеся рассматриваемого административного дела, т.е. формирует в своем сознании ту реальную картину, состоящую из юридически значимых фактов, которая позволит в дальнейшем реализовать следующие стадии административного усмотрения и осуществить применение административно-правовой нормы.

Стадия выбора возможного и дозволенного правом варианта будущего поведения на основе правосознания, правовой культуры и жизненного опыта субъекта административного усмотрения (стадия юридической оценки возможного поведения) осуществляется в процессе юридической квалификации административного дела как стадии административного правоприменения. Н.Н. Вопленко в содержание указанной стадии включает следующие вопросы: «1. Выбор нормы материального права, подлежащей применению. 2. Выбор норм процессуального права, обслуживающих применение данной материально-правовой нормы. 3. Проверка подлинности и юридической значимости всех правовых норм. 4. Проверка правильности текста соответствующих норм

права. 5. Надлежащее истолкование выбранных правовых норм в целях их правильного применения» [2, с. 33]. Здесь следует подчеркнуть, что в процессе правоприменения четкой последовательности в стадиях правоприменения нет. Стадия фактической оценки обстоятельств административного дела осуществляется одновременно с подбором правовой материальной и процессуальной нормы, т.е. юридической квалификации административного дела. На рассматриваемой стадии административного правоприменения усмотрение начинается в процессе толкования выбранных материальных и процессуальных правовых норм. Именно в процессе толкования правовой нормы происходит реальное формирование интеллектуально-мыслительной деятельности субъекта административного усмотрения. Как указывает А.Ф. Черданцев, под «толкованием понимается, с одной стороны, определенный мыслительный (познавательный) процесс, направленный на объяснение знаковой системы, а с другой – результат этого процесса, выраженный в совокупности высказываний естественного языка, придающих указанной системе определенное значение (смысл)» [14, с. 5]. Далее, исследуя толкование норм права, А.Ф. Черданцев характеризует данный процесс через следующие свойства, раскрывающие сущностную сторону этого явления: а) толкование – опосредованное познание через мыслительный процесс, свойственный человеческой личности; «разновидностью мышления является толкование норм права» [14, с. 17]; б) толкование признается процессом объективным, т.е. основанным на объективности права как социального явления, и не зависит от интерпретатора; в) толкование есть процесс, подчиненный законам логики, т.е. «объективность этих законов при правильном их использовании и истинности исходной мысли предопределяет и истинность производной, выводной мысли» [14, с. 22]; г) толкование – диалектический процесс познания, т.е. «диалектика толкования как метода познания содержания норм права проявляется в совокупности способов толкования» [14, с. 28], которые естественно основываются на законах логики; д) толкование – субъективный процесс познания, т.е. «субъективный характер толкования предопределяется тем, что оно осуществляется определенным субъектом, который является носителем различных личных качеств: умственные способности, уровень индивидуального правосознания и морального сознания, объем индивидуального опыта, личные интересы» [14, с. 29]; е) толкование носит классово-политический характер [14, с. 17–34].

Очевидно, что предложенная система свойств толкования норм права несет определенную советскую идеологическую нагрузку, которая, к сожалению, имеет и современное значение, но с иным содержанием. В современной теоретической науке, исходя из естественно-исторического отношения к праву, сделана попытка сформулировать понятие толкования правовых норм как «познавательной деятельности, нацеленной на выявление объективного смысла, заключенного в норме правового явления, детерминированного современными потребностями общественного развития» [15, с. 12–13]. Представляется, что указанное определение такого процесса, как толкование правовых норм, ничего нового в ранее высказанные научные подходы не вносит. Мы считаем более предпочтительным определение толкования правовой нормы как «процесса выявления действительного содержания правовой нормы в целях ее реального осуществления» [16, с. 440]. Включение в определение толкования нормы права еще и разъяснения смысла и содержания правового предписания представляется необоснованным расширением данного процесса. Исходя из предложенного смысла толкования правовой нормы, можно сделать вывод, что административного усмотрения в данном процессе не может быть, так как субъект правоприменения должен установить для себя объективный смысл толкуемой правовой нормы. Вместе с тем, именно здесь зарождается возможность соотносить фактические обстоятельства административного дела с предписанием материальной и процессуальной административно-правовой нормы, смысл которого правоприменитель уяснил в процессе юридической квалификации административного дела. Именно на данной стадии процесса административного правоприменения рождается административный произвол, который выражается либо в неправильном уяснении смысла и содержания предписания правовой нормы, либо в умышленном искажении его содержания, исходя из целесообразности простоты, однообразности и желания чиновника применять право так, как ему привычно и желательно. Практика правоприменения в процессе государственного управления показывает, что в настоящее время на стадии юридической квалификации административного дела формируется либо стандартная форма разрешения административного дела, которая сформировалась в процессе административной практики деятельности государственных и муниципальных служащих и порой необосно-

ванно называется «чиновничьим обыкновением», либо неправильное понимание (уяснение) смысла правовой нормы, влекущее незаконный порядок рассмотрения и разрешения административного дела (возникновение административно-процессуального обыкновения, являющегося по своей сущности административным произволом).

Уяснение смысла административно-правовой нормы позволяет у субъекта административного правоприменения и усмотрения сформировать вариант возможного и дозволенного варианта поведения в будущем. Именно здесь появляется возможность административного усмотрения, основанного на уясненном смысле административно-правового предписания, подлежащего применению к конкретному административному делу.

Стадию принятия решения по административному делу следует признать ключевой стадией, где реализуется административное усмотрение государственного или муниципального служащего. В указанной стадии административного правоприменения одновременно осуществляется стадия действия субъекта по реализации субъективного права или юридической обязанности (полномочие служащего органа государственного управления) в форме применения нормы административного права (стадия осуществления правового усмотрения в реализации субъективного права). Осуществление стадии принятия правоприменительного решения выражается в форме правоприменительного акта или устного индивидуально-конкретного веления. В.А. Юсупов выделяет три важные составляющие акта правоприменения: 1) в нем обеспечивается воплощение в поведении органа государственного управления, должностных лиц и иных субъектов, сформулированных нормой права; 2) он является формой поднормативного правового регулирования управленческих отношений [4, с. 567–568]; 3) «акт применения, с одной стороны, выступает средством организации осуществления правовых норм, с другой (и в этом главная его социальная ценность) – средством осуществления процесса управления» [4, с. 568]. Административное усмотрение при принятии правоприменительного управленческого решения уполномоченным государственным или муниципальным служащим выражается в выборе на основе правовой нормы «необходимого, целесообразного, допустимого, полезного, значимого, разумного и нравственного» управленческого решения.

1. Коренев А.П. *Нормы административного права и их применение*. М., 1978.
  2. Вопленко Н.Н. *Реализация права: учеб. пособие*. Волгоград, 2001.
  3. Труфанов М.Е. *Применение норм административного права*. Ставрополь, 2011.
  4. Юсупов В.А. *Правоприменительная деятельность органов управления // Юсупов В.А. Труды по административному праву: в 3 т. М., 2011. Т. 1.*
  5. Петров Г.И. *Советское административное право. Часть общая*. Л., 1970.
  6. Сабо И. *Основы теории права*. М., 1974.
  7. Чабан Е.А. *Понятие, сущность и стадии осуществления правового усмотрения // Вестн. Евразийской академии административных наук*. 2012. № 4.
  8. Кряжков А.В. *Публичный интерес: предмет, понятие, виды, защита // Государство и право*. 1996. № 10.
  9. Курбатов А.Я. *Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности // «Черные дыры» в рос. законодательстве*. 2001. № 1.
  10. Тихомиров Ю.А. *Публичное право: учеб. М., 1995.*
  11. Тихомиров Ю.А. *Административное усмотрение и право // Журн. рос. права*. 2000. № 4.
  12. Тотьев К.Ю. *Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Государство и право*. 2002. № 9.
  13. *Комментарий к Арбитражно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.В. Яркова*. М., 2003.
  14. Черданцев А.Ф. *Толкование советского права*. М., 1979.
  15. Смирнов А.В., Манукян А.Г. *Толкование норм права: учеб.-практ. пособие*. М., 2008.
  16. Оксамытный В.В. *Теория государства и права: учеб. М., 2004.*
1. Korenev A.P. *Norms of administrative law and their application*. Moscow, 1978.
  2. Voplenko N.N. *Implementation of law: study aid*. Volgograd, 2001.
  3. Trufanov M.E. *Use of administrative law*. Stavropol, 2011.
  4. Yusupov V.A. *Law enforcement activity of administration organs // Yusupov V.A. Works on administrative law: in 3 vol. Moscow, 2011. Vol. 1.*
  5. Petrov G.I. *Soviet administrative law. General Part*. Leningrad, 1970.
  6. Sabo I. *The basics of the theory of law*. Moscow, 1974.
  7. Chaban E.A. *Concept, essence and implementation phase of the legal discretion // Bull. of the Eurasian academy of administrative sciences*. 2012. № 4.
  8. Kryazhkov A.V. *Public interest: subject, concept, types, protection // State and law*. 1996. № 10.
  9. Kurbatov A.Ya. *Theoretical framework of a combination of private and public interests in the legal regulation of business activities // «Black holes» in the Russian legislation*. 2001. № 1.
  10. Tikhomirov Yu.A. *Public law: textbook*. Moscow, 1995.
  11. Tikhomirov Yu.A. *Administrative discretion and law // Journal of Russian law*. 2000. № 4.
  12. Totyev K. Yu. *Public interest in legal doctrine and legislation // State and law*. 2002. № 9.
  13. *Commentary to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (article by article) / ed. by V.V. Yarkov*. Moscow, 2003.
  14. Cherdantsev A.F. *Interpretation of Soviet law*. Moscow, 1979.
  15. Smirnov A.V., Manukyan A.G. *Interpretation of law: study and practical manual*. Moscow, 2008.
  16. Oksamytny V.V. *Theory of state and law: textbook*. Moscow, 2004.

Булгаков Андрей Николаевич
 Краснодарский университет МВД России
 (тел.: +78612583770)

Возбуждение дела об административном правонарушении в области безопасности дорожного движения

В статье анализируется стадия возбуждения дела об административном правонарушении как начальная стадия производства по делам об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения по усложненной форме. Вносятся предложения, направленные на совершенствование нормативно-правового регулирования стадии возбуждения дела об административном правонарушении в области безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: возбуждение дела об административном правонарушении, административное расследование, предварительные административные процедуры, окончательные административные процедуры, административные действия.

A.N. Bulgakov, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583770.

The initiation of administrative proceedings of an offence in the field of road safety

The article analyses the stage of initiation of case on administrative offence as the initial stage of production for sophisticated form of proceedings on administrative offences in the area of road safety. Proposals aimed at improving the regulatory stage of proceedings on administrative violations in the field of road safety are made.

Key words: initiation of case on administrative offence, administrative inquiry, preliminary administrative procedures, final administrative procedures, administrative actions.

Усложненная форма производства по делам об административных правонарушениях складывается из стадий: а) возбуждения дела об административном правонарушении; б) административного расследования дела об административном правонарушении; в) рассмотрения дела об административном правонарушении; г) исполнения постановления по делу об административных правонарушениях; д) пересмотра постановления по делу об административном правонарушении. Эти стадии характерны и для усложненного производства по делам об административных правонарушениях в области обеспечения безопасности дорожного движения. Эффективное рассмотрение стадии административного расследования невозможно, если не обратить внимание на стадию возбуждения дела об административном правонарушении в области обеспечения безопасности дорожного движения. Приведенная стадия складывается из комплекса административно-юрисдикционных процедур (этапов), которые можно условно дифференцировать на предварительные административные процедуры и административные процедуры принятия решения (окончательные) о возбуждении административного

производства по усложненной форме. В приведенном смысле мы в определенной степени солидарны с О.А. Шевченко, выделяющим предварительные этапы возбуждения дела об административном правонарушении [1, с. 15]. Однако мы не считаем уместным согласиться с мнением приведенного автора о необходимости выделять самостоятельную стадию предварительной проверки до возбуждения дела об административном правонарушении по следующим основаниям. Во-первых, указанный автор выделяет в качестве этапов (административных процедур) стадии предварительной проверки до возбуждения дела об административном правонарушении такие их виды, как «1) получение информации об административном правонарушении (непосредственное обнаружение должностным лицом; поступление заявлений или сообщений об административном правонарушении; составление рапортов соответствующих должностных лиц; получение данных приборов фото-, видеодифференциации административных правонарушений и др.); 2) проверка и анализ данной информации; 3) установление поводов и оснований к возбуждению дела или принятие решения об отказе в возбуждении дела об ад-

министративном правонарушении; 4) процессуальное оформление» [1, с. 15]. Эти этапы не регламентируются нормами административно-процессуального законодательства, что не позволяет признать их элементами самостоятельной стадии указанного производства. Кроме этого они представляют собой по большей степени мыслительный процесс, предшествующий принятию решения о возбуждении дела об административном правонарушении. Во-вторых, приведенная стадия не имеет самостоятельной цели. Цель указанной стадии является одновременно целью стадии возбуждения дела об административных правонарушениях. В-третьих, последний из этапов предлагаемой О.А. Шевченко стадии производства совпадает с первым, нормативно определенным этапом стадии возбуждения дела об административном правонарушении, что, по нашему мнению, является недопустимым.

Нам представляется уместным признать, что стадия возбуждения дела об административном правонарушении в области обеспечения безопасности дорожного движения, осуществляемая по усложненной форме административного производства, складывается из административных процедур (этапов):

1) предварительных: а) административная процедура приема материалов, сообщений и заявлений о совершенном административном правонарушении в области безопасности дорожного движения или непосредственного обнаружения данных, указывающих на наличие события административного правонарушения (административная процедура получения поводов к возбуждению дела об административном правонарушении); б) административная процедура установления достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения (административная процедура установления достаточных оснований для возбуждения дела об административном правонарушении);

2) окончательные: а) административная процедура составления протокола осмотра места совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.24 и ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ (административная процедура фиксации доказательств совершения административного правонарушения); б) административная процедура принятия решения о возбуждении или отказе в возбуждении дела об административном правонарушении (административная процедура принятия решения); в) административная процедура прекращения

производства по делу до передачи дела об административном правонарушении на рассмотрение по существу; г) административная процедура направления дела об административном правонарушении для рассмотрения по подведомственности.

Для выявления особенностей административного производства по усложненной форме и предложения путей совершенствования административно-процессуального регулирования возбуждения дела об административном правонарушении в области безопасности дорожного движения необходимо проанализировать административные процедуры (этапы) данной стадии. В этой связи следует начать рассмотрение указанной стадии с административной процедуры приема материалов, сообщений и заявлений о совершенном административном правонарушении в области безопасности дорожного движения или непосредственного обнаружения должностным лицом органа обеспечения безопасности дорожного движения данных, указывающих на наличие события административного правонарушения в области дорожного движения. Данная административная процедура имеет небольшое нормативное правовое закрепление, но, вместе с тем, предполагает совершение уполномоченным лицом ГИБДД целого комплекса логических мыслительных операций, направленных на законную и обоснованную реализацию приведенной процедуры. Рассматриваемая нами процедура регламентируется нормами ч. 1–3 ст. 28.1 КоАП РФ, где, во-первых, определяется система поводов к возбуждению дела об административном правонарушении в области обеспечения безопасности дорожного движения, во-вторых, устанавливается необходимость приема и рассмотрения материалов, сообщений и заявлений о совершенном административном правонарушении в области безопасности дорожного движения (ч. 2 ст. 28.1 КоАП РФ), в-третьих, закрепляются положения о круге лиц, полномочных принять решение о возбуждении дела об административном правонарушении (ч. 3 ст. 28.1 КоАП РФ). Приведенные положения свидетельствуют, что рассматриваемая административная процедура регламентируется в весьма общих чертах. Следует отметить, что указанные процессуальные действия в рамках приведенной административно-юрисдикционной процедуры осуществляются вне зависимости от того, в рамках какой процессуальной формы будет в дальнейшем осуществляться административное производ-

ство. Однако следует признать, что практика деятельности должностных лиц ГИБДД, уполномоченных составлять протокол об административном правонарушении в области обеспечения безопасности дорожного движения, свидетельствует о необходимости нормативного уточнения положений ч. 2 ст. 28.1 КоАП РФ с целью преодоления нормативной неопределенности в правовом регулировании приема материалов, сообщений и заявлений о совершенном административном правонарушении в области безопасности дорожного движения. В связи с этим нами предлагается ч. 2 ст. 28.1 КоАП РФ изложить в следующей редакции: «Указанные в частях 1 и 1.1 настоящей статьи материалы, сообщения, заявления подлежат принятию и рассмотрению должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, в сроки, определенные ст. 28.5 настоящего Кодекса».

Следует отметить, что административно-процессуальный закон не регламентирует порядок действий должностного лица ГИБДД при непосредственном обнаружении достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения. Тем более, что указанный повод к возбуждению дела об административном правонарушении в области безопасности дорожного движения является самым распространенным. Так, по результатам проведенного нами анкетирования должностных лиц ГИБДД в Ставропольском и Краснодарском краях установлено, что непосредственное обнаружение признаков административного правонарушения стало поводом к возбуждению административного дела в области обеспечения безопасности дорожного движения в 84,7% случаев, заявления граждан и организаций – в 11,9%, материалы, поступившие по подведомственности из других органов, – в 3,4%.

Приведенные положения позволяют отметить, что ст. 28.1 КоАП РФ должна содержать следующие положения: «2.1. При непосредственном обнаружении должностным лицом, уполномоченным составлять протокол об административном правонарушении, достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, оно устанавливает круг источников доказательств, оценивает ситуацию, исходя из обстановки совершенного административного правонарушения, внутреннего убеждения и сформировавшегося профессионального опыта. Должностное лицо,

уполномоченное составлять протокол об административном правонарушении, при обнаружении достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, не вправе уклониться от совершения указанных административно-процессуальных действий».

Приведенные положения позволяют отметить, что при весьма ограниченной административно-процессуальной регламентации рассматриваемой административной процедуры она не направлена на определение процессуальной формы производства по делам об административных правонарушениях в области обеспечения безопасности дорожного движения. Необходимым условием, способствующим определению процессуальной формы производства по делам об административных правонарушениях в области обеспечения безопасности дорожного движения, служит административная процедура установления достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения. В науке административного права «данные, указывающие на наличие события административного правонарушения» достаточно обоснованно понимаются как основания для возбуждения дела об административном правонарушении. При этом одни ученые-административисты считают, что основания для возбуждения дела об административном правонарушении можно разделить на процессуальные и материальные [2, с. 33–34]. Другие не допускают деления оснований возбуждения дела об административном правонарушении на указанные виды [3, с. 47]. Проблема оснований возбуждения дела об административном правонарушении напрямую связана с вопросом оснований возникновения административной ответственности. В отечественной административно-правовой науке существуют как минимум три основных подхода к определению оснований возникновения административной ответственности. Такими основаниями признаются факт совершения административного правонарушения, наличие в действиях лица признаков состава административного правонарушения и так называемая комплексная точка зрения, включающая в себя фактическое (правонарушение), юридическое (выраженный в законе состав административного правонарушения) и процессуальное (принятое и вступившее в силу решение компетентного органа о наложении на лицо административного наказания) основания возникновения административной ответственности.

сти [4, с. 183–184]. При всей дискуссионности проблемы оснований возникновения административной ответственности следует признать, что наиболее целостно данный вопрос отражается в совокупности фактических, юридических и процессуальных оснований возникновения данного вида юридической ответственности. В связи с этим наиболее обоснованным является мнение тех ученых, которые делят основания возбуждения дела об административном правонарушении на материальные и процессуальные. В этом, в частности, воплощается взаимодействие между основаниями возникновения юридической ответственности и процессуальным ее началом, заключающимся в возбуждении данного дела уполномоченным должностным лицом органа исполнительной власти. В этой связи нам представляется, что при всей дискуссионности приведенных положений следует признать, что материальными основаниями возбуждения дела об административном правонарушении являются фактические данные, свидетельствующие о наличии или отсутствии в действиях лица признаков состава административного правонарушения в области обеспечения безопасности дорожного движения, выраженного в нормах действующего федерального административно-юрисдикционного (деликтного) закона. В свою очередь процессуальными основаниями возбуждения дела об административном правонарушении являются предусмотренные административно-процессуальным законом поводы к такому возбуждению и их процессуальное закрепление в форме окончательного решения о начале административного производства по данному административному правонарушению. В этом проявляется связь соответствия между административной процедурой приема материалов, сообщений и заявлений о совершенном административном правонарушении в области безопасности дорожного движения и административной процедурой установления достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения. При всей важности эффективной реализации административной процедуры установления достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, вместе с тем, законодательное регулирование данной процедуры в настоящее время оставляет желать лучшего, порождая при этом не только неопределенность, но и наличие пробелов такого правового регулирования. Поэтому следует согласиться с позицией Ю.В. Пивченко, которая

предлагает ч. 3 ст. 28.1 КоАП РФ дополнить положениями следующего содержания: «Основанием к возбуждению дела об административном правонарушении является совокупность достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения» [3, с. 198]; п. 3 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ изложить в следующей редакции: «...вынесения определения (постановления прокурора) о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования, предусмотренного ст. 28.7 настоящего Кодекса» [3, с. 198].

Положения приведенного проекта норм, регламентирующих административную процедуру установления достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, свидетельствуют, что именно при осуществлении этой процедуры решается вопрос об определении процессуальной формы рассматриваемого административно-юрисдикционного производства. В этой связи особую актуальность приобретает обязанность должностного лица ГИБДД, уполномоченного составлять протокол об административном правонарушении, осуществить объективную оценку поступившей информации, учитывать совокупность всех данных, свидетельствующих о признаках административного правонарушения, формировать необходимую систему тех данных, которые должны быть получены в ходе производства по делу об административном правонарушении, что, как следствие, позволит определиться с процессуальной формой такого производства. Проведенный опрос 98 практических работников подразделений ГИБДД Ставропольского и Краснодарского краев показывает, что 52 респондента (53,1% опрошенных) считают возбуждение производства по усложненной форме (административного расследования) с момента установления достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения. 46 респондентов (46,9% опрошенных) считают, что возбуждение производства по усложненной форме осуществляется при приеме материалов, сообщений и заявлений о совершенном административном правонарушении в области безопасности дорожного движения или непосредственном обнаружении данных, указывающих на наличие события административного правонарушения.

В проекте Кодекса РФ об административных правонарушениях, внесенного в Государственную Думу Федерального Собрания РФ группой

депутатов, предлагается одним из оснований для проведения административного расследования предусмотреть характер совершенного административного правонарушения. Данный подход к закреплению оснований для осуществления производства по делу об административном правонарушении по усложненной процессуальной форме имеет, по нашему мнению, как положительные, так и отрицательные моменты. К числу положительных следует отнести, во-первых, установление правовых пределов административной дискреции должностного лица при принятии решения о проведении административного расследования. Проведенный опрос 98 практических работников подразделений ГИБДД Ставропольского и Краснодарского края показывает, что большинство респондентов не считают основания для производства административного расследования чрезмерно предоставляющими административно-юрисдикционное усмотрение должностному лицу, уполномоченному принимать решение о его производстве. Однако число респондентов, склонных признавать чрезмерность административно-юрисдикционного усмотрения в указанном случае, составляет 14,3% опрошенных. Во-вторых, это позволит ограничить необоснованное возбуждение дела об административном правонарушении в усложненной процессуальной форме, что сократит время производства по делу об административном правонарушении в области обеспечения безопасности дорожного движения. Среди отрицательных моментов приведенного подхода к определению оснований для возбуждения административного расследования по делам об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения, по нашему мнению, следует отнести отсутствие учета фактических обстоятельств совершенного административного правонарушения. Ведь законное и обоснованное привлечение к административной ответственности лица, виновного в совершении административного правонарушения, вытекает из принципа законности при производстве по данной категории дел, что не может быть обеспечено посредством формального подхода к установлению материальной истины по делу об административном правонарушении. Нам представляется уместным учесть как положительные, так и отрицательные моменты административно-процессуального регулирования оснований возбуждения производства по усложненной процессуальной форме и предложить следу-

ющие направления совершенствования действующего административно-процессуального законодательства.

1. В настоящее время весьма насущной является проблема дифференциации административных правонарушений по их характеру, что необходимо, в том числе, и для обоснованного назначения административного наказания, где в норме ч. 2 и 3 ст. 4.1 КоАП РФ закрепляется требование о назначении административного наказания исходя из характера совершенного административного правонарушения. Однако до настоящего времени в действующем законодательстве характер административного правонарушения не определен. Нормативное закрепление характера совершенного административного правонарушения может служить и основанием для дифференциации процессуальной формы производства по делам об административных правонарушениях, как это предлагается в приведенном проекте КоАП РФ.

2. Норму ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ следует изложить, по нашему мнению, в следующей редакции: «1. В случаях, если после выявления законных поводов и достаточных оснований к возбуждению дела об административном правонарушении будет установлено, что указанное противоправное деяние по своему характеру является грубым или значительным административным правонарушением, либо требуется установление лица, подлежащего привлечению к административной ответственности, либо проведение экспертизы или иные процессуальные действия, требующие значительных временных затрат, должностное лицо, уполномоченное составлять протокол об административном правонарушении, выносит определение, а прокурор постановление о производстве административного расследования».

Таким образом, следует признать, что, осуществляя предварительные административные процедуры, должностное лицо ГИБДД, реализуя эти процедуры и осуществляя мыслительный процесс по оценке поводов и оснований для возбуждения дела об административном правонарушении, формирует собственное представление о процессуальной форме будущего производства по делу об административном правонарушении, в том числе в усложненной процессуальной форме, и, как следствие, осуществление в будущем стадии административного расследования.

Окончательные административные процедуры стадии возбуждения дела об административном правонарушении более многообразны

и содержательны, так как в рамках данных процедур решаются основные задачи и достигаются цели рассматриваемой стадии административного производства. При этом следует признать, что в системе указанных процедур выделяются обязательные и факультативные их виды. Так, к числу факультативных административных процедур, осуществляемых на стадии возбуждения дела об административном правонарушении, относится административная процедура составления протокола осмотра места совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.24 и ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ. Приведенная административная процедура регламентируется нормами ст. 28.1.1 КоАП РФ и применяется при совершении административного правонарушения в области обеспечения безопасности дорожного движения, что в совокупности с положениями ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ, определяющими сферы применения административного расследования, в том числе в области дорожного движения, позволяет признать, что протокол осмотра места совершения административного правонарушения должен составляться во всех случаях при принятии решения о проведении административного расследования. Однако данный протокол может быть составлен и в случаях совершения административного правонарушения, производство по которому будет осуществляться в обычной форме. Данная административная процедура складывается из оснований ее осуществления (ч. 1 ст. 28.1.1 КоАП РФ), сроков проведения (ч. 2 указанной статьи), круга субъектов, могущих осуществить данную процедуру (ч. 3), содержания и процессуального оформления данной процедуры (ч. 4 и 5), требований, предъявляемых к административной процедуре, и гарантий ее законности (ч. 6–9). Анализ дел об административных правонарушениях в области обеспечения безопасности дорожного движения, по которым проводилось административное расследование, свидетельствует, что протокол осмотра места совершения административного правонарушения в области дорожного движения составлялся во всех случаях, что свидетельствует об обязательности данной процедуры для административного расследования дел об административных правонарушениях в области обеспечения безопасности дорожного движения. При всем доказательственном значении протокола осмотра места дорожно-транспортного правонарушения и его значения как источника доказательств по указанной категории

дел следует, вместе с тем, признать, что его применение необоснованно ограничено указанием на ст. 12.24 и ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ. Нам представляется уместным ч. 1 рассматриваемой статьи изложить в следующей редакции: «1. В случае совершения административного правонарушения, предусмотренного статьей 12.24 или частью 2 статьи 12.30 настоящего Кодекса, а также в иных случаях проведения административного расследования правонарушений в области дорожного движения составляется протокол осмотра места совершения административного правонарушения».

Сформированное на предварительных административных процедурах собственное представление должностного лица ГИБДД о процессуальной форме дальнейшего производства по делу об административном правонарушении в области безопасности дорожного движения воплощается в рамках окончательной административной процедуры принятия решения о возбуждении или отказе в возбуждении дела об административном правонарушении и дальнейшем производстве по указанному делу в определенной процессуальной форме. Процессуальный момент, с которого дело об административном правонарушении считается возбужденным, определяется в ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ. По общему правилу решение о возбуждении дела об административном правонарушении оформляется протоколом об административном правонарушении (постановлением прокурора), протоколом о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении. В исключительных случаях дело возбуждается составлением протокола осмотра места совершения административного правонарушения, вынесением постановления по делу об административном правонарушении, предусмотренного ч. 1 или 3 ст. 28.6 КоАП РФ, вынесением определения о возбуждении дела об административном правонарушении при необходимости проведения административного расследования. Приведенные положения порождают неопределенность правового регулирования. В частности, в ситуациях, когда на месте совершения административного правонарушения составлен протокол осмотра данного места происшествия, что свидетельствует о возбуждении дела об административном правонарушении, и возникает потребность в производстве административного расследования. Практика показывает, что сотрудники ГИБДД в указанной ситуации выносят определение о необходимости

проведения административного расследования. Однако оно уже не порождает возбуждения дела об административном правонарушении, а выполняет функцию, указывающую на принятие решения об осуществлении производства по делу в усложненной процессуальной форме административного расследования дорожно-транспортного происшествия. Данную неопределенность следует устранить. В этой связи представляется уместным п. 4 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ изложить в следующей редакции: «4) вынесения определения о возбуждении дела об административном правонарушении при необходимости проведения административного расследования, предусмотренного статьей 28.7 настоящего Кодекса, при условии, если дело об административном правонарушении не возбуждено иным процессуальным актом». В науке высказывается весьма ошибочное мнение, в соответствии с которым «момент возбуждения дела об административном правонарушении определяется моментом совершения уполномоченным должностным лицом первого действия, относящегося к производству по делу об административном правонарушении, в том числе направленного на сбор доказательств, подтверждающих или опровергающих совершение административного правонарушения, а не момент процессуального оформления такого действия» [5, с. 543; 6, с. 65]. Это утверждение прямо противоречит указаниям нормы ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ, определяющей момент, с которого дело об административном правонарушении считается возбужденным [7; 8].

По общему правилу возбуждение дела об административном правонарушении осуществляется вынесением определения по форме, определенной ч. 3 ст. 28.7 КоАП РФ. Однако следует признать, что содержание определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования не предусматривает требований, направленных на обоснование необходимости применения такой процессуальной формы административного производства. Из системного толкования положений ч. 3 ст. 28.7 КоАП РФ можно сделать вывод о том, что обоснование применения усложненной процессуальной формы производства по делу об административном правонарушении вытекает из указания в определении: а) поводов для возбуждения дела об административном правонарушении; б) данных, указывающих на наличие события административного правонарушения;

в) статьи КоАП РФ либо закона субъекта Российской Федерации, предусматривающей административную ответственность за данное административное правонарушение. Такой подход к нормативному закреплению содержания определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования не может быть признан нормальным. Нам представляется уместным в ч. 3 ст. 28.7 КоАП РФ внести дополнения следующего содержания: после слов «данные, указывающие на наличие события административного правонарушения» добавить «мотивы, служащие основанием для проведения административного расследования». Опрос практических работников ГИБДД показал, что большинство респондентов высказались за необходимость мотивировать принятое решение о проведении административного расследования правонарушений в области безопасности дорожного движения.

Таким образом, при возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования по делам в области обеспечения безопасности дорожного движения административные процедуры прекращения производства по делу до передачи дела об административном правонарушении на рассмотрение по существу и направление дела об административном правонарушении для рассмотрения по подведомственности реализуются вне рамок стадии возбуждения дела об административных правонарушениях, а осуществляются по итогам проведенного административного расследования. Приведенные административные процедуры реализуются в рамках стадии возбуждения дела об административном правонарушении при условии осуществления производства по делу в обычной процессуальной форме. Эти положения свидетельствуют о неразрывной связи стадии возбуждения дела об административном правонарушении со стадией административного расследования, причем содержание первой из указанных стадий зависит именно от процессуальной формы производства по делу об административном правонарушении.

Таким образом, исследование вопросов стадии возбуждения дела об административном правонарушении позволяет сделать следующие выводы:

1) стадия возбуждения дела об административном правонарушении складывается из

предварительных и окончательных административных процедур (этапов) производства по делу об административном правонарушении;

2) решение о проведении административного расследования формируется при реализации предварительных административных процедур стадии возбуждения дела об административном правонарушении и находит воплощение в окончательных административных процедурах, в рамках которых принимается решение о проведении производства по делу об административном правонарушении в усложненной процессуальной форме (проведении административного расследования);

3) во избежание пробелов правового регулирования и нормативных неопределенностей институт возбуждения дела об административном правонарушении нуждается в нормативно-правовом совершенствовании, направленном на устранение указанных нормативных недостатков:

а) предлагается ч. 2 ст. 28.1 КоАП РФ изложить в следующей редакции: «Указанные в частях 1 и 1.1 настоящей статьи материалы, сообщения, заявления подлежат принятию и рассмотрению должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, в сроки, определенные ст. 28.5 настоящего Кодекса»;

б) ст. 28.1 КоАП РФ дополнить следующими положениями: «2.1. При непосредственном обнаружении должностным лицом, уполномоченным составлять протокол об административном правонарушении, достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, устанавливает круг источников доказательств, оценивает ситуацию, исходя из обстановки совершенного административного правонарушения, внутреннего убеждения и сформировавшегося профессионального опыта. Должностное лицо, уполномоченное составлять протокол об административном правонарушении, при обнаружении достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, не вправе уклониться от совершения указанных административно-процессуальных действий»;

в) следует согласиться с теми учеными, которые предлагают ч. 3 ст. 28.1 КоАП РФ дополнить положениями следующего содержания: «Основанием к возбуждению дела об административном правонарушении является совокупность достаточных данных, указывающих на наличие события административного

правонарушения»; п. 3 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ изложить в следующей редакции: «...вынесения определения (постановления прокурора) о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования, предусмотренного ст. 28.7 настоящего Кодекса»;

г) норму ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ нужно изложить в следующей редакции: «1. В случаях, если после выявления законных поводов и достаточных оснований к возбуждению дела об административном правонарушении будет установлено, что указанное противоправное деяние по своему характеру является грубым или значительным административным правонарушением, либо требуется установление лица, подлежащего привлечению к административной ответственности, либо проведение экспертизы или иные процессуальные действия, требующие значительных временных затрат, должностное лицо, уполномоченное составлять протокол об административном правонарушении, выносит определение, а прокурор постановление о производстве административного расследования»;

д) норму ч. 1 ст. 28.1.1 КоАП РФ изложить в следующей редакции: «1. В случае совершения административного правонарушения, предусмотренного статьей 12.24 или частью 2 статьи 12.30 настоящего Кодекса, а также в иных случаях проведения административного расследования правонарушений в области дорожного движения составляется протокол осмотра места совершения административного правонарушения»;

е) для преодоления неопределенности процессуального регулирования отношений по возбуждению дела об административном правонарушении, когда на месте совершения административного правонарушения составлен протокол осмотра данного места, что свидетельствует о возбуждении дела об административном правонарушении, также выносится определение о проведении административного расследования, что свидетельствует о том же; в связи с этим представляется уместным п. 4 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ изложить в следующей редакции: «4) вынесение определения о возбуждении дела об административном правонарушении при необходимости проведения административного расследования, предусмотренного статьей 28.7 настоящего Кодекса, при условии, если дело об административном правонарушении не возбуждено иным процессуальным актом».

1. Шевченко О.А. *Возбуждение и административное расследование дел об административных правонарушениях в области дорожного движения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.*

2. Бахрах Д.Н., Ренов Э.Н. *Производство по делам об административных правонарушениях: пособие для слушателей народных университетов. М., 1989.*

3. Пивченко Ю.В. *Возбуждение дела об административном правонарушении: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.*

4. Жеребцов А.Н. *Тенденции развития науки российского административного права: учеб. пособие. Краснодар, 2016.*

5. Бахрах Д.Н. *Административное право России: учеб. М., 2003.*

6. *Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под ред. В.В. Черникова, Ю.П. Соловья. М., 2002.*

7. Жеребцов А.Н. *Особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях, посягающих на миграционно-правовые отношения // Право и политика. 2009. № 6.*

8. Жеребцов А.Н. *Понятие и основные элементы механизма формирования и реализации правовой миграционной политики России // Рос. юстиция. 2007. № 4.*

1. Shevchenko O.A. *Initiation and administrative investigation of the cases on administrative offences in the area of road traffic: auth. abstr. ... Candidate of Law. Moscow, 2015.*

2. Bakhrakh D.N., Renov E.N. *Proceedings on cases about administrative offences: manual for students of the public universities. Moscow, 1989.*

3. Pivchenko Yu.V. *Initiation of the case on administrative offences: diss. ... Candidate of Law. Omsk, 2005.*

4. Zerebzov A.N. *Tendencies of development of science of Russian administrative law: study aid. Krasnodar, 2016.*

5. Bakhrakh D.N. *Administrative law in Russia: textbook. Moscow, 2003.*

6. *Commentary to the Code of the Russian Federation on Administrative Offences / ed. by V.V. Chernikov, Yu.P. Solovey. Moscow, 2002.*

7. Zherebtsov A.N. *Features of consideration cases on administrative offences encroaching on migration and legal relations // Law and policy. 2009. № 6.*

8. Zherebtsov A.N. *Concept and basic elements of the mechanism of formation and realization of legal migration policy of Russia // Russian justice. 2007. № 4.*

Карнаушенко Леонид Владимирович
 доктор исторических наук, профессор,
 Краснодарский университет МВД России
 (тел.: +78612583414)

Государство как социальный институт: проблемы теоретического и эмпирического анализа

Автор рассматривает государство как один из ключевых социальных институтов, функциональный репертуар которого является уникальным в социальной системе. Отмечает, что эвристический потенциал общественных наук в сфере анализа социального института государства в настоящее время раскрыт далеко не в полной мере. Указывает, что междисциплинарный характер анализа, противоречия, а иногда и конфликты теоретико-методологических позиций различных наук снижают эффективность процесса познания и диктуют необходимость поиска новых путей исследования социального института государства.

Ключевые слова: общество, социальная система, социальный институт, государство, социальная проблема, теоретический и эмпирический анализ.

L.V. Karnaushenko, Doctor of History, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

The state as a social institution: the problems of theoretical and empirical analysis

The author deals with the state as one of the key social institutions, which has unique functional repertoire in the social system. He notes that the heuristic potential of the social sciences in the field of analysis of the social institution of the state is currently not disclosed in full. The author shows that interdisciplinary nature of the analysis, the contradictions, and sometimes the conflict of theoretical and methodological positions of the various sciences reduce the effectiveness of the process of cognition and dictate the need to find new ways to study the social institution of the state.

Key words: society, social system, social institution, state, social problem, theoretical and empirical analysis.

Рассмотрение государства в качестве социального института предполагает обращение к междисциплинарной отрасли научного познания, в которой ведущие позиции занимает социологическая методология. Так, с точки зрения основателя социологии, французского ученого О. Конта, социальный институт – это механизм обеспечения в обществе солидарности и согласия. По мнению исследователя, «для новой науки порядок всегда составляет условие прогресса и обратно, прогресс является необходимой целью порядка» [1]. О. Конт рассматривал основные социальные институты (семью, государство, религию) с позиций их включения в процессы социальной интеграции и выполняемых при этом функций.

Английский социолог Г. Спенсер одним из первых глубоко проанализировал проблематику, связанную с функционированием социальных институтов. Для ученого институциональная структура представляется устойчивым механизмом самоорганизации совместной

жизни людей. Именно социальные институты способствуют трансформации асоциального по своей природе индивида в личность, т.е. «социальное существо», обладающее способностью к позитивным, консолидированным действиям и взаимодействиям. Г. Спенсер обосновал теорию о существовании различных групп социальных институтов, где доминирующую роль играют политические институты, обеспечивающие потребность обороны или завоевания, больше всего сплачивают общество [2]. Именно к таким социальным институтам исследователь относил и государство.

С точки зрения Э. Гидденса, социальные институты – это «скрепы, цементирующие социальную жизнь. Они являются главными жизнеобеспечивающими средствами организации жизни, которые люди создают в процессе взаимодействия друг с другом и посредством которых сохраняется и преемственность поколений» [3, с. 37].

Социальный институт занимает важное положение в любой социальной системе, так

как его функциональный репертуар позволяет, прежде всего, обеспечивать стабильность, предсказуемость и преемственность в развитии социума. Основное преимущество социального института по сравнению с другими социальными структурными элементами проявляется в упорядочивании социальных действий и взаимодействий, придании предсказуемого, прогнозируемого характера ключевым социальным процессам.

По мнению А.А. Грицанова, социальный институт – это механизм, обеспечивающий набор постоянно повторяющихся и воспроизводящихся социальных отношений и социальных практик людей (например, институт брака, институт семьи). Институциональные механизмы опираются как на кодифицированные своды законов, так и на нетематизированные правила (неформализованные, «скрытые», обнаруживающиеся при их нарушении), социальные нормы, ценности и идеалы, исторически присутствующие тому или иному обществу [4, с. 125].

С точки зрения исследователей, стабильность социума едва ли не в первую очередь определяется его стандартизацией. В связи с этим социальные институты в качестве одной из основных целей предполагают стандартизацию, упорядочивание действий и взаимодействий, основных социальных процессов. В свое время А. Радклиф-Браун указывал: «...я бы определил социальную функцию социально стандартизированного образа действия или образа мышления как его отношение к социальной структуре, в существование и продолжительность которой он вносит некий вклад» [5, р. 9–10].

И.М. Дзялошинский считает, что именно совокупность базовых институтов, определяющих основные формальные и неформальные нормы и правила жизнедеятельности людей, формирует институциональную матрицу, которая определяет спектр возможных траекторий развития общества [6, с. 3–5].

В структуре институциональной матрицы выделяется несколько основных социальных институтов, играющих наиболее важную роль в социуме. В частности, исследователи обращают внимание на формальные институты, в которых объем функций, средства и методы функционирования регулируются предписаниями законов или иных нормативных правовых актов, формально утвержденных распоряжений, установлений, правил, уставов и т.д. К формальным социальным институтам относятся и государство (функционирование таких институтов происходит на основе строго установ-

ленных формальных регламентов, негативных и позитивных санкций) [7, с. 132].

В центре внимания исследователей зачастую оказывается социальный институт государства, занимающий уникальное положение в обществе, функционально-ролевой репертуар которого обладает неповторимым своеобразием. Между тем институт государства охватывает не только политическую, но и другие сферы общественной жизни: социальную, духовную, экономическую. Именно поэтому представляет большую сложность локализация сферы социального института государства применительно к современной социальной системе, находящейся в стадии масштабных трансформаций.

По мнению Ф.И. Шаркова, государство является социальным институтом организации жизни людей, удовлетворяющим общественные потребности, сферой общего интереса (в отличие от гражданского общества, в основе которого лежит частный интерес), а также основным органом политической власти, руководящим всеми сферами общественной жизни и использующим при этом различные средства, в том числе принуждение [8]. Следует отметить, что функция принуждения людей к исполнению социальных норм (в частности, норм права) является уникальной и позволяет дифференцировать социальный институт государства от других формальных институтов.

С точки зрения Ф.И. Шаркова, государство как социальный институт характеризуется наличием цели своей деятельности, конкретными функциями, обеспечивающими достижение такой цели, набором социальных статусов и ролей, типичных для данного типа государства [8].

Ряд ученых обращает внимание на осуществление функций власти, где основную роль выполняет институт государства. По данному критерию представляется возможным четко дифференцировать институт государства в институциональной матрице. По мнению И.И. Грунтовского, государство как социальный институт выполняет функцию организации власти, которая немыслима без возможности применения насилия и ограничения действий членов общества, в рамках принимаемых государством норм и существующих моральных и нравственных норм. При всем разнообразии государственного, общественного устройства присутствуют два способа применения силы государства (государственное принуждение, насилие выступает как результат решения, принимаемого на соответствующем уровне самой властной структуры; властное принуждение выступает как результат решения, достиг-

нутаго третьей стороной путем сопоставления позиции государственного органа и противостоящего ему полноправного субъекта такого взаимодействия) [9].

Социальный институт государства, в отличие от других социальных институтов, обладает широким спектром инструментов не только для добровольного и осознанного сотрудничества людей во имя достижения социально значимых целей, но и принуждения к признаваемой целесообразной и общественно полезной деятельности. Подобным потенциалом властного насилия не характеризуется ни один социальный институт. Именно такая специфика социального института государства предопределяет его уникальное положение в социуме.

И.И. Грунтовский указывает на то обстоятельство, что государство как социально-политический институт обладает:

во-первых, монополией на нормирование отношений в обществе (законодательная власть);

во-вторых, монополией на регулирование общественных отношений вплоть до применения вооруженной силы (исполнительная власть);

в-третьих, монополией на разрешение социальных конфликтов (судебная власть) [9].

Анализ теоретических данных о социальном институте государства позволяет сформировать целостное представление о гносеологических и эвристических возможностях его научного анализа, оценить их перспективы. Следует подчеркнуть, что сложность научного анализа социального института государства обусловлена его сложным, многоуровневым характером. Поле теоретических и эмпирических индикаторов государства равномерно распределено не только собственно в политической сфере (государство, власть, право и т.п.), но и в других сферах – экономической, социальной, духовной. Казалось бы, духовная сфера демократического общества не представляет собой жесткий уровень локализации атрибутов социального института государства. Однако ошибочность данного тезиса подтверждает тот факт, что, например, политика, осуществляемая государством в отношении молодежи, регламентируется специальными законами, подзаконными актами и реализуется системой государственного управления. Как известно, в основе этой политики – социализация и воспитание молодежи, воздействие на ее ценности, нормы, идеи, мировоззрение, а следовательно, на духовную культуру. При этом важность молодежной политики не ставится под сомне-

ние политиками, учеными, практическими работниками.

Таким образом, в исследовании социального института государства на современном этапе актуальными являются ряд теоретических и эмпирических проблем, имеющих преимущественно гносеологический и эвристический характер. В частности, проблемы фундаментального теоретического анализа социального института государства связаны с широким уровнем его локализации, охватывающим основные подсистемы общества. Современный глобальный информационный миропорядок существенно изменяет представления о локализации социального института государства, диктует необходимость пересмотра значительного числа теоретических концепций, созданных на протяжении XX в. и нуждающихся в определенной модернизации.

В частности, классические представления о суверенитете государства в глобальном информационном обществе испытывают необходимость корректировки, так как формируется единый миропорядок на основе информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий, где доминирующую роль играет сеть Интернет. В этих условиях государственные границы во многом утрачивают свое значение, поскольку речь идет о трансграничной межнациональной коммуникации, детерминирующей развитие глобализационных процессов. Основные векторы глобализации в XXI в. – экономический и культурный – «вскрывают» национальные границы, проникают в сферу государственного суверенитета, формируют установки космополитизма («мирового гражданства»). Именно поэтому внешние факторы функционирования социального института государства приобретают весьма важное значение в современном обществе и должны учитываться в процессе построения новых теорий или критического переосмысления прежних.

Еще большие сложности связаны с эмпирическим анализом социального института государства. Характер данного института априори предполагает сложный, многоуровневый, диверсифицированный характер с широким полем функциональных характеристик и атрибутов. В связи с этим следует отметить, что необходим существенный пересмотр нынешних методологических, методических и организационно-технических инструментов эмпирического познания социального института государства. Ситуация осложняется еще и тем, что скорости трансформационных процессов, затрагивающих основные институциональные

структуры, предполагают гораздо более оперативный эмпирический анализ социального института государства, чем это происходит на данный момент. К тому же негативным фактором процесса эмпирического познания государства выступает и то, что большинство методов, методик, инструментариев эмпирического анализа ориентированы на микросоциальную реальность, тогда как социальный институт государства во многом связан с более широкой – макросоциальной реальностью. Данное гносеологическое противоречие до настоящего времени не нашло должного отражения в научной литературе.

Резюмируя вышеперечисленные проблемы, следует отметить, что в начале XXI в. процесс теоретического и эмпирического познания социального института государства сталкивается с рядом проблем, от успешного решения которых зависит не только собственно прогресс

научной мысли, но и эффективность системы социального управления. Становится очевидным, что социальный институт государства, занимая ключевое положение в социальной системе, требует адекватного теоретического и эмпирического анализа, позволяющего создавать эффективные социально-инженерные модели, соответствующие реалиям начала XXI в.

Современная научная литература характеризуется некоторым дисбалансом в пользу более изученных, разработанных с теоретических и прикладных позиций социальных институтов. Однако сложность научного познания института государства не может позиционироваться как препятствие для дальнейших теоретико-прикладных изысканий. Именно в соединении возможностей теоретического и практического познания и видится нам перспектива развития обозначенной проблемной ситуации.

1. Конт О. *Общий обзор позитивизма* / пер. с фр. И.А. Шапиро; под ред. Э.Л. Радлова. 2-е изд. М., 2011.

2. Кон И.С. *Социологическая концепция Герберта Спенсера* // *История буржуазной социологии XIX – начала XX века* / под ред. И.С. Кона. М., 1979.

3. Гидденс Э. *Социология* / пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Посилевича. М., 1999.

4. Грицанов А.А. *Социология: энцикл.* Минск, 2003.

5. Radcliff-Brown A.R. *On social structure* // *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1940. 70. Vol 1. P. 9–10.

6. Дзялошинский И.М. *Коммуникационные стратегии социальных институтов в медиа-пространстве России: дис. ... д-ра филол. наук.* М., 2013.

7. Андреев Ю.П., Коржевская Н.М., Костина Н.Б. *Социальные институты: содержание, функции, структура.* Свердловск, 1989.

8. Шарков Ф.И. *Государство как социальный институт.* URL: <http://viperson.ru/articles/feliks-sharkov-gosudarstvo-kak-sotsialnyy-institut> (дата обращения: 05.12.2016).

9. Грунтовский И.И. *Государство и гражданское общество как основные социальные институты, влияющие на динамику престижа юридической профессии* // *Общество, государство, право.* 2014. Вып. 3.

1. Comte O. *An overview of the positivism* / transl. from French by I.A. Shapiro; ed. by E.L. Radlov. 2nd ed. Moscow, 2011.

2. Kon I.S. *Sociological concept of Herbert Spencer* // *History of bourgeois sociology of the XIX – early XX century* / ed. by I.S. Kon. Moscow, 1979.

3. Giddens E. *Sociology* / transl. from English; sci. ed. by V.A. Yadov; gen. ed. by L.S. Guryeva, L.N. Posilevich. Moscow, 1999.

4. Gritsanov A.A. *Sociology: encyclopedia.* Minsk, 2003.

5. Radcliff-Brown A.R. *On social structure* // *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1940. 70. Vol 1. P. 9–10.

6. Dzyaloshinsky I.M. *Communication strategies of social institutions in the media space of Russia: diss. ... Dr of Philology.* Moscow, 2013.

7. Andreev Yu.P., Korzhevskaya N.M., Kostina N.B. *Social institutions: the contents, functions, structure.* Sverdlovsk, 1989.

8. Sharkov F.I. *State as a social institution.* URL: <http://viperson.ru/articles/feliks-sharkov-gosudarstvo-kak-sotsialnyy-institut> (date of access: 05.12.2016).

9. Gruntovsky I.I. *State and civil society as the main social institutions that affect the dynamics of the prestige of the legal profession* // *Society, state, law.* 2014. Iss. 3.

Мордовцев Андрей Юрьевич

доктор юридических наук, профессор,
Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
(e-mail: Institute.law@vvsu.ru)

К вопросу об организационно-правовых основах деятельности института государственной службы в Российской империи

В статье рассматриваются некоторые аспекты организационно-правовых основ деятельности института государственной службы в Российской империи. Определяются общие тенденции законодательного регулирования, проводится краткая сравнительная характеристика государственной службы в органах судебной власти и гражданского ведомства. Указывается на отсутствие нормативного обеспечения дефиниций «государственная служба» и «государственный служащий» в актах служебного законодательства рассматриваемого временного периода.

Ключевые слова: государственная служба, институт государственной службы, Российская империя, органы власти.

A.Yu. Mordovtsev, Doctor of Law, Professor, Vladivostok State University of Economics and Service; e-mail: Institute.law@vvsu.ru

To the issue of organizational and legal bases of the activity of the institute of state service in the Russian Empire

In article some aspects of organization-legal bases of activities of institute of public service in the Russian Empire are considered. The author determined general tendencies of legislative regulation, and the short comparative characteristic of public service in judicial bodies and civil department is carried out. The attention to lack of standard providing definitions «public service» and «government employee» in acts of the office legislation of the considered temporary period is paid.

Key words: public service, institute of public service, Russian Empire, authorities.

Исторически сложилось так, что в Российском государстве на разных этапах развития государственно-правовой системы уделялось пристальное внимание совершенствованию проблем правового регулирования организационных и государственно-служебных отношений. Дореволюционное законодательство устанавливало, «что власть управления во всем ее пространстве принадлежит государю» [1, с. 71].

В литературе дореволюционного периода господствовала точка зрения, согласно которой организационно-правовая основа государственной службы рассматривалась в двух направлениях:

1) как особая деятельность, обеспечивающая исполнение задач и функций государства, возлагаемая на государственных служащих;

2) трудовая деятельность, тесно связанная с исполнением целей и задач государственного управления.

Например, И.Е. Андреевский, полагал, что по своей сущности государственная служба – «деятельность в государстве граждан, при-

званных быть органами государственной власти» [2, с. 466]. Таким образом, представители юридической науки рассматривали генезис государственной службы через приоритет государства над личностью служащего.

Официальная правовая позиция государства относительно природы государственной службы была установлена в Уставе о службе по определению от Правительства [3], который определял предназначение государственной службы как деятельность, основанную на принципе обязательности и совершаемую в интересах и от имени государства, направленную на осуществление определенных задач. С учетом этого государство возлагало на себя и, соответственно, на государственный аппарат достаточно многообразные функции, которые находили свое выражение в определенных формах: в форме деятельности законодательных органов власти, управленческо-исполнительных и судебных, имеющих свою структуру и аппарат, обеспечивающий организацию деятельности государственных органов.

Так, законодательные полномочия были всецело отнесены к компетенции императора: «...никакое место или правительство в государстве не может само собой устанавливать нового закона, и никакой закон не может иметь своего совершения без утверждения самодержавной власти».

В начале XIX в. в системе органов власти, содействующих работе главы государства Российского начал действовать Государственный совет, имевший полномочия совещательного характера в области законодательной власти.

Например, при разработке законопроектов их первоначальная редакция рассматривалась именно в Государственном совете. В последующем, при положительном заключении (одобрении) проекта, документ мог быть утвержден подписью императора. С 1906 г. в результате принятия новых Основных законов Российской империи функции по исполнению полномочий в сфере законодательной власти были разделены между императором и специальными представительными органами: Государственным советом и Государственной думой.

Следует отметить, что отечественное дореволюционное законодательство не определяет служебную деятельность в Государственном совете и Государственной думе как службу гражданскую. При этом содержание отдельных правовых норм позволяет нам сделать вывод о том, что служба в указанных государственных органах обладала рядом признаков гражданской службы, например:

- институт обязанностей;
- денежное содержание;
- поощрения;
- гарантии;

юридическая ответственность, применяемая к членам представительных органов за совершение ими противоправных деяний при исполнении своих должностных обязанностей.

Служебная деятельность канцелярий, иных вспомогательных подразделений Государственного совета и Государственной думы базировалась на общеправовых основаниях, реализуемых в отношении государственных служащих на основании Устава о службе по определению от Правительства. Полагаем, что указанное обстоятельство подтверждает факт того, что в аппаратах представительных органов власти служащие имели статус гражданских, одновременно обеспечивающих работу органов законодательной власти.

Распорядительные функции государственной власти были сосредоточены в компетен-

ции императора и у лиц, действующих от его имени и по его повелению.

Следует отметить, что исполнение административных и управленческих задач возлагалось на различные учреждения. Служба в подобных учреждениях называлась законом как «служба по общегражданским ведомствам» [4, с. 335].

Служебное законодательство определяло для служащих в распорядительных органах схожий административно-правовой статус, как и для служащих гражданского ведомства. Примером может служить особая служебная дисциплина, основанная на принципе подчинения низших по должности чиновников высшим; круг полномочий, предоставляемых начальнику по отношению к подчиненным; осуществление надзорных и контрольных функций в отношении подчиненных и др. Кроме того, это подтверждается и тем, что служба по «общегражданским ведомствам» была ограничена для купцов, мещан, представителей иных сословий [5, с. 22].

Представляет интерес сравнение государственной службы гражданского ведомства и государственной службы судебного ведомства.

В первой половине XIX в. на территории Российской империи действовали судебные учреждения, выполняющие ряд функций: нижние суды, управы благочиния. Иные учреждения обладали лишь судебными полномочиями: судебные палаты по гражданским делам, совестные суды и т.д.

С началом проведения Судебной реформы 1864 г. было несколько изменено правовое положение служащих судебного ведомства. С этого момента Учреждение судебных установлений отделяло судебные органы в независимую, самостоятельную систему государственных органов, наделенных эксклюзивными полномочиями по отправлению правосудия. Так, полномочия в сфере судебной власти осуществляли мировые судьи, съезды мировых судей, окружные суды, судебные палаты и Правительствующий Сенат.

Немаловажным фактором, влияющим на становление института государственной службы, являлось отсутствие легальной правовой дефиниции «государственная служба», а также понятия «государственный служащий».

С точки зрения А.Д. Градовского, под государственными служащими следовало понимать лиц, получивших свое «назначение или утверждение на государственную службу» или от главы правительства, или от того лица, «к которому верховная власть делегировала это

право» и кто сам «ощутил одно из прав государственного верховенства» [5, с. 50–51].

Государственная служба, как один из центральных элементов системы государства, по мнению представителей дореволюционной научной доктрины, обладала следующими признаками:

а) служащий – самостоятельный орган государства;

б) нормативно определенная деятельность в законодательно установленных рамках;

в) наличие строго регламентированных служебных отношений между служащими и руководством;

г) наличие особого административно-правового статуса [2, с. 466–468].

Обратим внимание на то, что численность государственного управленческого аппарата с каждым десятилетием только увеличивалось. Уже в 1897 г. общее число государственных служащих было более 435000 чел.

Отметим, что к числу государственных служащих причисляли: служащих в административных учреждениях, работников науки, образования, медицины, технической сферы (инженеров), послов, служащих посольств, сотрудников пограничной стражи, таможенной службы, свя-

щенников, сельских старост, актеров, служащих казенных театров, служащих музеев.

Столь разнообразный состав дореволюционного чиновничества предполагал классификацию на основании рангов. В принятой Петром I Табели о рангах до 1917 г. определялась система рангов и предусматривались специальные критерии, качества, которыми должны были обладать служащие более высоких рангов. Самым высоким считался ранг I класса, позволяющий служащему обладать особыми правами и привилегиями [6, с. 127]. Действовал принцип: чем выше чин, тем больше привилегий. Каждый чиновник проходил всю лестницу рангов, начиная с низшего.

Таким образом, подходы к регламентации организационно-правовых основ института государственной службы в Российской империи свидетельствуют о формировании базисных основ правового регулирования института государственной службы в дореволюционный период развития государства и права, действовавшего до 1917 г. Дореволюционная система служебно-правовых предписаний легла в основу формирования служебного права современной России в 90-х гг. XX в.

1. Волочкова М.Е. *Институт государственной гражданской службы Российской Империи: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.*

2. Андреевский И.Е. *Русское государственное право. СПб., 1866.*

3. *Свод законов Российской империи. СПб., 1906. Т. I. Ч. II.*

4. Коркунов Н.М. *Русское государственное право. Т. II. Часть Особенная. 6-е изд. СПб., 1909.*

5. Градовский А.Д. *Высшая администрация России XVIII века и Генерал-прокуроры. СПб., 1866. Т. 2.*

6. Троицкий С.М. *Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974.*

1. *Volochkova M.E. Institute of the public civil service of the Russian Empire: diss. ... Candidate of Law. Moscow, 2010.*

2. *Andreevsky I.E. Russian state law. St. Petersburg, 1866.*

3. *Compiled laws of the Russian Empire. St. Petersburg, 1906. Vol. I. Pt. II.*

4. *Korkunov N.M. Russian state law. Vol. II. Part Special. 6th ed. St. Petersburg, 1909.*

5. *Gradovsky A.D. The highest administration of Russia of the 18th century and General prosecutors. St. Petersburg, 1866. Vol. 2.*

6. *Troitsky S.M. The Russian absolutism and the nobility in the 18th century. Moscow, 1974.*

Грибанов Евгений Викторович

кандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612583563)

Яблонский Иван Владимирович

кандидат исторических наук,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612583414)

Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: историко-правовые основания и характеристика

В статье рассмотрены историко-правовые основания и характеристика уголовной ответственности за реабилитацию нацизма. Раскрыто содержание ключевых понятий, используемых при конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма».

Ключевые слова: реабилитация нацизма, фашизм, фальсификация истории, уголовная ответственность, военные преступники, памятные даты, дни воинской славы, международный военный трибунал.

E.V. Gribanov, Candidate of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563;

I.V. Yablonsky, Candidate of History, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Criminal liability for rehabilitation of Nazism: historical and legal basis and characteristics

This article examines the historical and legal grounds and the characteristics of criminal responsibility for the rehabilitation of Nazism. Disclosed the contents of the key concepts used in the formation of a crime under art. 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Rehabilitation of Nazism».

Key words: rehabilitation of Nazism, fascism, falsification of history, criminal liability, war criminals, anniversaries, days of military glory, International Military Tribunal.

Право находит свое выражение не только в нормативных правовых актах, но и в совокупности проявлений юридического мышления и мировоззрения, правосознания и правовой культуры правоприменителей. Применение правовых норм является интеллектуальным процессом, в котором особенности правосознания и мировоззрения юриста, профессиональная подготовка и опыт во многом формируют результат толкования правовой нормы, квалификацию юридических фактов и отчасти предопределяют решение по делу. Принятие правильного решения правоприменителем зависит от его умения профессионально осуществить юридическое познание, убедительно и логично изложить юридическую аргументацию.

В ряде ситуаций необходимость применения закона обуславливает наличие нескольких возможных вариантов решения по делу ввиду наличия правовых предписаний

с относительно определенным содержанием, многозначности и сложности правового материала, оценочных и не устоявшихся в юридической практике элементов. Сказанное в полной мере следует отнести к характеристике уголовно-правовых норм, изложенных в ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма». На страницах юридической литературы широко представлена как дискуссия по данному вопросу, так и обширная критика большинства элементов состава преступления, закрепленных в рассматриваемых правовых нормах [1, с. 80–85; 2, с. 86–91; 3, с. 21–27]. Применение такого рода норм представляет сложность для практиков, имеет высокий риск допущения ошибок и привлечения невинных лиц к уголовной ответственности. Сам же правоприменительный процесс, направленный на реализацию такого рода норм, часто сопровождается повышенным общественным резонансом [4].

В такой ситуации важно формирование четкой нравственно-правовой позиции правоприменителя по исследуемому делу, основанной на профессиональном определении замысла законодателя, отраженного в уголовно-правовой норме, посредством юридического мышления, актуализируемого правовым сознанием в контексте конкретной ситуации. В связи с этим субъект правоприменения должен иметь четкое представление об историко-правовой характеристике проблем фальсификации истории, итогов Великой Отечественной войны и реабилитации нацизма.

Эти проблемы сегодня приобретают чрезвычайно высокую актуальность, о чем красноречиво свидетельствует повышенное внимание к данным вопросам как со стороны высшего руководства Российской Федерации, так и со стороны российского научного сообщества и представителей различных общественных организаций и объединений патриотической направленности.

По мнению Президента РФ В.В. Путина, попытки фальсифицировать историю Второй мировой войны направлены на то, чтобы лишить Россию статуса страны-победителя, рассорить и разделить народы, использовать исторические спекуляции в современных геополитических играх, эти попытки направлены на подрыв авторитета и силы Российской Федерации. «Иногда действительно язык не поворачивается, чтобы пересказать все эти бесстыдные выводы, наблюдения так называемые, не имеющие ничего общего с правдой. Их цель понятна – подточить силу и моральный авторитет современной России, лишить ее статуса страны-победителя со всеми вытекающими из этого международно-правовыми последствиями, разделить и рассорить народы, использовать исторические спекуляции в геополитических играх. Сегодня мы видим не только попытки, к сожалению, переиначить, исказить события той войны, но и циничную, ничем не прикрытую ложь, наглую очернительство целого поколения людей, отдавших практически все этой победе, отстоявших мир на земле», – отметил Президент на заседании оргкомитета празднования 70-летия Победы. По словам В.В. Путина, имеют место попытки «заложить в головы миллионов людей, прежде всего молодежи, совершенно опасные тенденции и извращенные представления об истории» [5].

Общей целью фальсификации российской истории в целом и истории Великой Отечественной войны в частности является стремле-

ние различных сил представить Россию новой «империей зла», в которой сильны многовековые традиции тирании и рабства, превратить ее в изгоя, изолировать от мирового сообщества, не позволить нашей стране динамично развиваться. Фальсификация истории и реабилитация нацизма направлены на лишение российского народа героического прошлого и исторической памяти.

Зачастую необоснованные попытки «пересмысления» истории Второй мировой и Великой Отечественной войн производятся путем игнорирования либо демонстративного отказа от соблюдения общепринятых принципов и методов исторических исследований, выработанных мировым научным сообществом. Для достижения цели фальсификации истории и реабилитации нацизма активно используются различные средства:

создаются и продвигаются в средствах массовой коммуникации, преимущественно в социальных сетях, исторические мифы, не имеющие ничего общего с исторической истиной;

производится изъятие из исторического контекста ряда спорных фактов, допускаются логические ошибки, вокруг которых выстраиваются заведомо ложные умозаключения;

вводятся без надлежащего научного обоснования новые понятия и термины, призванные заретушировать научную несостоятельность продвигаемых выводов;

производятся необоснованные манипуляции с историческими событиями и личностями.

Создатели такого контента ориентируются преимущественно на молодежь. Интерес к этой возрастной группе связан с ее социально-психологическими особенностями, которые делают молодежь крайне уязвимой перед внешним манипулятивным воздействием. Таким путем распространяется нацистская идеология. По данным криминологических исследований, с такого рода проявлениями сталкивались в социальных сетях 56,3% респондентов, среди них 16,8% – часто, 33,9% – время от времени, 49,3% – в единичных случаях. Из числа пользователей, часто сталкивающихся с пропагандой или публичным демонстрированием нацистской атрибутики или символики при пользовании социальными сетями, 34,1% встречают виртуальные объединения людей, разделяющих идеологию нацизма. В трети случаев с подобными материалами сталкиваются подростки в возрасте 16–17 лет [6, с. 66].

В качестве основных направлений фальсификации истории России и реабилитации нацизма выделяют следующие.

1. Возложение на Советский Союз и его историческую правопреемницу – Российскую Федерацию равной с нацистской Германией ответственности за развязывание агрессивной войны в Европе при одновременном снятии вины с Великобритании, США и других западных государств за попустительство, уступки и потакания агрессору в рамках так называемой «политики умиротворения».

2. Отрицание справедливого, всенародного и освободительного характера Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

3. Непризнание решающей роли СССР в победе над фашизмом, а также попытки лишить его статуса победителя.

4. Подмена понятия «освободительная миссия» Советского Союза на понятие «оккупация» восточноевропейских государств СССР или на «экспорт социализма» в страны Восточной и Центральной Европы.

5. Демонстрация Великой Отечественной войны как преступной и позорной, состоящей из одних неудач и поражений небоеспособной Красной Армии. Отрицание подвига советского народа – исторического, военного, нравственного, гуманистического.

6. Стремление враждебных России сил посредством фальсификации истории Великой Отечественной войны манипулировать общественным сознанием и политической ориентацией населения России, дестабилизировать обстановку, посеять рознь между народами и общественными силами, государствами, входившими в состав Советского Союза, ослабить их исторические связи, подорвать их безопасность, в том числе военную, добиться изоляции России от мирового сообщества [7].

Для достижения этих целей фальсификаторы истории используют разные формы и методы. В первую очередь современные средства массовой коммуникации.

В контексте рассматриваемых проблем необходимо помнить реальные факты, которыми оперирует историческая наука, опирающаяся на принцип научной объективности:

1. Именно фашистская Германия и ее союзники развязали Вторую мировую войну.

2. СССР, наряду с другими государствами, подвергся военной агрессии со стороны стран фашистского блока.

3. Великая Отечественная война оказалась вынужденной, она носила справедливый народно-освободительный характер.

4. Вклад Советского Союза в разгром нацистской Германии и ее союзников является решающим.

5. Нацизм, фашизм, а вместе с ними и милитаризм – это агрессивное зло, которое представляет реальную угрозу человеческой цивилизации во все времена.

6. Фашизм и нацизм не подлежат какому-либо оправданию и реабилитации.

7. Именно благодаря победе союзников и, прежде всего, СССР в самой кровопролитной и ожесточенной за всю мировую историю войне были спасены от неминуемого порабощения и физического уничтожения многие народы мира, их духовная и материальная культура. В результате общей победы стран антигитлеровской коалиции была ликвидирована опасность установления «нового нацистского порядка», несшего народам всего мира массовое истребление в концентрационных «лагерях смерти», а выжившим – жалкое существование под господством арийской расы. Поэтому закономерным явилось общемировое резкое моральное и юридическое осуждение преступной идеологии национал-социализма по отношению к другим народам и странам.

8. В послевоенное время на международной арене имели место кардинальные изменения в расстановке сил. Произошло окончательное крушение колониальных империй. Отныне был открыт путь к свободе, независимости и прогрессу стран Азии и Африки. Многими народами впервые был обретен национальный суверенитет, они стали участниками Организации Объединенных Наций. Международное право, наполнившись новым содержанием, получило колоссальный толчок в развитии. В целях недопущения масштабных конфликтов, в особенности мировых войн, были образованы принципиально новые международные организации с участием подавляющего большинства существующих государств.

Таким образом, в силу возрастающих масштабов фальсификации истории и реабилитации нацизма руководство Российской Федерации не могло себе позволить игнорировать нарастающую угрозу безопасности российскому обществу и государству. Важнейшей предупредительной мерой, направленной на активное противодействие данной угрозе, стало включение 5 мая 2014 г. в гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» Уголовного кодекса РФ новой нормы, воплощенной в ст. 354.1 «Реабилитация нацизма».

Данная статья предусматривает наступление уголовной ответственности за совершение одного или нескольких деяний: отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания

главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, совершенное публично; распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенное публично; распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, совершенное публично; осквернение символов воинской славы России, совершенное публично.

Устанавливая уголовную ответственность за указанные преступления, российский законодатель желает предупредить опасную тенденцию, имеющую место в ряде европейских стран, направленную на реабилитацию военных преступников, переоценку их преступной деятельности, признанной таковой приговором Международного военного трибунала, а также преуменьшение вклада СССР в совместную победу над гитлеровской Германией и подвигов советских воинов [8].

В связи с этим представляется уместным дать краткую историко-правовую характеристику содержанию некоторых понятий, нашедших отражение в тексте ст. 354.1 УК РФ: факты, установленные приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси; деятельность СССР в годы Второй мировой войны; дни воинской славы и памятные даты России, связанные с защитой Отечества; символы воинской славы России.

Дать правовую оценку многочисленным фактам преступлений, совершенных фашистами в годы Второй мировой войны, был призван проходивший в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Международный трибунал над главными немецкими военными преступниками. Документы и материалы, исследованные в ходе Нюрнбергского процесса, дают возможность получить необходимые для юридического анализа сведения.

На основании анализа текста приговора Международного военного трибунала преступными были признаны следующие действия руководства фашистской Германии: составление общего плана или заговора для совершения преступлений против мира; совершение конкретных преступлений против мира путем планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны против ряда государств (Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Франции, Югославии, Греции, СССР, США и др.); совершение

военных преступлений, выраженных в нарушении законов или обычаев войны (убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных; убийства заложников; разграбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень, опустошение, не оправданное военной необходимостью); совершение преступлений против человечности (убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения; преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам) [9, с. 566].

Кроме того, приговором Международного военного трибунала преступными были признаны следующие организации: руководящий состав нацистской партии (НСДАП); государственная тайная полиция (гестапо); служба безопасности рейхсфюрера СС (СД); охранные отряды национал-социалистской рабочей партии Германии (СС) [9, с. 567].

Главными военными преступниками были признаны следующие лица: Герман Вильгельм Геринг, Рудольф Гесс, Иоахим фон Риббентроп, Вильгельм Кейтель, Эрнст Кальтенбруннер, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Вильгельм Фрик, Юлиус Штрейхер, Вальтер Функ, Карл Денниц, Эрих Редер, Бальдур фон Ширах, Фриц Заукель, Альфред Йодль, Артур Зейс-Инкварт, Альберт Шпеер, Константин фон Нейрат, Мартин Борман [9, с. 720–721].

Необходимо дать соответствующие пояснения о том, какие государства в период Второй мировой войны относились к европейским странам оси. Так, в октябре 1936 г. Германия и Италия заключили соглашение о военнополитическом сотрудничестве, создав так называемую ось Берлин – Рим. Через месяц между Японией и Германией был подписан Антикоминтерновский пакт, к которому через год присоединилась Италия. Образовавшийся союз под флагом борьбы с коммунизмом развернул активную подготовку к войне за новый передел мира [10, с. 658; 11, с. 370]. Завершением формирования агрессивного блока или оси Рим – Берлин – Токио принято считать подписание 27 сентября 1940 г. Берлинского пакта, также известного как Тройственный пакт. Впоследствии к данному документу присоединился ряд зависимых от Японии и Германии государств (Болгария, Венгрия, Румыния, Словакия, Югославия, Хорватия, Таиланд, Маньчжоу-го, Китайская республика). Однако в широком смысле под странами оси, как пра-

вило, подразумевают все государства, которые вступили во Вторую мировую войну против стран Антигитлеровской коалиции, независимо от подписания данного пакта.

Таким образом, ведущими странами европейской оси выступили Германия и Италия, а в качестве главных военных преступников в приговоре Международного военного трибунала фигурируют представители исключительно гитлеровского режима.

Что касается деятельности СССР в годы Второй мировой войны, неоспоримым фактом является то, что именно Советский Союз подвергся военной агрессии со стороны фашистской Германии. Таким образом, Великая Отечественная война народов СССР против нацистской Германии и ее сателлитов, ставшая неотъемлемой и важнейшей частью Второй мировой войны, оказалась по своему характеру вынужденной, освободительной и справедливой. И именно Советскому Союзу принадлежит решающий вклад в разгром гитлеровской Германии и ее союзников.

Раскрывая содержание понятий «Дни воинской славы» и «Памятные даты России, связанные с защитой Отечества», необходимо обратиться к Федеральному закону от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России». Так, в преамбуле закона говорится: «История России богата знаменательными событиями. Во все века героизм, мужество воинов России, мощь и слава русского оружия были неотъемлемой частью величия Российского государства. Настоящий Федеральный закон устанавливает дни славы русского оружия – дни воинской славы (победные дни) России в ознаменование славных побед российских войск, которые сыграли решающую роль в истории России, и памятные даты в истории Отечества, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни государства и общества» [12].

Таким образом, в Российской Федерации установлены следующие дни воинской славы: 27 января – День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (1944 г.); 2 февраля – День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (1943 г.); 23 февраля – День защитника Отечества; 18 апреля – День победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере (Ледовое побоище, 1242 г.); 9 мая – День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (1945 г.); 7 июля – День победы русского флота над турецким флотом

в Чесменском сражении (1770 г.); 10 июля – День победы русской армии под командованием Петра Первого над шведами в Полтавском сражении (1709 г.); 9 августа – День первой в российской истории морской победы русского флота под командованием Петра Первого над шведами у мыса Гангут (1714 г.); 23 августа – День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве (1943 г.); 8 сентября – День Бородинского сражения русской армии под командованием М.И. Кутузова с французской армией (1812 г.); 11 сентября – День победы русской эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра (1790 г.); 21 сентября – День победы русских полков во главе с великим князем Дмитрием Донским над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве (1380 г.); 4 ноября – День народного единства; 7 ноября – День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 г.); 1 декабря – День победы русской эскадры под командованием П.С. Нахимова над турецкой эскадрой у мыса Синоп (1853 г.); 5 декабря – День начала контрнаступления советских войск против немецко-фашистских войск в битве под Москвой (1941 г.); 24 декабря – День взятия турецкой крепости Измаил русскими войсками под командованием А.В. Суворова (1790 г.) [12].

Из четырнадцати установленных в Российской Федерации памятных дат восемь так или иначе связаны с защитой Отечества: 15 февраля – День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества; 22 июня – День памяти и скорби – день начала Великой Отечественной войны (1941 г.); 29 июня – День партизан и подпольщиков; 1 августа – День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг.; 2 сентября – День окончания Второй мировой войны (1945 г.); 3 сентября – День солидарности в борьбе с терроризмом; 3 декабря – День Неизвестного Солдата; 9 декабря – День Героев Отечества [12].

Говоря о содержании понятия «Символы воинской славы России», необходимо отметить, что оно не имеет однозначного законодательного определения и является оценочным. Под подобными символами, на наш взгляд, следует понимать вещи, предметы, изображения, которые вызывают ассоциации с отвагой и военными победами России и СССР. Например, Знамя Победы, флаги воинских соединений, ордена и ме-

дали, георгиевскую ленту (как символ Победы в Великой Отечественной войне), памятники, братские захоронения, музейные комплексы и т.д.

Таким образом, проведенный анализ вносит необходимую ясность в понимание замысла законодателя при создании норм, выраженных в ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма». По-

знание историко-правовых оснований, положенных в основу криминализации рассматриваемых деяний, а также уяснение смысла ключевых понятий, использованных при конструировании данных составов преступлений, будут способствовать принятию правоприменителем решений, соответствующих духу и букве закона.

1. Розенко С.В. Реабилитация нацизма: новые основания уголовной ответственности // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2014. № 3(29).

2. Осипов М.Ю. О некоторых проблемах использования уголовно-правовой техники на примере статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» // Юрид. наука. 2014. № 2.

3. Червонных Е.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьей 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, и отдельные проблемы ее правоприменения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4.

4. Резник Г. Не могу понять, как юристы нашли здесь «реабилитацию нацизма». URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/74410.html> (дата обращения: 01.07.2016).

5. Заседание Российского оргкомитета «Победа». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47867> (дата обращения: 04.04.2016).

6. Соловьев В.С. Криминологическое исследование экстремистских проявлений в социальных сетях Интернета (по материалам интернет-опроса пользователей) // Юристы-Правоведь. 2016. № 5(78).

7. Передел истории: заказчики и исполнители. Заявление Национальной Ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных Сил «МЕГАПИР». URL: <http://www.vpk-news.ru/articles/23579> (дата обращения: 04.03.2016).

8. URL: <http://vladprok.ru/english/node/> (дата обращения: 26.06.2016).

9. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М., 1999. Т. 8.

10. Сахаров А.Н., Боханов А.Н., Шестаков Э.А. История России с древнейших времен до наших дней: учеб. / под ред. А.Н. Сахарова. М., 2012.

11. Всемирная история: учеб. для вузов / под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. М., 1997.

12. О днях воинской славы и памятных датах России: федер. закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5978/ (дата обращения: 26.06.2016).

1. Rozenko S.V. Rehabilitation of Nazism: new grounds of criminal responsibility // Jurisprudence and law enforcement practice. 2014. № 3(29).

2. Osipov M.Yu. Some problems in the use of the criminal law technology on the example of the article 354.1 of the Criminal Code «Rehabilitation of Nazism» // Jurisprudence. 2014. № 2.

3. Chervonnikh E.V. Criminally-legal characteristic of crimes under article 354.1 «Rehabilitation of Nazism» of the Criminal Code, and certain problems of its enforcement // Problems of law enforcement activity. 2015. № 4.

4. Reznik Henry I cannot understand how lawyers find here «rehabilitation of Nazism». URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/74410.html> (date of access: 01.07.2016).

5. Meeting the «Victory» Russian organizing committee. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47867> (date of access: 04.04.2016).

6. Solovyov V.S. Criminological research of extremism in social networks the Internet (based on online user survey) // Lawyer. 2016. № 5(78).

7. Redistribution of history: customers and performers. Statement by the National Association of the Armed Forces reserve officers association «MEGAPIR». URL: <http://www.vpk-news.ru/articles/23579> (date of access: 04.03.2016).

8. URL: <http://vladprok.ru/english/node/> (date of access: 26.06.2016).

9. The Nuremberg Trials: coll. of documents: in 8 vol. Moscow, 1999. Vol. 8.

10. Saharov A.N., Bokhanov A.N., Shestakov E.A. History of Russia from ancient times to the present day: textbook / ed. by A.N. Sakharov. Moscow, 2012.

11. World history: textbook for universities / ed. by G.B. Polyak, A.N. Markova. Moscow, 1997.

12. On the days of military glory and anniversaries of Russia: fed. law d.d. March 13, 1995 № 32-FL. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5978/ (date of access: 26.06.2016).

Гучетль Артур Азаматович
кандидат юридических наук

Самохина Галина Владимировна
кандидат исторических наук,
Московский гуманитарно-экономический университет

(e-mail: stuffedmonkey@list.ru)

Принципы института государственной службы в дореволюционной России

В статье анализируются основные принципы института государственной службы в России дореволюционного периода. Отмечается, что, хотя в значительном количестве научных работ исследуется правовая природа принципов института государственной службы, в историческом аспекте принципы института отечественной государственной службы рассматриваются редко. Это обусловило попытку авторов статьи провести их исторический анализ.

Ключевые слова: государственная служба, государственный служащий, принципы.

A.A. Guchetl, Candidate of Law;

G.V. Samohina, Candidate of History, Moscow Humanitarian Economic University: e-mail: stuffedmonkey@list.ru

The principles of institute of public service in pre-revolutionary Russia

Article is devoted to a research of the basic principles of institute of public service in Russia of the pre-revolutionary period. In scientific literature the legal nature of the principles of institute of public service is investigated, however in historical aspect the principles of institute of domestic public service are investigated seldom. In article an attempt to carry out the historical analysis of the basic principles of institute of public service in pre-revolutionary Russia is made.

Key words: public service, public servant, principles.

Принципами института государственной службы называются те фундаментальные идеи, установления, которые отражают объективные закономерности, ключевые пути реализации компетенции государственных служащих.

Полагаем, что историко-правовое исследование принципов института государственной службы предоставит возможность по-новому взглянуть на его правовую природу в рассматриваемый исторический период развития Российского государства.

Обратим внимание на то, что в законодательстве XVIII–XIX вв. принципы института государственной службы прямо не перечислялись. Анализ содержания Табели о рангах 1722 г. позволяет определить принцип публично-правового характера государственной службы. В Российском государстве была создана единая система государственной службы, что послужило фактором ее укрепления и развития. Данный факт отмечает Н. Филиппов: «Судьба наглядно показывает, как государственная идея службы, строго в табели проходившая, столкнувшись на

практике с принципом породы, отступила перед последним. Но несомненную заслугою Петра В. было именно это возвышение чисто государственного начала над частноправовым. Чем едва ли не целое столетие реформатор опережал свое время» [1, с. 55].

Принцип приоритета личной выслуги и профессиональных качеств чиновников. Данный принцип преследовал цель привнести «свежий дух» в систему органов государственного аппарата. При этом установление принципа приоритета профессиональных качеств служащих побуждал дворян постоянно самосовершенствоваться, поскольку они претендовали на служебное продвижение. С этого момента личные заслуги перед государством и царем стали выходить на второстепенный план.

Принцип привилегированности государственной службы. Привилегированность служебной деятельности четко прослеживалась в обществе в силу правового статуса чиновников, установленного Табелью о рангах. Полагаем, что это было одной из ключевых особенностей дореволюционной системы государственной

службы, отличающейся от модели, используемой в Московском государстве. Так, было установлено правило, по которому чиновники низшего ранга должны были почитать чиновников более высокого ранга. В случае нарушения данного правила к виновному лицу применялась санкция в виде штрафа.

Принцип приоритета прямых денежных выплат. Существовавший в России принцип прямых денежных выплат укреплял правовой и социальный статус чиновников, усиливал публичные начала самого института государственной службы XVIII в. Система «кормления от дел» привела к чрезмерным злоупотреблениям чиновников на местах и создавала условия для децентрализации государственной власти. Руководство страны преследовало цель поставить чиновников в условия, при которых они бы нуждались в экономической поддержке государства. С точки зрения законодателей, подобный подход способствовал бы укреплению центральной власти и формированию более функционально развитой системы контроля за деятельностью чиновничьего аппарата дореволюционной России.

Принцип иерархичности и чиновничества. Введение данного принципа – заслуга Табели о рангах 1722 г. [2]. Данный нормативный правовой акт установил систему должностей и чинов гражданского, военного и придворного ведомств на основе принципа иерархичности и принципа продвижения чиновников по служебной лестнице в зависимости от личной выслуги. В 14 классов Табели о рангах было включено 262 должности, которые были разбиты на три параллельных ряда чинов: военные – 126, гражданские – 94 и придворные – 42. При этом преференции предоставлялись военным чинам. Таким образом, Табель о рангах устанавливала приоритет военной службы перед иными видами службы, в первую очередь перед гражданской.

Принцип верности государству и монарху сводился к тому, что чиновник должен был быть способен встать на защиту интересов государства, отстаивая интересы и авторитет монарха. Исполнение принципа верности монарху стало возможным с введением института присяги на государственной службе. Принесение присяги было обязательным и при продвижении по служебной лестнице. Так, например, во времена правления Екатерины II чиновники давали клятву в «верной службе», обещали хранить тайну, следовать «инструкциям, указам и регламентам» и присяги не нарушать [3]. Преданность – та сила, которая обеспечивает

прочность «пирамидальной» конструкции власти. Такова общая характеристика принципа «преданности», характерного для иерархических систем [4, с. 97]. Основными инструментами принципа служебной преданности являются льготы и привилегии. Они определяют статус чиновников в иерархической системе государственного управления, ибо каждому статусу «положены» определенные льготы.

Принцип законности. Установление принципа законности на нормативно-правовом уровне произошло благодаря преобразованиям государственного аппарата в XVIII–XIX вв. Основная цель сводилась к тому, чтобы исполнение государственных полномочий происходило на основе единых, унифицированных правил, строго регламентированных законом. Именно руководство законом должно было быть обязательным критерием работы всех чиновников.

Эволюция системы принципов института государственной службы продолжалась и в первой половине XIX в.

Принцип единоначалия пришел на смену принципу коллегиальности. В начале XIX в. коллегиальное устройство превращается в господство канцеляризма, в бюрократический элемент, от задуманного Петром I не остается и следа. Александр I и его окружение были в поиске варианта модернизации административного аппарата. Обратим внимание на то, что М.М. Сперанский, проводя реформирование системы государственно-служебных отношений, изменил систему управления государственной службой на единоначальную, поскольку отдельными отраслями управления стали руководить профильные министры.

Принцип законности. На протяжении XVIII в. неоднократно создавались кодификационные учреждения (всего их было 9). Задачей комиссий было упорядочивание отечественного законодательства. Результатом их работы стала государственно-правовая модернизация в первой четверти XIX в., повлекшая создание Госсювета, издание Полного собрания свода законов (1830 г.) и свода законов (1833 г.) Российской империи. Впоследствии было систематизировано и законодательство о военной службе, объединенное в Свод военных постановлений (1839 г.).

Принцип системности кадрового обеспечения института государственной службы. Формирование принципа системности кадрового обеспечения служебной деятельности было обусловлено необходимостью соблюдения законности и осуществления служебной деятельности образованным в сфере права чи-

новничьим аппаратом. Коллегии и Сенат не покрывали кадровых потребностей института государственной службы. Преподавание юридических основ в Московском государственном университете, кадетских корпусах не решало недостатка кадрового состава в необходимом объеме [5].

Принцип социально-экономических гарантий государственных служащих. В XIX в. данный принцип достиг своего максимального расцвета в правоприменении, поскольку для чиновников всех уровней легальным источником существования стало жалование.

Принцип субординации. Сохраняет свое действие Табель о рангах, попытки пересмотреть или отменить ее не принесли результата, следовательно, иерархичность и чинопочитание в отношениях между чиновниками сохраняются. Замена коллегиального начала принципом единоначалия усилила вертикаль власти и сохранила иерархичность взаимоотношений на государственной службе.

Особой положительной оценки заслуживает установление принципа юридической ответ-

ственности государственных служащих. В XIX в. законодательная основа института юридической ответственности государственных служащих претерпела качественные изменения. Однако в указанный период отсутствовало четкое разграничение должностных проступков и преступлений, продолжало действовать Соборное уложение 1649 г., которое не соответствовало требованиям времени.

Таким образом, в XIX – начале XX в. эволюционирование принципов института государственных служащих было продолжено. Несомненным достоинством преобразований в указанной сфере стало то, что перечень принципов был расширен принципами социально-экономических гарантий статуса государственных служащих и юридической ответственности государственных служащих за совершение противоправных деяний в процессе осуществления должностных обязанностей. Подобная ситуация стала возможной только за счет того, что был сделан значительный шаг вперед в развитии нормативно-правовой базы, правовой культуры чиновников.

1. Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого. М., 1891.

2. ПСЗ. Т. VI. № 3890.

3. ПСЗ. Т. XVI. № 11601.

4. Захаров Н.Л. Социальные регуляторы деятельности российского государственного служащего. М., 2002.

5. Томсинов В.А. Развитие юриспруденции в России // Развитие русского права в России второй половины XVII–XVIII вв. М., 1999.

1. Filippov A. About punishment under Peter the Great legislation. Moscow, 1891.

2. Complete collection of laws. Vol. VI. № 3890.

3. Complete collection of laws. Vol. XVI. № 11601.

4. Zakharov N.L. Social regulators of activity of the Russian public servant. Moscow, 2002.

5. Tomsinov V. A. Development of law in Russia // Development of the Russian law in Russia of the second half of the XVII–XVIII centuries. Moscow, 1999.

Микитюк Юрий Васильевичкандидат исторических наук,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: kf.krdu@mvd.ru)

Организационно-правовые основы деятельности участковых инспекторов милиции в первой половине 1970-х годов

В статье рассмотрены организационные и правовые аспекты деятельности участковых инспекторов милиции в первой половине 1970-х гг. Проанализирован комплекс причин, повлиявших на реорганизацию органов милиции по охране общественного порядка, приведены их основные и вспомогательные права и обязанности. Представлены нормативные акты, регламентирующие деятельность участковых инспекторов милиции территориальных органов внутренних дел.

Ключевые слова: нормативный акт, органы внутренних дел, участковый инспектор милиции, охрана общественного порядка.

Yu.V. Mikityuk, Candidate of History, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kf.krdu@mvd.ru

Organizational and legal bases of militia inspectors' activity in the first half of the 1970s

The article deals with organizational and legal bases of militia divisional inspectors' activity in the first half of the 1970s. The complex of reasons causing reorganization of militia agencies in public order security sphere, basic and subsidiary rights and obligations are highlighted. The legislation specifying activity of militia divisional inspectors of territorial organs of the Interior is given.

Key words: regulation, interior bodies, militia divisional inspector, protection of public order.

Кардинальная перестройка управления экономической и социальной сферами нашего общества, его дальнейшая демократизация требуют усовершенствования государственного управления, укрепления правовой основы государственной и общественной жизни, законности и правопорядка. Обеспечить решение этих и смежных задач в первую очередь призваны органы внутренних дел, для чего в их структуре выделено специальное подразделение – служба участковых.

Служба участковых инспекторов полиции появилась в результате поиска новых форм деятельности органов внутренних дел в городах и получила нормативное оформление только после того, как доказала свою эффективность и необходимость. В процессе своего формирования и развития служба участковых претерпевала различные метаморфозы. Систематически пересматривалась ее роль в системе Министерства внутренних дел, изменялись наименования должностей соответствующих представителей органов внутренних дел. Однако при этом неизменным оставалось ее предназначение – защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, законных интересов общества и государства от противоправных посягательств, противодействие

преступности, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности [1, с. 5]. Иными словами, на всех этапах развития Российского государства служба участковых уполномоченных занимала важное место в системе органов внутренних дел.

В начале 1970-х гг. консервативные тенденции в СССР, ориентирующиеся в развитии народного хозяйства на такие приоритеты, как тяжелая промышленность и машиностроение, нефтяная и газовая промышленность, военно-промышленный комплекс, берут вверх над реформаторским либерализмом 1960-х гг. Одновременно в государстве происходит персонализация власти и укрепление позиций партийно-государственной верхушки, функции расширяющегося по составу ЦК КПСС все более переходят к его отделам и Политбюро.

В складывающихся условиях особенно актуальными становятся вопросы борьбы с преступностью и нарушениями общественного порядка, защиты прав, свобод и законных интересов советских граждан. КПСС выдвигает перед партийными и общественными организациями, органами государственной власти и органами местного самоуправления новую задачу – обеспечение эффективной охраны общественного порядка во всех населенных пунктах страны. В

те годы партия уделяла особое внимание совершенствованию деятельности органов безопасности и правопорядка. Это относилось, прежде всего, к деятельности органов внутренних дел, работа которых в новых условиях в значительной мере перестраивалась.

Укрепление общественного порядка в тот период становится вопросом государственной политики руководства страны, направленной на обеспечение нормальной социально-политической обстановки, которая складывалась в советских республиках и их регионах. В создании атмосферы нравственности, общественной дисциплины и взаимного уважения граждан на улицах и в других общественных местах советских городов и сел особая роль принадлежала подразделениям милиции по охране общественного порядка. Последние претерпели ряд изменений, направленных на дальнейшее совершенствование их деятельности, в том числе активизацию усилий их работников в преодолении таких негативных явлений в обществе, как пьянство и алкоголизм, тунеядство и получение нетрудовых доходов.

Первой службой территориальных органов внутренних дел, где начались коренные преобразования, стала служба участковых инспекторов милиции [2, с. 304]. Позитивные тенденции в этом направлении обозначились на рубеже 1960–1970-х гг., т.е. с того момента, когда начался интенсивный поиск новых организационных форм и методов охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, когда обновлялось нормативное правовое обеспечение деятельности милиции.

В феврале 1969 г. утверждается новая структура центрального аппарата МВД СССР. Вместо Главного управления милиции образуются самостоятельные структурные подразделения: управление административной службы милиции (с марта 1976 г. – Главное управление ООП), управление УР, управление БХСС, управление ГАИ, организационно-инспекторское управление и ряд других служб [3, с. 275].

Вместе с этим правительством страны принимаются специальные постановления для изменения подходов к организации работы участковых инспекторов милиции, улучшения их материального обеспечения. В принятых документах еще раз подчеркивается особая роль участковых инспекторов по борьбе с преступностью и правонарушителями как работников, которые на закрепленных за ними участках выполняли практически все основные функции, возложенные на советскую милицию, работали непосредственно среди населения.

Организация мониторинга состояния правопорядка на территории обслуживания, обеспечение оперативного предотвращения антиобщественных явлений различного генезиса потребовали принятия действенных мер по изменению подходов к организации работы участковых инспекторов милиции. В указанный период ключевое значение имели отсутствие необходимых правовых знаний и подготовки у участковых инспекторов, ошибки в применении ими законов и подзаконных актов, нарушения дисциплины и социалистической законности. Об этом говорилось в принятом 19 ноября 1968 г. совместном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению». В этом документе внимание акцентировалось на необходимости повышения интеллектуального уровня работников милиции, их культуры, профессионального мастерства, а также на широком использовании достижений науки и техники, организации научных методов управления в области борьбы с преступностью и охраны общественного порядка [4, с. 115]. На выполнение этого постановления была направлена Инструкция по службе участкового инспектора милиции, введенная в действие приказом МВД СССР от 29 июля 1970 г. В принятой Инструкции определялись права и обязанности участкового инспектора, порядок организации и несения службы на закрепленной территории. Кроме того, в документе указывалось на то, что на должности участковых инспекторов милиции должны были назначаться лица, имеющие юридическое образование, как минимум средней квалификации. Инструкцией также предусматривались меры по улучшению жилищно-бытовых условий участкового инспектора [5, с. 287].

Важное значение для дальнейшего укрепления правовых основ деятельности участковых инспекторов милиции имело утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 16 июня 1972 г. № 452 Положение о Министерстве внутренних дел СССР. К числу главных задач Министерства указанное Положение относило: обеспечение установленного общественного порядка, своевременное предупреждение и пресечение преступлений; быстрое и полное их раскрытие и расследование, всемерное содействие искоренению причин, порождающих преступления и иные антиобщественные действия.

Вместе с тем, в Положении подчеркивалось, что МВД СССР, наряду с осуществлением

функций, предусмотренных общим Положением о министерствах СССР:

осуществляет мероприятия по обеспечению своевременного предупреждения и пресечения преступлений и других антиобщественных действий;

организует профилактическую работу по предупреждению нарушений общественного порядка и других правонарушений;

вносит в министерства, ведомства, учреждения и организации предложения об устранении причин, порождающих преступления и иные нарушения правопорядка, и условий, способствующих их совершению;

ведет среди населения пропаганду по вопросам охраны общественного порядка и борьбы с правонарушениями.

Таким образом, с учетом необходимости поддерживать в стабильном состоянии оперативную обстановку актуализируется значение функционирования государственных структур, которые обеспечивают охрану общественного порядка непосредственно на территории города, района, села, улицы и т.д. Именно к таким подразделениям относится служба участковых. Последние обеспечивают в пределах своей компетенции организацию профилактической работы с лицами, состоящими на учетах в органах внутренних дел, предупреждения совершения с их стороны преступлений и других правонарушений с широким привлечением к этой работе населения и общественных формирований по охране общественного порядка.

В начале 1970-х гг. в Советском Союзе принимается ряд нормативных актов, направленных на совершенствование организации деятельности органов милиции. Основными задачами участковых инспекторов в соответствии с принятыми документами являлись: охрана общественного порядка, предупреждение и пресечение преступлений и других правонарушений, охрана социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций и учреждений от преступных посягательств [5, с. 289]. Документы разрабатывались применительно к реалиям тех лет, так как до их принятия правовая база деятельности участковых инспекторов милиции во многом основывалась на документах, принятых еще в предвоенные годы.

Так, летом 1973 г. Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР принимают: Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью», постановление

Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании правового регулирования деятельности советской милиции» и Положение о советской милиции.

К главным задачам милиции утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 8 июня 1973 г. № 385 Положение относилось:

а) обеспечение общественного порядка, предупреждение и пресечение преступлений и других правонарушений;

б) охрану социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций и учреждений от преступных посягательств и иных антиобщественных действий;

в) своевременное и полное раскрытие преступлений.

В Положении указывалось, что вся деятельность милиции основывалась на строжайшем соблюдении социалистической законности. Кроме этого, в Положении говорилось о том, что в деятельности милиции должны широко использоваться методы научной организации управления и труда, передовой опыт охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, а также новейшие достижения науки и техники. Отметим, что научное сопровождение оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел остается актуальным и сегодня [6].

Указанное выше Положение детально регламентировало права и обязанности милиции. В соответствии с поставленными перед ней задачами милиция должна была:

а) обеспечивать охрану общественного порядка на улицах, площадях, в парках, на транспортных магистралях, вокзалах, пристанях, в аэропортах и других общественных местах, в том числе при проведении различных массовых мероприятий и мероприятий по гражданской обороне;

б) обеспечивать охрану социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций и учреждений от преступных посягательств и иных антиобщественных действий;

в) проводить работу по предупреждению преступлений и других правонарушений, принимать необходимые меры по раскрытию преступлений;

г) выявлять причины, порождающие преступления и иные нарушения правопорядка, и условия, способствующие их совершению, принимать меры к устранению таких причин и условий;

д) принимать в установленном порядке необходимые меры по заявлениям граждан и

сообщениям должностных лиц о готовящихся или совершенных преступлениях;

е) обеспечивать своевременную регистрацию и учет совершенных преступлений;

ё) осуществлять в установленном порядке надзор за исполнением должностными лицами и гражданами решений органов государственной власти и государственного управления по вопросам охраны общественного порядка;

ж) вести совместно с другими государственными и общественными организациями борьбу с пьянством и иными антиобщественными явлениями;

з) выявлять лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни;

и) вести среди населения пропаганду по вопросам охраны общественного порядка и борьбы с правонарушениями [7, с. 277].

В целях обеспечения выполнения возложенных на нее обязанностей милиции предоставлялось право: требовать от граждан и должностных лиц соблюдения установленного общественного порядка; принимать меры к пресечению нарушений при невыполнении этих требований; составлять в предусмотренных законодательством случаях протоколы об административных правонарушениях; проверять у граждан паспорта и другие документы, удостоверяющие их личность; налагать штрафы и применять иные меры административного взыскания в соответствии с действующим законодательством; передавать материалы на лиц, допустивших нарушения общественного порядка и другие правонарушения, в народные суды, административные комиссии, товарищеские суды, трудовые коллективы и общественные организации для применения к нарушителям установленных мер воздействия; подвергать в необходимых случаях приводу в милицию лиц, систематически допускающих нарушения общественного порядка и другие правонарушения.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» также подчеркивалось, что в своей деятельности милиция основывается на строжайшем соблюдении социалистической законности. Милиция руководствовалась Конституцией СССР, конституциями союзных и автономных республик, законами СССР, союзных и автономных республик, указами Президиума Верховного Совета СССР, указами Президиумов Верховных Советов союзных и автоном-

ных республик, постановлениями и распоряжениями Совета Министров СССР, Советов Министров союзных и автономных республик, решениями и распоряжениями местных Советов народных депутатов и их исполнительных комитетов.

В соответствии с принятым Указом участковые инспекторы милиции всесторонне развивали общественные связи с широкими массами трудящихся, опирались в своей деятельности на их поддержку и помощь. Помимо этого, органы государственной власти и их должностные лица обязаны были оказывать участковым инспекторам милиции всестороннее содействие при осуществлении ими своих обязанностей по охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Особо в Указе подчеркивалось то, что работники милиции, назначаемые на должность участковых инспекторов, подлежали обязательному утверждению исполкомами районных, городских Советов народных депутатов.

Опыт развития страны в первой половине 1970-х гг., политическая и социально-экономическая обстановка в стране и регионах указывали на необходимость укрепления государственного управления в обеспечении правопорядка. Тенденции к укреплению государственности, усилению требовательности к органам безопасности и правопорядка в качестве социального заказа определялись в решениях партийных съездов. Участковые инспекторы милиции обязаны были усилить работу по выявлению причин преступности, разработать новые приемы по их устранению, активно использовать имеющиеся средства в борьбе с преступлениями. Основными источниками преступности при этом назывались пьянство, хулиганство, бесконтрольность антиобщественных элементов.

Особое внимание борьбе с пьянством, хулиганством и наркоманией, как первопричинами преступлений, было уделено в Указах Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство», Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 июня 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» и от 25 августа 1972 г. «О принудительном лечении и трудовом воспитании больных наркоманией». Данные документы регламентировали деятельность участковых инспекторов милиции по охране общественного порядка, борьбе с пьянством, алкоголизмом и наркоманией, борьбе с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда. В этих документах определялись меры пресечения и предупреж-

дения правонарушений, способствовавшие усилению борьбы с хулиганством и другими преступными проявлениями, подчеркивалась необходимость профилактической работы по предупреждению преступлений и установления связей с общественностью [7, с. 282].

Осуществление мер по укреплению социалистической законности и правопорядка в первой половине 1970-х гг., искоренение различного рода негативных явлений потребовали кардинального реформирования деятельности участковых инспекторов милиции, более эффективного использования потенциала этой службы в обеспечении общественной безопас-

ности, пресечении различного рода антиобщественных проявлений. Следует отметить, что за анализируемый период времени в стране была создана достаточно стабильная и спокойная обстановка, позволявшая советским гражданам безбоязненно отдыхать, посещать какие-либо места гуляний в городах и районах в любое время суток. Вместе с тем, задача снижения уровня преступности требовала дальнейшей оптимизации деятельности милиции по охране общественного порядка, принятия новых нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность участковых инспекторов милиции.

1. *Настольная книга участкового уполномоченного полиции: метод. пособие / под ред. С.И. Гирько, Ю.Н. Демидова. М., 2013.*

2. *Советская милиция: история и современность (1917–1987 гг.). М., 1987.*

3. *Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996.*

4. *Зайцев В.П., Туков В.В. 85 лет на страже правопорядка. Основные вехи и памятные события в истории органов внутренних дел России и Кубани (1917–2002 гг.): хронологический справочник. Краснодар, 2003.*

5. *Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995.*

6. *Дубко Ю.В., Буткевич С.А. Служебно-боевая деятельность органов внутренних дел: современное состояние и перспективы развития // Науч. вестн. Днепропетровск. гос. ун-та внутренних дел. 2010. № 2. С. 9–18.*

7. *Мулукеев Р.С., Мальгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел. М., 2005.*

1. *Handbook of the district commissioner of police: methodical manual / ed. by S.I. Girko, Yu.N. Demidov. Moscow, 2013.*

2. *Soviet militia: history and contemporary state (1917–1987). Moscow, 1987.*

3. *Interior bodies and troops of Russia. Brief historical essay. Moscow, 1996.*

4. *Zaytsev V.P., Tukov V.V. 85 years on guard of law and order. Basic stages and memorable events in the history of interior bodies of Russia and Kuban (1917–2002): chronological reference book. Krasnodar, 2003.*

5. *Police and militia of Russia: pages of history. Moscow, 1995.*

6. *Dubko Yu.V., Butkevich S.A. Official-military activity of the Internal Affairs Organs: current state and prospects of development // Sci. bull. of Dnepropetrovsk state university of Internal Affairs. 2010. № 2. P. 9–18.*

7. *Mulukaev R.S., Malgin A.Ya., Epifanov A.E. History of native interior bodies. Moscow, 2005.*

Мамитова Наталия Викторовна

доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
(e-mail: dekanat@migsu.ranepa.ru)

Особенности правового регулирования института государственной службы в зарубежных странах

В статье рассматриваются отличительные черты правового регулирования института государственной службы в зарубежных странах. Приводятся характеристики наиболее успешных правовых моделей института государственной службы в зарубежных странах (Соединенных Штатах Америки, Великобритании, Федеративной Республике Германия).

Ключевые слова: государственная служба, институт государственной службы, правовое регулирование, модель правового регулирования.

N.V. Mamitova, Doctor of Law, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: dekanat@migsu.ranepa.ru

Features of legal regulation of institute of public service in foreign countries

In article special features of legal regulation of institute of public service in foreign countries are considered. Characteristics of the most successful legal models of institute of public service in foreign countries (the United States of America, Great Britain, the Federal Republic of Germany) are provided.

Key words: public service, institute of public service, legal regulation, model of legal regulation.

На сегодняшний день практически все страны мира занимают активную позицию в рамках правового обеспечения института государственной службы. Положительной оценки заслуживает и то, что многие законодатели установили основы деятельности института государственной службы на конституционном уровне, в частности это относится к США, Франции, ФРГ. Например, подобные положения присутствуют в нормах Конституции Франции 1958 г., Основном законе Федеративной Республике Германия 1949 г. и др.

Представляет интерес и то обстоятельство, что законодательные источники носят постоянный характер (имеется в виду давность их действия), что говорит о достаточно высоком уровне законодательной техники соответствующих правовых источников, а также качестве нормотворчества. Как пример можно указать:

а) Закон США 1883 г. о гражданской службе (Закон Пендлтона);

б) Закон о гражданской службе Канады, принятый в 1908 г. (в 1967 г. гражданская служба переименована в государственную [публичную]); принятие закона положило конец практике организации государственной службы на основе политического обычая; кроме закона

1908 г., действует ряд других, в частности Закон о трудовых отношениях на государственной службе, который регулирует отношения нанимателя (Казначейского Совета, выступающего от имени Канады) и государственных служащих, законы о пенсионном обеспечении [1, с. 13];

в) Конституцию Италии 1947 г., в которой закрепляются равное право граждан обоего пола на одинаковых условиях поступать на государственную службу и занимать выборные должности (ч. 1 ст. 51), возможность приема на службу лиц итальянской национальности, не являющихся гражданами Республики (ч. 2 ст. 51), конкурсный порядок замещения должностей в публичной администрации (ч. 3 ст. 97), а также допустимость ограничения права состоять в политических партиях для судей, кадровых военных действительной службы, должностных лиц и агентов полиции, дипломатических и консульских представителей за границей (ч. 3 ст. 98). Основным нормативным актом, регламентирующим статус государственных служащих, является Закон-рамка о государственной службе от 29 марта 1983 г. № 93, однако в отношении каждого из типов государственных служащих действует значительное число нормативных актов [1, с. 20].

В силу политических и иных временных факторов подобной стабильностью отечественное служебное законодательство похвастаться не может. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2] в определенной степени новый, да и проводимая административная реформа постоянно вносит свои коррективы, в том числе и в содержание указанного нормативного правового акта.

Некоторые законодатели сконцентрировали свое внимание на принятии рамочных законов. Например, основными законами о государственной службе во Франции являются:

Закон от 13 июля 1983 г. «О правах и обязанностях чиновников»;

Статут публичной службы от 11 января 1984 г.

Также имеется дифференциация в регламентации служебно-правовых отношений по основанию государственного устройства: для государств с федеративным устройством (США, Канада) выбрана двухуровневая система правового обеспечения института государственной службы. И, например, правовая модель, применяемая в ФРГ, противоположна североамериканской практике и состоит в том, что установление прав, обязанностей чиновников, их ответственности, а также системы органов, осуществляющих государственно-служебные отношения, осуществляется исключительно федерацией, а земли ФРГ лишь наделены обязанностью исполнения норм законодательства (подробнее о практике регламентации института государственной службы в ФРГ см.: [3, S. 74]).

Рассматривая практику построения служебных отношений в унитарных государствах, отметим, что и в государствах с подобной формой государственного устройства нет единой практики. Итальянская республика пошла по пути совместного регулирования служебных правоотношений, что закреплено в Законе от 29 марта 1983 г. «О государственной службе», устанавливающим, что региональные области наделены полномочием обеспечивать нормативное закрепление полномочий областных органов власти, в частности: ключевые принципы регулирования служебных отношений, функциональные полномочия органов власти провинций, организацию и проведение повышения квалификации служащих, а также основания их карьерного роста и др.

Проведя исследование опыта нормативного регулирования института государственной

службы ряда государств, отметим, что в настоящее время институту государственной службы зарубежных государств свойственны следующие концептуальные тенденции в развитии:

1) последние тенденции в правовом обеспечении рассматриваемого нами института права свидетельствуют о стремлении к использованию эффективных, способных к постоянному изменению моделей служебных отношений, правил поведения;

2) построение работы на основе принципа информационной открытости служебной деятельности со стороны как средств массовой информации, так и институтов гражданского общества (самих граждан и их объединений);

3) внедрение новых стандартов и методов управления, основанных на концепции «New Public Management»;

4) использование новых информационных технологий в обеспечении служебной деятельности;

5) самоокупаемость деятельности органов государственного аппарата, внедрение стандартов самофинансирования и идей «рыночной философии»;

6) стремление к повышению авторитета государства и государственной службы соответственно.

Представляется актуальным исследовать опыт нормативного регулирования института государственной службы государств-флагианов, построивших наиболее эффективную модель государственной службы и добившихся положительных результатов.

Не вызывает сомнений, что практика построения государственно-правовой модели в Великобритании одна из наиболее успешных.

Первоначально обратим внимание на то, что вопросы организации института государственной службы находятся в ведении конституционного права. Более того, в Великобритании отсутствуют кодифицированные акты, а также классическая «писанная» Конституция как нормативный правовой акт. Гражданский слуга Короны – именно такую характеристику дает законодательство Великобритании, определяя дефиницию «государственный служащий» [4, с. 252–253].

Следует отметить, что построение современной модели государственной службы в Великобритании произошло не сразу. Многие аспекты деятельности неоднократно подвергались изменению или даже отмене. Ученые предлагали построить такую модель государ-

ственной службы, в которой бы сочетались одновременно идеи финансового менеджмента, использование методов, применяемых в бизнесе, эффективный тайм-менеджмент чиновников [5, с. 7].

В середине 60-х гг. XX в. началась реформа института государственной службы. С точки зрения специалистов, институт государственной службы Великобритании обладал следующими негативными тенденциями:

несовершенство процедур привлечения к юридической ответственности чиновников;

отсутствие в работе принципа плановости деятельности;

открытость института государственной службы была достаточно условной, не было активной связи с обществом;

отсутствие системы управления государственной службы;

пассивное участие, скорее формальное, в процедурах разработки внутренней политики.

В основу реформ была предложена модель, используемая США, в контексте построения модели менеджмента организации и качества работы чиновничьего аппарата: повышение профессионализма чиновников, создание конкуренции на государственной службе, способной привлечь наиболее опытных, амбициозных, талантливых управленцев, обеспечить ротацию кадрового состава [6, с. 58].

Как отмечает В.В. Макаров, институт гражданской службы в Великобритании в 60-х гг. по ряду причин остался практически неизменным [7, с. 33].

Осознавая необходимость реформирования института государственной службы, Маргарет Тэтчер дала поручение исследовать причины неудачи первоначальной реформы, и уже к 1985 г. была предпринята попытка введения на практике принципов эффективной и рентабельной государственной службы, введение стимулирующих основ и иных рыночных механизмов.

В итоге система построения и работы государственной службы Великобритании претерпела значительные изменения. В ее состав вошли департаменты, независимые агентства, казначейства. Была установлена единая тарифная сетка, существенно усовершенствована социальная составляющая статуса государственных служащих, причем не для всех категорий чиновников, а только для служащих центральных органов власти, изменены принципы оплаты служебной деятельности, найма государственных служащих.

Заслуживает положительной оценки реформа системы государственного управления, по итогам которой удалось достичь следующих результатов:

а) снижение размера финансового обеспечения государственного аппарата;

б) создание корпоративной культуры, нового образа государственного служащего;

в) заметное повышение качества предоставляемых государственных услуг;

г) повышение эффективности государственного управления как в центре, так и на местах [7, с. 34].

Сегодня продолжается планомерная работа по построению наиболее эффективной и оптимизированной системы управления государственной службой в Великобритании.

Опыт законодателей Соединенных Штатов Америки также представляет особый интерес. В 1958 г. был принят Кодекс этики государственной службы, установивший правовой статус государственных служащих, нормативно регламентировав такие элементы статуса чиновников, как права, обязанности, ответственность и др. Кроме того, уже тогда, понимая общественную опасность коррупции, возвели в ранг обязанностей сообщать своему непосредственному руководству обо всех фактах ее проявления.

Особого внимания заслуживает проработка института дисциплинарной ответственности чиновников. Законодательством установлены следующие виды дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, понижение в должности, временное отстранение от должности без оплаты труда на период до 14 суток, отпуск без содержания до 30 суток, понижение в должности, сокращение служебного оклада, увольнение. При этом Кодекс этики государственной службы за отдельные разновидности противоправных деяний, совершенных при исполнении служебных обязанностей, предусматривает уголовное наказание.

Также государственные служащие имеют право участвовать в профсоюзной деятельности, быть членами профсоюзов. Однако участие в политических партиях, забастовках, пикетах для чиновников было строго запрещено.

Осознавая необходимость дальнейшего совершенствования государственно-управленческой машины, руководство США разработало комплекс мер, призванных запустить новый этап реформирования института государственной службы, имеющий основной целью построить

открытую для общества модель государственной службы, максимально ориентированную на социальное развитие общества [8].

В контексте проводимых преобразований впервые была реализована система аттестации государственных служащих по единым основаниям, создана упорядоченная совокупность критериев формирования высшей политической элиты страны.

С 1979 г. начала свою работу специальная Служба высших руководителей. По своему функциональному предназначению она является органом исполнительной власти, наделенным полномочием по осуществлению кадровой резервной политики. Ученые-юристы положительно оценивают создание подобного органа, поскольку в результате был сформирован высококвалифицированный состав чиновников, имеющих особые условия для продвижения по службе, а значит, у них было больше стимулов для более эффективной, плодотворной служебной деятельности во благо народа и государства, мотивация к постоянному совершенствованию, обучению, мобильности, саморазвитию.

Представляет интерес то, что в пятнадцати штатах право государственного служащего на забастовку не было предусмотрено. Еще в тридцати пяти штатах предусмотрена возможность согласованной политики между органами власти штатов и профсоюзами по вопросам прав чиновников.

Учитывая близость отечественной правовой системы к правовой модели Федеративной Республики Германия, нельзя не уделить внимания опыту организации служебных отношений последней, поскольку по целому ряду критериев эффективности именно выверенная до точности модель немецкой государственной службы имеет весьма высокие показатели [9, с. 41–46].

Служебные отношения на государственной службе, с точки зрения немецких законодате-

лей, следует строить на основе быстроты, высокого качества предоставления государственных услуг населению, удобного логистического расположения административных органов власти, сбалансированности ценообразования государственных услуг. В данной правовой модели взят курс на социальную ориентированность государственной службы [10, с. 34–35].

В настоящее время продолжается работа по оптимизации процессов государственного управления с внедрением новых технологий, дистанционного предоставления государственных услуг, сокращения времени рассмотрения обращений граждан и др. Одновременно уделяется особое внимание профессиональной подготовке чиновников. Чиновники обязаны регулярно посещать семинары, повышать свою квалификацию, обучаться новейшим методам работы [11, с. 35–46].

Особое значение уделяется моральной составляющей чиновников и корпоративной культуре. Осуществляется реформирование органов управления с позиции их децентрализации. Как отмечается в литературе, именно для ФРГ характерен эволюционный тип развития института государственной службы, осуществляемый без четко намеченного плана, реализуемый посредством инициатив, поступающих по вертикали от нижестоящих органов вышестоящим, что, безусловно, еще раз подчеркивает высокую степень организации служебных отношений в Германии.

Таким образом, проведя исследования основных эталонных моделей института государственной службы в зарубежных странах, отметим, что во всех государствах без исключения используется исторический опыт становления и развития института государственной службы. Основное внимание в процессе государственно-правовых преобразований сконцентрировано на эффективных технологиях и принципах организации и деятельности чиновников.

1. Зенков М.Ю. *Зарубежный опыт управления: Государственная служба: учеб. пособие.* Новосибирск, 2004.

2. *Собр. законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.*

3. *Staats-und Verwaltungsorganisation in Deutschland. Bonn, Muenchen, 1994.*

4. *Государственная служба (комплексный подход): учеб. пособие. М., 1999.*

1. Zenkov M.Yu. *Foreign experience of management: Public service: study aid.* Novosibirsk, 2004.

2. *Coll. of legislations of the Russian Federation. 2004. № 31. Art. 3215.*

3. *State and administrative organization in Germany. Bonn, Munich, 1994.*

4. *Public service (integrated approach): study aid. Moscow, 1999.*

5. Государственная служба. Проблемы реформирования. Зарубежный опыт. М., 1995. Вып. 8.

6. Боулэнц Т., Силберг Д. Новые методы «управления качеством» в структурах исполнительной власти в Великобритании // Государственная служба. Тенденции развития. Зарубежный опыт. М., 1997. Вып. 17.

7. Макаров В.В. Административно-правовой статус государственного гражданского служащего: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.

8. Роль государства в социально-экономическом развитии США. М., 1997.

9. Булл Х.П. Состояние государственной службы в Германии // Государственная служба. Тенденции развития. Зарубежный опыт. М., 1997. Вып. 17.

10. Карпен У. Государственное управление в правовом государстве: организация сервиса для граждан // Региональное управление. Зарубежный опыт. М., 1993.

11. Бутинг М., Хессе Й. Новые организационные структуры руководства управлением // Государственная служба. Исполнительная власть: структуры, функции. Зарубежный опыт. М., 1996. Вып. 16.

5. Public service. Reforming problems. Foreign experience. Moscow, 1995. Iss. 8.

6. Boulents T., Silberg D. New methods of «quality management» in structures of the executive authority in Great Britain // Public service. Development tendencies. Foreign experience. Moscow, 1997. Iss. 17.

7. Makarov V.V. Administrative legal status of the government civil servant: diss. ... Candidate of Law. St. Petersburg, 2008.

8. A role of the state in social and economic development of the USA. Moscow, 1997.

9. Bull H.P. A condition of public service in Germany // Public service. Development tendencies. Foreign experience. Moscow, 1997. Iss. 17.

10. Karpen U. Public administration in the constitutional state: the organization of service for citizens // Regional government. Foreign experience. Moscow, 1993.

11. Buting M., Hesse Y. New organizational structures of management administration // Public service. Executive authority: structures, functions. Foreign experience. Moscow, 1996. Iss. 16.

Тамазова Анна Дмитриевна

кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: abd.8282@mail.ru)

Нехай Асиет Юрьевна

кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: asiet.12061984@mail.ru)

К вопросу о стабильности Конституции России

В статье рассматриваются вопросы, связанные с обеспечением стабильности Конституции. Анализируются понятие и формы правовой охраны Основного закона, способы восполнения пробелов в нем.

Ключевые слова: конституция, правовая охрана, формы правовой охраны, стабильность, толкование Основного закона.

A.D. Tamazova, Candidate of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: abd.8282@mail.ru;

A.U. Nehai, Candidate of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: asiet.12061984@mail.ru

The question of the stability of the Russian Constitution

Scientific article is devoted to the issues related to ensuring the stability of the Constitution. The paper analyzes the concept and forms of legal protection of the Basic law, ways of filling the gaps in it.

Key words: constitution, legal protection, form of legal protection, stability, interpretation of the Basic law.

Конституция является особым правовым актом, занимающим приоритетное место в правовой системе страны. Это обусловлено характером отношений, которые она призвана урегулировать: права и свободы человека, форма правления, государственное устройство и др. Соответственно, ее защита и охрана – это одна из главных задач любого демократического правового государства. Без реально действующего механизма реализации конституционных положений сложится следующая ситуация: нормы Основного закона будут находиться на одной лестнице с антиконституционной практикой.

«Обычно в Конституции закрепляются коренные положения политической, экономической, социальной жизни общества, утверждаются базовые регуляторы. Наша Конституция особенная: она стала не просто итогом социального консенсуса, своего рода Общественным договором, как ее европейские «сестры», но и реальным инструментом реформ, которых так хотело большинство граждан тогдашней РСФСР», – сказал Д.А. Медведев [1].

Эффективная правовая охрана конституции – важнейший атрибут любого демократическо-

го государства. Без нее невозможно создание правового государства, реальное обеспечение на практике принципа разделения властей [2, с. 17].

К сожалению, имеют место случаи, когда принимаются не соответствующие Конституции акты, зарождаются споры по вопросам применения конституционных норм. Особо ярко это проявляется на фоне федеративного характера государства, когда речь идет о правотворчестве субъектов Федерации. Механизм эффективной правовой охраны Конституции в данном случае выступает определенным «гарантом», обеспечивающим единство законодательства, соблюдение иерархии правовых актов, правильную реализацию норм Основного закона, исключает извращение смысла конституционных норм.

Как сказал Д.А. Медведев, «не только практика применения положений Конституции, но даже подзаконное регулирование могут неузнаваемо изменить толкование Основного закона, модифицировать смысл его норм под воздействием стремительно меняющихся политических, экономических и социальных условий. Это придает любой современной конституции

гибкость и адаптивность, но может привести к глубоким проблемам развития государства как механизма управления, основанного на принципе верховенства права, к угрозе возникновения технологического, управленческого разрыва в системе публичной власти» [1].

Нормативные акты, уточняющие и развивающие положения Конституции, должны приниматься в строгом соответствии с ней – в противном случае они будут направлены на подрыв национальной безопасности и не будут обладать юридической силой.

Процесс «реализации» положений Конституции в законах, подзаконных актах не должен искажать ее смысл. Так, сегодня проекты нормативных правовых актов, прежде чем станут регулятором общественных отношений и приобретут юридическую силу, проходят через целый ряд процедур: подготовку проекта, его согласование, обсуждение на различных уровнях, в том числе и общественное, правовые экспертизы, оценку эффективности, утверждение, опубликование, вступление в силу. Необходимо, как нам видится, повышать роль профессиональных экспертиз, противостоящих «несовершенному» законотворчеству.

Правовая охрана Конституции – это сложный механизм, который состоит из совокупности юридических средств, таких как субъекты, объект охраны, формы правовой охраны. При их помощи обеспечивается исполнение норм Конституции и соблюдение режима конституционной законности.

Правовая охрана Конституции представляет собой систему или совокупность мер, правовых средств, направленных на обеспечение высшей юридической силы, верховенства, стабильности Основного закона, а также неукоснительного выполнения конституционных норм [3, с. 84].

К таким мерам и средствам правовой охраны Основного закона относятся конституционный контроль и надзор, институт конституционной ответственности, также полагаем возможным отнести сюда и особый жесткий порядок пересмотра и внесения поправок в Конституцию, закрепленный в ее же тексте (гл. 9 Конституции РФ). Такая сложность изменения конституционных положений направлена на обеспечение высокого уровня защиты базовых конституционных установлений, стабильности Конституции. Нормы гл. 9 Конституции РФ, прежде всего, направлены на обеспечение «самоохраны».

Конституция является базовым нормативным правовым актом, имеющим отправной характер. Естественно, ею не урегулированы

многие принципиальные вопросы, имеются пробелы, создающие определенные трудности в нормотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов. Результатом этого может стать нарушение права и определенное несоответствие между законодательным регулированием и реальным уровнем развития общественных отношений.

Так, например, Конституция устанавливает широкую и весьма важную компетенцию Федерального Собрания, но не регулирует вопрос о том, каким образом избираются или назначаются члены Совета Федерации. Возможно, это послужило поводом для неоднократных изменений порядка такого назначения, что подтверждается современной практикой.

Или, например, Конституцией не урегулирован вопрос избрания или назначения глав субъектов Федерации. И этот процесс также не раз подвергался корректировкам. В то же время полагаем, что «разработчики» Конституции умышленно закрепили такие отправные установки в целях обеспечения стабильности Основного закона, так как время диктует нам новые «правила». И эти «правила» в целях сохранения целостности Конституции могут быть закреплены отраслевым законодательством.

Также считаем упущением разработчиков Конституции отсутствие норм, закрепляющих конституционно-правовой статус Конституционного Собрания в тексте самого Основного закона.

Статья 55 Конституции закрепляет, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [4, с.15]. Однако ничего не сказано о том, кто и как определяет меру, необходимую для такой «защиты» и «обеспечения».

М.В. Баглай отмечает, что «Конституция не может быть беспробельной уже потому, что неизбежно состоит из пробелов, потому, что это акт, содержащий только исходные положения, и потому, что никто в мире... не может четко определить, что является правовыми позициями конституционного уровня, а что – нет» [5, с. 25].

Полагаем, что для восполнения «огрехов» Конституции необходимо использовать другие способы конституционного развития, нежели ее текстуальное изменение.

Альтернативой текстуальных изменений, внесения поправок в Основной закон, отра-

жающих, как правило, сиюминутный интерес различных политических сил, видится развитие действующей Конституции без вторжения в ее текст, что объясняется необходимостью обеспечения политической и экономической стабильности в обществе. Оптимальным путем совершенствования конституционного законодательства является ее официальное, общеобязательное толкование [3, с. 86]. Акты такого толкования обладают высшей юридической силой для всех субъектов правоприменительной практики и устраняют неясности в тексте Основного закона.

Особую роль в деле преодоления конституционных пробелов играет деятельность Конституционного Суда РФ, которая направлена как раз на устранение имеющихся недостатков и противоречий, на недопущение любых «вольностей» при обращении с Основным законом. Конституционный Суд, давая толкование, приспособливает Конституцию к конкретным правоотношениям, способствуя обеспечению ее стабильности.

В настоящее время в условиях современного мира «преобразование» Конституции без ее текстуального изменения определяется необходимостью обеспечения политической и экономической стабильности в государстве, упрочения конституционного строя и правового характера. Текстуальное изменение Основного закона приводит к дестабилизации общества. На обеспечение стабильности и направлена «жесткость» и усложненность процедуры пе-

ресмотра и внесения поправок в Конституцию. Полагаем, что закрепление такого порядка является серьезным достижением нашего государства на пути к правовому.

Как сказал В.В. Путин, «мы должны бережно относиться к Конституции нашей страны. Не позволять ее менять по вкусу тех людей, которые в данный момент оказались у власти». «Пересмотр фундаментальных положений Конституции равносителен пересмотру основ государственного строя страны, а ревизия ее норм, продиктованная политической конъюнктурой, – прямой путь к кризису власти и к расшатыванию органов власти, к опасным государственным конфликтам» [6].

В то же время, являясь сторонниками стабильности Основного закона, отметим, что определенные его положения, дабы соответствовать современной действительности, когда они становятся более значимыми для общества в конкретный исторический период, могут претерпевать соответствующие коррективы, однако это ни в коем случае не должно касаться каких-то фундаментальных положений, в частности основ конституционного строя, правового статуса личности и др. Так, например, были увеличены сроки полномочий Президента и Государственной Думы, объединены суды.

Стабильность Конституции – это стабильность нашего общества и государства в целом. Основной закон нашей страны как легитимный документ внес стабильность в общество и сам является образцом стабильности.

1. Медведев Д.А. 20 лет: путь к осознанию права. URL: <https://rg.ru/2013/12/10/medvedev.html>

2. Шульженко Ю.Л. Самоохрана Конституции Российской Федерации. М., 1997.

3. Болехивская А.Д. Правовая охрана Конституции Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.

4. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. М., 2016.

5. Баглай М.В. Уважать и соблюдать конституционно-правовые условия правопорядка // Российский конституционализм: проблемы и решения: материалы междунар. конф. М., 1999.

6. Путин В.В. Мы должны бережно относиться к Конституции нашей страны. URL: <https://ria.ru/politics/20131209/980567465.html>

1. Medvedev D.A. 20 years: the way to comprehension the law. URL: <https://rg.ru/2013/12/10/medvedev.html>

2. Shulzhenko Yu.L. Self-protection of the Constitution of the Russian Federation. Moscow, 1997.

3. Bolehivskaya A.D. Legal protection of the Constitution of the Russian Federation: auth. abstr. ... Candidate of Law. Krasnodar, 2006.

4. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on Dec. 12, 1993. Moscow, 2016.

5. Baglay M.V. To respect and comply the constitutional and legal conditions for the rule of law // The Russian constitutionalism: problems and solutions: proc. of the intern. conf. Moscow, 1999.

6. Putin V.V. We have to take care of the Constitution of our country. URL: <https://ria.ru/politics/20131209/980567465.html>

Тамбиянц Юлиан Григорьевич

доктор философских наук, доцент,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
(e-mail: 09081969jylian@rambler.ru)

Шалин Виктор Викторович

доктор философских наук, профессор,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
(e-mail: viktor_filosof@mail.ru)

Идеология государства и общества: варианты взаимодействия

Авторы статьи предлагают широкую интерпретацию идеологии, полагая данное явление продуктом взаимодействия двух основных субъектов-производителей – государственных структур и общества. Указывают, что взаимодействие государства и общества может происходить в нескольких формах: взаимовлияние, противостояние, автономное существование. Наиболее желательным для общественной системы выступает первый вариант, в рамках которого оказывается наиболее возможной конструктивная разработка и концептуальное оформление общественных (национальных) интересов. Но в современном мире наблюдается увеличивающееся дистанцирование верхов как в социальном, так и в идейном плане от низов, деформирующее идеологический процесс. На это влияет ряд обстоятельств: классовые интересы правящих групп, выраженные в неолиберальном проекте, увеличивающиеся информационные возможности, гетерогенность общества, подкрепляемая постмодернизмом и обществом потребления.

Ключевые слова: идеология, идеологические субъекты, государство, общественные институты, информационно-политическая манипуляция, глобализация, духовно-политический плюрализм.

Yu.G. Tambiyants, Doctor of Philosophy, Assistant Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: 09081969jylian@rambler.ru;

V.V. Shalin, Doctor of Philosophy, Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: viktor_filosof@mail.ru

Ideology of state and society: variants of interaction

The article offers a broad interpretation of ideology, supposing this phenomenon is a product of interaction between two major subjects-manufacturers – government agencies and society. The interaction of state and society may occur in several forms: two-way influence, opposition, autonomous existence. The most desirable for a social system is the first option, which is the most possible constructive design and conceptual design of public (national) interests. But in modern world there is an increasing distancing of tops, both socially and conceptually from bottoms, deforming the ideological process. In this regard, there is a number of reasons: class interests of ruling groups, expressed in neo-liberal project, increasing the information capabilities, as well as the heterogeneity of the society, supporting by post-modernism and consumer society.

Key words: ideology, ideological subjects, state, public institutions, information and political manipulation, globalization, religious and political pluralism.

Проблема государственной идеологии является весьма популярной в общественности. Ее отечественная актуальность в последнее время усилилась в связи с тенденциями размежевания с западными странами, где по-прежнему сильны позиции сторонников деидеологизации. Хотя о полной отмене идеологической составляющей там говорить не приходится (да это и невозможно), даже сторон-

ники сохранения идеологии констатируют фрагментацию политико-духовного пространства – тотальные классические системы вытесняются молекулярными идеологиями, имеющими временный характер и заостряющими внимание на каком-то определенном спектре социальной проблематики (Дж. Шварцмантель).

В России же набирают силу консервативно ориентированные подходы, особенно в кон-

тексте официальных идеологических текстов, в которых явственно усиливается цивилизационная тематика [1; 2; 3]. В то же время проблематика государственной идеологии касается механизмов ее формирования, усиления ее консолидирующей функции, наконец, степени адекватности официальных положений социальным реалиям. Государство признается в качестве главного производителя и распространителя идеологии, между тем, помимо усилий правительства, в качестве идеологического субъекта могут выступать лица, социальные группы, мало связанные с официальной властью, нередко ей оппозиционные. По нашему мнению, здесь может крыться, конечно, не единственный, но весьма значительный фактор формирования государственно-национальной идеологии, стремящейся к охвату всей макросоциальной проблематики. В данной статье мы намереваемся акцентировать внимание на возможных формах взаимодействия между обоими названными идеологическими субъектами – государством и обществом – именно с точки зрения выработки общей идеологии, включающей более или менее весь спектр конструктивных социальных функций.

Косвенное указание на негосударственных субъектов идеологии имеется уже в основных (классических) подходах к данному явлению. Их можно сгруппировать следующим образом: критический подход, включающий в основном работы приверженцев либеральной и социалистической политической философии, а также функциональный подход, куда хорошо вписываются работы в основном сторонников консерватизма, однако имеются случаи участия умеренных либералов (М. Афанасьев) или мыслителей лево-почвеннического плана (С. Кара-Мурза).

Итак, критические трактовки идеологии склонны видеть здесь прежде всего «ложное сознание», формирующееся и распространяющееся в политических целях. Если сторонники марксизма считали идеологию преимущественно маскировкой групповых (классовых) интересов, то либеральные мыслители скорее видели здесь «неизбежное зло», служащее либо инструментом управления (У. Липпман, Г. Мусихин, Дж. Томпсон), либо своеобразным «лекарством» против аномии (У. Матц). Обобщенно критический подход сводится преимущественно к тому, что идеология – временное явление и должна отойти вспять с окончательным торжеством рациональности (либералы) или социальной справедливости (классический марксизм). Показательно, что именно в

либеральной среде западного обществознания (Д. Белл, Р. Арон) родилась концепция «деидеологизации», впрочем, оказавшаяся несостоятельной, что впоследствии признали некоторые ее авторы [4].

В марксистской научной традиции, как известно, принята жесткая спайка сферы идей с социальными процессами. Видя в последних серьезный конфликтный потенциал, заключающийся в борьбе групп (классов), марксизм закономерно предписывал собственное специфическое мировоззрение каждой из борющихся групп. Логика представлений об окружающем мире здесь во многом выводится из социального положения мыслящего субъекта. Развивающий именно этот марксистский тезис К. Маннгейм писал о неизбежной дифференциации продуктов познавательного процесса, «поскольку в поле зрения членов группы попадают не все возможные аспекты мира, а только те, из которых складываются трудности и проблемы для данной группы» [5, с. 31]. Тем самым классовая, а если говорить более обобщенно – групповая, борьба предполагает еще и идеологическое противостояние, следовательно, следует вести речь не об одной, а о нескольких идеологиях. Одерживающие победу в этой борьбе группа или класс, прорвавшись к высшей власти, утверждают на государственном уровне собственное мировоззрение в качестве общенационального. Тем самым победители получают возможность маскировать собственные групповые стремления лозунгами заботы об общественной проблематике.

Категоричность подобной позиции, содержащей весьма мощный эвристический потенциал, заключается в том, что здесь государственным структурам жестко приписывается классовая сущность, несмотря на их попытки общенационального (надклассового) позиционирования. Из этого выводится утверждение, что любая государственная идеология будет неизбежно содержать классовый уклон. Однако ряд исключений все же имеется, что вынужденно признавали и сами классики марксизма, не отрицая, что в отдельных исторических случаях государство все же оказывается какой-то период времени именно на надклассовых позициях [6, с. 364].

Наконец, подобная точка зрения на социально-политические процессы фактически указывает на возможность и даже в чем-то неизбежность образования идеологических форм «снизу». Ведь аутсайдерским группам в сравнении с представителями господствующего класса присущи совершенно иные взгляды

на мир ввиду принципиально различающихся объективных оснований (жизненных условий, иерархического статуса и т.п.). Вполне закономерно, что именно здесь формируются идейные позиции, направленные на изменение существующего общественного порядка. Но вот всегда ли они жестко оппонировать мировоззрению «верхов»?

Что касается функциональных интерпретаций, то здесь идеология предстает как неотъемлемый и важный элемент государственной общественной системы. Как уже упоминалось, в этом подходе ведущую роль играют сторонники консервативной политической философии (И. Исаев, А. Хабибулин, Р. Рахимов, А. Кольев). Как уверенно утверждают в совместной статье А. Хабибулин и Р. Рахимов, государственное бытие обязательно предполагает и идеологическое бытие – «идеология в любой ее форме – признак государственности вообще и конкретное ее проявление в частности» [7, с. 11]. Идеология возникла намного раньше собственно своего появления в качестве теоретического феномена на рубеже XIX–XX вв., будучи ровесницей государствообразующих процессов [7, с. 18]. Собственно, на это указывают работы по исследованию процессов политогенеза [8, с. 33–34].

Такого рода концепции закладывают весьма широкое культурно-традиционное основание источников идеологии. Так, А.Н. Кольев считает, что степень значимости той или иной идеологии в национальном масштабе определяется ее опорой на национальную мифологию, национальные архетипы. Пытаться искоренить мифологический элемент общественного сознания – задача невыполнимая и, по большому счету, бесполезная. «Осмысление действительности всегда происходит на базе некоего ощущения, образного ряда. Действительность воспринимается эмоционально. Идея исходит из мифа в качестве более оформленных символов, уложенных в некую логическую схему, которая ближе к науке, чем к сказке, но все же генетически связана с этой сказкой» [9, с. 218].

В то же время подобный подход сторонников консерватизма слишком жестко привязывает процессы идеологического формирования именно к политическим структурам, в частности к государству. Хотя в работах названных ученых имеются интересные, но явно незавершенные соображения касательно иных негосударственных субъектов духовных процессов. Например, И.А. Исаев склонен различать национальную идеологию и национальную идею. Если идея представляет собой двигатель на-

ции, то идеология – система ориентиров на пути этого движения. Национальная идея обязательно консервативна и «всегда уже присутствует в сознании и институциях народа и нации», будучи их составной органичной частью. На всех исторических этапах национальная идея по сути одна и та же – сохраняет базовую традиционную составляющую, допуская лишь некоторые модификации. Национальная идеология же представлена в качестве внешней формы национальной идеи, обеспечивая ее формулирование и постулирование. Но в отличие от идеи идеология оказывается более изменчивой, принимая на разных этапах национальной истории всякий раз новые формы, применяясь к динамике жизненных условий и исторических обстоятельств [10].

В том же духе рассуждают А. Хабибулин и Р. Рахимов, считая государственную (общенациональную) идеологию высокоорганизованной моделью идей, исходящих от государственных структур, в то время как государственная (или национальная) идея есть «скорее совокупность или набор ценностных ориентаций, наиболее оптимальных и желательных для граждан данного государства». Во втором случае мы имеем дело со значительно менее систематизированной и более эскизно обрисованной совокупностью. В отличие от государственной идеологии, здесь не имеется строгой системности и иерархизации, а также соподчинения и взаимообусловленности [7, с. 18, 19].

Тем не менее, по нашему мнению, консервативным мыслителям не хватает своего рода «последнего паса», так как они в неявной форме склонны приписывать заслугу концептуализации идей (идущих как «сверху», так и «снизу») только элитным кругам. Следует согласиться, что государственная идеология выступает в значительно более формально законченном и системном виде. Тот же К. Маркс указывал на своеобразное «разделение труда» внутри господствующего класса, некоторой частью которого выступают профессиональные идеологи [11]. По мнению А. Кольева, идеология есть зрелый политический миф, создаваемый властными элитами на основе переработки архаических мифов этнической и национальной традиции [9]. Несомненно, общественное мнение вполне закономерно проявляет большие эмоциональные колебания и зачастую менее способно к рациональной оценке ситуации. И все же можно указать на случаи успешного оформления идей, исходящих именно «снизу», т.е. от общества, которые могли иметь весьма

и весьма значительные перспективы. В этом плане примером вполне может служить фигура английского теолога и философа XIV столетия Джона Уиклифа, признанного предшественника Реформации, а также тех же самых идеологов Реформации. Наконец, несколько позже целая плеяда левых идеологий возникала далеко не всегда в правящих элитных слоях. Один из глубоких исследователей источников Великой французской революции А. де Токвиль неслучайно приписывал ведущую идеологическую роль именно литераторам [12].

Далее мы намерены рассмотреть возможные варианты взаимодействия идейных структур, исходящих «сверху» и «снизу», в контексте социально-исторической динамики. Производителем и основным идеологическим субъектом в первом случае выступает государство или близкие к нему институты, тогда как во втором случае варианты возможных творцов идеологии представлены в более широком ракурсе. Это могут быть отдельные личности, организации или большие социальные группы. Здесь же следует подчеркнуть, что в нашем понимании идеология – это концептуально оформленные представления об окружающем (преимущественно социальном) мире, продуцирующие комплекс оценок этого мира, увязанных с определенными социальными потребностями и интересами. Подобная трактовка, как представляется, несколько уводит от консервативной точки зрения и дает возможность не ставить идеологию в зависимость исключительно от государственной деятельности.

Отталкиваясь от социально-исторического рассмотрения, можно предложить несколько форм взаимодействия между процессами идеологического производства государства и общества. Пожалуй, наиболее конструктивной выглядит форма диалога и взаимовлияния, под воздействием которых может иметь место сближение государства и общества. Правда, это происходит не всегда и не полностью. Например, симпатии к учению Джона Уиклифа со стороны некоторых высших представителей английской средневековой знати (Джон Ланкастерский) имели временный характер и не привели к торжеству церковного реформизма. Более того, развитие этих идей среди народных масс привело к движению Д. Болла и У. Тайлера, решительно подавленному королевской властью. (Тем не менее, справедливости ради следует отметить, что не без участия английской короны Джон Уиклиф все же избежал страшной судьбы Яна Гуса, хотя и был реши-

тельно осужден римской католической верхушкой.) Трудно отрицать, что успех Реформации оказался возможен не в последнюю очередь благодаря поддержке этих идей частью правящего класса. Многие его представители даже шли на открытый конфликт с теми, которые остались верны прежним религиозным идеалам. В результате европейские страны позднего Средневековья потрясли религиозные войны, как правило, продолжительные и весьма кровавые. Показательные примеры влияния общественного мировоззрения на государство имеются и в отечественной истории. Оппозиционные настроения послужили несомненным фактором либеральных реформ 1860-х гг. Участие Российской империи в ряде международных конфликтов на стороне славянских народов также было простимулировано идеями славянского братства, пронизывающими многие общественные группы, хотя некоторые представители государственной дипломатии (П.А. Вяземский) и высказывались за более сдержанный подход, призывая не спешить с силовым вмешательством [13, с. 17–18].

При этом взаимодействие государства и общества на идейно-духовном уровне приводит к изменению того и другого именно в этом плане. Так, государственная идеология частенько начинает включать популистские элементы, исходя из специфики общественных запросов и настроений. Общественные силы (по крайней мере, часть их) становятся более лояльными к государству, видя некоторые встречные движения. Нечто подобное характеризовало европейскую социал-демократию столетней давности, отказавшуюся от революционных лозунгов ради реформизма.

Современный российский исследователь А. Задохин обоснованно считает, что основой сближения государственных кругов и остального общества является объективное понимание национальных интересов. При этом ведущая роль принадлежит именно идеологии, осуществляющей социальную консолидацию на уровне общественного сознания [13, с. 11–12, 15]. Подобный подход как никогда актуален именно в современной ситуации усиления глобальных процессов, бросающих вызов национальному суверенитету и соответственно делающий более расплывчатой категорию национальных интересов.

Жесткое противостояние государства и общества на идеологическом поприще, как правило, характеризует периоды либо незавершенности процесса формирования общественной системы, либо ее явного кризиса. В

первом случае можно вспомнить еретические движения периода классического феодализма, которые решительно подавлялись коалицией католической церкви и государства (Альбигойские крестовые походы, «охота на ведьм»). Во втором случае обычно имеют место накопившиеся внутренние противоречия, которые ставят под вопрос единство системы. Нередко складывается ситуация, которая может завершиться приходом к власти какой-то части общества, являющегося носителем исключительно враждебной прежнему государству идеологии. Именно такие обстоятельства присущи как Французской, так и Октябрьской революциям.

Наконец, еще один встречающийся вариант отношений государственной и общественной идеологий мы склонны определять как автономное сосуществование. Такого рода состояние обычно присуще духовно расколотому, аномичному социуму с малой степенью сплоченности и солидарности. Например, в XVII столетии русские раскольники предпочли бегство от московского правительства в сибирскую глушь и какое-то время там существовали фактически обособленно. Близкий по времени случай – Украина периода президентства В. Януковича. Киевские власти предпочитали «не замечать» зревшие в обществе весьма значительные семена агрессивного национализма исключительно антирусской направленности. В результате именно такого рода силы сыграли очень важную, если не главную роль в последующем свержении официального правительства.

Но каковы же исторические тенденции форм взаимодействия государства и общества на духовном поприще? Прежде всего мы солидаризируемся с функционалистским подходом в том плане, что государственные структуры никак не могут обойтись без духовного производства. Проблематика формирования государственной идеологии является неотъемлемой составляющей политогенеза [8, с. 33–34]. Несомненно, в традиционных обществах идеологические функции были возложены на господствующую религию, всегда тесно связанную с политической системой. Вполне закономерно, что группа священнослужителей, на которую были возложены задачи идеологического обеспечения, являлась привилегированным сословием наряду с военными.

Имеется весьма популярная точка зрения по поводу возросшей степени влияния на государственную политику и идеологию со стороны гражданского общества, которое приня-

то связывать с сутью модерновского проекта. Последний исследователи выгодно отличают от предшествующей эпохи «традиционного общества» в политическом плане, обычно указывая на республиканский принцип самоуправления и народовластия, выдвигающий на первый план интересы всего общества (нации), игнорируемые в ряде случаев монархией [13, с. 9]. Связанная с идейным производством сторона гражданского общества описывается в категориях «публичной сферы» (Ю. Хабермас) или «третьих мест» (К. Лэш). Не отрицая определенного зерна истины в подобной позиции, все же мы склонны полагать здесь некоторое преувеличение. Публичные места существовали и в традиционную эпоху, в которой имелись собственные типы «низовых» организаций. Здесь можно вспомнить средневековые цехи, профессиональные гильдии и др. Хотя следует предположить, что большая часть общества оставалась вне этих организаций, потенциально возможных в качестве субъектов альтернативного духовного производства. Наконец, в раннее Средневековье у многих народов встречались политические институты, увязывающие верховную власть с массами, взять те же самые скандинавские эйратинги, которые по мере укрепления центральной королевской власти все более приобретали формально-декоративный характер. И все же нам представляется обоснованным тезис С. Хантингтона о том, что в качестве подлинно новаторской организации в модерновский период можно считать только институт политической партии [14, с. 106]. Можно предположить, что средневековые «низовые» организации были значительно сильнее насыщены традиционным социокультурным содержанием в отличие от более рационализированных структур модерна. Впрочем, то же самое можно сказать и по поводу деятельности высших институтов.

В пору господства религиозного мышления общество не оставалось целиком и полностью лишь пассивным объектом духовного воздействия. В то же время альтернативное духовное производство следует рассматривать не только с позиции классовой борьбы, хотя фактор противостояния групп лидеров и аутсайдеров несомненно имел место. Это было время, которое отечественный исследователь Л. Гринин определяет как раннее государство, еще только выстраивающее эффективную систему управления [8]. В общественных процессах превалировал принцип «механической солидарности» (термин Э. Дюркгейма), предполагающий сильную духовную составляющую, ко-

торая как бы компенсировала недостаточность объективных функциональных связей. Возможно, этим объясняются сильные позиции священнослужителей именно как идеологов традиционного общества.

Однако усиливающееся со временем социальное неравенство, явная догматизация официального религиозного мировоззрения при одновременном забвении представителями духовного сословия христианских же идеалов и принципов породили негативную реакцию общества. Кроме того, следует принимать во внимание, что христианское мировоззрение имело давних соперников в лице иных популярных религиозно-идейных концепций, прежде всего манихейства. Идеи последнего накладывались на извечные чаяния социальной справедливости, перемешиваясь с христианскими положениями. В качестве альтернативного духовного производства могут вполне считаться средневековые ереси (вальденсы, катары и др.). При этом нельзя сказать, что их носителями выступали исключительно представители социальных «низов». Та же катарская (альбигойская) ересь пользовалась покровительством ряда представителей крупного дворянства – ей оказывал поддержку самый влиятельный феодал юга Французского королевства граф Тулузский. Это обстоятельство обусловило весьма затянувшийся процесс силовой ликвидации этого духовного течения, для чего понадобилось два крестовых похода. Но и в дальнейшем не ушли вспять решительные протесты со стороны общества, выражающиеся также и в форме идейной концептуализации. И если доктрины Д. Уиклифа, Я. Гуса в целом потерпели поражение, то столетие спустя движение Реформации имело значительно более успешные итоги.

В дальнейшем с развитием институтов государства и усложнением общественных отношений разнообразятся структура и роль идеологии. Последняя по мере десакрализации верховной власти соответственно сокращала религиозную компоненту и делала ставку на рациональные аргументы. Показательной в этом плане становится «эпоха идеологий», фактически охватывающая полтора столетия – с середины XIX–XX в. В это время именно рационально построенные политические теории существенным образом оттеснили религиозное сознание, хотя и не добились его полной ликвидации вопреки многим ожиданиям. Подобный процесс не дошел (да и не мог дойти) до своего логического завершения. Более того, некоторые характеристики религиозного сознания (сакрализация) пришлись ко двору для

идеологических построений, особенно в плане их распространения в массах. В ряде случаев национальные и государственные идеологии «стали своего рода новыми светскими религиями» [8, с. 288]. Кроме того, имеются случаи синтеза идеологии и религии именно на рациональной основе, примером чего может служить христианская демократия.

Несомненно, имело место выросшее многообразие гражданских институтов в пору индустриальной (промышленной) революции, где значительную роль сыграла урбанизация, неотъемлемый спутник индустриализации. Существенно расширившееся городское пространство оказалось мощным стимулом развития «публичной сферы», основными точками которой выступили места сборищ малых социальных групп – кофейни, закусочные, парковые зоны и т.п. «До того, как возник журнализм в его современном виде, – пишет американец К. Лэш, – таверны и кофейни (часто располагавшиеся у дорожных застав и на перекрестках больших переулков) сами по себе служили средством коммуникации и местами, где новости собирались и пускались в оборот» [15, с. 98].

Здесь видится нечто вроде промежуточного варианта между формальными организациями, объединяющими людей принципами структурной иерархии, а также семьей и другими малыми группами. Критерием иерархии «третьих мест» является благопристойность, а не ум, богатство или социальное влияние. Именно здесь имеют место свободные разговоры по сути «на равных», без всякой оглядки на экономический или административный статус. Свободный дискурс граждан, по мнению Ю. Хабермаса, предполагает доминирование «жизненного мира» или субстанциональной рациональности, несущей гуманистический смысл [16, с. 233]. Подобные разговоры зачастую носят также и политический смысл, а потому подобного рода жизненная коммуникация могла дать толчок эффективным общественным реформам и преобразованиям. Тем самым названными авторами публичная сфера понимается и в качестве средства поставщика информации для массовой публики, и как пространство возможностей конструктивного обсуждения конкретной общественной проблемы.

Касательно эпохи Нового и Новейшего времени, видимо, можно констатировать в целом возросшую активность со стороны общества в процессах идеологического производства. Обратим внимание на уже упомянутую эпоху идеологий, включающую противостояние трех

классических доктрин: либерализма, консерватизма, социализма. Как можно видеть, в конкретных государственных системах имелось внутреннее идеологическое противостояние. Обычно одна из идеологий занимала официально ведущие позиции, тогда как две другие находились ей в оппозиции, будучи в той или иной степени распространенными в общественных группах. Подобное противостояние имело место даже в системах с жесткой вертикалью власти, которая при всех усилиях (зачастую титанических) не могла целиком и полностью обеспечить задачу полной идеологической монолитности [17].

Процессы рационализации, которые устойчиво приписываются Новому времени, имели под собой объективную основу. Это господство экономической сферы и укрепившиеся позиции денег в качестве основного социального ресурса, а также значительно разнообразившиеся технологические средства управления. Подобные обстоятельства позволяли власти стать более гибкой и не полагаться в деле социального управления главным образом на силовые методы, что было, в общем и целом, присуще традиционным государствам. Но, похоже, развитие именно этих тенденций привело к тому, что некий баланс между государством и обществом как идеологическими субъектами стал где-то нарушаться.

Подобному явлению посвящено немало работ, в которых прослеживается несколько объяснений. Неким общим знаменателем служит теория информационного общества, политикоманипулятивная суть которого выражается тем, что если раньше правящие структуры вынуждены были так или иначе преобразовывать материальную действительность в соответствии с возникающими проблемами общества, то теперь гораздо проще и эффективней оказывается влиять на сознание. Возможности перестройки сознания резко ограничивают круг проблем, стоящих перед государством, при этом качественно повышая его возможности [18, с. 142]. Вышеупомянутые Ю. Хабермас, К. Лэш пишут об упадке публичных мест в ходе развития капитализма. Последний закономерно стремится поставить под контроль демократические процессы, делая ставку на формирование общественного мнения и фактически ограничение его влияния. Собственно, уже в первой половине XX в. этому дали научное обоснование Г. Лассуэл и У. Липпман, акцентируясь на роли экспертов. Кроме того, констатируется все большее приближение публичной политики к потребительским стандартам,

в связи чем в ней элементы шоу вытесняют серьезное обсуждение. В итоге к концу столетия общественное мнение демонстрирует деградацию политической осведомленности, что К. Лэш склонен объяснять следствием искусственной отстраненности от реальных рычагов влияния на политические процессы. Ведь стремление получить реальную информацию о политической ситуации хорошо стимулировали дебаты по политическим вопросам, в настоящее время превратившиеся в фикцию. «Если общественность больше не участвует в дебатах по общенациональным вопросам, то у нее нет никаких причин приобретать информацию касательно гражданских дел» [15, с. 130].

По сути дела те же идеи развивают многие российские ученые. В. Пугачев пишет о разветвленной системе политической манипуляции, которую он называет информационно-финансовым тоталитаризмом, контролирующей и регулирующей демократические процессы, которые превращаются в иллюзию [19]. Во многом перекликается с этим подходом концепция постдемократии англичанина К. Крауча, согласно которой нынешний демократический механизм искусственно переориентирован с обслуживания общественных интересов на интересы элиты [20]. Известный российский ученый и публицист С. Кара-Мурза полагает, что весь процесс упадка, разрушения СССР и дальнейшего встраивания российского общества в нишу периферийного капитализма есть следствие грандиозной системы манипулирования, опирающейся на элементы национальной традиции [21].

Следует признать грандиозно возросшие технические и технологические возможности формирования сознания, а все более тесный синтез политических и экономических структур, выступающий основой глобального капитализма, придает этому процессу целенаправленный классовый оттенок («информационный капитализм» Г. Шиллера). Неолиберальный проект, выступающий здесь в качестве идеологической основы, сохраняет господствующее положение уже полвека. Если вспомнить тезис о классовой избирательности познавательного процесса, то вряд ли смогут вызвать удивление содержательные особенности космополитического сознания, присущего не только представителям глобального суперкласса (описанного Д. Роткопфом), но и более скромным группам, заинтересованным в мир-системе и обслуживающим ее экономические, организационные и другие потребности (топ-менеджерам, юристам, преуспевающим деятелям шоу-бизнеса) [22].

В этой связи напрашивается вопрос о реакции общества, на который в общественном мнении нет однозначного ответа. Так, сторонники теории сетевого общества (М. Кастельс) считают виртуальные онлайн-коммуникации едва ли не главным признаком глобальной демократизации. Некоторые основания для подобных идей имеются – речь прежде всего идет о движении альтерглобализма, активным идеологом которого выступает российский ученый А. Бузгалин. Насколько можно судить, в качестве архетипической основы выступает классовый миф. В принятой на Всемирном социальном форуме 2002 г. в Порту-Алегри Хартии общественных движений объявляются в качестве объекта альтерглобалистской борьбы международные экономические и политические организации, а собственная идентичность определяется как «движение всемирной солидарности, объединенное в своей решимости бороться против концентрации богатства, распространения бедности и неравенства и разрушения нашей земли» [23].

Тем не менее альтерглобалистский проект в целом проигрывает тому же глобальному неолиберализму. Последний опирается на значительно более консолидированную социальную базу, где связующую роль играют классовые интересы правящих групп. Неолиберальный проект продвигается большинством национальных правительств зачастую даже в неявной форме, будучи замаскированным под популистскую риторику. Альтерглобализм же объединяет весьма пестрые группы в плане политической и культурной идентичности, слишком уповая на интернационализм. Между тем значение национального мифа ни в коем случае не стоит сбрасывать со счетов, тем более в эпоху глобализации. Именно он лежит в основе набирающего в последние десятилетия силу явления этнонационализма. Для формирования реальной альтернативы глобальной капиталистической системе весьма желательно найти узлы конструктивного взаимодействия классового и национального мифов, тем более история показывает, что это возможно.

Что касается политико-мобилизующих свойств Интернета, на что уповают теоретики сетевого общества, то в последнее десятилетие появились основания для скептицизма. В работе Е. Морозова «Интернет как иллюзия», совершенно не лишённой либеральных идеологических шор, тем не менее обоснованно указывается на возможности контроля и регулирования интернет-пространства политическими структурами (правда, автор ссылается

исключительно на опыт незападных «диктаторских» режимов). Кроме того, большинство сетевых пользователей интересуют в основном вопросы банальных утилитарных ценностей, что вполне закономерно в обществе потребления. Отсюда тезис о демократизирующем влиянии онлайн-коммуникации указанный автор называет киберутопизмом [24].

Кроме того, эмпирические исследования показывают, что Интернет больше выступает в качестве инструментального фактора, оказывая в некоторых случаях мобилизующую роль в непосредственных политических акциях. Однако не меньшее значение имеют такие признаки, как интерес к политике, ценностная ориентация, потребности самореализации. Другими словами, Интернет помогает консолидации людей, изначально ориентированных на политическое участие, и не играет ту же роль в отношении людей, политикой не интересующихся [25]. Более того, онлайн-сети могут сыграть и отвлекающую роль от политического участия хотя бы в ходе транслирования пресловутых потребительских стандартов.

Наконец, одним из главных факторов, ослабляющих формирование духовной альтернативы «снизу», выступает постмодернизм, который оказывает разобщающее действие принципами культурного плюрализма и толерантности. Имеется точка зрения, согласно которой классические идеологии перестали соответствовать быстро меняющейся реальности. Это послужило поводом к отказу от цельного мировоззрения, присущего модерновской эпохе, и сосредоточиться на решении конкретных проблем [26]. Отсюда постмодерновской эпохе присуще разнообразие идентичностей, на основании которых строится то или иное мировоззрение. Но новые идентичности зачастую оказываются менее долговечными и расплывчатыми. Нечто подобное говорит нам российский социолог Ж. Тощенко в разработанной им концепции кентавризма.

Следует отметить весьма сильную дифференциацию самого общества. Англичанин К. Крауч выделяет пять действующих крупных акторов гражданского общества: политические партии, религии, группы гражданских активистов, группы добровольческого и благотворительного сектора, профессиональные группы [27, с. 230–235]. Все они действуют по собственной инициативе, исходя из групповых интересов, хотя потенциально несут оппозиционный заряд. Британский политолог Дж. Шварцмантель считает главной проблемой отсутствие полноценной социально-политической базы оппозиционных

господствующему сейчас неолиберализму течений, что главным образом объясняется условиями нарастающей социальной гетерогенности общества, работающей на идейный плюрализм, а не на консолидацию [26, с. 272]. Формирующиеся движения в основном выражают «протест», а не полновесную альтернативу общества, идейно и социально неоднородны и вполне закономерно имеют более эпизодичный, фрагментарный срок существования. Это не дает возможность захвата власти, к чему они собственно и не стремятся, делая ставку на привлечение внимания мира к конкретным проблемам. Имеется мнение, что множество молекулярных политико-идеологических течений современного общества есть отражение постмодернизма, которому свойственна «проекция рыночной ситуации избыточного разнообразия на общественную и политическую жизнь». Современное потребительское общество постоянно и настойчиво требует чего-то нового, нестандартного. Потому в него прекрасно интегрируются различного рода «альтернативные радикалы», живущие в собственных закрытых и самодостаточных мирах, мало между собой связанных [28].

Обобщая рассмотрение специфики взаимодействий государства и общества, мы останавливаемся на следующих теоретических моментах.

1. Если признать идеологию в широком смысле, т.е. продуктом всех основных общественных процессов, то взаимодействие государства и общества на идеологическом поприще стоит считать объективным фактом. Другими словами, общенациональная идеология формируется «сверху» и «снизу». Это взаимодействие может происходить в нескольких формах: взаимовлияние, противостояние, автономное существование. Для общественной системы, как правило, наиболее желательным выступает первый вариант. Именно в его рамках оказывается наиболее возможной конструктивная разработка и концептуальное оформление общественных (национальных) интересов.

2. Нынешнее состояние данного взаимодействия следует обозначить как увеличивающееся дистанцирование верхов, как в социальном, так и в идейном плане, от низов, что деформирует идеологический процесс. На это работают следующие обстоятельства:

а) классовые интересы правящих групп, находящие выражение в неолиберальном проекте и зачастую предполагающие глобальный уровень реализации;

б) развитие информационных технологий, увеличивающее возможности манипулирования общественным мнением;

в) усиливающаяся гетерогенность общества, выражающаяся в разнообразии социальных групп, действующих в собственных интересах и ориентирующихся не столько на протест, сколько на интеграцию в систему;

г) постмодернизм и общество потребления, суть которых становится идейно-культурное разнообразие.

Что касается отечественных перспектив, то, принимая во внимание сложившуюся ситуацию – обострение геополитической обстановки и конфронтацию с западными странами, следует признать идейную консолидацию государства и общества весьма желательной. Выработка эффективной идеологии, выражающей общественные интересы, является одним из условий адекватного ответа на вызовы глобализации со стороны отечественного социума. Следует признать, что на протяжении постсоветского периода между государственными структурами и обществом существовали весьма серьезные расхождения, в том числе и на идеологическом поприще. Но в последние годы стали наблюдаться тенденции к сближению, что вселяет некоторый оптимизм. Параллельно с консолидацией патриотических сил, делающих ставку на реабилитацию российских культурно-цивилизационных основ («Изборский клуб»), происходит некоторое ослабление либеральных позиций в правительстве (смещение либеральных министров А. Сердюкова, В. Ливанова). Наконец, наблюдается движение в сторону большей лояльности к центральной власти социально-политических деятелей, ранее занимавших радикальные позиции, причем это констатируется как от либералов (журналист А. Бабицкий), так и со стороны левого лагеря (писатель и публицист З. Прилепин). Это несомненно обнадеживает, но ради объективности все же следует подчеркнуть, что наметившаяся консолидация общества пока что в большей степени стимулируется внешним фактором – резким обострением отношений с Западом из-за украинского конфликта. Внутренняя проблематика российского социума представляется все еще достаточно серьезной и конфликтогенной. А посему от российских властей потребуются немалые усилия в разных аспектах для поддержания и усиления национального единства.

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ. 2014. URL <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/47173> (дата обращения: 12.03.2016).

2. Путин В. Многообразие России для остального мира. Речь на Валдайском форуме 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 09.11.2015).

3. Путин В. Россия: национальный вопрос. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-3/1_national.html (дата обращения: 28.09.2015).

4. Чесноков А. Роль идеологии в условиях глобализации // *Космополис*. 2007. № 16.

5. Маннгейм К. Идеология и утопия. М., 1994.

6. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Генри Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения: в 3 т. М., 1985. Т. 3.

7. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // *Государство и право*. 1999. № 3.

8. Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. М., 2007.

9. Кольев А.Н. Политическая мифология: Реализация социального опыта. М., 2003.

10. Исаев И.А. Национальная идея и национальная идеология // *Национальные интересы*. 2006. № 5.

11. Маркс К. Немецкая идеология М., 2000.

12. Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 2008.

13. Задохин А.Г. Категория «национальные интересы» в российском политическом сознании // *Обозреватель*. 2013. № 1.

14. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.

15. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002.

16. Тамбиянц Ю.Г., Гринь М.В., Кулинченко В.В. Современная общественная динамика: теория и практика. Краснодар, 2014.

17. Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008.

18. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003.

19. Пугачев В.П. Управления свободой. М., 2005.

20. Крауч К. Постдемократия. М., 2010.

21. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2004.

1. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation. 2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/47173> (date of access: 12.03.2016).

2. Putin V. Diversity of Russia for the other world. Speech on Valdai Forum 2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (date of access: 09.11.2015).

3. Putin V. Russia: national question. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-3/1_national.html (date of access: 28.09.2015).

4. Chesnokov A. Role of ideology in conditions of globalization // *Cosmopolis*. 2007. № 16.

5. Mannheim K. Ideology and utopia. Moscow, 1994.

6. Engels F. Origin of family, private property and state. In connection with researches of Luis Henry Morgan // Marx K., Engels F. Sel. works: in 3 vol. Moscow, 1985. Vol. 3.

7. Khabibulin A.G., Rakhimov R.A. State ideology: to question of legality of category // *State and law*. 1999. № 3.

8. Grinin L.E. State and historical process. Evolution of statehood: from early state to mature one. Moscow, 2007.

9. Kolyev A.N. Political mythology: Realization of social experience. Moscow, 2003.

10. Isaev I.A. National idea and national ideology // *National interests*. 2006. № 5.

11. Marx K. German ideology. Moscow, 2000.

12. Tokvil A. Old order and revolution. St. Petersburg, 2008.

13. Zadokhin A.G. Category «national interests» in Russian political minds // *Observer*. 2013. № 1.

14. Huntington S. Political order in changing societies. Moscow, 2004.

15. Lash K. Revolt of elites and treachery of democracy. Moscow, 2002.

16. Tambiyants Yu.G., Grin M.V., Kulinchenko V.V. Modern public dynamics: theory and practice. Krasnodar, 2014.

17. Shubin A.V. Nonconformists, members of an informal social group and freedom in the USSR. Moscow, 2008.

18. Delyagin M.G. World crisis: General theory of globalization. Moscow, 2003.

19. Pugachev V.P. Management with freedom. Moscow, 2005.

20. Krauch K. Post-democracy. Moscow, 2010.

21. Kara-Murza S.G. Manipulation with consciousness. Moscow, 2004.

22. Hunter J.D., Yets D. World of American globalizers // *Many faced globalization. Cultural*

22. Хантер Дж.Д., Йейтс Д. Мир американских глобализаторов // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М., 2004.
23. Хартия общественных движений. URL: <http://kulac.narod.ru/top/global/hartia.htm> (дата обращения: 04.11.2015).
24. Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М., 2014.
25. Кольцова О.Ю., Киркиж Э.А. Влияние Интернета на участие в протестах // Полития. 2016. № 1.
26. Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Харьков, 2009.
27. Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма. М., 2012.
28. Кагарлицкий Б.Ю. Идеология и глобализация. URL: <http://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/stat/staty> (дата обращения: 12.07.2014).
- diversity in modern world / ed. by P. Berger and S. Huntington. Moscow, 2004.
23. Charter of public movements. URL: <http://kulac.narod.ru/top/global/hartia.htm> (date of access: 04.11.2015).
24. Morozov E. Internet as an illusion. Reverse side of network. Moscow, 2014.
25. Koltsova O.Yu., Kirkizh E.A. Influence of Internet on participation in protests // Politia. 2016. № 1.
26. Shvartsmantel J. Ideology and politics. Kharkov, 2009.
27. Krauch K. Strange non-death of neo-liberalism. Moscow, 2012.
28. Kagarlitsky B. Yu. Ideology and globalization. URL: <http://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/stat/staty> (date of access: 12.07.2014).

Анистратенко Татьяна Григорьевна
кандидат политических наук,
Южный федеральный университет
(e-mail: tanis63@list.ru)

Самоопределение личности в повседневных жизненных практиках: трансдисциплинарный подход

В статье проводится социально-философский анализ самоопределения личности в повседневных жизненных практиках, социальная значимость которых заключается в том, что они составляют ценностно-смысловую социальный континуум существования людей и помогают им ориентироваться в социуме. Трансдисциплинарность как методологический принцип научного исследования позволяет автору построить методологическую матрицу исследования, в которую включена новая предметность: при сохранении предметной представленности конкретных дисциплинарных подходов сюда включается философское понимание личности, философское понимание общества, философское понимание соотношения личности и общества в таком социально-рефлексивном процессе, которым является самоопределение личности в обществе.

Ключевые слова: личность, повседневные жизненные практики, самоопределение личности, социальная рефлексия, трансдисциплинарная методология, самооценка личности.

T.G. Anistratenko, Candidate of Political Sciences, Southern Federal University; e-mail: tanis63@list.ru

Determination of personality in everyday practices: the transdisciplinary approach

The article is devoted to the socio-philosophical analysis of self-identity in everyday life practices the social significance of which lies in the fact that they constitute value-semantic continuum of social existence of people and help them navigate in the society. Transdisciplinarity as a methodological principle of scientific research allows the author to build a methodological matrix study, which included a new objectivity: if the objective representation of specific disciplinary approaches this includes the philosophical understanding of the personality, the philosophical understanding of the society, the philosophical understanding of the relationship of the individual and society in a socio-reflexive process, which is the self-determination of the individual in society.

Key words: personality, everyday life practices, self-identity, social reflection, transdisciplinary methodology, individual self-esteem.

Проблема самоопределения личности, понимаемая как рефлексивная социально-личностная способность, является очень актуальной для настоящего времени уже потому, что если в традиционном обществе роль и место личности были предопределены традициями, религией, происхождением и сложившимися социальными устоями, то в современном обществе индивид сам выбирает свою индивидуально-личностную социальную и жизненную траекторию.

Самоопределение является одним из базисных понятий предметной области социальной рефлексии, ибо в данном понятии сходятся векторы внутренних индивидуально-личностных рефлексивных форм и их объективации вовне. Рассмотрению в этом отношении подлежат вопросы жизненного самоопределения личности в повседневных практиках, лич-

ностных потребностей самоопределения, готовности к самоопределению, характеристик процесса самоопределения и разновидностей личностного самоопределения.

В рамках конкретных дисциплинарных подходов критерии самоопределения личности рассматриваются как многогранные психические индивидуально-личностные, педагогические, демографические, гендерные критерии, социально-достиженческие критерии оценок и самооценок по отношению к социальным позициям и статусам, антроповедческие критерии. Но ни один из конкретных дисциплинарных подходов не дает целостной и полной картины того, как личность определяет себя по отношению к другим личностям, к личностным и социальным ценностям, к обществу в целом.

В рамках междисциплинарного же подхода происходит объединение нескольких кон-

кретных дисциплин. Обычно это происходит под эгидой некоторой обобщающей концепции или методологии, например, различные конкретные дисциплинарные подходы могут рассматриваться под углом зрения структурно-функционального подхода, деятельностного подхода, ценностного подхода или, например, с точки зрения конкретно-исторической или синергетической методологии.

Философский подход в этом отношении не тождественен междисциплинарному подходу. Это связано со спецификой философского знания вообще и, в частности, со спецификой социально-философского знания, которое по своей природе также является обобщением и выражается в понятиях, которые формулируются над понятиями, в метапонятиях, в философских категориях.

В данном случае специфика философского подхода выражается в смысловой специфике философского понимания личности. И дело не только в том, что личность в философии, в отличие от психологии, педагогики, социологии и социальной антропологии, понимается на обобщенном категориальном уровне. Спецификой философского мышления является диалогичность, дуальность, парность философских категорий, например форма и содержание, внешнее и внутреннее, явление и сущность и т.д.

В этом плане понятие личности нельзя рассматривать отдельно от его дуальной пары – общества. Поэтому философская проблема стоит не как проблема самоопределения личности, а как проблема самоопределения личности в обществе. Соответственно этому философская трактовка самоопределения личности в обществе заключается и в специфике самого понимания процесса самоопределения, и в специфике философского понимания личности, и в специфике философского понимания общества.

Следующий уровень сложности данной проблемы, трактуемой как философская проблема, заключается в том, что спецификой философского понимания является то, что в смысловое наполнение того или иного обобщенного понятия или категории входит в снятом виде в качестве смыслового наполнения не только содержательная данность этого понятия, но и его конкретность в виде всего процесса его формирования.

Так, например, в смысловом философском наполнении понятия личности мы учитываем различные космо-, тео- и различные эгоцентричные подходы, начиная от античной философии, где личность – микрокосм и часть

большого Космоса, от средневековой философии, где Космос трансформировался в Бога, от философии Нового времени, где личность – это прежде всего человек, причем человек, самосознающий себя, т.е. творческий, до абсолютной идеи Гегеля, согласно которой личность – это часть субъективного духа. В это же смысловое наполнение философского понятия личности и ее самоопределения необходимо включить и приспособление человека к сложившимся обстоятельствам Дж. Дьюи [1], и многогранность понимания соотношения личности и общества в философии экзистенциализма, согласно которой человек лишь частично детерминирован социумом и его самоопределение, как утверждал Ж.-П. Сартр, есть тотальная свобода при понимании самоопределения как поиска самого себя [2].

Философское осмысление самоопределения личности немыслимо без трактовки С. Кьеркегора, говорящего о внутреннем содержании личности, выбирающей свой путь между «Бытие» и «Ничто» [3], без понимания самоопределения как утверждения личностного проекта М. Хайдеггера [4], без утверждения В. Франкла о том, что самоопределение есть поиск смысла человеческого существования [5].

Философское осмысление самоопределения личности на этом уровне познания не является законченным, однозначно определенным понятием со своим четким объемом и содержанием. Его логическим продолжением мы считаем трансдисциплинарность – методологический принцип научного исследования, который, во многом основываясь на философской методологии, дает возможность выйти за пределы предметной области конкретных дисциплинарных подходов и построить методологическую матрицу исследования, в которую включена новая предметность: при сохранении предметной представленности конкретных дисциплинарных подходов сюда включается философское понимание личности, философское понимание общества, философское понимание соотношения личности и общества в таком социально-рефлексивном процессе, которым является самоопределение личности в обществе. Трансдисциплинарность как методология исследования требует своеобразного «транзита» новых понятий из одной дисциплины в другую. В данном случае мы начнем рассмотрение с проблемы жизненного самоопределения в контексте повседневных практик, одного из тех понятий, которое «транзитом» переходит из одного дисциплинарного подхода в другой:

из социальной психологии в социологию, из культурологии в социальную антропологию, из политологии в конфликтологию, оно «прописано» и в социальной философии.

Изначально самоопределение личности связано именно с повседневными жизненными практиками, под которыми понимаются сложившиеся в конкретном обществе формы конкретных действий людей, основанные на принятых в этом обществе нормах, правилах, ценностях и культуре этого общества, которые являются общепринятыми и передаются из поколения в поколение в общественной морали, привычках, навыках жизнедеятельности и стереотипах [6]. Они носят массовый коллективный характер и воспринимаются всеми живущими в данном обществе как некая изначальная данность.

Социальная значимость повседневных жизненных практик заключается в том, что они составляют ценностно-смысловой социальный континуум существования людей и помогают им ориентироваться в социуме, они составляют образцовые для данного социума форматы коллективного взаимодействия и организуют повседневный опыт участников этого взаимодействия, являются предпосылками повседневного познания, нормами общения и процедурами осмысления социальных фактов. Их специфической особенностью является то, что они представляют собой практическое повседневное социальное знание. Это знание имеет безусловный характер, является беспроблемным, однородным, предзаданным для каждого отдельного человека.

Нормы повседневных жизненных практик являются типичными и выражаются в виде социальных стереотипов поведения и общения. Они означают включенность индивида в социум, его культуру, в систему социальных связей и отношений. Усвоение и практическое использование норм повседневных жизненных практик означает определенную для данного социума социальную зрелость и социальную вменяемость. Выполнение данных правил повседневных практик означает бесконфликтность, адаптированность к социуму, гарантирует формы социального взаимопонимания и социального одобрения. К тому же нормы повседневных жизненных практик упорядочивают и структурируют социальную жизнь, воспроизводят существующий социальный порядок, контролируют его выполнение, поддерживают критерии социальной полезности, служат основаниями социальных санкций и ограждают социум от социальных патологий. В повседневных жизненных практиках люди самовыража-

ются, самопредставляют и, что самое главное, они самоопределяются.

По поводу специфики личностного самоопределения в повседневных жизненных практиках имеются разнообразные мнения исследователей. Самоопределение личности по-разному трактуется представителями различных философских направлений. Так, для философов-экзистенциалистов самоопределение является решающим фактором существования и самосуществования человека. Для М. Хайдеггера самоопределение – это выражение неотвратимости индивидуального бытия, которое происходит из сущностного одиночества человека, его «заброшенности» среди других людей [4].

С точки зрения А. Камю, при полном отсутствии общих смыслов и ориентиров общественной жизни самоопределение личности – это достижение состояния абсурда [7]. Поэтому самоопределение в повседневной жизни – это самостоятельный индивидуальный выбор нравственной позиции с пониманием полной ответственности за него, но он возможен только лишь тогда, когда индивид осознает свою экзистенцию. Это происходит индивидуально, без взаимодействия с другими людьми. Для Ж.-П. Сартра за свой личный и индивидуальный выбор позиции, свое личностное самоопределение человек несет ответственность не только перед самим собой, но перед всем миром, перед человечеством и человеческой цивилизацией [2].

Свою собственную трактовку соответствия личностного выбора внешним обстоятельствам дает М. Бубер, который утверждает, что выбор должен основываться на изначальном внутреннем диалоге с самим собой, который является прообразом трактовки диалога между «Я» и «Ты» [8, с. 203–213]. В проблемном поле этого диалога, как пишут С.И. Ануфриев и Р.Н. Романов, человек стремится совместить множество точек сопряжения, таких как желаемое и возможное, сущее и должное, являющееся потребностью и оправданное с точки зрения общественной морали, возделенное и достижимое [9, с. 14]. Эти «точки бытия» в процессе самоопределения дают и картину жизни самого себя, и картину действительности: они выражают соотношение личностного выбора с традицией и выражают собственную самость.

В реальности это означает, что личностное самоопределение в повседневных жизненных практиках – это стремление гармонизировать свое собственное «Я» с «Я» другого человека, с «Другим». Эта проблема порождает другую проблему – «что есть Я»? Чтобы соотносить

свое собственное «Я» с другими «Я», нужно точно определиться со своим собственным «Я». А это, как известно, проблема идентичности. В этом плане самоопределение личности в повседневных жизненных практиках, как отмечает В.С. Иванова, представляет собой процесс выбора личностью смысложизненных ориентиров, постоянного выбора смысла жизни, определенных предельных задач, в решении которых индивид ставит для себя вопросы о своем существовании и решает их, достраивая свою сущность. Оно представлено четырьмя компонентами: метафизическим, экзистенциальным, культурно-семантическим и социальным, в соответствии с чем в своем жизненном самоопределении личность выбирает жизненные стратегии, которые позволяют организовать ее бытие [10].

Нам представляется, что данные выводы не столько касаются повседневных жизненных практик, конкретного бытия индивида, сколько выходят на уровень социальных практик. По нашему мнению, выход на социальные практики и формирование стратегий жизни – это новый уровень личностного самоопределения: формирования социальной субъектности, представляющей собою осмысленное и целенаправленное социальное творчество и новый вид личностной социальной ответственности. Это новый уровень самоопределения личности не на уровне повседневных жизненных практик индивида, а на уровне социальных практик. Повседневность же имеет другие параметры существования индивида в формате «здесь и сейчас» без учета отдаленной социальной перспективы. Соответственно этому и индивид идентифицирует себя не как социального субъекта, а как актора повседневных жизненных практик.

Бытие индивида в формате повседневных жизненных практик также может быть вариативным, ориентироваться на оптимальность выбора и решения, на отбор целесообразных тактик, иметь ориентацию на жизненный успех, достижение определенного статуса и имиджа. Но все эти параметры самоопределения – параметры повседневных жизненных

практик, и на этом уровне не решаются предельные задачи своей сущности, сущности бытия и соответствия той или иной фазы личностного самоопределения родовой сущности человека.

Повседневное бытие, реализующееся в стандартах и стереотипах поведения в повседневных жизненных практиках, – это конкретная жизнь индивида, это его существование в различных жизненных ситуациях. Более того, это даже приспособление индивида к различным жизненным ситуациям.

Повседневность бытия индивида, а равно и его самоопределение в повседневности, как нам представляется, не выходит на метафизические вопросы бытия мира и родовой сущности человека. Здесь необходимо согласиться с позицией С.В. Боголюбовой, что повседневность жизненных практик есть пространство различных идентификационных интерпретаций. Оно измеряется, прежде всего, позициями личности в повседневных жизненных практиках; оно обусловлено разными образами личностного восприятия; оно связано с оценками повседневных жизненных ситуаций, с видением различных жизненных перспектив; оно мотивировано разными жизненными намерениями; оно реализуется в достижении разных жизненных целей и в конечном счете в индивидуальной жизненной траектории [10].

Таким образом, готовность личности к полному самоопределению и самоосуществлению основана на наличии и полноте системы социально-рефлексивных способностей личности и является сложной индивидуально-психической и социально-личностной системой, которая включает в себя ценностно-ориентационный компонент, системный компонент потребностей и мотиваций, как внутренних, так и внешних; данная система имеет сложившуюся структуру в виде внутренних и внешних индивидуально-психических и социально-личностных элементов, и эффективность самоопределения и полнота самоактуализации зависят от оптимальности соотношения данных компонентов [11].

1. Дьюи Дж. *Общество и его проблемы* / пер. с англ. И.И. Мюрберг, А.Б. Толстова, Е.Н. Косиловой. М., 2002.

2. Сартр Ж.П. *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии* / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М., 2000.

1. Dewey J. *The Company and its problems* / transl. from English by I.I. Myurberg, A.B. Tolstov, E.N. Kosilova. Moscow, 2002.

2. Sartre J.P. *Being and Nothingness: Experiences of phenomenological ontology* / transl. from French, forew., notes by V.I. Kolyadko. Moscow, 2000.

3. Кьеркегор С. *Философские крохи, или Крупичи мудрости* / пер. Д.А. Лунгиной. М., 2009.

4. Хайдеггер М. *Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество* / пер. А.П. Шурбелева. СПб., 2013.

5. Франкл В. *Человек в поисках смысла: сб.* / пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйдмана. М., 1990.

6. Волков В.В. *О концепции практик в социальных науках.* URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/234/149/1217/002.VOLKOV.pdf>

7. Камю А. *Избранное: сб.* / сост. и предисл. С. Великовского. М., 1988.

8. Бубер М. *Изреченное слово* (пер. А.Н. Портнова) // *Философия языка и семиотика.* Иваново, 1995. С. 203–213.

9. Ануфриев С.И., Романов Р.Н. *Самоопределение человека в современном обществе.* URL: <http://psibook.com/sociology/samooopredelenie-cheloveka-v-sovremennom-obschestve.html>

10. Боголюбова С.В. *Повседневность: пространство социальной идентичности: автореф. дис. ... канд. филос. наук.* Ростов н/Д, 2011.

11. Тельнова Н.А. *Специфика ценностного самоопределения человека в условиях модернизации современного общества* // *Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7, Философия.* 2012. № 3(18).

3. Kierkegaard S. *Philosophical fragments, or Nuggets of wisdom* / transl. by D.A. Lungina. Moscow, 2009.

4. Heidegger M. *The basic concepts of metaphysics. World – course – the loneliness* / transl. by A.P. Shurbelev. St. Petersburg, 2013.

5. Frankl V. *Man in search of meaning: coll.* / transl. from English and German by D.A. Leontyev, M.P. Papush, E.V. Eydman. Moscow, 1990.

6. Volkov V.V. *On the concept of practice in the social sciences.* URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/234/149/1217/002.VOLKOV.pdf>

7. Camus A. *Favorites: coll.* / comp. and forew. by S. Velikovskiy. Moscow, 1988.

8. Buber M. *Spoken word* (transl. by A.N. Portnov) // *Philosophy of language and semiotics.* Ivanovo, 1995. P. 203–213.

9. Anoufrieiev S.I., Romanov R.N. *Self-determination in human contemporary society.* URL: <http://psibook.com/sociology/samooopredelenie-cheloveka-v-sovremennom-obschestve.html>

10. Bogolyubova S.V. *Daily routine: a space of social identity: auth. abstr. ... Candidate of Philosophy.* Rostov-on-Don, 2011.

11. Telnova N.A. *Specificity of the valuable human self-determination in the conditions of modernization of modern society* // *Bull. of Volgograd state university. Ser. 7, Philosophy.* 2012. № 3(18).

Дементьев Сергей Александрович

кандидат социологических наук,
Южно-Российский гуманитарный институт
(e-mail: sadementiev2014@yandex.ru)

Гуманитарная сущность информационной безопасности личности

В статье обосновывается гуманитарное понимание информационной безопасности человека как предпосылки, условия и основы стабильного и устойчивого развития общества и полноценной самореализации человека в этом обществе. Необходимость понимания гуманитарного характера этой проблемы связывается с созданием и развитием системы обеспечения социально-психологической, социально-антропологической и экзистенциальной информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность личности, гуманитарная безопасность, гуманитарная культура, гуманитарная образованность, информационная культура, гуманитарные информационные технологии.

S.A. Dementiev, Candidate of Sociology, South Russian Humanitarian Institute; e-mail: sadementiev2014@yandex.ru

The humanitarian nature of the information security of the person

The article explains the humanitarian understanding of the information security of the person as a prerequisite, the conditions and the basis of a stable and sustainable development of society and full self-realization in the society. The need to understand the humanitarian nature of the problem associated with the creation and development of a system of socio-psychological, socio-anthropological and existential information security.

Key words: information security of the person, human security, humanitarian culture, humanitarian education, information culture, humanitarian information technologies.

Информационная безопасность человека в современном обществе связана со всеми аспектами бытия человека и общества. Она имеет много граней и форм проявления, реализуется на разных уровнях и выражается самыми разнообразными показателями. Но поскольку речь все-таки идет о безопасности жизнедеятельности человека, то главная ее особенность, ее сущность гуманитарная.

Термин «гуманитарный» (от лат. *humanitas* – человеческая природа, *humanus* – человеческий, *homo* – человек) определяется как относящийся к человеческому обществу, к человеку и его культуре [1, с. 148]. В основе понятия «гуманитарный» находится гуманистическое мировоззрение, связанное с тем, что согласно такому идейному подходу в центре всяческих представлений о социальном устройстве, социальной справедливости и социальном порядке находится человек в его конкретном общественном бытии в отношениях с другими равными ему и свободными людьми, понимаемый как социальный приоритет и мерило всех социальных ценностей.

Соответственно этому гуманитарные черты информационной безопасности человека

выражают все то, что может составлять информационную защищенность общественной и культурной жизни человека. Гуманитарная сущность информационной безопасности человека в современном обществе является составной частью гуманитарной безопасности вообще, назначение которой, согласно позиции М.А. Казакова, определяется как защита воспроизводства человеческого сообщества, способного ответить на многообразные вызовы современности: неопределенность и многофакторность развития общества, кризисный характер его бытия, способность нейтрализовать угрозы прогрессивного развития социального бытия, качества жизни, прав человека, возможностей реализации его гражданской позиции и личной безопасности [2, с. 23]. Гуманитарная безопасность есть выражение социальной политики государства и сложившиеся социальные практики, реализующие эту политику.

Обобщенно говоря, под гуманитарной безопасностью понимается социальная, политическая, правовая и культурная защищенность транслируемого от поколения к поколению гражданского, социального, культурного и ду-

ховного многообразия образцов, эталонов и укладов общественной жизни, традиций, обрядов, верований и сложившихся устоев общественной жизни [3, с. 14].

Гуманитарная защищенность общества и человека гарантирует устойчивость общественно-го бытия, эволюционный характер общественных перемен, возможность защищенного бытия каждого отдельного человека, реальные материальные и духовные условия и гарантии его развития в данной социальной системе. Утрата обществом гуманитарной безопасности чревата общественной нестабильностью, разрывом постепенного эволюционного развития и угрозами деградации человека и общества [4].

Гуманитаризация общественной жизни выражается в приумножении человеческого капитала посредством увеличения целевых вложений в социальную политику, ориентированных на улучшение качества жизни, работы, здоровья, образования, досуга, отдыха, духовного, культурного, профессионального и гражданского развития всех членов общества и каждого отдельного человека, рассматривая такой подход как базовый приоритет социальной политики. Если такой подход реализуется в сложившихся социальных практиках, а не только декларируется как социально-политический принцип, тогда в данной социальной системе существует и функционирует гуманитарная безопасность как реальная форма бытия общества и бытия человека в реальном обществе [5].

Гуманитарная сущность информационной безопасности может трактоваться концептуально расширенно – как безопасное бытие человека по отношению к информации вообще и конкретно предметно – как защищенность человека в обществе, в котором производство, потребление и использование информации становится доминирующей формой общественного бытия, т.е. в обществе, вступившем в фазу своего информационного развития. Наш подход, характеризующий гуманитарную сущность информационной безопасности человека в современном обществе, связан с обоснованием того, что гуманитарное понимание информационной безопасности человека является предпосылкой, условием и основой стабильного и устойчивого развития общества и полноценной самореализации человека в этом обществе. Подобной позиции придерживаются многие современные исследователи, такие как Л.В. Астахова, В.И. Добренков,

В.Н. Кузнецов, А.Ю. Моздаков, Ф.К. Мугулов, В.С. Хомякова и др.

Сложность и многоуровневость проблемы информационной безопасности человека в современном обществе, наличие множества исследовательских парадигм ставит в понимании сущности информационной безопасности и ее гуманитарного измерения, междисциплинарного характера ее исследования, прежде всего, проблему системного понимания этого вопроса [6], что выражается в предпочтении трансдисциплинарной методологии [7; 8; 9].

Наличие различных исследовательских подходов изучения информационной безопасности человека в современном обществе показывает, что данная проблема очень многогранна, включает в себя много аспектов и применительно исключительно к информационной безопасности человека имеет явно выраженный гуманитарный характер. Гуманитарный характер данной проблемы связан с тем, что для понимания, исследования и обеспечения информационной безопасности человека в современном обществе необходимо согласование баланса интересов человека как личности и гражданина, с одной стороны, и государства и общества – с другой.

На понимание информационной безопасности человека в современном обществе как на важнейшую гуманитарную проблему в постановочном ключе указали такие авторы, как В.Д. Бирюков, К.К. Колин, Э.П. Теплов и др.

Со стороны общества и государства необходимо выявлять информационные угрозы, риски и опасности, разрабатывать и внедрять комплекс мер по защите своих общественных, национальных, государственных и геополитических интересов в информационной сфере. Этим, казалось бы, может быть достигнуто состояние информационной защищенности или, по крайней мере, состояние информационной безопасности как потребность в информационной безопасности, предупреждение об информационной опасности, предупреждение (осознание и понимание) информационной опасности, обеспечение информационной безопасности как преодоление ее [10].

Однако, как показывают различные исследования в этой области, подлинная и полная информационная безопасность общества и государства не достигается, если не обеспечивается информационная безопасность человека как личности и гражданина, т.е. если не выявляется и не учитывается гуманитарный харак-

тер проблемы информационной безопасности, то одних защитительных, охранных, идеологических, технических и технологических мер явно недостаточно [11].

Иными словами, как бы государство не обеспечивало свою информационную безопасность на разных уровнях обеспечения этого процесса, оно все равно всегда будет в опасности, если не учтена безопасность личности, человека и гражданина. По нашему глубокому убеждению, для обеспечения информационной безопасности общества и государства недостаточно социально-властного, служебно-распорядительного, охранно-защитительного и технико-технологического инструментализма в этой сфере. Необходимо понимание гуманитарного характера этой проблемы и глубинное социально-гуманитарное, экзистенциально-антропологическое прогнозирование социально-психологических последствий внедрения и широкого использования современных информационных технологий.

Это предполагает создание и развитие системы обеспечения социально-психологической, социально-антропологической и экзистенциальной информационной безопасности как от противоправных информационных воздействий на сферы индивидуально-личностного, социально-группового и массового сознания, так и от социальных и государственных деформаций баланса информационных интересов, с одной стороны, человека как личности и гражданина и, с другой стороны, общества и государства.

Гуманитарный характер имеет и проблема формирования и развития культуры информационной безопасности, предполагающая как информационную культуру человека, информационную этику, так и культуру взаимодействия человека, общества и государства в информационной сфере (об этом см.: [12]).

Информационная безопасность человека как личности и гражданина, понимаемая под гуманитарным углом зрения, является составной частью гуманитарной безопасности, в частности составляющей культуры вообще и информационной культуры в частности, но также и составной частью формирования духовности и национального самосознания. Для оптимальной реализации данного процесса необходимо не только гармонизировать информационные интересы человека, общества и государства, но и разрабатывать и повсеместно внедрять гуманитарные технологии, способствующие гармонизации указанных информационных ин-

тересов. Это предполагает гуманитарную культуру, гуманитарную духовность и гуманитарную образованность, которые должны оптимально сочетаться с информационной культурой, цифровыми знаниями и навыками владения информационными технологиями.

Гуманитарная образованность должна способствовать лучшему усвоению достижений гуманитарно-информационной культуры, формировать информационно-гуманитарную нравственность, солидаризировать людей, общество и государство, разрешать все информационные проблемы в открытом, свободном и равноправном порядке.

Гуманитарное знание должно выполнять функцию открытого доступа для человека ко всем инновационным информационным технологиям, способным обеспечить информационные потребности людей, должный уровень информационного взаимодействия и потребность в их защищенности.

Гуманитарные информационные технологии представляют собой вызванные потребностями гуманитарной гармонизации информационных интересов, потребностей и целей, обоснованные теоретически, гуманистически осмысленные системные практикоемкие социальные методики оптимизации и развития взаимоотношений акторов информационно-коммуникационного взаимодействия в информационной сфере.

В современной информационной среде гуманитарные информационные технологии не угрожают человеческому достоинству, социальному статусу, гражданской позиции, психическому здоровью и финансовому положению человека как личности и гражданина, не делают его инструментом политики, объектом пропаганды, заложником зависимости от ресурсов информационной сети, объектом цифрового жульничества, рекламного обмана, не создают условий несанкционированного, аморального, а порою даже и злонамеренного вторжения в личное информационное пространство или корыстного использования индивидуальных информационных ресурсов для дискредитации, подрыва имиджа или понижения социального статуса того или иного человека, будь то частное лицо, бизнесмен, общественный или политический деятель. В такой гуманизированной информационной среде гармонизированы интересы человека, общества и государства, и это дает возможность их всестороннего развития.

1. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008.
  2. Казаков М.А. Гуманитарная безопасность как основание внутренней политики современной России // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2013. № 1(29).
  3. Казаков М.А. Новое в теории безопасности: гуманитарная безопасность и гуманитарные технологии: учеб.-метод. пособие. Н. Новгород, 2012.
  4. Балугев Д.Г. Личностная и государственная безопасность: международно-политическое измерение. Н. Новгород, 2004.
  5. Стенограмма «круглого стола» Фонда «Наука-XXI» «Национальная безопасность РФ в гуманитарном измерении» // Бюл. НИЦ «Наука-XXI» «Проблемы безопасности». 2009. № 6. URL: <http://www.naulkaxxi.ru/materials/108/>
  6. Могилевский В.Д. Системная безопасность: формализованный подход // Проблемы внутренней безопасности России в XXI веке: материалы конф. / науч. ред. В.А. Возжеников. М., 2001.
  7. Гребенщикова Е.Г. Трансдисциплинарная парадигма: наука – инновации – общество. – М., 2011.
  8. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследования // Вестн. ТГПУ. 2011. № 10(112).
  9. Мокий В.С. Основы трансдисциплинарности. Нальчик, 2009.
  10. Бирюков А.А. Информационная безопасность: защита и нападение. М., 2012.
  11. Викторов А.Ш. Введение в социологию безопасности. М., 2008.
  12. Леонов А.П. О «гуманитарном измерении» проблемы информационной безопасности // Управление защитой информации. 2004. Т. 8. № 2.
1. Krysin L.P. Explanatory Dictionary of foreign words. Moscow, 2008.
  2. Kazakov M.A. Human security as a basis of internal policy of modern Russia // Bull. of Nizhny Novgorod University named after Lobachevsky. Ser. «Social sciences». 2013. № 1(29).
  3. Kazakov M.A. The new in the security theory: human security and human technology: guidance manual. Nizhny Novgorod, 2012.
  4. Baluev D.G. Personal and public safety: international political dimension. Nizhny Novgorod, 2004.
  5. Transcript of the «round table» of the Fund «Science-XXI» «National security of the Russian Federation in the humanitarian dimension» // Bull. of the Research Center «Science-XXI» «Security Issues». 2009. № 6. URL: <http://www.naulkaxxi.ru/materials/108/>
  6. Mogilevsky V.D. System security: a formalized approach // Problems of Russian internal security in the XXI century: proc. of the conference / sci. ed. V.A. Vozzhenikov. Moscow, 2001.
  7. Grebenshchikova E.G. Transdisciplinary paradigm: science – innovation – company. Moscow, 2011.
  8. Knyazeva E.N. Transdisciplinary research strategies // Bull. of Tomsk state pedagogical university. 2011. № 10(112).
  9. Moky V.S. Fundamentals of transdisciplinarity. Nalchik, 2009.
  10. Biryukov A.A. Information security: defense and offense. Moscow, 2012.
  11. Viktorov A.Sh. Introduction to safety sociology. Moscow, 2008.
  12. Leonov A.P. On the «human dimension» of information security problems // Management of information protection. 2004. Vol. 8. № 2.

Петракова Анна Сергеевна

кандидат философских наук,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79180523611)

Проблема идентификации и самоидентификации личности в гносеологических концепциях Нового времени

В статье автор исследует понимание сущности идентификации и самоидентификации философами Нового времени, показывает связь процессов идентификации с познавательной активностью индивидов и их включенностью в коммуникационное взаимодействие. Рассматривает понимание отдельными философами механизмов конструирования идентичности, уделяя внимание объективным и субъективным основаниям данного процесса.

Ключевые слова: идентификация, самоидентификация, социализация, идентичность, познание, коммуникационное взаимодействие.

A.S. Petrakova, Candidate of Philosophy, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79180523611.

The problem of personality identification and self-identification in epistemological concepts of New Time

In the article author researches the understanding of essence of identification and self-identification by philosophers of New Time, shows the connection of the processes of identification with cognitive activity of individuals and their including in the communicational interaction. Author also considers the understanding of mechanisms of engineering of identity by some philosophers, paying attention to objective and subjective foundations of this process.

Key words: identification, self-identification, socialization, identity, cognition, communicational interaction.

Проблемы идентификации и самоидентификации личности многими мыслителями в истории социальной философии рассматриваются в русле познавательной деятельности человека. Особенно явно это демонстрируют представители эмпирического и рационалистического направлений Нового времени. Понимая идентификацию как самоопределение человека по поводу своей сущности, своего места в мире и назначения, философы исследуют механизмы установления тождества через процессы познания действительности и самого себя как ее части. Более того, некоторые из них напрямую устанавливают связь между идентификацией и коммуникационным взаимодействием, показывая их взаимовлияние и его результаты.

В частности, обращаясь к гносеологическим теориям эмпиризма, отдельное внимание хочется уделить исследовательским теориям Ф. Бэкона, Д. Юма, Дж. Беркли, поскольку именно они впервые дифференцированно подходят к процессам идентификации и самоидентификации, а также делают попытки исследовать сам процесс их осуществления и выдвигают

предположения относительно структуры самой идентичности.

Френсис Бэкон разводит понятия идентификации и самоидентификации, не отрицая, однако, их общего начала, а именно установления в конечном итоге тождества по конкретным признакам субъекта и объекта идентификации. В частности, первым у мыслителя является человек, активно действующий, познающий, ищущий истину, вторым же – мир вокруг, его отдельные элементы, в том числе другие люди. В случае с самоидентификацией человек выступает одновременно в двух ролях: в качестве субъекта, осуществляющего идентификацию, и объекта, который он пытается идентифицировать с чем-то или кем-то. Руководствуясь данным утверждением, можно сказать, что в учении философа речь идет скорее об общем случае самоидентификации, чем об идентификации вообще.

Самоидентификация, осуществляемая человеком на ранних этапах его социализации, является у Ф. Бэкона проявлением самой человеческой сущности, подобно стремлению к познанию мира. Только в случае с самоидентифи-

фикацией человек познает самого себя, но не с целью выявить, кто он есть в мире и для мира, а с целью установить тождество с человеком познающим как таковым и определить границы познания себя и мира вокруг, поскольку одно без другого у Бэкона неосуществимо.

Следуя данной логике, человек познает только малую часть того, что желает познать, а все, им воспринятое, по большей части субъективно, поскольку деформировано воздействием идолов – заблуждений, препятствующих свободному вхождению истины. В результате мы имеем очевидное расхождение, поскольку, с одной стороны, человек идентифицирован как существо, от природы стремящееся к знанию, с другой же – как существо ограниченное и по самой своей природе не способное это знание получить.

Самоидентификация, тем не менее, осуществляется так, что человек первоначально детерминирует себя как принадлежащего к человеческому роду, а потому сам он является отражением всего человеческого. Однако установление тождества в данном случае происходит ненамеренно, а по причине того, что «ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде» [1, с. 17]. Иными словами, идолы рода суть отражение человеческой природы, которая не позволяет заглянуть вглубь, но обуславливает наделение объектов некими чертами, которыми они на самом деле не обладают, но которые им присущи в сознании человека.

Далее в стремлении постичь истину происходит идентификация других и самого себя, обусловленная не объективными чертами объекта, а той информацией, которой уже обладает субъект идентификации и которая почерпнута им из различных источников. Надо полагать, что данная информация также необъективна, поскольку уже пропущена через сознание человека и искажена его субъективным восприятием мира. Иными словами, формирование идолов пещеры и есть собственно процесс идентификации, человеком понимаемый и осуществляемый как процесс познания. В его русле формируется собственно идентификационное ядро, в котором органично переплетаются черты, общие для человека вообще как универсалии, и черты субъективные личностные, привнесенные данным конкретным человеком в свою систему координат сознательно или в результате манипуляции, появившиеся из книг, авторитетных источников и проч.

Третьим источником формирования идентичности можно назвать идолов площади или рынка. Они искажают и без того искаженную идентичность тем, что внедряют в сознание человека в виде языковых конструктов различные мысли и представления, которые более отягощены формой, нежели содержанием. В результате в сознании и идентификационных компонентах нет системы и смысловой упорядоченности. Манипуляции с помощью слов в коммуникационных процессах были возможны всегда, о чем свидетельствуют многие позиции учения Ф. Бэкона об идолах, обусловлены они тем, что люди связаны речью и общаются с помощью речевых символов, формул. «Большая же часть слов имеет своим источником обычное мнение и разделяет вещи в границах, наиболее очевидных для разума толпы. Когда же более острый ум и более прилежное наблюдение хотят пересмотреть эти границы... слова становятся помехой» [1, с. 22]. Очевидно, что Ф. Бэкон не слишком высоко ценил умение человека отделять истинное от очевидного и разбираться в сути вопреки всеобщему мнению. А потому на этом этапе идентификация других и самого себя у философа вновь неразделимы.

Таким образом, идолы площади формируются и внедряются в сознание человека, непосредственно модифицируя его идентификационное ядро, в процессе социализации. Они – продукт коммуникативного взаимодействия людей друг с другом, а потому имеют объективные основания и практически непреодолимы, поскольку произрастают в человеке не в силу его безграмотности, но по причине самой его принадлежности к человеческому роду и объективной необходимости существования в пределах человеческого сообщества. Преодоление идолов – это преодоление самого себя, возможность чего сам Ф. Бэкон отрицает, указывая лишь на некоторые исключительные случаи, когда люди сознательно могли фильтровать поступающую информацию не в результате волевых усилий, но по причине обладания природными способностями к этому.

Последним пластом в структуре идентичности являются так называемые идолы театра, «которые вселились в души людей из разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств» [1, с. 18–19]. Источниками заблуждений здесь мыслитель выделяет философские учения, научные теории, религиозные верования и проч. Все они в той или иной мере, выдаваемые за истинные, влияют на миропонимание человека и его самоопределение, поскольку укладываются в структуру

идентичности как объясняющие происхождение и назначение человека, его возможности и как нацеливающие его на определенные виды деятельности, которые кажутся осуществимыми по причине уверенности в тождестве собственной сущности неким коллективным культурно-историческим общностям.

Таким образом, гносеологическая концепция Ф. Бэкона весьма неоднозначна. Идентификация и самоидентификация у него тесно связаны и в некотором роде переплетены, поскольку, идентифицируя себя, человек одновременно устанавливает тождество между себе подобными по общему основанию – принадлежности к человеческому роду. Ею же, называемой в концепции Ф. Бэкона идолами рода, мыслитель объясняет неспособность к рациональному осмыслению воспринятого. В результате субъективного переживания процесса познания в структуре идентичности возникают новые элементы, которые складываются под воздействием идолов пещеры, площади и театра. Все они обусловлены личностным восприятием действительности под влиянием воспитания, коммуникационных взаимодействий и общепринятых стереотипов. В результате сформированная идентичность имеет объективное основание – саму природу человека и его неспособность конструировать представления, которые возникают из аналогии с самим миром, а не с человеком; и субъективные элементы, источником которых является то, что человек знает о мире и выражает с помощью речи, а не сам мир в его целостности и многообразии.

Вопреки Ф. Бэкону, утверждающему способность человека к идентификации и самоидентификации, Д. Юм отрицает подобную возможность. Данный процесс, утверждает философ, тесным образом сопряжен с познавательным; целью и того, и другого является установление истины, нахождение некоего идентификационного базиса, который бы служил и фундаментом, и критерием для отбора остальных идентификационных конструктов. Безусловно, научным может быть признано только то знание, которое отвечает элементарным требованиям рациональности. Но «нет ничего такого, что не было бы предметом спора и относительно чего люди науки не придерживались бы противоположных мнений» [2, с. 51], следовательно, по Д. Юму, невозможность выдвинуть неоспоримое основание идентификации заводит в тупик все попытки конструирования идентичности. В результате сама идея о возможности индивида идентифицировать самого

себя или других иррациональна, поскольку не имеет в своей основе неопровержимое ядро, констатирующее личностное «Я» как базис и одновременно критерий для отбора иных идентификационных надстроек.

Однако неспособность человека к идентификации и самоидентификации вовсе не означает объективное отсутствие идентичности, она лишь показывает ограниченность человека как субъекта познания и идентификации. Все это, в свою очередь, как и отрицание необходимости быть скептиком в своем исследовательском поиске, приводит человека к тому, что он вместо безнадежных попыток осуществить рациональное познание начинает манипулировать восприятием действительности. В результате правым оказывается не тот, кто утверждает невозможность познания, но тот, кто с помощью красноречия выдает за его результаты собственные субъективные идеи о бытии. Поэтому «победу одерживают не вооруженные люди, владеющие копьем и мечом, а трубачи, барабанщики и музыканты армии» [2, с. 53–54]. Таким образом, в основе процесса идентификации лежит не идея о собственном «Я», которая непостижима человеком, но желание манипулировать идентичностью в угоду частным интересам.

Дж. Беркли, будучи философом-идеалистом, указывает на ограниченность человека в его стремлении к познанию мира и самого себя и, подобно Д. Юму, полагает, что способность устанавливать тождество проистекает из понимания самой идеи о человеке. Однако в противоположность Д. Юму Беркли видит способность человека к абстрагированию, а именно признает умение постигать идею объекта и из совокупности идей множества объектов выделять общее фундаментальное ядро, которое бы давало возможность к последующему конструированию теории. Подобно этому и идентификация у Беркли – это процесс постижения множества сущностей множества объектов, выявление их точек соприкосновения, общностей и установление, таким образом, тождества между ними или отдельными их чертами. Однако если конструирование идентичности в процессе социализации индивида обусловлено объективными причинами и независимо от самого индивида, то процесс идентификации напрямую определяется его способностью к самоидентификации. Последняя, по мнению Дж. Беркли, рассматривается как заложенная природой, как данность, наличие которой нет иного объяснения, кроме божественного провидения. Дана эта способность далеко не

всем, поскольку «...наши способности ограничены и самой природой предназначены служить для охранения жизни и наслаждения ею, а не для исследования внутренней сущности и строения вещей» [3, с. 116].

В свою очередь, самоидентификация имеет основанием субъективное ощущение себя и мира вокруг, а не рациональное знание. Способность же к абстрагированию, о которой пишет Дж. Беркли, рассматривается как врожденное умение, как средство работы ума, позволяющее, воспринимая чувственно, осмысливать рационально. Ею наделены единицы, но «коль скоро оно [провидение] поселило в своих созданиях известные склонности, всегда снабжает их такими средствами, какие при правильном употреблении не могут не удовлетворить этих склонностей» [3, с. 117].

Большинство же к самоидентификации неспособны, воспринимают мир чувственно, осмысливают ограниченно, а потому выдают за действительные результаты работы не собственного ума, но господствующие мнения [3, с. 152–153]. Иными словами, идентичность – это объективное условие бытия человека в мире, идентификация же сопряжена со способностью к познанию, которое включает чувственное восприятие и рациональное осмысление воспринятого. А потому идентификация может осуществляться только ограниченным числом индивидов, наделенных природой способностью к анализу и абстрагированию.

В противоположность эмпирическим теориям, где человек признается обладателем идентичности, не способным, однако, к самому ее осознанию, в рационализме Нового времени идентификация и особенно самоидентификация мыслятся как объективные следствия разумности человека. К примеру, Р. Декарт одновременно решает проблему идентификации и самоидентификации, определяя человека как существо разумное, здравомыслящее, «поскольку это единственная вещь, делающая нас людьми и отличающая нас от животных» [4, с. 250].

Процессы идентификации и самоидентификации протекают в русле познавательных, условиями осуществления которых, в свою очередь, являются обучение и самообучение, начинающееся с самого момента рождения. В результате работы восприятия, мышления, воображения в нашем сознании и подсознании происходит закрепление образов объективной действительности, память способствует их многократному воспроизведению, в результате которого они наделяются новыми свойствами

и качествами. Таким образом, приобретается опыт, который детерминирует мировоззрение и поведение индивида. Стоит отметить, что ограниченность разума обуславливает определенные векторы формирования идентификационных компонентов. Иными словами, человек, будучи идентифицирован как универсальное биосоциальное существо, наделенное общими чертами, присущими его виду, все же несет в себе индивидуальность, обусловленную природными врожденными склонностями и способностями, определяющими субъективные стремления. Философ указывает, что «...наша воля по самой природе вещей стремится только к тому, что наш разум представляет ей так или иначе возможным» [4, с. 264]. Следовательно, разные люди, познавая одно и то же, формируют об этом разные представления, что предопределяет различия в идентификационном фундаменте.

Р. Декарт пишет, что идентификация других и самого себя осуществляется через познание мира, нахождение своего места в нем через изучение наук, языков, приобретение жизненного опыта. На каждом этапе социализации задачи и основания познания, а потому и идентификации неодинаковы, как и опыт, этому этапу предшествующий, отсюда и различные результаты отождествления. Неизменным же всегда остается идентификация любого человека с разумным существом, так как «способность правильно рассуждать и отличать истину от заблуждения – что, собственно, и составляет... разум, – от природы одинакова у всех людей» [4, с. 249–250].

Идентификационные процессы, осуществляемые на всех этапах социализации, позволяют человеку понять, кто он есть, к какой культуре и нации он принадлежит, что считает своим наследием, а что – достоянием, которое нужно передать потомкам. Тожества меняются по мере того, как развивается сам человек, приобретая новый опыт, знания, преобразующие его мировоззрение и деятельность. При этом неизменным в идентификационных процессах считается то, что сам человек – это субъект познания, мыслящий, ищущий истину, активно действующий. Но все идентификационные компоненты, им самим выделяемые, субъективны, поскольку подлежат переосмыслению и трансформации на протяжении его жизни. Неизменным, а именно объективным, остается то, что обусловлено объектом познания. Если последний – сам человек, то объективное идентификационное ядро – принадлежность человека к биологическому виду,

социальному миру и врожденное стремление к знанию, а также способность находить логические взаимосвязи в изучаемых им предметах. Все остальное – социальный статус, престиж, ученость, мудрость и проч. – субъективны, поскольку продиктованы субъективным переживанием себя, своей сущности на определенном этапе жизни.

Следовательно, сами процессы идентификации Р. Декарт конструирует аналогично процессам познания, которые неизбежны, имеют объективные причины и основания, но субъективные результаты, поскольку «я... так запутался в сомнениях и заблуждениях, что... своими стараниями в учении достиг лишь одного: все более и более убеждался в своем незнании» [4, с. 251].

Велико значение идентификации, поскольку, по Р. Декарту, ее осуществление позволяет искать тождество между объектами, объединять их в классы по общим основаниям. Самоидентификация не может происходить обособленно от идентификации как таковой, поскольку человек, изучая мир, прежде всего, стремится познать самого себя и найти в нем свое место. Иными словами, самоидентификация у Р. Декарта служит формированию определенного представления о себе на конкретном этапе жизни.

Б. Спиноза решает проблему идентификации и самоидентификации личности несколько специфично, связывая процесс конструирования идентичности с тремя ступенями познания. Для идентификации индивиду необходимо познать, т.е. установить общие основания бытия объекта, составить о нем сначала мнение, иными словами, догадку о его сущности и смысле существования, затем сформировать веру в то, что данный объект есть в действительности и, следовательно, имеет рациональное объяснение, и в качестве последней ступени идентификации нужно осуществить ясное познание, которое «происходит не из разумного убеждения, но из чувства наслаждения самими вещами, и это познание далеко превосходит другие» [5, с. 53]. Именно завершающий этап познавательной активности позволяет не просто принять факт существования объекта и объяснить его с позиции логики бытия, но дает человеку возможность сформировать собственное эмоциональное отношение к объекту.

Таким образом, идентификация у Б. Спинозы – это, по сути, познавательный процесс, осуществляемый индивидом, направленный вовне и предполагающий установление факта существования объекта, формирование рационального объяснения этому и закономер-

ностям внутри самого объекта и выработку эмоционального отношения к нему. Процесс идентификации как установления тождества между исследуемым объектом и другими, уже изученными, как бы включен в познавательный, поскольку именно из предыдущего гносеологического опыта индивид черпает те компоненты, тождество с которыми устанавливается при исследовании нового.

Процесс идентификации у Б. Спинозы, в отличие от теории Р. Декарта, хотя и имеет рациональные гносеологические основания, все же не может быть оторван от эмоционально-чувственной сферы. Именно познание, по мнению исследователя, лежащее в основе идентификации, является «причиной всех страстей» [5, с. 53]. Распознавание блага сопряжено с процессом идентификации объекта как способа его эмоциональной оценки. отождествление с тем, что понимается индивидом как хорошее на уровне эмоционально-чувственной регуляции, вызывает стремление к объекту и одновременно позволяет оценить других индивидов по признаку их отношения к идентифицируемому объекту. «Ибо если кто-либо сделал заключение, что нечто хорошо, а другой приходит и делает нечто во вред этому, то в нем возникает ненависть к виновнику...» [5, с. 55].

У Спинозы идентификация, тесно переплетенная с процессом познавательной деятельности, одновременно является рациональной причиной всех нерациональных проявлений человека: страсти, желания, любви, ненависти. К примеру, после прохождения описанных ступеней познания и идентификации объекта как положительного у индивида – субъекта идентификации возникает стремление к объекту как к воплощенному благу, «как это можно видеть у больного, который, слыша от врача, что то или другое лекарство хорошо для его болезни, тотчас стремится к нему» [5, с. 56]. Подобен описанному и механизм возникновения удивления, выражающийся в том, что эмоциональная оценка объекта идентификации ее субъектом отлична от оценки этого же объекта другими.

Именно в тесном переплетении чувственного и рационального оснований познания и идентификации философ видит основу заблуждений человека и его неспособности к объективному постижению бытия. Направления деятельности человека зависят от его желаний, природа которых сама по себе не вполне рациональна, поскольку «прежде чем наши желания направляются на что-то внешнее, в нас является решение, что это нечто хорошее» [5, с. 78]. В свою очередь, данное решение основано на рациональной и эмоциональной

оценках, притом что вторая не является объективным следствием первой, но формируется самостоятельно одновременно с ней.

Важным моментом в учении Б. Спинозы можно считать то, что каждый объект познания и идентификации имеет внешнюю причину. Одновременно с этим и сама идентификация хотя и проистекает из природной склонности человека к познанию, все же имеет внешние основания, связанные с бытием индивида в мире и обусловленные самой принадлежностью к нему. Иными словами, подобно исследуемому объекту, который несвободен, но существует по определенной причине и изучается не обособленно, но как часть мира, сам индивид, являясь субъектом идентификации, также в процессе ее осуществления опирается не столько на внутренние посылы, сколько на результаты сопоставления их с объективной необходимостью, имеющей внешние основания. Также и сама идентификация тесным образом сопряжена с тем опытом, который имеет ее субъект для ее осуществления.

Все это чрезвычайно актуализирует учение Б. Спинозы для современности, поскольку в условиях тотальной информатизации всех сфер жизнедеятельности и включенности индивида одновременно во множество коммуникационных процессов осуществление идентификации усложняется разнообразием тождеств, а потому сама конструируемая идентичность часто искажается благодаря чрезмерному влиянию одних и кажущемуся растворению других элементов идентификации в имеющемся информационном поле.

Таким образом, гносеологические концепции Нового времени и эмпирической, и рационалистической направленности признают наличие в человеке идентичности как некоего свойства, позволяющего ему сопоставить себя с миром. Представители обоих направлений видят объективным основанием идентификации и самоидентификации природную склонность человека к познанию себя и окружающей его действительности. Однако вопрос о конструировании идентичности через познание решается исследователями по-разному. В частности, приверженцы концепций эмпиризма склонны дифференцировать сами понятия идентификации и самоидентификации (Ф. Бэкон, Дж. Беркли), связывать их напрямую с коммуникационным взаимодействием людей в обществе, признавая при этом ограниченность человека как субъекта познания и тем самым утверждая его неспособность к установлению объективных оснований поиска тождества (Д. Юм). В свою очередь, философы-рационалисты не только заявляют о возможности человека к идентификации себя и других по причине его разумности (Р. Декарт), но и показывают механизм осуществления указанных процессов в русле познавательных (Б. Спиноза). Из всего этого можно заключить, что гносеологические теории Нового времени дали науке и социальной философии в частности новое понимание исследуемой проблемы, показав прочную связь процессов установления тождества с познавательной и коммуникационной активностью индивидов.

1. Бэкон Ф. *Вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы* // Соч.: в 2 т. М., 1978. Т. 2.

2. Юм Д. *Трактат о человеческой природе*. Минск, 1998.

3. Беркли Дж. *Трактат о принципах человеческого знания, в котором исследованы главные причины заблуждений и затруднений в науках, а также основания скептицизма, атеизма и безверия* // Соч. М., 1978.

4. Декарт Р. Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. I.

5. Спиноза Б. *Избранное*. Минск, 1999.

1. Bacon F. *The second part of works, named New Organon, or True Guidance for interpretation of nature* // Works: in 2 vol. Moscow, 1978. Vol. 2.

2. Hume D. *Treatise about human nature*. Minsk, 1998.

3. Berkeley G. *Treatise about the principles of human knowledge, in which the main reasons of misconceptions and difficulties in sciences and also the foundation of skepticism, atheism and unbelief are researched* // Works. Moscow, 1978.

4. Decart R. *Works: in 2 vol. Moscow, 1989. Vol. I.*

5. Spinoza B. *Sel. works*. Minsk, 1999.

Данилина Ирина Викторовна

администрация Западного внутригородского округа
г. Краснодара
(e-mail: iradan74@mail.ru)

Муниципальные программы и их роль в формировании социокультурного пространства города

В данной работе на примере программы «Наказы избирателей» муниципального образования город Краснодар рассматриваются возможности формирования социокультурного пространства при реализации программ социально-экономического развития территории муниципального образования. Приводятся эмпирические характеристики процесса взаимодействия социума с исполнительной и представительной ветвями власти.

Ключевые слова: муниципальная программа, наказы избирателей, социальное участие, социокультурное пространство, социальная политика.

I.V. Danilina, Administration of Western District of Krasnodar; e-mail: iradan74@mail.ru

Municipal programmes and their role in sociocultural sphere formation in the city

The possibility of forming the sociocultural sphere within the social and economic development programme implementation of the municipality is being considered in the paper based on the example of the «Electoral Mandate» programme of the municipal city of Krasnodar. Empirical characteristics of the interaction process between the society and executive or representative branches of the authorities are highlighted.

Key words: municipal programme, electoral mandate, society participation, sociocultural sphere, social policy.

Развитие муниципальных программ является неотъемлемой составляющей модернизации бюджетного процесса в условиях внедрения программно-целевых методов управления [1].

Масштабное применение программно-целевого принципа организации деятельности органов исполнительной власти и, соответственно, программных бюджетов на всех уровнях управления началось с 2012 г. и было обосновано озвученным в июне 2011 г. Бюджетным посланием Президента РФ Федеральному Собранию РФ, в соответствии с которым были утверждены основные государственные программы.

В 2013 г. были приняты изменения в бюджетное законодательство: введены новые термины «государственная программа» и «муниципальная программа», заменившие понятие «долгосрочная целевая программа».

В 2015–2016 гг. на территории муниципального образования город Краснодар реализовывалось 23 муниципальные программы, которые максимально охватывают все сферы деятельности органов местного самоуправления [2].

Программа по выполнению наказов избирателей – один из реально действенных способов решения наболевших проблем населения пу-

тем построения такой модели местного самоуправления, при которой пожелания «народным избранникам», данные на встречах и сходах граждан во время проведения предвыборных кампаний, реализуются органами исполнительной власти. При этом важно, что органы исполнительной власти несут ответственность (как того требует закон Краснодарского края от 14 мая 2002 г. № 483-КЗ «О наказах избирателей» [3]) за качество и сроки исполнения пунктов программы. Таким образом, формируется некая формула, отражающая взаимодействие органов представительной и исполнительной власти с населением. Конечной целью деятельности этого взаимодействия должен стать рост благоустроенности территории, удовлетворенности граждан проживанием на данной территории, а также удовлетворенность деятельностью органов власти и, как следствие, гармонизация социокультурного пространства для развития более доверительных отношений власти и населения.

Современные словари юридических терминов дают следующее определение слову «наказ». Это поручение избирателей своим депутатам в законодательном, представительном органе власти, имеющее обществен-

ное значение и одобренное в установленном порядке.

Жизнь показывает, что указы избирателей – это не только волеизъявление граждан, но и реальная форма их участия в управлении территорией, а значит, в ее модернизации под современные потребности различных слоев населения и его возрастных категорий. Системность работы с указами избирателей – один из принципов, лежащий в основе деятельности исполнительной и представительной власти. Именно указы составляют основу целевых программ, реализуемых в экономике, жилищно-коммунальной и социальной сферах многих регионов, включая Краснодарский край. И это, в свою очередь, добавляет ответственности всем уровням власти перед населением. Указы утверждаются на заседаниях городской Думы и обязательно проходят согласование с планами администрации муниципального образования, и это тоже очень важный момент, так как при этом они приобретают определенную финансовую составляющую.

Программа по выполнению указов избирателей депутатам городской думы Краснодара представляет собой перечень мероприятий, сгруппированных по отраслям (образование, здравоохранение, культура, физкультура; жилищно-коммунальное хозяйство, благоустройство и озеленение; инженерная, социальная инфраструктура, дорожное хозяйство и проч.), в разрезе по избирательным округам, а также мероприятий, намеченных в рамках работы общественных объединений, с указанием по каждому мероприятию отраслевого (функционального, территориального) органа городской администрации, ответственного за его выполнение. В программе по выполнению указов избирателей обязательно приводятся объемы финансирования мероприятий и сроки их реализации.

Отметим, что ключевым, исходным моментом в формировании конструктивного взаимодействия власти и населения, по мнению Е.Н. Заборовой [4], является создание режима широкой информированности и роста образованности населения.

По мнению ряда исследователей, одной из перспективных технологий взаимодействия власти и населения может стать технология социального участия.

Социальное участие – это особый способ выработки, принятия и реализации управленческих решений, предполагающий активное взаимодействие всех субъектов, которых затрагивает данное решение. Социальное участие получило распространение в США в на-

чале XX в. Идеологом практики вовлечения населения в процессы разработки и оценки принимаемых управленческих решений был английский социолог П. Геддс, который еще в середине 20-х гг. разработал два существенных принципа социального участия: принцип двойного информирования (специалисты информируют граждан о целях и планах городского развития, жители информируют об уровне жизни и своих запросах) и принцип взаимодействия в проектировании (специалисты разрабатывают базовые варианты проектов, жители оценивают эти варианты и выдвигают альтернативные предложения).

По нашему мнению, программа «Указы избирателей» выступает не только общественным «индикатором» проблем на отдельно взятой территории, но и механизмом открытого диалога власти и населения в современной России и представляет как раз разновидность технологии «социального участия». Следовательно, должны быть и модели взаимодействия населения, органов исполнительной и представительной власти, и научно обоснованная эмпирическая логистика этих отношений в российском социокультурном пространстве. Практика показывает, что проблемы взаимодействия существуют, а степень их изученности крайне недостаточна.

При этом можно выделить некие «константы», опоры для создания таких моделей:

1. Цикличность отношений (сроки полномочий избранных депутатов и должностных лиц).
  2. Системность работы с электоратом.
  3. Непрерывность отношений власти и населения.
  4. Ответственность власти за происходящие природные, экономические, социальные процессы.
  5. Меняющаяся конъюнктура рыночной экономики и постоянная необходимость внедрения адаптационных механизмов для поддержки социально не защищенных слоев населения.
- Сохраняющиеся риски усугубления геополитической напряженности в мире, неблагоприятных событий в международной финансовой системе и ухудшения конъюнктуры значимых для России товарных рынков могут, в свою очередь, проявиться в замедлении экономического развития, усилении волатильности инфляционной и курсовой динамики, снижении доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, ограниченности объемов накопленных резервов [5].
6. Неоднородность населения и геополитические особенности территории.

Население как «актор» политического процесса неоднородно. Его можно рассмотреть в целом как социокультурную общность, но можно и в контексте его подразделения на структуры-группы (бизнесмены, общественные движения, территориальное общественное самоуправление и т.д.).

Если в России конца XIX в. в отличие от западноевропейских стран отсутствовали механизмы регулирования взаимоотношений между различными социальными группами и воздействия общества на политику государства, то XXI в. можно охарактеризовать «мультиформатными» отношениями власти и населения, с устойчивым составом социальных институтов, институциональной экономикой, многообразием форм взаимодействия между ними. В конце XIX – начале XX в. общество было разделено на сословия (группы населения, имеющие особый правовой статус), сохранялась самодержавная форма правления, практически отсутствовал диалог между властью и обществом (не было представительных органов, свободы печати, запрещалась политическая деятельность). Сегодня существует определенная степень свободы и демократии, однако классовый состав и геополитические особенности остались прежними.

7. Государственное регулирование распределения бюджета (социально ориентированный бюджет).

Доля расходов, направляемых в 2016 г. на социальную защиту граждан и оказание социально значимых услуг (т.е. социальную политику, образование, здравоохранение, культуру, физическую культуру и спорт), составила около 57% от суммарных расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации [5]. Аналогичная картина сохраняется в регионах и муниципалитетах.

8. Стандартные методы диалога власти и населения (собрания, сходы по месту жительства, личные обращения, участие в публичных слушаниях и т.д.) для коррекции наиболее острых проблем, вызывающих социальную напряженность.

Круг факторов, составляющих среду, в которой население проявляет свою гражданскую активность, достаточно широк (экономические, общие политические, исторические, правовые, культурологические, поселенческие и прочие факторы) [4]. Каждый из них заслуживает отдельного внимания. По нашему мнению, все они формируют социокультурное пространство города.

Многие исследователи считают, что для отношений с властью характерны слабость диалога

власти и народа, отсутствие опыта отстаивания собственных интересов через коллективные формы. Более популярны индивидуальные контакты (личный прием граждан, письменное обращение через приемные, административные жалобы). Однако опыт организации местного самоуправления в Краснодарском крае и, в частности, городе Краснодаре показывает достаточную степень открытости и прозрачности деятельности исполнительной и представительной власти, доказательством чему является огромное количество реализуемых на территории муниципального образования программ, в числе которых программа «Наказы избирателей» – главный аргумент активного диалога населения и действующей власти.

9. Уровни возможностей бюджетов (федерального, регионального, муниципального) оказать помощь гражданам, попавшим в трудную экономическую ситуацию. Здесь – обманутые дольщики, обеспеченность детскими садами, школами, инфраструктурой, зелеными зонами, инженерными сооружениями и коммуникациями и т.д.

10. Противоречия в законодательной сфере (делегирование полномочий муниципалитетам без установленных законодательством нормативов).

11. Участие граждан в принятии управленческих решений.

Традиционно в Российском государстве «допуск» населения к участию в управлении строго контролировался. Опасность абсолютизации, как полного народовластия, так и всевластия диктатуры доказана исторически. Стало очевидным, что вопрос участия населения в управлении – это вопрос меры такого участия, определяющей дальнейшую эффективность механизма и многообразия форм взаимодействия систем власти и населения.

12. Парламентское «сверхбольшинство» (режим безусловного доминирования партии власти).

В заключение следует отметить, что современное социокультурное пространство не может обойтись без качественно выстроенной социальной политики государства, региона, муниципалитета. Совокупность перечисленных выше факторов должна иметь логический строй и взаимообусловленность, тогда поиск решений в пользу формирования единого социокультурного пространства будет не столь затруднительным. На наш взгляд, на территории, где визуализируется и практически задействована структура эффективного взаимодействия (диалога) власти и населения, можно не про-

сто заниматься дальнейшим формированием, изучением и совершенствованием социокультурного пространства, но и его применением для воспитания качественно нового гражданского общества. Выделенные нами составляющие константы могут использоваться для построения новых, более эффективных моделей взаимодействия населения (гражданского об-

щества, социума) со всеми ветвями действующих управленческих структур (исполнительной и представительной власти). Причем постоянной в данной ситуации остается лишь названная функция (опция), а ее величина, объем или значение должны быть вариативными, поддающимися экономической, политической, культурологической и социальной коррекции.

1. Володарская Е.П., Смирнова Н.К., Таланцев В.И. Программно-целевой метод как механизм реализации программ социально-экономического развития территории муниципального образования // *Научные исследования и их практическое применение. Современная ситуация и пути развития*. 2014. Октябрь. URL: <http://www.sworld.education/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/oct-2014> (дата обращения: 01.12.2016).

2. Программа социально-экономического развития муниципального образования город Краснодар на 2016 год / Администрация муниципального образования город Краснодар. Краснодар, 2015.

3. О наказах избирателей: закон Краснодарского края от 14 мая 2002 г. № 483-КЗ. URL: <http://www.fpa.su/regzakon/krasnodarskiy-kray/zakon-krasnodarskogo-kraya-ot-14-maya-2002-g-n-483-kz-o-nakazach-izbirateley/> (дата обращения: 01.12.2016).

4. Заборова Е.Н. Власть и население // *Вопросы управления*. 2014. № 1. URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2014/01/5/> (дата обращения: 01.12.2016).

5. Бюджет для граждан к Федеральному закону «О федеральном бюджете на 2016 год». URL: http://minfin.ru/ru/document/?id_4=94700 (дата обращения: 01.12.2016).

1. Volodarskaya E.P., Smirnova N.K., Talantsev V.I. Program and target method as mechanism of implementation of program of social and economic development of the territory of the municipality // *Scientific research and their practical application. Modern situation and ways of development*. 2014. October. URL: <http://www.sworld.education/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/oct-2014> (date of access: 01.12.2016).

2. The program of social and economic development of the municipality the city of Krasnodar for 2016 year / Administration of the municipality the city of Krasnodar. Krasnodar, 2015.

3. About orders of voters: law of Krasnodar Region d.d. May 14, 2002 № 483-RL. URL: <http://www.fpa.su/regzakon/krasnodarskiy-kray/zakon-krasnodarskogo-kraya-ot-14-maya-2002-g-n-483-kz-o-nakazach-izbirateley/> (date of access: 01.12.2016).

4. Zaborova E.N. Power and population // *Questions of management*. 2014. № 1. URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2014/01/5/> (date of access: 01.12.2016).

5. The budget for citizens to the Federal law «About the Federal Budget for 2016». URL: http://minfin.ru/ru/document/?id_4=94700 (date of access: 01.12.2016).

Краснокутский Дмитрий Николаевич
 Краснодарский университет МВД России
 (тел.: +78652391106)

Молодежь и социальные сети Интернета: теоретико-прикладной анализ

Рассматривается влияние социальных сетей Интернета на современное общество. Отмечается, что проникновение социальных сетей Интернета в жизнь общества предполагает их влияние на социализацию, воспитание молодежи, интегрирует их в соционормативную систему. Именно поэтому дисфункции социальных сетей Интернета могут рассматриваться как потенциальное пространство девиации, особенно применительно к молодому поколению.

Ключевые слова: трансформирующееся общество, информационно-компьютерные технологии, Интернет, социальные сети, социальные нормы, девиантное поведение, молодежь, соционормативная система.

D.N. Krasnokutskiy, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78652391106.

Youth and social networks of the Internet: theoretical and applied analysis

The author considers influence of the social Internet network in modern society. He notes that penetration of the Internet social networks in society implies their effect on socialization, education of youth, and thus integrate them into socionormative system. That is why the social dysfunction of the Internet network can be considered as a potential deviation space, especially for the younger generation.

Key words: transforming society, information and computer technologies, the Internet, social networks, social norms, deviant behaviour, youth, socionormative system.

Общество начала XXI в. характеризуется масштабными трансформациями, обусловленными проникновением в социальные процессы новых информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий. Это актуализирует процесс научного анализа ряда проблем, связанных с глобализацией и становлением информационного общества. Особая роль в изменении социальной реальности принадлежит становлению и функционированию сети Интернет. Ее развитие приводит к возникновению новых социальных практик. Из механизма передачи информации Интернет превращается не только в структурирующую, объединяющую людей социальную технологию, но и в самостоятельную сферу жизни, функционирование которой приводит к трансформации современного социального пространства.

В отличие от традиционных массмедиа, Интернет воплощает в себе возможности не только массовой, но и групповой, а также межличностной коммуникации. Именно последняя является самой доверительной по сравнению с другими видами; здесь наблюдается определенная социально-психологическая, социокультурная, духовная близость коммуникаторов (в противном случае возникает эффект когнитивного диссонанса, так как люди в силу своих социально-психологических особенно-

стей в большинстве своем не стремятся коммуницировать с теми, кто разрушает (оспаривает, высмеивает и т.п.) сложившиеся у них годами идеи, идеалы, представления, ценности и т.п.). Возможности интернет-среды позволяют ей «симулировать» (создавать правдоподобные копии) именно межличностное общение людей – безопасное, спокойное, доверительное. Зачастую данную функцию выполняют интернет-сообщества. Этим обстоятельством, в первую очередь, объясняется потребность людей в общении посредством социальных сетей.

По мнению Р.В. Кончаковского, технологические изменения приводят к появлению новых типов интернет-сообществ, выполняющих иные, чем прежде, функции, вызывая к жизни противоречия, с которыми еще не приходилось сталкиваться пользователям. Интернет-сообщества выводят на новый уровень процессы самоорганизации в социуме, с одной стороны, предоставляя качественно иные возможности для развития индивида, с другой – способствуя возникновению новых практик манипулирования им [1].

В силу вышеизложенного вполне закономерным является тот факт, что в современном обществе среди множества интернет-ресурсов выделяются сетевые интернет-сообщества. Их появление привело к существенным изменениям стиля и образа жизни, социальных практик,

особенностей общения и взаимодействия людей. Поэтому вполне логично рассматривать сетевые интернет-сообщества как социокультурное явление, феномен духовной жизни общества XXI в. Сетевые интернет-сообщества способствуют виртуализации повседневного общения, взаимодействия, опосредованию межличностных и групповых контактов людей.

Е.А. Лавренчук указывает, что в начале XXI в. с каждым годом растет популярность социальных сетей Интернета. Определяя содержательную суть понятия «социальная сеть Интернета», исследователь указывает, что это платформа, онлайн-сервис и веб-сайт, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений в Интернете [2].

Современные ученые обращают внимание на следующую проблему: информация, размещенная пользователями в социальных сетях, может быть найдена и использована кем угодно, не обязательно с благими намерениями. Информацию об участниках социальных сетей могут найти их работодатели, родственники, сборщики долгов, преступники и т.д. Поэтому некоторые работодатели запрещают пользоваться социальными сетями – не только ради экономии, но и чтобы воспрепятствовать утечке информации. Также пользователи социальных сетей могут столкнуться с травлей, критикой, «нелестными отзывами» и необоснованными слухами [3, с. 144–145].

Особое беспокойство у исследователей вызывает пропаганда самоубийств в социальных сетях Интернета. Увеличивающаяся популярность социальных сетей ощутимо повлияла на рост подростковых суицидов. Более трети материалов, описывающих способы добровольного ухода из жизни и агитирующих к нему, собрано в социальной сети «ВКонтакте». Правоохранительные органы регулярно принимают меры по закрытию так называемых «групп смерти». При этом часто родители даже не догадываются, что на их детей действует пропаганда самоубийства: в социальных сетях для этого используются довольно изощренные методы [3, с. 144–145].

Одной из «групп риска» подобного негативного воздействия в пространстве социальных сетей является молодежь как особая социально-демографическая и социально-статусная группа. Обращаясь к теоретическим представлениям о социальной сущности данной группы, считаем необходимым отметить следующее.

Существует несколько классических концепций социологического анализа молодежи

как особой социально-возрастной группы в составе общества. В частности, И.М. Ильинский рассматривал молодежь как часть общества, объективное общественное явление, определяемое возрастными рамками. Специфика ее состоит в том, что она зависима и живет как бы в кредит, ее самостоятельность в принятии важных решений ограничена, в то же время перед ней стоит проблема выбора работы, профессии, нравственного и социального самоопределения. Ильинский акцентирует внимание на переходности молодежи, социальный статус которой во всех конкретных обществах и во все времена в главном одинаков: молодежь – это и объект и субъект социализации [4, с. 108–120].

Один из основателей советской социологии молодежи – В.Т. Лисовский – позиционировал молодежь как «поколение людей, переходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [5, с. 8].

Исследователи, характеризуя специфику молодежи как особой социально-демографической группы, указывают, что ее сущностные свойства связаны с ролью, которую играет эта социальная группа в общественном воспроизводстве. Становление субъектности молодежи в процессе реализации ею основных социальных функций – воспроизводственной и инновационной – сопряжено с преодолением как внутренних, так и внешних противоречий. В стремлении обрести самостоятельность и независимость от взрослых молодым людям, особенно подросткам, приходится преодолевать внутренние противоречия, являющиеся порождением амбивалентных проявлений. На групповом и индивидуально-личностном уровнях нередко имеют место дискриминация молодежи по возрастному признаку, нарушение ее прав в образовании, труде, профессиональной деятельности, сфере культуры, семейных отношениях, ограничение возможностей ее физического и духовного развития, ущемление прав личности [1, с. 37–39].

При рассмотрении социально-возрастной и социально-психологической специфики молодежи становятся очевидными детерминанты ее глубокой интеграции в пространство социальных сетей. Молодое поколение является носителем новаторского потенциала, который реализуется здесь в полной мере. Для молодежи характерно стремление к использованию

социальных сетей Интернета в максимально широком варианте: от досуговых практик, знакомств, самореализации до деловой активности, выражения своей гражданской позиции, политических и культурных предпочтений. В связи с этим стоит обратить внимание, в том числе, и на негативные стороны сложившейся ситуации.

Следует подчеркнуть, что интеграция молодежи в пространство социальных сетей Интернета несет в себе ряд противоречивых последствий, которые должны стать предметом теоретического и эмпирического социологического анализа. На наш взгляд, в настоящее время необходимо обратить внимание на опасные последствия роста значимости в обществе социальных сетей Интернета, так как в целом ряде случаев возникают угрозы информационной безопасности как личности, так и социальной группы, а также государства в целом. При этом адекватных механизмов противодействия, в частности, угрозам нарушения конфиденциальности персональных данных в социальных сетях пока нет. Именно этот факт вызывает серьезную обеспокоенность у ученых и практиков.

Необходимо отметить, что социологический анализ предполагает, в том числе, исследование социальных сетей в контексте слабо прогнозируемых социальных последствий, возникающих вследствие роста их значимости в социуме. Для указанных целей нами было проведено эмпирическое исследование молодежи, проживающей в Краснодарском крае. Общий объем выборки – 733 человека, метод – раздаточное индивидуальное анкетирование; срок проведения исследования – сентябрь 2016 г. По результатам проведенного анализа можно заключить следующее.

Респонденты, принимавшие участие в исследовании, отличаются достаточно интенсивной погруженностью в интернет-среду. Так, большинство респондентов – 57,3% – проводят в Интернете более 5 часов. Кроме того, 23,6% респондентов проводят в Интернете 3–5 часов. Лишь 10,2% участников исследования относительно немного времени проводят в Интернете – 1–3 часа, а 8,9% респондентов – менее часа. Таким образом, исследуемая совокупность характеризуется интенсивным потреблением интернет-услуг, что позволяет сделать заключение об их погруженности в виртуальную реальность.

Как показал проведенный анализ, большинство опрошенных обладают немалым «стажем» нахождения в социальных сетях. Так,

стаж от 2 до 4 лет имеют 46,8% респондентов. Из них 8,5% участников исследования в социальной сети уже более 4 лет. Весьма значительная группа участников исследования – 25,9% – имеют стаж нахождения в сети 1–2 года, их можно причислить к «средним» пользователям. Лишь 18,4% в социальной сети менее 6 месяцев, а 9,4% – от полугода до года.

Проведенное исследование показало значительный разброс мнений относительно рисков вмешательства злоумышленников в их личную жизнь посредством социальной сети. Большинство участников опроса – 48,9% – опасаются, но действуют под влиянием стереотипов «все так делают». Также 20,3% признались, что «немного опасаются», в результате выкладывают на своей страничке только не личные материалы. При этом 14,1% респондентов не размещают в Интернете материалы о своей личной жизни. Лишь около четверти респондентов – 16,7% – ничего не опасаются и выкладывают все, что захотят. Таким образом, большая часть опрошенных в той или иной мере испытывают опасения по поводу общедоступности личных материалов в социальных сетях.

В ходе исследования выяснилось, что большинство опрошенных – 61,1% – не испытывают никаких проблем при переходе из виртуальной реальности в сферу повседневного общения. Противоположной точки зрения придерживаются 22,3%. Еще 16,6% предпочли уклончивую формулировку ответа «когда как».

Исследование показало, что нахождение членами в виртуальной реальности не проходит бесследно для респондентов. Об этом, в частности, свидетельствуют признания о регулярных отклонениях от моральных норм (39,8% – весьма часто, 32,7% – скорее часто). Лишь 6,1% респондентов указали, что никогда не нарушали даже моральных норм, а 21,4% – в очень редких случаях.

Таким образом, можно отметить, что генезис и рост общественной значимости социальных сетей Интернета является закономерным итогом прогрессивного развития социума в технико-технологическом аспекте; речь идет о поступательном движении общества, особенно его коммуникационной системы, от традиционных форм и способов общения, обмена информацией к более совершенным. Последние создают особый виртуальный мир, в который погружаются наиболее интенсивные пользователи интернет-ресурсов. Именно к числу современных, инновационных форм и способов коммуникации относятся социальные сети Интернета. Однако в росте популярности, обще-

ственной значимости социальных сетей необходимо выделять не только позитивные, но и негативные аспекты.

В частности, социальные сети Интернета могут быть позиционированы как обладающие определенным девиантным потенциалом, причем не только в отношении моральных норм, традиций, но и норм права. В социальных сетях Интернета нередко происходит нарушение конфиденциальности информации, распространяется дезинформация; исследования показывают, что имеет место пропаганда самоубийств, алкоголизма, наркомании, половой распущенности. По нашему мнению, данная ситуация диктует необходимость более подробного анализа девиантного потенциала социальных сетей Интернета как в теоретическом, так и в эмпирическом аспектах научной оценки.

Особую обеспокоенность вызывает глубокая интеграция в пространство социальных сетей

подростающего поколения. В силу лабильного сознания, нестабильной системы ценностей, иррациональности, юношеского максимализма молодежь зачастую действует непредсказуемо. Именно поэтому молодые люди нередко «погружаются» в пространство социальных сетей, не задумываясь о возможных негативных последствиях таких действий. При этом круг социальных последствий интенсивной коммуникации в социальных сетях применительно к молодежи варьируется от аддикции до нарушения конфиденциальности личных данных и угроз информационной безопасности. В такой ситуации становится очевидным, что в настоящее время необходима координация науки и системы государственного управления в целях поиска эффективных решений системного социального противоречия, детерминированного переходом к постиндустриальному информационному обществу.

1. Кончаковский Р.В. *Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2010.*

2. Лавренчук Е.А. *Аутопойезис социальных сетей в интернет-пространстве: дис. ... канд. филос. наук. М., 2011.*

3. Ефимов Е.Г., Кузнецов А.А. *Виды кризисного потенциала социальных сетей как региональных социально-экономических систем // Инновационный потенциал современного региона: проблемы региональной безопасности и внутрирегиональной интеграции на постсоветском пространстве: всерос. науч.-практ. конф. Волгоград, 2011.*

4. Ильинский И.М. *Молодежь и молодежная политика. М., 2001.*

5. Лисовский В.Т. *Методология и методика изучения идеалов и жизненных планов молодежи: дис. ... канд. филос. наук. М., 1968.*

6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. *Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // Социс. 2008. № 5.*

1. Konchakovskiy R.V. *Network internet society as sociocultural phenomenon: diss. ... Candidate of Sociology. Yekaterinburg, 2010.*

2. Lavrenchuk E.A. *Autopoiesis of social networks in cyberspace: diss. ... Candidate of Philosophy. Moscow, 2011.*

3. Efimov E.G., Kuznetsov A.A. *Types of crisis potential of social networks as regional social and economical systems // Innovational potential of the modern region: problems of regional safety and intra-regional integration in the post-Soviet space: proc. of All-Russian sci. and pract. conf. Volgograd, 2011.*

4. Ilinskiy I.M. *Youth and youth policy. Moscow, 2001.*

5. Lisovskiy V.T. *Methodology and methods of study ideals and life plans of youth: diss. ... Candidate of Philosophy. Moscow, 1968.*

6. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. *Youth extremism: nature and features // Socis. 2008. № 5.*

Тимофеева Наталья Ивановна

Краснодарский университет МВД России

(e-mail: inkognito13@inbox.ru)

Особенности интерпретации понятия «жизненная стратегия» в натурализме

В статье рассматриваются особенности понимания жизненной стратегии человека в реальном социальном пространстве в одной из парадигм социального познания – натурализме. Специфика авторского подхода к пониманию натуралистической парадигмы заключается в отказе от рассмотрения материализма в качестве самостоятельного направления социальной мысли, принципиально отличного по своим установкам, ценностным ориентирам и теоретико-методологическим приемам от других философских школ, абсолютизирующих роль природного начала в социальных процессах.

Ключевые слова: социальное познание, натуралистическая парадигма, эволюционизм, социальный критицизм, конфликтологизм, жизненная стратегия.

N.I. Timofeeva, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: inkognito13@inbox.ru

Features of interpretation of the concept «life strategy» in naturalism

The article attempts to reveal the specific of understanding of the life strategy in the social space in one of the paradigms of social cognition – naturalism. The specificity of the author's approach to understanding the naturalistic paradigm is the failure to consider materialism as independent areas of social thought, fundamentally different in their attitudes, values and theoretical and methodological techniques from other philosophical schools which absolutize the role of natural origin in social processes.

Key words: social cognition, naturalistic paradigm, evolutionism, social criticism, conflictologism, life strategy.

Каждая парадигма социального познания вносит свои коррективы в организацию методов научного познания [1, с. 111]. Само же социальное познание являет собою не монолитное, а различенное внутренне структурированное единство, представленное конкурирующими и, вместе с тем, дополняющими парадигмами. В данной статье предпринимается попытка выявить специфику понимания жизненной стратегии в натуралистической парадигме социального познания.

Натурализм представляет собой особую парадигму социальной мысли, предполагающую целостную онтологическую картину общественных отношений и сопоставимую по своей значимости с двумя основными видами идеализма и реализмом. Здесь сразу можно оговориться, что термин «натурализм» рассматривается предельно широко и включает в себя не только натурализм в узком смысле этого слова, но и все исторические формы материализма, бихевиоризм, физиологизм, фрейдизм, философию франкфуртской школы и т.д. Общим признаком этих школ и течений следует признать редукцию социальной жизни к зако-

номерностям природных процессов. Несмотря на содержательное многообразие натуралистических учений, в них можно обнаружить ряд общих признаков, составляющих характерные черты целостной социально-онтологической картины мира. Важнейшими из них следует признать социальный эволюционизм, социальный критицизм и конфликтологизм.

Социальный эволюционизм натуралистических онтологий связан с концепцией генетической связи между природой и обществом. Так, согласно эволюционизму социальные процессы представляют собой продолжение саморазвертывания материального начала в специфической человеческой среде. При этом сущностная характеристика эволюции остается неизменной. Подтверждением наличия генетической связи между природным и социальным развитием может служить следующий фрагмент из работы О. Конта «Основные законы социальной динамики или общая теория естественного процесса человечества»: «Если рассматривать с высшей, научной точки зрения все человеческое развитие в целом, то прежде всего мы придем к такому общему пониманию:

это развитие в существенных чертах состоит в том, что все более и более выделяются характерные способности человечества по сравнению с таковыми же способностями животного мира, являющимися для нас общими со всем органическим царством, хотя последние по необходимости продолжают составлять первоначальную основу человеческого существования, как и всякой иной животной жизни... Наша социальная эволюция фактически является лишь самым внешним итогом общего процесса, который проходит беспрерывно через все животное царство... При этом необходимый перевес чисто органических функций повсеместно отсутствует или все более и более отходит на задний план, и, напротив, развитие анимальных функций в собственном смысле, главным образом, развитие интеллектуальных и моральных функций все более и более стремится к достижению жизненного влияния, которое опять-таки, даже при внешнем совершенстве человеческой природы, никогда не может быть достигнуто до конца» [2, с. 17].

Большое значение для анализа понятия социальной эволюции имеет его сопоставление с понятием социального. Как известно, данная категория включает в себя понятие социального бытия и общественного сознания. Использование понятий «социальное бытие» и «общественное сознание» для анализа специфики применения термина «эволюция» в различных натуралистических учениях позволяет установить основной субъект социального развития. Так, органицизм Г. Спенсера имеет ярко выраженный объективистский характер, говоря об эволюции, английский социолог и мыслитель рассматривает в качестве субъекта социального развития не общественное сознание, а социальное бытие. Раскрывая природу субъекта, механизм и цели социального развития, Г. Спенсер в своей работе «Основания социологии» писал: «Многие факты доказывают, что социальная эволюция составляет часть большой эволюции, эволюции вообще. Подобно любым развивающимся агрегатам, общество обнаруживает интеграцию как благодаря простому увеличению массы, так и объединению и рекомбинации масс. Развитие от однородности (гомогенности) к разнородности (гетерогенности) подтверждается многочисленными примерами перехода от простого племени, похожего во всех своих частях, к цивилизованной нации, подчиненной образцу структурного функционального несход-

ства. С процессом интеграции и разнородности растет связанность... Дальнейшее ее развитие приносит устойчивое установление, которое, обретая стабильность, также становится более конкретным, а сферы их приложения к разным видам действий... постепенно разделяются по своей внутренней структуре. Таким образом, во всех отношениях выполняется формула эволюции: «налицо прогресс в направлении большего размера обществ, их связанности, многообразия и определенности» [3, с. 237–238].

В противоположность Спенсеру О. Конт разработал субъективистскую интерпретацию социальной эволюции. Согласно Конту общество обладает двумя важнейшими противоположными по характеру свойствами – статичностью и динамичностью. Статичность человеческого общества сближает его с организацией общественных животных, тогда как динамичность, напротив, является его специфическим свойством. Если естественная эволюция представляет собой иерархию неизменных по своей форме биологических видов, то эволюция социальная имеет интеллектуальный характер и связана с изменением сознания человека. В свою очередь, изменение в характере человеческого мышления, его предмете и методе неизбежно влечет изменение и в способе организации социальной жизни, подчеркивая субстанциальную роль сознания и мышления в социальной жизни: «Хотя наш слабый ум при этом несомненно и необходимо нуждается в первом толчке и постоянном возбuditеле, что производится желаниями, страстями и чувствами, все же он является для них необходимым руководителем, который всегда должен был направлять весь человеческий прогресс. Лишь идущий этим путем и благодаря все более ярко выраженному влиянию ума на общее поведение людей и общества последовательный ход развития человечества мог действительно приобрести характерные черты прочной закономерности и длительной устойчивости, которые также отличают человеческий род от смутного, не связанного и бесплодного развития высших животных...» [2, с. 21].

В целом следует заметить, что, несмотря на подчеркивание роли мышления в развитии социальной жизни, Конт не сводит последнюю к эволюции сознания, поскольку признает наличие социального бытия, хотя и не в качестве сопоставимой с сознанием силы. Взаимосвязь между социальным бытием и общественным

сознанием мыслится Контом следующим образом: импульсы в социальной динамике, присутствующие в различных явлениях общественной жизни, воздействуют на сознание, осознаются им и трансформируются в определенные социальные действия, приводящие к прогрессивному развитию общества. Тем не менее, в позитивизме Конта эволюция осознания или разума обладает несомненным приоритетом над динамикой социального бытия.

Попытка сознания сбалансированной модели натурализма была предпринята К. Марксом. Согласно Марксу общество находится в постоянном историческом развитии, которое, с одной стороны, представляет процесс саморазвития материального начала, а с другой – в равной степени охватывает как объективную, так и субъективную сторону социального целого. Так, в философской концепции Маркса каждый способ организации социально-экономической и политической жизни определяется как формация. Каждая формация включает в себя как «базис», совокупность производственных отношений и производительных сил, так и «надстройку», включающую в себя различные виды духовной жизни, начиная с права и политики и заканчивая религией и искусством. Вопрос о доминировании базиса и надстройки в учении Маркса решается следующим образом: «То, что надстройка – это надстройка над базисом, а базис – это базис надстройки, делает тезис об определяющем влиянии одного на другое тавтологичным и бессмысленным. Маркс понимал относительную автономию надстройки по отношению к базису (а искусство вообще рассматривал как сферу, независимую по отношению к экономической подсистеме) и его обратное воздействие на него. Но в целом он был убежден, что подлинной реальностью обладает прежде всего экономика, отчасти политика. Все же остальные сферы обладают ограниченным собственным бытием, у них нет, по Марксу, собственной подлинной истории, поскольку они являются лишь отражением, сознанием “настоящего”, подлинного бытия – производственных отношений» [4, с. 138].

Таким образом, эволюционный процесс, беря свои истоки в природе, находит свое продолжение в социальном бытии, главное содержание которого составляют экономические отношения, а затем отражается или трансформируется в общественном сознании. Отсюда следует, что эволюционный процесс

общественного сознания обусловлен эволюцией социального бытия, но, вместе с тем, оно обладает определенной степенью автономности, которая проявляется в том, что отдельные личности и социальные группы в определенных ситуациях могут как отставать, так и опережать свое время. В целом марксистское учение в концепции социальной эволюции занимает объективистскую позицию. Но по сравнению с крайним объективизмом Спенсера и умеренным субъективизмом Конта ее можно назвать сбалансированной. Наличие нескольких моделей эволюционного процесса, предлагаемых натуралистической онтологией, позволяет убедиться в том, что субъект социального развития в натурализме может пониматься различным образом. Данное обстоятельство доказывает, что в рамках натурализма возможно построение как реалистической, так и номиналистической социальной онтологии.

Второй специфической чертой натуралистической социальной онтологии является ее критический по отношению к социальной действительности характер. В подтверждение данного утверждения можно указать на тот факт, что многие представители социально-философского и теоретико-социологического натурализма, такие как О. Конт, Л. Фейербах, К. Маркс, З. Фрейд, Э. Фромм, Т. Адорно, Ф. Хайек и др., критиковали имеющие место в действительности социальные отношения, предлагая свои образцы как нормального общественного устройства, так и пути эволюционного или революционного преобразования социальной жизни. Критический анализ социальной реальности, осуществляемый натурализмом, является онтологическим не только в силу того, что в нем формируется то состояние социальной системы, к которому следует стремиться, но и потому что обнаруживаются социальные силы, способные в имеющихся условиях произвести необходимое переустройство общества. В качестве главной причины, объясняющей наличие социального заблуждения и, как следствие, социального несовершенства и несправедливости, представители натурализма чаще всего называют недостаточную степень развития сознания. Тем самым социальный критицизм получает третье онтологическое основание, имеющее эволюционный характер. Сущность эволюционного обоснования несовершенства социальной жизни

свидетельствует о гносеологическом реализме натуралистической концепции, поскольку оно исходит из несоответствия развития индивидуального сознания скорости социальных изменений. В связи с этим важнейшим условием как эволюционного, так и революционного преобразования общества признается поляризация социально-теоретического знания, в том числе и в идеологической форме.

Третьей чертой натуралистической онтологии является социальный конфликтологизм, который изображает социальную жизнь как процесс различных общественных сил, народов, цивилизаций, классов, социальных групп, слоев. В отличие от социального антагонизма субъективно-натуралистических концепций, натуралистические концепции подчеркивают, что борьба в обществе разворачивается не между индивидами, а между социальными группами. При этом социальный конфликт может быть движущей силой как в эволюционной, так и в революционной моделях развития общества. Используя натуралистическую интерпретацию социального конфликта, представители данного направления предлагают три основных объяснения возникновения конфликтных ситуаций в обществе. Первая из них полагает, что человек в первую очередь является биологическим видом, поэтому ряд социальных мыслителей, в том числе Г. Маркузе, полагают, что в основании социальных противоречий лежат животные потребности, в частности сексуальный инстинкт.

Так, отечественный исследователь теоретико-социологической мысли Г.Е. Зборовский, раскрывая процесс трансформации биологических потребностей человека в социально-политически значимый фактор, отмечает: «Маркузе был поставлен один из центральных социологических вопросов: как возможна революция в позднем капиталистическом обществе? Эту проблему он решал многие годы. В конце концов социолог пришел к выводу, что такое решение может иметь трехуровневый характер. Первый уровень оказался сугубо индивидуальным или антропологическим. Предполагалось, что революция должна стать сексуальной, поскольку речь идет об отчуждении подавленных капиталистическим обществом эротических влечений. Второй уровень имел уже культурный характер. Здесь главным является борьба против “репрессивной культуры” индустриального общества. Суть же “культурной революции” состоит в победе авангардистского сюрреалисти-

ческого искусства, в котором выражается бунт названных выше влечений. Наконец, на третьем – социальном – уровне ряд общественных групп, не интегрированных в современное индустриальное общество (представители стран “третьего” мира, люмпенизированные слои, бунтующие), осуществляют социальную революцию, направленную против “позднего капиталистического общества”, стремящегося к тоталитаризму, репрессивной культуры этого общества и господствующего авторитарного типа личности» [5, с. 437].

Вторым способом объяснения природы социального конфликта натурализма может быть признание сведения социальной борьбы к самоутверждению индивида в обществе. Возможность такого признания обосновывается тем, что инстинкт самоутверждения является одним из важнейших моментов как агрессивности общественных животных, так и осуществления эволюционного процесса в целом. При этом борьбу индивида за социальное признание не следует рассматривать в качестве примера капиталистического и субъективно-идеалистического способов мышления. Напротив, в данном случае она вполне укладывается в рамки натуралистической парадигмы. Доказательством справедливости данного утверждения могут служить возражения представителей русской субъективной школы в социологии, тесно связанной с позитивизмом. Так, согласно позиции одного из ее ведущих представителей С. Южакова общество представляет собой «общезитие активных особей, создавшее свою особую общественную сферу или культуру и слившееся с ней в одно сложное тело. Короче говоря, общество есть активное культурное общезитие» [6, с. 73].

Таким образом, так называемая «сильная личность», представляющая собой главный предмет исследований субъективной школы, является одновременно природным и социосозидающим феноменом. Отсюда следует, что сильная личность способствует нормальному функционированию эволюционного процесса в социальной среде. Тогда основное содержание социального конфликта будет состоять в борьбе здоровой социальной личности с инертной толпой, тормозящей прогрессивное развитие общества.

Третий способ натуралистического понимания социального конфликта носит экономический характер и получил наибольшее развитие в марксистской социально-теоретической тра-

диции. Согласно Марксу человек представляет собой биосоциальное существо и его существование определяется стремлением к удовлетворению жизненно важных потребностей, которые удовлетворяются посредством экономической деятельности. По этой причине основное содержание социального конфликта представляет собой борьбу за средства производства материальных благ, что приводит к делению обществ на эксплуатируемые и эксплуататорские классы. В целом экономический конфликт, берущий свои истоки в природном бытии, мыслится в качестве движущей силы социального прогресса. Завершая краткий обзор содержательных интерпретаций конфликтологических моделей натуралистической парадигмы, необходимо подчеркнуть, что она позволяет данному направлению социально-теоретической мысли раскрывать различные формы воздействия природной сущности человека на характер, механизм и основные цели социальной жизни.

Подводя итог анализу характерных черт натуралистической парадигмы социальной онтологии, необходимо подчеркнуть, что в ней, как правило, сочетаются противоположные элементы. Так, в ней натурализм, представляющий собой прямое отрицание умозрительной субстанции, часто переходит в метафизическую гипостизацию материи. Социальный конструктивизм, основанный на убеждении в способности человека самого изменять социальную реальность, соединяется с верой в предустановленные законы развития общества. Эмпиризм, нацеленный на обобщение социальных фактов, – с крайним социальным реализмом, провозглашающим безусловную подчиненность единичного общему. Но, несмотря на эти и другие противоречия натуралистического мировоззрения, оно по-прежнему остается одной из самых влиятельных точек зрения, лежащих в основе социально-онтологического конструирования. Причина теоретической востребованности натурализма, скорее всего, кроется в том, что противоречивость предлагаемых им построений возникает не в силу теоретической непоследовательности, но в силу изначальной диалектичности бытия и мышления.

Жизненная стратегия, предлагаемая натурализмом, как и жизненные стратегии, предлагаемые другими направлениями социальной мысли, обладает рядом специфических черт. Важнейшими из них являются секуляризм, со-

циоцентризм и гуманизм. Рассмотрим данные черты более подробно. Секуляризм жизненной стратегии натуралистических учений должен быть признан чертой, однозначно присущей только данному направлению социальной мысли. И действительно, только натурализм однозначно стоит на натуралистических позициях, тогда как идеализм в обеих своих формах и реализм допускают существование Бога. Принципиальный атеизм натуралистической социальной философии приводит к возникновению в ней программы секуляризации социально-политической и культурной жизни. Отсюда следует, что индивид и социальные группы в планировании должны исходить из отсутствия сверхъестественного бытия. По этой причине целый ряд мировоззренческих установок, профессий, образов жизни и даже форм общественного сознания оцениваются натуралистической стратегией как иллюзорные.

Атеизм и секуляризм натуралистической жизненной стратегии приводит к тому, что индивид, стремясь к реализации поставленной цели, не может опереться ни на сверхъестественное, ни на идеальное бытие, но только на определенную социальную группу. Выбор социальной группы, позволяющей индивиду самореализоваться в обществе, предлагаемый натуралистическими школами, весьма разнообразен – интеллигенция (субъективная школа), пролетариат (марксизм), студенчество и маргиналы (Г. Маркузе) и т.д. Социоцентризм натуралистических жизненных стратегий связан не только со средствами реализации поставленных целей, но и с характером самой цели. В натурализме она не мыслима вне общественной жизни, одиночество в ней возможно, но только как средство раскрытия природы, результат которого позднее должен быть явлен человечеству.

Посюсторонность натуралистической жизненной стратегии требует указания ее цели. В силу явного тяготения к социальному реализму в качестве таковой не может выступать самовыражение индивидуальности. Кроме того, чистое самовыражение не способно апеллировать к общественным интересам и обнаружению социальной группы, способной достичь гегемонии в определенном социуме. По этой причине натурализм в качестве цели секуляризации и социально-центрического поведения указывает на гуманистический идеал. Под гуманизмом понимается признание человеческой личности в качестве самоценного начала.

Многие натуралистические жизненные стратегии, стремясь отмежеваться от субъективно-идеалистической парадигмы социального познания, предложили собственную интерпретацию данного идеала.

Э. Фромм, выявив идеальные типы социальной деструктивности, раскрывает важнейшие нормальные социальные типы, к числу которых он относит деятельностный, любящий и разумный. Согласно Фромму только преобразование социальной жизни может способствовать культивации нормальных или плодотворных социальных типов, лишенных как религиозных предрассудков, так и чисто животной агрессивности. Таким образом, гуманизм Фромма является гармоничным дополнением характерных для натурализма секуляризма и социоцентризма.

Рассмотрение характерных черт натуралистической интерпретации жизненной стратегии было бы неполным без анализа специфики ее структуры. Колебание натурализма между реализмом и номинализмом нашло свое отражение в строении его структуры. Так, натуралистическую модель жизненной стратегии можно определить как мотивационно-телеологическую. Данное наименование должно указать на синтетический характер натуралистической модели, сочетание в нем доминирующих идей объективного и субъективного способов конструирования человеческого поведения. Выделение мотивационного момента в натуралистической модели связано с тем, что индивид мыслится в данном направлении социальной мысли в качестве обусловленного различными природными процессами. Важнейшим вопросом для натурализма является установление того, какая из естественных потребностей человека является определяющей при выстраивании социального поведения. При этом в ряде натуралистических концепций признается, что индивид может заблуждаться по поводу своих истинных потребностей и желаний и выстраивать свое поведение вразрез с ними, что неминуемо ведет к нарушению равновесия его сознания. Точное установление истинных желаний, согласно натурализму, является важнейшим условием как примирения индивида с самим собой, так и определения им направления своего жизненного пути. В свою очередь обретение индивидом подлинного удовлетворения невозможно вне установления гармоничных отношений с обществом, что требует установления правильных

социальных целей. Так же как и в объективном идеализме, цель жизненной программы определяется на основе той или иной умозрительной системы, которая затем подтверждается эмпирическим материалом. В отличие от субъективного идеализма цель натуралистической стратегии всегда носит объективный и социально значимый характер.

В понимании субъекта жизненной стратегии натурализм также занимает срединное положение между интерпретациями данного понятия, предлагаемыми двумя формами идеализма. Несмотря на то, что в ряде натуралистических учений индивид может выступать в качестве самостоятельного субъекта конструирования своей жизненной программы, в большинстве концепций данного направления социальной мысли в качестве исходного момента моделирования жизни выступают определенные социальные роли. Так, конструируя свою судьбу, индивид мыслит себя, во-первых, из натуралистического понимания сущности социальных отношений, а во-вторых – как представителя определенной общности, нации, класса, профессии, политической партии и т.д. Отсюда следует, что подлинным субъектом планирования жизненной стратегии является не индивид, а социальный институт, который предлагает индивиду набор определенных целей, идеалов, а также средств и норм их достижения. От индивида зависит только степень реализации.

Отождествляя индивида с конкретной социальной ролью, натурализм определенным образом корректирует понятие методов и средств достижения жизненных целей. Рассматривая себя в качестве реализатора определенной роли, индивид неизбежно вступает в противоречие с идеалами, нормами и средствами других социальных институтов. Например, мысля себя преимущественно предпринимателем или военным, индивид начинает действовать привычным для него способом, вступающим в противоречие с изменившейся социальной ситуацией. Так, предприниматель, сталкиваясь с неэкономическими проблемами, может пытаться решить их финансовыми методами, а военный в подобных же ситуациях будет уповать на авторитет угрозы и силу. Редукционизм методологии натуралистической жизненной стратегии, вступая в противоречие с социальной реальностью, не всегда контрпродуктивен. Иногда он способен создать новые жизненные формы. Примером

этому может служить этика ненасилия Л. Толстого и Махатмы Ганди, которая, будучи проявлением натуралистической моральной концепции, оказала большое влияние на решение политических проблем в период обретения Индией независимости. В целом устойчивость

интерпретации натурализма к причинам и направлению жизненного планирования, наряду с неоднозначностью трактовки субъекта и средств достижения цели, позволяет признать предлагаемую им модель жизненной стратегии мотивационно-телеологической.

1. Самойлов С.Ф., Спасов С.В. Структура и содержание метафизической парадигмы социального познания // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2015. № 1(27). С. 111–115.

2. Конт О. Основные законы социальной динамики или общая теория естественного процесса человечества // *Социология / сост. В. Зомбарт; пер. И. Маркусон. Ленинград, 1924.*

3. Спенсер Г. Основные начала // *Антология мировой философии. М., 1971. Т. 3.*

4. История теоретической социологии. *Социология 19 века: От появления новой науки до предвестников ее первого кризиса. М., 2010.*

5. Зборовский Г.Е. *История социологии. М., 2004.*

6. Миненков Г.Я. *Введение в историю российской социологии. Минск, 2006.*

1. Samoilov S.F., Spasov S.V. Structure and maintenance of metaphysical paradigm of social cognition // *Bull. of Krasnodar university of Russian MIA*. 2015. № 1(27). P. 111–115.

2. Comte O. Fundamental laws of social dynamics or general theory of natural process of mankind // *Sociology / comp. by V. Zombart; transl. by I. Markuson. Leningrad, 1924.*

3. Spencer G. Main beginnings // *Anthology of world philosophy. Moscow, 1971. Vol. 3.*

4. History of theoretical sociology. *Sociology of the 19th century: From emergence of new science to harbingers of its first crisis. Moscow, 2010.*

5. Zborovsky G.E. *Sociology history. Moscow, 2004.*

6. Minenkov G.Ya. *Introduction in history of the Russian sociology. Minsk, 2006.*

Славко Александр Лукич

кандидат социологических наук,
Белгородский юридический институт МВД России
им. И.Д. Путилина
(тел.: +74722525535)

Витютнев Евгений Евгеньевич

кандидат педагогических наук,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612584216)

Проблемы воспитания волевых качеств в экстремальных ситуациях, возникающих при ведении рукопашного поединка сотрудниками органов внутренних дел

В статье рассматриваются основные проблемы воспитания волевых качеств в экстремальных ситуациях, возникающих при ведении рукопашного поединка сотрудниками органов внутренних дел. Особое внимание уделяется индивидуальности различных боевых ситуаций и действий, предполагающих индивидуальную самоподготовку.

Ключевые слова: сотрудник органов внутренних дел, волевые качества, эксперимент, тестирование, физические упражнения, рукопашный бой.

A.L. Slavko, Candidate of Sociology, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +74722525535;

E.E. Vityutnev, Candidate of Pedagogics, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584216.

Problems of education volitional qualities in extreme situations arising in the conduct of unarmed combat by Internal Affairs Bodies employees

The article considers the main problems of education volitional qualities in extreme situations arising in the conduct of unarmed combat by Internal Affairs Bodies employees. Particular attention is paid to the individuality of different combat situations and actions involving individual training.

Key words: Internal Affairs Bodies officer, volitional qualities, experiment, testing, physical exercises, unarmed combat.

Достижение сотрудниками ОВД высокого профессионального уровня предполагает психологическую подготовку, развивающую волевые качества бойца. Психологические и физические возможности человека зависят от двух факторов – от энергетического потенциала человека и умения управлять им.

Первый предполагает наличие особой энергетической системы человека. Все эзотерические учения, помимо анатомо-физиологических систем, выделяют еще энергетическую систему с центрами по вертикальной оси человека. Задача состоит в том, чтобы выявить степень их присутствия в обучающемся, их максимального возбуждения и сделать этот поток энергии в человеке более обильным. При этом увеличиваются пороги чувствительности, границы

восприятия человека расширяются, меняется его уровень сознания. Особое внимание уделяется индивидуальности различных боевых ситуаций и действий, предполагающих индивидуальную самоподготовку, основанную на выявлении в предварительном обследовании личностных качеств человека путем эксперимента. Исследования профессора Е.С. Жарикова показали, что тренировки, направленные на повышение порога чувствительности, резко увеличивают творческие возможности человека, продлевают период его боевой активности.

В зависимости от сложности представляемой боевой ситуации и типа личности выбирают соответствующие методы побуждения центров управления психикой.

Второй фактор – умение управлять энергетическим потенциалом человека – зависит от

способности концентрировать внимание на выбранном объекте. Эту возможность и способность участвующих в эксперименте мы изучим, получив опытные данные с помощью разработанных психологических экспресс-тестов. Основная задача проводимого эксперимента – получить возможность разделить группу занимающихся слушателей по подгруппам: склонных к ведению единоборств и не предрасположенных к ведению единоборств [1, с. 374].

Выявление периода сосредоточения или невозможности такового в момент максимального психологического напряжения (нестандартная ситуация, ведение рукопашного боя с противником [правонарушителем]) – вот задача при проведении эксперимента после первого этапа отбора и деления группы на две подгруппы. При длительном сосредоточении на противоположающемся объекте (в подгруппе склонных, предрасположенных к ведению единоборств) происходит эмпатия, слияние субъекта и объекта, в результате чего он познает внутреннюю сущность объекта. Сосредоточившись на внутренних процессах в организме (особенно расслабления), сотрудник получает возможность управлять ими. Он начинает ощущать, видеть то, что в общем состоянии недоступно органам чувств. Это состояние глубокого сосредоточения получило название измененного состояния сознания. Чтобы перейти к такому современному способу контроля возникающих боевых ситуаций и нестандартных положений при ведении боевых действий, необходимо как раз сосредоточить внимание руководителя занятий на контингенте предрасположенных к ведению единоборств. Эксперимент и дает такую возможность – выделить группу занимающихся, для которой будет определена более усложненная система боевой подготовки, а также выделить группу слушателей, не склонных к ведению единоборств в экстремальных ситуациях, которые будут изучать общую программу подготовки сотрудников ОВД, с упором на развитие и совершенствование общефизических данных.

При этом главная ценность эксперимента видится в том, что такой подход к обучающимся снимает физическое напряжение с контингента слушателей, не склонных к ведению единоборств в экстремальных ситуациях. А пристальное внимание при разработке заданий для второй группы слушателей дает дополнительный заряд и желание более глубоко и интенсивно осваивать новые приемы, а также возможности проявления нераскрытых особенностей организма при действии в чрезвычай-

ных условиях, когда люди демонстрировали чудеса силы и ловкости [2, с. 103].

Такое деление контингента обучающихся дает возможность экономить силы и время самого преподавателя, а также слушателя; позволяет заранее определить специализацию по видам профессиональной деятельности, а также ориентацию и отбор в различные виды профессиональной деятельности (оперативно-розыскная, административная и т.д.), это и дает в конечном итоге конкретно-личностную характеристику к моменту окончания вуза как рекомендуемую в определении дальнейшего профессионального применения (для руководителей служб на местах).

Поэтапное проведение эксперимента предполагает получение наиболее подробных и точных данных по каждому слушателю отдельно. Насколько жизнеспособна будет система, отработанная в ходе эксперимента, покажет итоговый экзамен среди участников обследования.

Эксперимент проводится в 3 этапа:

1. Фоновое обследование (волевые, личностные, врожденные качества):
в конце 1-го полугодия;
в конце учебного года;
статистическая обработка полученных данных.

2. Деление слушателей ко второму году обучения по результатам обследования на две экспериментальные группы:
предрасположенных к ведению единоборств;
не предрасположенных к ведению единоборств.

3. Сравнительная характеристика предрасположенных и не предрасположенных к ведению единоборств слушателей (по результатам тестирования).

В ходе эксперимента необходимо выявить взаимосвязь волевых качеств с личностными и врожденными особенностями.

При проведении поэтапного эксперимента в качестве дополнительной информации необходимо использовать результаты общего психологического тестирования при поступлении в вуз [3, с. 132].

В ходе эксперимента используются следующие экспресс-тесты.

1. Оценка общей психологической устойчивости.

Осуществляется путем сопоставления результатов каких-либо упражнений на координацию движений, внимание, быстроту в действии после больших физических нагрузок, например после кросса на 1 или 3 км, вестибулярных нагрузок, эмоциональных переживаний.

Проба № 1 – упражнения на координацию до и после нагрузки.

Проба № 2 – упражнения на точность на фоне вестибулярных нагрузок.

Снижение результатов по двум пробам свидетельствует о недостатках в психологической устойчивости (при этом по пробе № 2 результат медицинского освидетельствования может быть положительным, без вестибуловегетативных реакций).

2. Оценка волевого качества настойчивости.

Суть: сопоставление результатов кросса и функциональной пробы «степ-тест» с упражнениями на статическую выносливость без описания используемых упражнений. Оценка «степ-теста» высчитывается по формуле: $Инд = 18000 / (П_2 + П_3 + 2 \times П_4)$, где Инд – индекс «степ-теста», $П_2, П_3, П_4$ – частота пульса за 30 с на 2-й, 3-й, 4-й минуте, 18000 – постоянное число.

Нормативы: «отлично» – 125 и более; «хорошо» – 110–124; «удовлетворительно» – 83–109; «плохо» – 67–82; «очень плохо» – 66 и ниже.

Проба может проводиться одновременно с большой группой людей под командой руководителя. Для этого группа слушателей делится на две половины.

3. Оценка смелости как волевого качества.

В соответствии с анкетой «Самооценка личности», разработанной С.А. Будасси и интерпретированной Ю.Я. Киселевым, в бланке перечислены различные качества личности, слушатель в левой колонке ранжирует эти качества в той

мере, в какой они ему самому нравятся, для него более значимы, в правой колонке он ранжирует эти качества относительно себя самого, насколько они ему присущи.

Далее по формуле вычисляется коэффициент корреляции. Чем больше коэффициент приближается к 1, тем более высокая самооценка личности присуща данному испытуемому.

В эксперимент включен весьма информативный тест (ААТ) – апперцептивный тест, проведённый на теоретической основе, близкой к ТАТ (тематический апперцептивный тест), опубликованному Морганом и Мюрреем. ААТ предложен Д. Стоуном (1950 г.). При тестировании применяются звукозаписи (звуки ветра, выстрел и др. – всего 10 наборов по 3 типа звуков в каждом). Испытуемый после прослушивания каждого набора составляет рассказ. В рассказе следует указать, что происходит в связи с этими звуками, чем закончится дело. Методика используется при групповом обследовании.

Таким образом, используя вышеназванные методики оценки участников эксперимента на 3 этапах, а также индивидуально подобранные тесты в процессе исследований, можно будет сделать определенные выводы по каждому слушателю группы, связав теоретические выводы эксперимента с данными, полученными в процессе обучения. Это даст возможность составить более объективную и многогранную характеристику с рекомендациями на каждого слушателя, будущего сотрудника ОВД.

1. Бокий А.Н., Усков С.В. Теоретическое обоснование формирования навыков рукопашной подготовки курсантов вузов МВД России с учетом двигательных и психологических моделей поведения противника // *Современные проблемы науки и образования*. 2016. № 3.

2. Никифоров М.Ю., Горелов С.А., Асекретов О.К. Физическая подготовка сотрудников полиции – эффективное средство мобилизации к действиям в служебно-боевых ситуациях // *Актуальные вопросы психологии, педагогики и образования: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2015*. С. 103–106.

3. Славко А.Л. Ценностно-нормативные функции физкультурно-спортивной деятельности // *Аналитика культурологии*. 2011. № 21. С. 132–135.

1. Boki A.N., Uskov S.V. The theoretical justification for the formation of skills of training of cadets of high schools of the Russian Interior Ministry, taking into account the motor and psychological behaviour of the enemy // *Modern problems of science and education*. 2016. № 3.

2. Nikiforov M.Yu., Gorelov S.A., Asekretov O.K. Physical training of police officers – an effective tool to mobilize for action in service and combat situations // *Topical issues of psychology, pedagogy and education: coll. of sci. papers on the results of the intern. sci.-pract. conf. Samara, 2015*.

3. Slavko A.L. Value-regulatory function of sports activity // *Analysis of cultural studies*. 2011. № 21. P. 132–135.

Сашенков Сергей Александрович
Воронежский институт МВД России
(тел.: +79521004285)

Роль социальных сетей в формировании суицидального поведения у несовершеннолетних

В статье рассмотрены основные криминологические особенности сообществ социальных сетей суицидального характера. Проанализирован механизм формирования суицидального поведения у несовершеннолетних.

Ключевые слова: Интернет, негативная информация, социальные сети, информационная безопасность несовершеннолетних, подростковый суицид, суицидальное поведение.

S.A. Sashenkov, Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79521004285.

The role of social networks in the formation of suicidal behaviour among minors

The article describes the main criminological features of the communities of the social networks of suicidal nature. Analyzes the mechanism of formation of suicidal behaviour in minors.

Key words: Internet, negative information, social networks, information security of minors, teenage suicide, suicidal behaviour.

В современном обществе популярность социальных сетей не вызывает сомнений. Так, по данным компании «Similarweb», специализирующейся на анализе веб-трафика, социальные сети «Facebook» и «ВКонтакте» в апреле 2016 г. в мировом рейтинге популярности сайтов заняли 1 и 4 место соответственно, а Россия занимает 1 место по количеству времени, проведенному ее пользователями в социальных сетях. В то же время сложность инфраструктуры современных сетей и сетевых процессов Интернета, возможность анонимной деятельности в социальных сетях, недостаточно эффективное правовое регулирование внутрисетевых отношений привели к незащищенности детей от противоправного контента в социальных сетях. Проблема наличия большого объема противоправного контента в социальных сетях и его влияния на несовершеннолетних пользователей неоднократно становилась предметом исследований [1, с. 60–61; 2, с. 97–100; 3, с. 215–217].

К противоправной информации, распространяемой в социальных сетях, относится и контент, пропагандирующий суицидальное поведение у несовершеннолетних. По данным Всемирной организации здравоохранения, Россия занимает 1 место в Европе и 6 в мире по количеству самоубийств среди детей и подростков. С ноября 2015 г. по май 2016 г. зафиксировано более 130 случаев подросткового суицида в России. Установлено, что более 90% этих подростков состояли в сообществах

социальных сетей суицидальной тематики. По словам руководителя Роскомнадзора Александра Жарова, сотрудниками его службы было проверено 9500 сообществ на предмет пропаганды суицида, в отношении 9300 сообществ факт такой пропаганды подтвердился. Данные факты свидетельствуют о необходимости определения роли социальных сетей в формировании суицидального поведения у несовершеннолетних. Полученные результаты, в свою очередь, должны способствовать выработке эффективных мер предупреждения и снижения уровня суицида несовершеннолетних.

Для определения роли социальных сетей в формировании суицидального поведения у несовершеннолетних нами был проведен анализ специальной литературы, контент-анализ сообществ социальных сетей суицидальной тематики, а также опрошены 105 несовершеннолетних.

Опрос показал, что 19% несовершеннолетних являются участниками сообществ социальных сетей, в которых описываются и получают одобрение со стороны участников случаи подростковых самоубийств, распространяется информация, направленная на пропаганду суицида. 12% респондентов размещали на своих страницах в социальных сетях фотографии, создание которых связано с риском для их здоровья и жизни (фотографии порезов на руках, фотографии на крыше многоэтажного дома, фотографии перед приближающимся поездом и т.д.). 96% из них пояснили, что цель размеще-

ния подобных фотографий – получение «лайков» и «репостов». Социологи объясняют такое поведение тем, что социальное одобрение в социальных сетях (в виде «лайков» и «репостов») имеет особую ценность для подростков, так как является одним из показателей успешного взаимодействия индивида с социальной группой [4, с. 182].

В ходе контент-анализа сообществ социальных сетей суицидальной тематики установлено, что во многих из них встречается контент, связанный с именем «Рина». В ноябре 2015 г. 16-летняя ученица Рина совершила самоубийство, бросившись под поезд. Практически сразу фотография с места происшествия была распространена в сообществах суицидальной тематики. Фотография сопровождалась одобрительными комментариями, факт суицида активно обсуждался, образовывались сообщества фанатов и поклонников Рины. В короткие сроки она стала «звездой» социальных сетей и примером для подражания. Особую опасность данный факт вызывает в связи с тем, что у подростков значительно чаще, чем среди взрослых, наблюдается так называемый «эффект Вертера» – самоубийство под влиянием чьего-либо примера [5, с. 84].

Еще одной особенностью анализируемых сообществ являются строгие правила. Для вступления в сообщество необходимо указывать возраст более 18 лет либо не указывать его вообще. Участники, которые отрицательно высказываются относительно суицида, удаляются из сообщества. Данные меры направлены не только на соблюдение конспирации, но и на создание условий, в которых несовершеннолетний участник чувствует себя частью единого коллектива, в котором необходимо соблюдать правила. В свою очередь, боязнь быть исключенным из сообщества облегчает манипулирование поведением несовершеннолетнего.

Кроме того, участникам подобных сообществ предлагается выполнять различные задания: написать стихотворение, посвященное самоубийству Рины, сделать порез на руке и прислать фотографию и т.п. За выполнение каждого задания участник переходит на новый уровень, его авторитет в сообществе повышается, он получает больше «лайков» и «репостов». Все это воспринимается участниками как игра. Тот факт, что игра является одной из основных форм свободного времяпрепровождения подростков, повышает их интерес к выполнению задания и увеличивает вероятность его выполнения.

Групповое общение (конференция) в рассматриваемых сообществах происходит в строго запланированное время, как правило, в ночное. Поскольку постоянное, даже незначительное, недосыпание приводит к расстройству внимания, нарушениям памяти, ослаблению воли и замедленному мышлению [6, с. 49–54], в том числе и критическому, ночное общение позволяет более эффективно «навязывать» подросткам идеи, в том числе и суицидальные. В конференциях рассматриваемых сообществ распространяется информация, направленная на обострение проблем подростков. Целью является внушить подростку, что он по каким-либо характеристикам (в основном связанным с внешним видом) не может быть частью общества. Суицид позиционируется как единственный способ решения всех проблем. В ходе опроса несовершеннолетних установлено, что более 90% из них проводят в социальных сетях ежедневно несколько часов. Кроме того, в подростковом возрасте коммуникативная активность со сверстниками характеризуется переносом акцента с семейного влияния на влияние сверстников. Таким образом, несовершеннолетние систематически знакомятся в социальных сетях с негативной информацией и воспринимают ее всерьез, что отрицательно влияет на еще развивающуюся систему их жизненных ценностей и ориентиров, вызывает у них соответствующую реакцию в виде эмоциональных, психологических переживаний. Все это приводит к формированию определенных установок во взглядах, ориентирах и поведении [7, с. 251], в том числе и суицидального характера.

Участникам сообщества указывают, что, совершив самоубийство, они получают популярность в социальных сетях и станут примером для подражания. Акцент на «знаменитость» в результате суицида не случаен. По мнению психологов, лишь в 10% случаев суицидальное поведение имеет цель покончить с собой, а в 90% это способ привлечения к себе внимания [5, с. 84]. Для совершения суицида участникам сообщества отводится 50 дней и присваиваются номера очередности. Срок взят из культовой в данных сообществах книги «50 дней до моего самоубийства». Кроме того, в анализируемых сообществах распространяется инструкция, согласно которой перед прыжком с многоэтажного дома необходимо снять куртку. В результате анализа упоминаний подростковых суицидов в СМИ выявлено 10 случаев, когда подростки перед самоубийством оставляли свои куртки на крыше или на балконе многоэтажного дома. Это

позволяет сделать вывод о том, что суицидальному поведению в социальных сетях характерна ритуальность. Как уже отмечалось, суицид в большинстве случаев – это привлечение внимания к себе, вследствие чего можно сделать вывод о том, что подростки, склонные к суициду, зачастую испытывают дефицит внимания со стороны ближайшего окружения. Ритуал для таких подростков является одной из форм сплочения, позволяет им почувствовать себя частью коллектива, восполнив недостаток внимания.

Таким образом, можно утверждать, что в социальных сетях присутствуют сообщества, в которых созданы условия для реализации механизма формирования суицидального поведения у несовершеннолетних. Суицидальное поведение у несовершеннолетних, сформированное под влиянием таких сообществ, реализуется в «игровой» форме, отличается ритуальностью и итоговой целью, которую можно определить как привлечение к себе внимания в социальных сетях.

1. Соловьев В.С. Преступность в социальных сетях Интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2016. Т. 10. № 1.

2. Рыдченко К.Д. Административно-правовая защита несовершеннолетних от вредоносной информации: соотношение вектора регулятивного и охранительного нормотворчества // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. по материалам ежегодной всерос. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения), 25 марта 2016 г.: в 3 т. / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. СПб., 2016. Т. III.

3. Сашенков С.А. Криминогенное влияние социальных сетей на несовершеннолетних // Вестн. ВИ МВД России. 2015. № 3.

4. Самосват О.И., Ахметзянова А.И. Значимость социального одобрения для подростков в условиях социальных сетей // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 7(228).

5. Канзычакова Н.Г. Суицид – серьезная проблема среди подростков // *Educatio*. 2015. № 4(11).

6. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М., 1964.

7. Антонян Ю.М., Тимошина Е.М. Причины преступности в России. СПб., 2013.

1. Solovev V.S. The crime in social networks of the Internet (criminological research on the materials of judicial practice) // *Criminological magazine of the Baikal state university of economics and law*. 2016. Vol. 10. № 1.

2. Rydchenko K.D. Administrative-legal protection of minors from harmful information: a map of the vector regulatory and enforcement rulemaking // *Actual problems of administrative and administrative-procedural law: proc. of annual all-Russian sci.-pract. conf. (Sorokin reading), March 25, 2016: in 3 vol. / ed. by Yu.E. Avrutin, A.I. Kaplunov. St. Petersburg, 2016.*

3. Sashenkov S.A. Criminogenic influence of social networks on minors // *Bull. of Voronezh institute of Russian MIA*. 2015. № 3.

4. Samosvat O.I., Akhmetzyanova A.I. The importance of social approval for teenagers in the social networks // *Sci. bull. of Belgorod state university. Ser.: Humanitarian Sciences*. 2016. № 7(228).

5. Kanzychakova N.G. Suicide is teenagers' serious problem // *Educatio*. 2015. № 4(11).

6. Levitov N.D. About the mental state of the person. Moscow, 1964.

7. Antonyan Yu.M., Timoshina E.M. Causes of crime in Russia. St. Petersburg, 2013.

Гришай Елена Васильевна

доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии естественных наук,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79180372084)

Звягинцева Наталья Юрьевна

кандидат педагогических наук,
Кубанский государственный университет
(тел.: +79184890707)

Модернизационные тенденции российского высшего образования в условиях постиндустриального общества

В статье рассматриваются основные этапы модернизации высшего образования в условиях постиндустриального общества. Раскрывается зависимость основных этапов модернизации и реформирования системы высшего образования от потребностей государства, от политических, социальных и экономических процессов, происходящих в обществе. Указывается, что модернизация системы образования в условиях постиндустриального общества является преобразующим компонентом модернизации общества.

Ключевые слова: высшее образование, модернизация, реформирование, федеральные государственные образовательные стандарты, Болонская модель.

E.V. Grishay, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79180372084;

N.Yu. Zvyagintseva, Candidate of Pedagogics, Kuban State University; tel.: +79184890707.

Modernization trends of Russian higher education within post-industrial society

The article deals with the main stages of higher education modernization within post-industrial society. It reveals the dependence of the main stages of the modernization and reform of the higher education system on the governmental needs as well as political, social and economic processes taking place in the society.

Key words: higher education, modernization, reform, federal state educational standards, the Bologna model.

Образование – это одна из составляющих успешно функционирующего государства и важнейшая сфера жизни общества. Сегодня в российскую систему образования активно внедряются разнообразные нововведения, направленные не только на формирование индивидуума как социального субъекта, но и на формирование определенных компетенций, востребованных в современном обществе. В разных странах процесс модернизации и реформирования систем образования происходит постоянно и на всех уровнях.

За достаточно короткий временной промежуток реформирования российского высшего образования произошел существенный его скачок, что отражено в публикациях отечественных и зарубежных авторов по образовательной проблематике, рассматривающих и

позитивные и негативные аспекты реформ. В данной статье рассмотрим основные модернизационные тенденции российского высшего образования в условиях постиндустриального общества и глобализации (с начала XX до начала XXI в.) и его влияния на модернизацию общества в целом.

Термин «модернизация» в последние десятилетия XX в. и первое десятилетие XXI в. приобрел широкое социально-философское содержание. Как можно заключить из определений «Современного словаря иностранных слов» и «Социологического словаря», под модернизацией (от греч. *moderne* – новейший) понимается усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие новым требованиям и нормам, условиям, показателям качества. Под реформой

(от франц. *reformе*, от лат. *reformo* – преобразываю) понимается преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений). Под реформированием образования часто понимают его модернизацию. Мы понимаем реформу как кардинальное изменение целей, структуры и содержания образования, а модернизация – обновление и совершенствование существующей системы образования. Рассматриваемые в данной статье модернизационные тенденции в высшем образовании через преобразования в содержании образования, форм и способов организации, внедрение новых технологий в образовательный процесс позволили предположить, что, возможно, они приведут к реформе образования, которое может стать действительным ресурсом развития государства в условиях изменения характера общества в эпоху информатизации и глобализации.

Цель модернизации образования, в том числе и профессионального, на определенном историческом этапе заключалась в развитии этого общества для осуществления развития экономики, политики и культуры государства и рассматривалась как средство обновления общества. Следует отметить, что создание института образования на первых его этапах проходило в трудных условиях выхода из гражданской и мировой войн, военной интервенции и хозяйственной разрухи. За этот временной промежуток институт образования возрос до отлаженного и коммунистически идеологизированного «продукта».

Основной задачей в области просвещения, сформулированной в Программе партии 1919 г. на 8-ом съезде РКП(б), явилось создание новой, социалистической системы народного образования в рамках коммунистической парадигмы. Первоочередным преобразованием явилась задача ликвидации массовой безграмотности населения, и к концу 50-х гг. неграмотность была ликвидирована практически полностью. Интенсивное развитие экономики способствовало тому, что система просвещения постепенно стала выполнять поставленные задачи – прирастала новыми учебными заведениями и организациями, основными принципами которых явились общедоступность, в том числе бесплатное образование, независимость от церкви, отсутствие гендерных и национальных ограничений. После Великой Отечественной войны система образования продолжала вы-

ступать гарантом стабильного экономического развития – развивалась фундаментальная и прикладная наука, создавались исследовательские институты.

Реформирование высшей профессиональной школы в период «оттепели» стало важным направлением перестройки образования. Одной из серьезных проблем стало трудоустройство молодых специалистов, поскольку численность вузовских выпускников увеличивалась, а доля трудоустроенных в отраслях народного хозяйства, культуры, образования не соответствовала этой динамике. Основная причина – уклонение выпускников, обучавшихся за счет бюджетных ассигнований государства, от работы по распределению, что противоречило интересам государства и выливалось в недополучение адекватной экономической отдачи. По этой причине были утверждены новые правила приема в вузы: преимущество при поступлении в вуз отдавалось лицам, имеющим стаж практической работы на производстве или уволенным из рядов Вооруженных сил. Поэтому для подготовки к поступлению при вузах создавались специальные курсы, преобразованные в середине 1960-х гг. в подготовительные отделения или рабфаки. Данная система просуществовала почти сорок лет, позволив получить высшее образование миллионам вчерашних рабочих и колхозников. Реформирование высшей школы в содержательном плане заключалось в введении самостоятельных курсов по политической экономии, диалектическому и историческому материализму и истории КПСС, направленных на десталинизацию общества, в связи с чем остро возникла потребность в новых учебниках по общественным наукам для вузов. «Политическим должителем» (до 1989 г.) с незначительными изменениями оставался учебник по истории КПСС, подготовленный авторским коллективом во главе с Б.Н. Пономаревым.

В конце 50-х гг. была модернизирована организация управления многими вузами, произошел переход из союзного подчинения (Министерство высшего образования СССР) под управление республиканских министерств высшего и среднего специального образования.

К середине 70-х гг. в СССР действовали около 850 вузов с серьезной базой для научных исследований (в том числе 65 университетов), в которых обучались более 4,9 млн студентов по широкому спектру направлений подготовки. По числу студентов на 10 тыс. населения СССР

превосходил Великобританию, Федеративную Республику Германию, Францию, Японию и др.

Все образовательные учреждения, в том числе и высшая школа, являлись государственными – выполняли социальный заказ государства, что, с одной стороны, позволяло осуществлять контроль над деятельностью, с другой – унифицировать содержательную составляющую в высшей школе. Централизация и наличие плановой экономики в целом обеспечили устойчивость образовательной структуры, но препятствовали развитию дифференцированного подхода к обучающимся и гуманистической направленности педагогического процесса. Кризис социально-экономической системы, сложившейся в СССР к концу 80-х гг. привел, с одной стороны, к перепроизводству специалистов по ряду профессий, а с другой – к нехватке их по иным профессиям. Господство централизации привело к тому, что высшая школа оказалась невосприимчивой к инновациям (количественные показатели не подкреплялись качественными изменениями), существовал валовой подход от программ обучения до распределения выпускников.

Исторические события конца XX в. (распад СССР и создание суверенного Российского государства) внесли значительные изменения в постсоветскую образовательную систему. Определенную роль в обновлении системы образования сыграло появление в 1992 г. Закона РФ «Об образовании», в котором появились новые социально-политические ориентиры и гуманистические ценности дошкольного, общего среднего, среднего профессионального, дополнительного и высшего образования и было введено понятие образовательного стандарта. Это первое десятилетие российской государственности определяется как «образовательная реформа» [1], ключевой идеей которой явилось, по мнению Э.Д. Днепров [2], развитие образования через создание необходимых условий развития личности. Таким образом, при сохранении функциональной значимости института образования ставилась задача по модернизации его предметно-сущностной и содержательной базы.

Начавшиеся в 90-е гг. образовательные реформы в сторону дифференциации обучения и децентрализации образования повлекли за собой содержательные изменения, в частности вводятся базисный учебный план, государственные образовательные стандарты, осуществляется переход на вариативное обу-

чение. С середины 1990-х гг. начался лавинообразный процесс переименования вузов в университеты. Также были созданы, по существу, неограниченные возможности по открытию филиалов и негосударственных вузов. В итоге количество вузов стало превышать 3 тыс., из них университетов было 400 [3, с. 90]. Соответственно, институт образования «перекраивался» под новые цели и задачи, в частности в сторону сближения с европейским образовательным пространством – Россия присоединяется к Болонскому процессу (2003 г.), что определяет дальнейшее направление преобразований.

Таким образом, новым этапом реформирования образования в современной России явилось присоединение России к Болонской конвенции. Запущенный механизм европеизации и модернизации российского образования, начавшийся в 2000-е гг., приводит нас к реформам, проводимым сегодня, таким как введение двухуровневой системы подготовки; внедрение системы учета учебной работы студентов, аналогичной ECTS (Европейская система перевода и накопления кредитов); развитие мобильности студентов, преподавателей и исследователей; интеграция образовательных программ с реальным производством; активное участие бизнес-сообщества в формировании образовательных программ и т.д. Начиная с 2009 г. утверждались федеральные государственные образовательные стандарты для высшего образования, на современном этапе действует уже третье поколение стандартов. В 2012 г. был принят Закон «Об образовании в Российской Федерации», согласно которому были утверждены обновленные федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования. В рамках принятого закона определены особенности образовательных программ и стандартов, относящиеся к высшему образованию:

аспирантура становится третьим уровнем высшего образования;

появляется возможность применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий на всех уровнях образования;

предусматривается возможность для некоторых вузов самостоятельно разрабатывать и утверждать образовательные стандарты.

Однако пока на современном этапе процесс дальнейшего реформирования системы высшего образования сводится лишь к попытке к 2018 г. привести российское образование

к Болонской модели [4], вписать его в западный образовательный контекст. Понятно, что российская образовательная система должна учитывать мировые тенденции развития образования, в том числе через вхождение в европейское образовательное пространство, но ожидаемый результат, а именно получение нового поколения специалистов, «по-европейски образованного», соответствующего новой информационной и глобализационной эпохе, пока не оправдался, и сегодня все больше говорят о негативных последствиях понижения качества подготовки специалистов в России, необходимости корректировки образовательных реформ и осуществления реформиру-

ния на основе национальных традиций, исторического опыта и интересов страны.

Таким образом, рассмотрев ретроспективно модернизационные тенденции и основные этапы реформирования системы высшего образования, можно увидеть, как менялись потребности государства в связи с политическими, социальными и экономическими процессами (изменяется характер общества – изменяется и система образования), и сделать вывод о том, что реформирование профессионального образования является преобразующим компонентом модернизации общества, способствующим созданию современного образовательного института.

1. *Вяземский Е.Е. Образовательная политика постсоветской России и реформа общего исторического образования // Проблемы современного образования. 2013. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-politika-postsovetskoy-rossii-i-reforma-obschego-istoricheskogo-obrazovaniya>*

2. *Днепров Э.Д. Образование и политика. Новейшая политическая история российского образования: в 2 т. М., 2006.*

3. *Пещеров В.Г., Пещеров Г.И. Реформа образования в России: политологический анализ // Власть. 2011. № 9.*

4. *Болонский процесс и реформа российской системы образования. URL: <http://www.bstu.ru/about/important/vpo/reform>*

1. *Vyazemsky E.E. Educational policy of post-Soviet Russia and the reform of the general history education // Problems of modern education. 2013. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-politika-postsovetskoy-rossii-i-reforma-obschego-istoricheskogo-obrazovaniya>*

2. *Dneprov E.D. Education and politics. The latest political history of Russian education: in 2 vol. Moscow, 2006.*

3. *Pescherov V.G., Pescherov G.I. Education reform in Russia: political analysis // Power. 2011. № 9.*

4. *The Bologna process and the reform of the Russian educational system. URL: <http://www.bstu.ru/about/important/vpo/reform>*

Кунина Мария Николаевнакандидат филологических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: J_kunina@mail.ru)

Соотношение языка права и общеупотребительного языка

В статье проводится анализ соотношения специальной юридической терминологии и общеупотребительного языка. Исследуется проблема их соотношения и взаимодействия, рассматриваются лингвистические факторы, определяющие эффективность функционирования правовой сферы.

Ключевые слова: право, язык права, общеупотребительный язык, социальная структура, социальные институты, эффективность правовой сферы.

M.N. Kunina, Candidate of Philology, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: J_kunina@mail.ru

Relation of language of the law and common language

In article the analysis of a ratio of special terms of law and common language is carried out. The problem of their ratio and interaction is analyzed, the linguistic factors determining efficiency of functioning of the legal sphere are considered.

Key words: law, language of law, common language, social structure, social institutes, efficiency of the legal sphere.

Институт права включает в себя чрезвычайно сложную и разветвленную систему социальных отношений, что связано с его непосредственными функциональными задачами. С одной стороны, имеет место выражение правовой сферы на уровне системы норм и установлений, определяющих границы допустимых форм социальной активности. С другой стороны, имеет место разветвленная социальная структура, направленная на контроль соблюдения правовых норм, разрешение правовых конфликтов и реализацию санкций за несоблюдение установленных норм. С третьей стороны, что имеет чрезвычайно высокую значимость для эффективного функционирования правовой сферы, область правовых отношений затрагивает практически всех членов общества, являющихся непосредственными субъектами правовых отношений [1].

Отсюда проистекает необходимость юридической грамотности населения, поскольку регулятивная функция правовой сферы может быть реализована только в том случае, когда сами по себе правовые регуляторы находятся в непосредственной взаимосвязи с носителями социальной активности. Иными словами, неосведомленность членов общества об их юридически установленных правах и обязанностях является тем основанием, которое определяет неэффективность правовой сферы.

В связи с этим актуализируется важная проблема: правовое знание должно быть общедоступным для того, чтобы существующие юридические нормы могли функционировать в полной мере эффективно. Однако к факторам доступности права относится не только момент информированности населения, но и адекватность понимания членами общества текущей законодательной базы. Чтобы проиллюстрировать важность данного положения, обратим внимание на одну из важных проблем современной юриспруденции – ясность и однозначность правовых установлений. С этой тематикой напрямую связана проблема интерпретации правовых установлений, что представляет собой одно из оснований возникновения затруднений при осуществлении судебной практики [2].

В основе обозначенной проблемы лежит возможность двойственности, а в ряде случаев – многозначности интерпретаций существующих правовых норм. На уровне эмпирической данности наиболее частым явлением выступает именно двойственность трактовки, что напрямую связано с наличием конфликта, в котором наиболее частым явлением оказывается столкновение двух сторон, имеющих различные интересы и претендующих на их обоснование с точки зрения текущей системы права. Однако с учетом того, что в рамках судебной практики имеет место многократное повторение типоло-

гически сходных конфликтов, очевидно, что в зависимости от конкретных условий в отношении одних и тех же правовых норм может иметь место большое количество интерпретаций.

Следует отметить, что юриспруденция представляет собой сферу социальной практики, в которой имеет место интенция на универсализацию социальных отношений, ввиду чего справедливым является рассмотрение искомого образа правовых отношений в форме отлаженного механизма, действие которого характеризуется четкой детерминированностью конкретных правовых отношений [3]. Вместе с тем, основную сложность в данном случае представляет то, что нормы права получают закрепление в языковой форме, на уровне совокупности понятий, отражающих основные формы существующих социальных отношений, их взаимосвязь, оценку и формы регламентации. Отсюда проистекает глубокая взаимосвязь юридической проблематики со сферами логики и лингвистики.

На уровне логики реализуется раскрытие структуры основных юридических понятий, взаимосвязи между ними, а также приемлемых форм умозаключений и, в частности, аргументации, направленной на выявление отношения определенных действий к сложившейся системе законодательно закрепленных норм. При этом исследования в области логики, в частности теории аргументации, приобретают для правовой сферы методологическое значение в силу того, что умелое оперирование логическими категориями способствует избеганию основных затруднений, связанных с понятийным выражением идеальной сферы.

Фактически многие затруднения в юридической практике представляют собой частную форму логических проблем, связанных с необходимостью соотнесения универсальных теоретических категорий с многообразием опыта, подводимого под них. И в этом отношении закономерным является то, что в ходе развития юриспруденции происходит непрерывное развитие ее логико-категориального аппарата, связанное с необходимостью уточнения отдельных позиций и устранения возможной многозначности их трактовки. В этом смысле логика выступает не только в качестве одного из инструментов познания права и определения соотнесенности социальной практики с конкретными установлениями. Логика выступает в качестве основания, конституирующего систему языковых форм, выступающих средствами выражения текущей нормативной системы.

Отчасти обозначенная тенденция отражает классику соотношения научного познания и сферы явлений, адекватное отражение которых предполагает постепенную модификацию исходных теоретических оснований [4]. Однако в данном отношении необходимо обратить внимание на то, что в рамках формирования исчерпывающего описания правовых норм происходит не столько попытка отражения практики социальных отношений на уровне правового знания, сколько стремление к эффективному выражению идеальной сферы, при котором подведение отдельных явлений под общее правило может быть произведено с достаточной точностью. И, поскольку процесс трактовки отдельных явлений реализуется в зависимости от степени терминологической точности выражения правовых норм, становится очевидным, что формирование эффективной системы права требует выработки специального понятийного аппарата, характеризующегося точностью определения общих классов явлений.

Для любой сферы знания, обладающей внутренними механизмами развития, одним из закономерных явлений становится постепенное развитие специфической терминологической базы. И в этом отношении развитие сферы права мало чем отличается от других областей. Однако именно в этом кроется существенная проблема, связанная с необходимостью сохранения функциональности и универсальности нормативно-правовой базы.

Как уже было показано выше, для того, чтобы нормы права сохраняли свое предписывающее значение, необходимо, чтобы они оставались общедоступными [2]. Однако наличие развитого специального логико-категориального аппарата предполагает внедрение специальной лексики, способствующей достижению точности и однозначности в выражении смысла. Вместе с тем, чем выше степень нагруженности определенной области знания специальной терминологией, тем менее она становится доступной для неспециалистов. Это определяет одно из серьезнейших затруднений современной области права – проблему соотнесения языка права (как специальной терминологической базы) и общеупотребительного языка.

Рассмотрим возможные альтернативы в решении данного вопроса. Первое решение данной проблемы предполагает выражение правовых норм на уровне общеупотребительного языка, что способствует существенному повышению предписывающей роли юридических норм. Исторически данная форма выражения права является наиболее ранней в силу

того, что на начальных этапах развития общества еще не произошло выделение института права в специальную сферу, обладающую внутренними механизмами совершенствования и развития.

Первоначально основные законы формировались с использованием стандартных языковых средств, а разрешение возможных противоречий производилось посредством функциональной активности носителей судебной власти, обладающих конечным правом вынесения вердикта в тех или иных ситуациях. В результате неотъемлемым элементом судебной практики становилось принятие решений носителем судебной власти, что привносило момент субъективности в разрешение правовых конфликтов. Это связано с тем, что отсутствие однозначности в определениях основных законов сочеталось с необходимостью принятия решений в конкретных ситуациях, что фактически предполагало индивидуальный подход к каждому конкретному делу. И если на уровне одного носителя судебной власти могла иметь место сложившаяся практика принятия решений, основанная на опыте предыдущей юридической деятельности, то на уровне общества в целом, взятого на протяжении существенного исторического промежутка, имело место многообразие возможных форм разрешения правовых конфликтов одного типа.

В настоящее время теоретический подход, основанный на признании значимости общеупотребительной лексики в концептуальном выражении правовых норм, пользуется существенной популярностью в силу того, что он гарантирует не столько эффективность принятия решений в случае возникновения конфликтных ситуаций, сколько преодоление возможности возникновения правовых конфликтов, вызванных недостаточной юридической грамотностью населения. К числу существенных недостатков данного подхода относится то, что в рамках общеупотребительного языка зачастую имеет место многозначность языковых форм, в основе которой лежит размытость определений и «интуитивно понимаемый» характер отдельных категорий.

Отсутствие четких границ понятийной определенности приводит к ситуации, когда одно и то же явление может быть квалифицировано по-разному, в зависимости от исходных установок интерпретатора. В результате, как это является из проведенного исторического экскурса, следование правовым нормам приобретает ситуативный характер в зависимости от исходных целей социальной активности и установок

мировоззрения, определяющих способ трактовки конкретных нормативных предписаний.

Альтернативой рассмотренному выше варианту является выход правовой сферы на уровень специализированной терминологии, в рамках которой происходит формирование развернутой системы понятий и определений, исключающих многозначность трактовки и какую-либо вариативность в определении правового статуса конкретного явления.

Существенной проблемой в данном отношении является то, что формирование специального языка права предполагает переход правовой сферы из области общедоступного знания в сторону элитарного знания, являющегося достоянием малой части общества – носителей правовых функций, обладающих специальной профессиональной подготовкой в области юриспруденции. Соответственно, уже процесс следования правовым предписаниям предполагает ограниченность большинства членов общества в понимании своих прав и социальных ограничений.

Это является одной из причин широкого распространения коррупции: социальные услуги, осуществляемые независимо от характера транзакции между отдельными членами общества в силу своей правовой предписанности, ошибочно оцениваются в качестве «дополнительных», результатом чего становится либо ущемление прав граждан, либо их вынуждение к участию в неправомочных коррупционных схемах.

Третий вариант разрешения проблемы соотношения специализированных языковых форм и общеупотребительного языка в области выражения норм права предполагает объединение двух обозначенных выше принципов. В первую очередь следует обратить внимание, что данные варианты не являются в полной мере взаимоисключающими в силу того, что достижение точности может быть достигнуто не только посредством введения новых понятий, но также и посредством уточнения текущего понятийного аппарата. В результате, с одной стороны, сохраняется доступность для понимания большинства правовых положений, с другой – достигается точность в формулировках, приобретаемая за счет многочисленных уточнений и определений.

При этом степень адекватности восприятия членами общества текущей правовой сферы определяется уже не столько качеством их специальной юридической подготовки, сколько общим уровнем развития рефлексивных способностей и глубиной ознакомления с текущим

законодательством. К числу недостатков данного подхода можно отнести то, что в ходе последовательного уточнения значения отдельных понятий происходит их постепенная деформация, в результате которой происходит постепенное накопление различий между исходным значением слова и его трактовкой в рамках юридического контекста. В результате видимая «прозрачность» законов может на деле выступить причиной их невольного нарушения.

На данном этапе следует обратить внимание на то, что сфера права определяет не только область социальных отношений, которая требует ограничения и пресечения, но также и совокупность допустимых форм социального взаимодействия. В этом смысле на уровне социального сознания достаточно распространенной является редукция сферы права к системе запретов, ограничивающих допустимые формы социальной активности. Вместе с тем, помимо ограничивающей функции, право обладает также и предписывающей функцией, отражающей правильную форму протекания социального взаимодействия; кроме того, на уровне права имеет место выражение принципиальных возможностей членов общества, осуществление которых является как непосредственно закрепленным за ними, так и вписанным в общую систему социального взаимодействия. В этом смысле еще большую актуальность и значимость приобретает выработка эффективной знаковой системы для выражения основных принципов и норм взаимодействия между членами общества [5], поскольку незнание населением собственных возможностей и прав является одним из условий не только нарушения правовых норм, но и недостаточно эффективного обращения к конкретным функциональным сферам общества.

Рассмотренная выше проблема соотношения языка права и общеупотребительного языка, безусловно, имеет существенное методологическое значение, поскольку ясность и понятность правовых установлений представляет собой не только данность, но и результат законотворческой деятельности, которая может производиться с учетом основных требований к лексике формируемой правовой базы. Вместе с тем, следует обратить внимание и на то, что недостаточно эффективное ознакомление населения с текущей правовой базой не может быть объяснено исключительно за счет обращения к ее терминологической сложности. Эффективное функционирование института права в существенной мере зависит также от эффективности образовательной деятельности, на уровне которой производится ознакомление членов общества с основными сферами социальной жизни. В этом смысле поставленная выше проблема не должна решаться исключительно за счет упрощения знаковой системы, применяемой в рамках правовой деятельности [6].

Существенную роль в данном отношении играет также и эффективность информирования населения, что может быть осуществлено на уровне комплексной институциональной деятельности. Фактически речь идет о том, что обозначенная выше проблема имеет комплексный характер, в котором образовательная деятельность и формирование доступной для понимания большей части населения терминологической правовой базы представляют собой взаимодополняющие меры. По этой причине итоговый анализ проблемы должен производиться на комплексном уровне, с учетом возможных издержек и эффективности применяемых средств.

1. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

2. Голев Н.Д. Постановка проблем на стыке языка и права. URL: <http://lingvotech.com/golev-99a> (дата обращения: 07.09.2016).

3. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. М., 1998.

4. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.

5. Летучина Т.А. Институциональные характеристики судебного дискурса как разновидности дискурса юридического (на материале французского языка) // Вестн. МГЛУ. 2012. № 643 С. 74–82.

6. Юрлингвистика-9: Истина в языке и праве / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово; Барнаул, 2008.

1. Merton R. Social theory and social structure. Moscow, 2006.

2. Golev N.D. Statement of problems on a joint of language and the law. URL: <http://lingvotech.com/golev-99a> (date of access: 07.09.2016).

3. Parsons T. System of modern societies / transl. from English by L.A. Sedov and A.D. Kovalyov; ed. by M.S. Kovalyova. Moscow, 1998.

4. Lakatos I. Falsification and methodology of research programs. Moscow, 1995.

5. Letuchina T. A. Institutional characteristics of a judicial discourse as kinds of a discourse legal (on French material) // Bull. of. Moscow state linguistic university. 2012. № 643. P. 74–82.

6. Legal linguistics-9: The truth in language and the law / ed. by N.D. Golev. Kemerovo; Barnaul, 2008.

Уважаемые коллеги!

Отправка автором статьи в адрес редакции журнала с предложением опубликовать ее рассценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);

публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия, инициалы автора;

2) название источника;

3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;

4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);

5) год издания;

6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);

7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Образец оформления цитируемых источников

Книги

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

Статья в журнале, сборнике, газете

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 10.01.2017
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 25,8
Тираж 1050 экз. Заказ 560
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249